ВАДИМ ПАНОВ

ПОВОДЫРИ НА РАСПУТЬЕ

АНКЛАВЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Когда-то Москва была столицей великой страны, потом она стала Анклавом, одним из многих, теперь ее тайны могут спасти прижатый к стенке мир.

Мир, в котором властвует Цифра, нанотехнологии и генная инженерия позволяют добиваться невероятных результатов, а могущественные корпорации соперничают с одряхлевшими государствами. Мир, который отчаянно пытается найти дорогу в будущее.

Мир, в котором борьба за власть достигла апогея…

- Вадим Панов
  - Люди на Земле
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Эпилог
  - Словарь
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13

Вадим Панов
Поводыри на распутье

Люди на Земле
Гончий Пес

Ветер бил в лицо. Настоящий морской ветер, злой и колючий, похожий на беспощадную акулу с отточенными, холодными зубами. Его укусы превращали кожу в бесчувственный пергамент, на котором периодически, когда поток приносил с собой острые льдинки, появлялись кровавые письмена. Пилоты «водомерок» обязательно надевали пластиковые маски, но Петр всегда ограничивался шлемом и очками. Оставлял лицо открытым. Петру нравилась злость ершистого ветра, нравилось ощущать, как теряет чувствительность кожа и то, как потом, в тепле, она оживает, обиженно огрызаясь едкими уколами. Однажды Петр потерял осторожность и едва не обморозил щеки. Их спасла чудо-мазь Боцмана, старого служаки, заведующего техникой на водно-моторной станции ЦСКА.[1] Но даже этот случай не заставил Петра изменить себе. Он продолжал носиться по Финскому заливу без маски и возвращался на станцию с задубевшим лицом и свежими порезами – лобовое стекло «водомерки» слишком мало, чтобы уберечь пилота от миллиарда льдинок залива. Тем более – такого пилота.

– Я лечу! – Петр привстал в седле, подставив лицо встречному ветру. – Я лечу!!

И счастливо захохотал. И заложил крутой вираж, специально врезавшись левым крылом в довольно высокую волну. Добавил газу, взлетел над черной водой, на мгновение завис в воздухе и стрелой рванул дальше, в залив.

– Я лечу!!!

«Водомерки», одно из последних изобретений «Ямахи», весьма приглянулись любителям острых ощущений. Официальное и довольно длинное название машины, в котором присутствовало много ученых слов вроде «гидропланирование», «форсированный», «амфибийный», никто не помнил. В Америке и Европе ее называли универсальным скутером, в России же приклеили кличку «водомерка». Яхт-клубы Питера закупили огромное количество новых игрушек, и весь сезон столичный свет наперегонки носился по заливу. Петру, не имеющему родственников ни среди правительственных бонз, ни среди нефтяных баронов, летом удалось покататься всего пару раз. Мало, но вполне достаточно, чтобы навсегда влюбиться в эту машину. Зато осенью, когда детишки могущественных людей улетели в теплые края, а сами бонзы предпочитали сауны и бассейны с подогретой морской водой,

весь парк армейской станции оказался в распоряжении Петра. Вот тогда-то он по-настоящему оценил уникальные возможности «водомерок», которые с равным успехом могли мчаться и по воде, и по льду, даря пилоту незабываемые ощущения.

– Держись! – крикнул Петр непонятно кому: то ли себе, то ли машине. – Держись!!

Он разогнался до максимальной скорости, бессвязно проорал еще несколько слов, в основном ругательств, а затем стиснул зубы и напрягся, не сводя глаз с болтающегося на воде трамплина.

– А-а!!!

«Водомерка» взмыла в воздух. Мгновения полета, мгновения невесомости, мгновения упоения…

И брызги холодной воды в лицо. Черной воды залива.

Как всегда после прыжка, машина клюнула носом, но Петр уверенно вывел ее в нормальное положение, сбросил газ и посмотрел на приборную панель. Семьдесят два метра – новый рекорд!

И тридцатичетырехлетний Петр, опытный, циничный и жесткий мужчина, рассмеялся. Весело, как мальчишка.

На этот раз Петр катался два часа, на тридцать минут больше обычного. Уже завтра ему предстояло отправиться в длительную командировку, и он не мог заставить себя оторваться от «водомерки» и вернуться на берег. Поворачивал, пролетал несколько десятков метров и вновь уносился в залив, вновь штурмовал волны и прыгал через невысокие торосы. Но время неумолимо, и, когда показатель уровня топлива стал красным – бензина оставалось всего на десять минут, – Петр направил машину к станции. Выскочил на укатанный лед – солдаты срочной службы чистили его ежедневно, – сбросил скорость, и «водомерка» медленно заскользила к пирсу, на котором появилась приземистая фигура Боцмана.

Ожил закрепленный в шлеме передатчик.

– Как покатался?

– Отлично!

Но рукой Петр махнул вяло. Настроение, еще несколько минут назад блестящее, куда-то ушло, растворилось, уступив место неприятной, раздражающей тоске.

«Ну, уезжаю, ну, несколько месяцев вдали от моря, ну и что?»

Тоска родила еще менее понятное беспокойство, неуверенность в себе. «Водомерка» хоть и медленно, но накатывалась на пирс, пора было выключать двигатель и бросать Боцману линь, однако Петр не спешил.

– Заснул, что ли?

– Сейчас, сейчас…

Петр попытался скроить на задубевших губах подобие улыбки, снова махнул рукой, показывая, что все в порядке… и замер, увидев вышедшего на пирс человека.

Незнакомец был мал ростом, даже ниже, чем приземистый Боцман, узок в плечах и на первый взгляд выглядел совершенно безобидно. На первый взгляд. Или на неопытный взгляд. Но мягкая походка невысокого, плавная и в то же время быстрая, сказала Петру очень много – по пирсу двигался боец. Классный боец. Когда же незнакомец подошел ближе, последние сомнения рассеялись: темная одежда ловко подогнана и не стесняет движений, за спиной небольшой рюкзак, на лице – маска.

Петр так и не понял, что заставило его отложить линь. Он положил руки на руль и поинтересовался:

– Кто это?

– Где? – Боцман обернулся.

До пирса оставалось метров пять. Двигатель едва слышно урчал. А Петр… Петр разрывался между здравым смыслом, который ехидно и метко обрисовал ему идиотизм ситуации – чего запаниковал, мало ли кто приехал на станцию, и унылой тоской, что обрушилась на него несколько минут назад.

Просто тоска или предчувствие беды?

– Ты кто такой? – поинтересовался Боцман, смерив приближающегося незнакомца тяжелым взглядом. – Пропуск покажи.

Невысокий не ответил. Не остановился. Продолжал идти, как шел. И не сводил глаз с Петра. Петр не видел, не мог видеть этот взгляд, но готов был поклясться, что незнакомец смотрит прямо на него.

И надавил «малый назад». «Водомерка» сначала замерла, прекратив накатываться на пирс, а затем потихоньку стала сдавать к заливу.

– Язык проглотил?

Массивный Боцман преградил незнакомцу дорогу. На мгновение – всего на мгновение! – перекрыв Петру обзор. А затем послышалось громкое: «Ой!», и старик, перелетев через ограждение, ухнул на лед. Как кукла. Как ребенок. А ведь в нем весу килограмм сто двадцать! И силы еще оставались!

Больше Петр не сомневался.

Полный назад. Самый полный назад! Двигатель взревел, и «водомерка» резко отошла от пирса. Невысокого ситуация не смутила. Он резко ускорился, спрыгнул на лед и бросился за уходящей машиной. И еще незнакомец не поскальзывался, он бежал по льду, словно по идеальной дорожке олимпийского стадиона.

Он бежал к Петру.

«Что за псих?!»

Петр развернул «водомерку» и прибавил скорость. Посмотрим, как тебе понравится бежать за стремительно набирающей ход машиной, но… обернувшись, Петр увидел, что невысокий продолжает преследование.

Это было нереально. Нереально! «Водомерка» шла со скоростью пятьдесят километров в час!

Шестьдесят.

Невысокий не отставал.

Семьдесят!

Преследователя это не смутило.

Это было похоже на страшный сон. На кошмар.

У Петра задрожали губы.

«Что происходит?!»

Тоска уступила место страху. Невнятная тоска – липкому, животному страху. Невысокий пришел за ним. Нет никаких сомнений, что невысокий пришел за ним. Но почему?

Мысли путались, наскакивали одна на другую, рассыпались под натиском одной-единственной: «Он меня убьет!!». А вот инстинкты не подвели: Петр продолжал прибавлять скорость, надеясь, что рано или поздно ужасное преследование прекратится.

Сто километров в час! Сто! Сто!!

А дистанция между «водомеркой» и незнакомцем не изменяется! Или сокращается? Сокращается?!!

Обернувшийся Петр пропустил момент перехода на чистую воду, и неожиданный толчок едва не вышиб его из седла. Машина, оставляя за собой пенный след и тучу брызг, заскользила дальше, а пилот, едва переведя дух, снова обернулся: если бы невысокий продолжил бег и по воде, Петр сошел бы с ума. К счастью, незнакомец, несмотря на выдающиеся способности к легкой атлетике, нарушать физические законы не умел. Остановился у кромки.

– Съел, да? Съел?!

Отведя машину метров на пятьдесят, Петр сбросил скорость и развернулся. Инстинкт подсказывал: «Беги, беги как можно дальше!», но он не мог покинуть поле боя вот так, трусливо, не попытавшись разглядеть странного преследователя с безопасного расстояния.

– Обломался? – усмехнулся Петр. – Не достал? Урод!

Он вскинул руку и поприветствовал невысокого неприличным жестом.

И слишком поздно понял, что тот в свою очередь тоже сделал жест. Нет, не жест – движение. Плавное, отточенное движение.

Посланный нож вонзился именно в то место, в которое был направлен – в глаз Петра. А следом прилетела граната. Едва Петр упал с седла, как металлический шар, брошенный с невозможной точностью, разнес «водомерку» на куски.

Пролог

территория: Китайская Народная Республика

окрестности Пекина

хочешь договориться с тигром – готовься вилять хвостом

Бурные годы двадцать первого века не сильно изменили столицу Поднебесной. В деловом центре появился взвод новых небоскребов, преобразились некоторые государственные здания – министерства воздвигли современные комплексы, в паре районов выросли двух-трехуровневые улицы. Выросли, но не прижились и по всему городу не расползлись – не требовалось. Власти самого населенного государства мира жестко контролировали число жителей Пекина, не допуская превышения определенного давным-давно лимита. Пекин – не Шанхай и не Гонконг, это столица, город Императора, город Председателя, центр управления огромной державой, и поднебесники не собирались превращать его в мегаполис. Не желала меняться столица, лишь чуть-чуть прогибалась под новомодные архитектурные течения, сохраняя верность древним традициям. И подобное отношение к наследию предков грело душу миллиардам подданных Председателя, свято верящих в то, что только варвары способны плюнуть на свое прошлое.

Впрочем… так оно и есть на самом деле.

А потому самый значительный отпечаток век двадцать первый оставил не в городе, а за его пределами, километрах в десяти за чертой, где вырос суперсовременный транспортный узел имени Дэн Сяопина. С полосами, способными принимать и сверхзвуковые самолеты, и шаттлы с орбиты; с причалами для дирижаблей – высоченными башнями с грузовыми и пассажирскими площадками; с десятками подъездных путей: с автомобильными дорогами, веткой метро, монорельсом и железнодорожным вокзалом. Главные ворота китайской столицы ничем не отличались от лучших транспортных узлов Анклавов, а по некоторым параметрам даже превосходили их. И вот здесь не было места традициям.

Впрочем, оценить достоинства самого продвинутого района Пекина Урзак не успел. Да и не стал бы оценивать, если честно:

что он, гигантских вокзалов не видел, что ли? Видел. И не один раз. И никогда они не привлекали его внимания. Таращиться на чудеса современной техники – удел фермеров из тибетских провинций, прилипающих носами к стеклу при виде серебристых самолетов. А для городских жителей крылатые машины не диво – средство передвижения.

«Страт», прибывший в Пекин из Анклава Цюрих, проделал все предписанные маневры и остановился на указанном диспетчером месте. Пассажиры первого класса – других в самолете не было, ибо путешествие через стратосферу – удовольствие для состоятельных, чинно завозились, собираясь на выход, но куколки-стюардессы забегали, засуетились и попросили не спешить, несмотря на то что мобильный зал, которому предстояло перевезти господ к зданию аэровокзала, уже замер неподалеку от левого крыла. На вопросы «Почему?» отвечали вежливыми улыбками и таинственно поглядывали на Урзака. На высокого человека в черной одежде, идущего, тяжело опираясь на трость, по широкому проходу между сиденьями. Старомодный фасон костюма, старомодный галстук со старомодным узлом, старомодная деревянная трость с вырезанным в виде змеиной головы набалдашником. Во время полета на него не обращали внимания, зато теперь взгляды пассажиров не отрывались от сухопарой фигуры.

От человека, для которого к «страту» подали отдельный трап.

Урзак в гордом одиночестве вышел из самолета, несколько мгновений постоял на бетоне полосы, словно здороваясь с окружающим миром, и после этого уселся на заднее сиденье подкатившего к самым ступенькам трапа роскошного «Мерседеса Мао». Разумеется, ни о каком пограничном контроле, с проверкой «балалайки» и обязательным просвечиванием наноскопом, и речи не шло – он прибыл в страну по приглашению ЦК КПК, и этим все сказано. А продолжающие оставаться в самолете верхолазы прилипли к иллюминаторам, стараясь понять, что за шишка летела вместе с ними.

Но на их удивление Урзаку было плевать.

И на тех, кто его встречал, ему тоже было плевать.

А встречающие, в свою очередь, сразу же это поняли. Хорошие слуги чувствуют человека годами наработанным чутьем, определяют, с кем можно поговорить, с кем следует только поздороваться, а к кому лучше не лезть. К этому варвару приставать не следовало.

Распахнули заднюю дверцу лимузина, молча склонились в почтительном поклоне, а после отвезли к геликоптеру,

внутреннее убранство которого могло удовлетворить капризы любого верхолаза. Урзак спросил воды с лимоном, уселся в кресло у окна и до конца полета не отрывал взгляд от проносящегося под вертолетным пузом пейзажа. Сначала бездумно разглядывал бетонные коробки транспортного узла, затем сдавливающие его дороги, а после – раскинувшийся лес. Геликоптер уходил прочь от Пекина, в заповедную зону, в которой строили дома избранные чиновники Народной республики. Изредка среди деревьев проглядывали крыши роскошных вилл, но ни над одной из них вертолет не пролетел.

Минут через десять после исчезновения последней постройки геликоптер начал снижение, устремившись к небольшому одноэтажному домику, выстроенному в классическом китайском стиле. И вот тут Урзак впервые с момента прилета в Поднебесную сбросил маску безразличия. Он отставил бокал с водой, быстро, но ОЧЕНЬ внимательно оглядел строение, прикрыл глаза и…

Со стороны могло показаться, что Урзак молится. Или шепчет заклинание. Но о каких заклинаниях можно говорить в век нанотехнологий и космического туризма? С другой стороны, зачем ему молиться? Да и не производил он впечатление верующего человека. Тем не менее что-то шептал. Долго шептал, почти минуту, и закончил молитву-заклинание пассом левой рукой.

Но сопровождавший высокого гостя китаец отнесся к поведению гостя спокойно. Так, словно все значительные люди, которых ему доводилось привозить в этот глухой уголок, действовали точно так же. А значительных людей молчаливый сопровождающий повидал немало и помнил, что почти все они при виде скромного домика начинали нервничать. Нынешний же гость, как отметил китаец, просто проявлял разумную предосторожность. Страха в нем не было.

Совсем не было.

Покинув вертолет, Урзак медленно, нарочито тяжело опираясь на трость, направился к дому. Неспешное движение не только помогло ему показать хозяину, что он не торопится на встречу, но и оглядеться. И заметить маленький листок на кустике, едва заметно трепещущий при полном отсутствии ветра; камешек, поверхность которого пульсировала, словно живая; комарика, вьющегося чуть позади. Вьющегося, но не кусающего. Человек, искушенный в современных системах безопасности, сказал бы, что Урзак заметил заурядные датчики. В мире нанотехнологий не сложно создать подобные устройства. Но человек понимающий, человек, достигший в своем совершенстве уровня Урзака, видел глубже, и не укрылась бы от него истина: ни

в листке, ни в камушке, ни в моските нанов нет.

Их наполняла иная сила.

Внутрь дома Урзак прошел в одиночестве. Безошибочно обнаружил комнату, подготовленную для чайной церемонии, без приглашения опустился в кресло, поставив трость рядом, и спокойно посмотрел в глаза сидящего напротив старого китайца.

– Рад, что вы согласились встретиться со мной, уважаемый Урзак. Надеюсь, путь ваш не был слишком долгим?

– Я скоротал его размышлениями.

– Достойное времяпрепровождение.

Оспаривать это заявление путешественник не стал. Улыбнулся. И, продолжая светский разговор, сообщил:

– У вас хороший дом, уважаемый Ляо, надежный.

– Здесь бывают разные гости, – несколько неопределенно ответил старик.

По комнате разнесся аромат чая. Прислужников не было – хозяин сам ухаживал за гостем.

Урзак поднес к губам чашку тончайшего, едва ли не прозрачного фарфора. Сделал глоток.

– Я бы предпочел, чтобы меня называли Хасимом. Мое имя – Хасим Банум.

Китаец тонко улыбнулся:

– Оставьте его для шейхов. В отличие от них я знаю ваше имя.

– И все-таки, прошу вас – Хасим. Тем более настоящее мое имя неизвестно ни вам, ни шейхам.

– Вы осторожны.

– Не более вас.

Урзак протянул руку ладонью вверх, и на скрывающую кисть перчатку послушно уселся давешний москит. Замер, дернулся и рассыпался в щепотку пыли.

Поднебесник остался невозмутим.

– О чем вы хотели поговорить? – выдержав короткую паузу, поинтересовался Урзак.

– Как обычно – о врагах.

– О своих врагах?

– О наших общих врагах, – уточнил Ляо.

– Они у нас есть?

– Чудовище, – коротко ответил китаец.

Глаза Урзака и цветом, и холодом напоминали блеклый лед. Выдержать его взгляд получалось не у каждого, но Ляо, судя по всему, в твердости не уступал алмазу. С минуту в комнате царила тишина, а затем Урзак вновь пригубил чай и покачал головой:

– Вы шутите.

– Увы, уважаемый Хасим, не шучу.

– Чудовища не существует.

– Много лет назад вы уже говорили об этом.

– И повторю снова!

– Совсем недавно я видел его тень!

– Лично?

– На видео.

– Не доказательство, – покачал головой Банум. – С помощью современных средств можно нарисовать что угодно.

– Я уверен…

– Я был в Храме! – тихо, но очень твердо произнес Урзак. – Я. Был. И никто…

Внезапно он замолчал. Оборвал фразу на полуслове и перевел взгляд на скрытые под черными кожаными перчатками кисти рук. На одно, едва уловимое мгновение Урзак позволил эмоциям взять верх, и на его лице отразилось… сомнение? Внимательный Ляо успел увидеть странное выражение. И дорого бы дал, чтобы узнать, какая мысль пришла в голову гостя.

– Никто, – повторил Урзак.

Но в голосе его уже не было той уверенности, с какой он начал разговор. И фразу, оборванную на полуслове, он не продолжил.

– Никто.

– Мне доводилось встречаться с Чудовищем много лет назад, – мягко напомнил китаец.

– Ваш рассказ о том событии был краток и не вызывал доверия, – буркнул Урзак.

– В те годы мы не слишком доверяли друг другу.

– Теперь мы доверяем еще меньше.

– Это так. – Ляо согласно кивнул. – Но все усложнилось. Одному мне не справиться. И как бы вы, уважаемый Хасим, ни относились ко мне лично и к моей Традиции, вы понимаете, что должны помочь.

– Я никому ничего не должен, – угрюмо возразил Урзак. – Я рассчитался со всеми долгами задолго до твоего рождения, старик.

– Получается, что не со всеми.

– Пока ничего не получается, – отрезал Урзак. – Моя Традиция мертва. Последний ее Храм разрушен. – И быстрый взгляд на перчатки… – Я перебил Гончих Псов и умертвил Читающих Время. Умирая, они проклинали меня, если тебе интересна эта подробность, старик. Но их слова не имели силы, потому что я не осквернил Традицию, а сделал Выбор. Потому что другой путь вел во Тьму.

– Я верю вам, Хасим, – вздохнул Ляо. – Но совсем недавно я видел Гончего Пса, ставшего тенью Чудовища. А много лет назад видел само Чудовище. Потом оно исчезло, спряталось, но тень снова появилась. Я думаю, Чудовище рискнуло высунуться, поскольку что-то замыслило.

– Что? – не выдержал Банум.

– Если оно до сих пор живо, если не сошло с ума на развалинах последнего Храма, не покончило с собой, значит, оно видит Путь. Вот моя логика, уважаемый Хасим.

– Все, кто был в Последнем Храме, мертвы, – глухо проронил Урзак.

– А те, кто не был?

– В тот день там собрались все.

Но отсутствовала в голосе Банума стопроцентная убежденность. Отсутствовала. И Ляо, понявший, что сумел проломить стену недоверия, бросил в бой последний козырь:

– У меня есть руны, уважаемый Хасим, настоящие руны… Только не спрашивайте, где я их взял.

– И что?

– Возьмите. – Китаец выложил на столик несколько костяшек. – Возьмите.

– Если это проверка, то я готов подтвердить твою догадку: я не чувствую, – тихо произнес Урзак. – Но это не поможет тебе справиться со мной.

Правая рука гостя сжалась в кулак.

– Это не проверка, – так же негромко ответил китаец. – Но теперь я понимаю, почему вы не знали о появлении Чудовища. И окончательно убедился в том, что не ведете двойную игру. – Ляо осторожно взял руны в ладонь, выдержал короткую паузу и закончил: – Руны теплые. Они снова ожили.

На этот раз Урзак молчал долго. Вертел ручку трости, поворачивая ее то вправо, то влево, словно заставляя змею изучать окрестности, иногда беззвучно шептал что-то, словно споря с самим собой, иногда ненадолго закрывал глаза.

Китаец сидел не двигаясь, даже к чаю не прикасался, не мешал. Он догадывался, какую просьбу выскажет гость, покончив с размышлениями, и не ошибся.

– Я хочу услышать тот знаменитый рассказ, Ляо. – Урзак усмехнулся. – От начала и до конца. Со всеми подробностями. Со всеми нюансами. С результатами расследования, которое наверняка проводилось, и с твоими мыслями. Я хочу знать все.

Глава 1
Люди на Луне
Претендент

– Фамилия?!

– Безуглов!

«Чертов шум!»

В голове треск, вой – нагрузили на тренировке по полной, но тех, кто задает вопросы, это не волнует. Точнее, они потому и задают вопросы, что только что была изнуряющая…

– Звание?!

– Майор военно-космических сил Российской Федерации.

– Личный номер!

– Пять, девять, девять…

Отвечать надо быстро и четко. Очень быстро и очень четко. Быстро, как только возможно. При этом надо постараться не глотать звуки, не сбиваться на невнятицу. Отвечать по-строевому, показать, что все это ерунда… И ни в коем случае не перепутать цифры! Лучше ответить медленнее, зато правильно.

– …семь, четыре!

«Чертов шум!»

– Молодец, майор.

– Служу России!

И сразу же другой голос. Такой же резкий и пронзительный. Такой же требовательный. Только чуть выше, чем первый:

– Последовательность действий в случае нештатной ситуации номер восемь!

– Быстро! Быстро, майор!

И свет, внезапно ударивший в глаза. Мгновение назад в комнате царил приятный, расслабляющий полумрак, и вот уже в лицо бьют четыре лампы.

– Быстро! Быстро, майор!

«Что это за ситуация, черт бы ее драл? Номер восемь… номер восемь…»

– Первая операция. Левая рука. Переключение тумблера шесть-один в положение «выкл». – Рука Безуглова машинально дернулась: он уже сидел в кресле пилота и действовал так, как требовала изменившаяся обстановка. – Первая операция. Правая рука. Одновременное нажатие кнопок…

«Чертов шум!»

– Вы левша?

Пауза длиной в одно мгновение:

«Разве они не знают?»

– Так точно!

Свет погас так же неожиданно, как и вспыхнул. На мгновение Безуглов ослеп, перед глазами поплыли цветные пятна, а потому он не увидел – почувствовал – к нему подошли.

– Не удивляйтесь последнему вопросу, майор, я здесь недавно и еще не читал ваше досье.

«Да, конечно».

– Я сделал вывод по тому, что вы начали перечисление действий с левой руки. Я оказался прав.

Безуглов промолчал. Зрение постепенно восстановилось, и он сумел разглядеть говорящего.

Китаец. Впрочем, по голосу было понятно, что не свой: акцента характерного нет, но тональность чересчур высока. Стрижка короткая, лицо невозмутимое. Под распахнутым белым халатом – штатский костюм. Но и без погон видно, что шишка. По поведению. По манере говорить. По тому, как смотрит из-за стола полкан космических сил. Раболепно смотрит. Каждое слово ловит.

«Черт!!»

Только сейчас до Безуглова дошло, что вопросы ему задавал не какой-нибудь хмырь из яйцеголовых мелкозвездочников, а сам Усатый, руководитель программы подготовки.

– Можете расслабиться, майор, вопросов больше не будет.

«Так я тебе и поверил!»

Хотя… возможно, китаец сказал правду: шум в голове постепенно рассеивался, что делало экзамен менее продуктивным. Навыки должны быть отработаны до автоматизма, а потому теорию в отряде частенько сдавали после изнуряющих тренировок. Все верно. В критических обстоятельствах пилот обязан действовать идеально, машинально принимая правильные решения, невзирая на свое состояние и окружающую обстановку. Пилот обязан действовать как компьютер. Нет, лучше, чем компьютер. Компьютер способен ошибиться. Хороший пилот не ошибается никогда. Поэтому в космос летит человек, а не компьютер. Нет, конечно, электронная начинка в корабле самая современная, и ее тоже выводят на орбиту, но в конечном итоге все зависит от человека, и только от него.

– Вы ответили на все вопросы.

Безуглов промолчал. Не орать же в самом деле: «Служу России!»

– Вы единственный, кто не ошибся, – уточнил китаец.

И снова тишина.

– Почему вы молчите?

– Вы ни о чем меня не спрашивали.

– Я вас хвалил.

– Вы подтверждали мои профессиональные навыки.

Усатый пробурчал что-то, но тихо, под нос. И Безуглов окончательно понял, что полкан в комнате для мебели, чтобы не обижать союзников, так сказать, а принимает экзамен китаец.

– Каково это: быть лучшим среди претендентов?

– Непросто.

– У вас нет друзей.

– Нет времени на дружбу.

Китаец отвел взгляд. Сделал пару шагов.

– Я разговаривал с инструкторами. Вы действительно лучший их всех претендентов, майор Безуглов. Но никто из ваших учителей не хотел бы лететь с вами.

– Я знаю.

– Вот как?

– Я ни с кем не дружу, но это не значит, что я ни за кем не наблюдаю, – спокойно ответил Безуглов. – И я понимаю, почему они так относятся ко мне.

– Почему вас не любят?

– Потому что в случае нештатной ситуации номер один я сразу же перекрою разгерметизированные отсеки и не буду пытаться никого спасти. Я это знаю, и они это знают. Они боятся меня.

Китаец кивнул головой:

– Во время экзаменов все курсанты действовали строго по инструкции и перекрывали отсеки.

– Все хотят лететь.

– Да, вы правы, лететь хотят все. Поэтому мы тратим столько времени и сил, чтобы отобрать лучших из лучших.

Безуглов вновь промолчал. Китаец посмотрел на Усатого:

– Он всегда столь немногословен?

– Так точно. Молчун.

– Это плюс.

И вновь внимательный взгляд на майора. Но если поднебесник и хотел что-то прочитать на лице русского, то вряд ли ему это удалось – Безуглов умел оставаться невозмутимым.

– Три года назад на орбитальной станции «Мир-2» возникла нештатная ситуация номер один, – монотонно, словно читая лекцию, произнес китаец. – Три человека погибли. Расследование показало, что двух из них можно было спасти, если бы человек, принявший решение перекрыть поврежденные отсеки, выждал еще десять секунд. Тем не менее обвинение не было предъявлено,

поскольку пилот действовал строго по инструкции.

«Говоришь, не читал личное дело?»

– Три человека погибли, семнадцать спаслись, – спокойно ответил Безуглов. – Я ни о чем не жалею.

– С вами никто не хотел летать, майор, и вас направили сначала на курсы переподготовки, а затем сюда. Тоже своего рода курсы. И там, и здесь вы были лучшим. – Поднебесник помолчал. – Но ваша слава – ваш крест. Вас не любят ни начальники, ни сослуживцы.

– Вы тоже боитесь со мной лететь?

Полкан попытался рявкнуть что-то грубое, но китаец, которого не задело высказывание майора, жестом заставил его умолкнуть.

– Хотите сказать, что вы единственный профессионал?

– Я единственный, кто сможет долететь.

– Почему?

– Потому что я не остановлюсь ни перед чем, чтобы долететь.

– У вас нет выбора, – тонко улыбнулся поднебесник. – Или вы совершите подвиг, или… Если я вас не выберу, вас выгонят из военно-космических сил. Что вы сделаете в этом случае? Застрелитесь?

Ему было искренне интересно. Безуглов скривил уголок рта. А затем, жестко глядя прямо в глаза китайцу, ответил:

– Вы меня выберете.

– Почему?

– Потому что я лучше компьютера.

Усатый хмыкнул, а вот поднебеснику, как ни странно, заявление майора понравилось. Он в очередной раз кивнул:

– Меня зовут Фань Чи. Полковник Фань Чи. Я командир нашего экипажа.

Безуглов чуть приподнял брови и осторожно переспросил:

– Нашего?

– Я полечу на Луну с вами, – сказал китаец и протянул правую руку. – Давайте знакомиться, майор Безуглов.

* * *

анклав: Цюрих

территория: Альпийская Поляна

«Замок Ван Глоссинга»

чтобы найти черную кошку, иногда следует стать черной кошкой

Из всех существующих на Земле Анклавов Цюрих являлся самым маленьким – его население едва-едва перевалило за двадцать миллионов человек – и в то же время самым влиятельным. Именно здесь, в Швейцарской Жемчужине, размещались основные органы управления независимыми корпоративными территориями. Здесь собирался АСА – Административный Совет, занимающийся повседневными делами Анклавов. Здесь располагалась главная биржа независимых территорий, на которую равнялась вся мировая экономика. И здесь же находилась штаб-квартира СБА, центр могущественной структуры, стоящей на страже интересов корпораций.

Здание Службы размещалось в главном деловом районе Цюриха, в Альпийской Поляне, и носило гордое имя «Замок Ван Глоссинга», в честь первого президента СБА. Единственного, кто оставался на посту до самой смерти: старого Гельмута застрелил снайпер, нанятый Исламским Союзом, – в те романтические времена правительства государств еще надеялись вернуть корпорации под свое крыло простым уничтожением идеологов независимости. Не получилось. Ван Глоссинга похоронили, Анклавы встали на ноги, отношения и с Исламским Союзом, и с остальными государствами постепенно наладились, но охранять лидеров СБА стали весьма тщательно, в результате чего все последующие президенты уходили с поста живыми и здоровыми.

Другое дело, что покидать выборную должность после первых четырех лет никто из них не спешил, и каждый прилагал все силы, чтобы удержаться, доказать всемогущим верхолазам, что именно он способен обеспечить независимым Анклавам максимальную безопасность. У некоторых получалось, и они правили по два, а то и по три срока. Другие отправлялись в отставку через четыре года, а то и раньше. Ник Моратти, нынешний руководитель Службы, был уверен, что сумеет пойти на третий круг. Но для этого ему приходилось откладывать в сторону важнейшие дела и лично вести переговоры с многочисленными игроками.

– Вчера у Холодова был прием по случаю дня рождения внучки, и Базаревич…

– Это директор московского филиала «Боинга»? – уточнил Моратти.

– Совершенно верно, – спокойно ответил собеседник, ничуть не смутившись из-за того, что его перебили. – Так вот, Базаревич после третьего бокала проболтался, что его шеф будет голосовать за тебя, Ник, и ни за кого другого.

– Хорошая новость.

– Я тоже так думаю.

Ник Моратти, плотный, большеголовый, большелобый, с круглыми, чуть навыкате глазами и внушительных размеров носом, чуть улыбнулся.

Он был типичным функционером-карьеристом, грамотным, напористым, умным и хватким, и никто не удивился тому, что он сумел прорваться на вершину. Офицер СБА в третьем поколении, Ник поступил на Службу семи лет от роду – родители записали его в специальную школу, за которой последовал особый факультет Университета и направление в элитное подразделение СБА. Молодой офицер правильно женился, выбрав в спутницы жизни дочь одного из начальников, и в тридцать с небольшим уже руководил управлением в филиале СБА Франкфурт. Но не следует думать, что карьере Моратти способствовала исключительно мохнатая лапа. Корпорации, вкладывающие миллиарды в независимые территории, жестко требовали от СБА отдачи и не потерпели бы случайного человека на серьезной должности. Для бестолковых детишек, племянников, зятьков и прочих «своих», но непутевых ребят едва ли не официально предусматривались синекуры – бессмысленные отделы с неплохими окладами. Родственникам и землякам не давали умереть с голоду, но высоко не поднимали, не позволяя семейным связям портить отлаженный механизм. А бал в СБА правили умные, энергичные и жесткие. Такие, как Моратти.

Поработав во Франкфурте, Ник перешел в Цюрих, возглавив специальное оперативное управление, призванное решать боевые задачи в любой точке земного шара. И именно на этом посту Моратти совершил свой самый яркий подвиг: блестяще провел спасательную операцию в Иркутске. Ник лично занимался эвакуацией каперов во время Второго Восточного Кризиса, участвовал в боях с китайцами, а затем полгода провалялся в госпитале, лечась от ранения в грудь и последствий распыления реактала. После этих событий Моратти стал своим для нюхавших порох вояк, а поскольку связи с элитой СБА он не потерял, то дальнейший рост карьеры был, как говорится, делом техники. Через несколько лет Ник возглавил Франкфурт, получил опыт повседневного управления филиалом СБА, четыре года провел в заместителях президента, а затем возглавил Службу.

Опытному интригану удалось продержаться на вершине

восемь лет – два срока, и Моратти не без оснований рассчитывал сохранить кресло за собой и на следующие четыре года, однако недавние события поколебали его уверенность.

– Не могло получиться так, что Базаревич специально забрасывал удочку, чтобы вызвать тебя на откровенность? Или выведать настроения среди московских верхолазов?

– Не тот он человек. Энди отличный менеджер, но никакой разведчик.

Собеседником, с которым Моратти разговаривал по сети, был Максимилиан Кауфман, директор московского филиала СБА. Худощавый, даже сухой, лет шестидесяти на вид, в черном костюме, темно-синей рубашке спортивного покроя и черных кожаных перчатках, он выглядел… обыкновенным. Невыразительное лицо, серые волосы, голубые глаза, крючковатый нос. Переодень его, и получишь клерка, неотличимого от тысяч других, что вливаются по утрам в небоскребы корпораций. И репутация у Кауфмана под стать: ограниченный служака, способностей которого хватало лишь на грамотное исполнение полученных из центра приказов. Таким видели Максимилиана обыватели, таким его видели верхолазы, таким, до недавнего времени, его видел Моратти. И лишь несколько месяцев назад Ник понял, как сильно ошибался. Прикрываясь репутацией солдафона, Кауфман сумел превратить московский филиал СБА в неподконтрольную Цюриху систему, с целью… А вот тут у Моратти зиял пробел. Он не знал, для чего московскому директору потребовалось прятаться от центра, однако был полон решимости выяснить это. И по возможности скорее, до выборов, ибо чувствовал старый интриган угрозу. Чувствовал и собирался драться.

– Ладно, до выборов еще есть время. – Моратти дружески улыбнулся. – Макс, хочу поздравить тебя с успехом в борьбе с Консорциумом. Столь крупную партию «синдина» СБА давно не перехватывала.

– Мы хорошо поработали, – признал Кауфман.

– Не скромничай – великолепно поработали. В последнее время тебе сопутствуют сплошные удачи.

– Пытаюсь оправдаться за прокол с Фадеевым, – попытался отшутиться Максимилиан.

Или не отшутиться? Или нарочно напомнил о самом большом провале Службы за последние десять лет? Моратти немедленно посерьезнел:

– Новых фактов в расследовании не появилось?

– Увы. Но мы продолжаем копать.

– Я надеюсь на тебя, Макс, крепко надеюсь. Если до

конференции появятся хоть какие-нибудь проблески, мой отчет верхолазам станет менее унылым.

– Пятно лежит на нас обоих, – вздохнул Кауфман. – Мне бы тоже хотелось почистить мундир.

– Вонючий ублюдок, – выругался Моратти, выключив коммуникатор. – Скотина!

– Наши подозрения оправдались?

– А ты так не считаешь?

– Я хотел услышать ваше мнение, патрон.

Единственным человеком, который присутствовал при разговоре президента СБА и директора московского филиала, был Стефан Дрогас, официально являющийся одним из десятка советников Моратти, а на деле – ближайшим его помощником. Квалификация Дрогаса позволяла ему претендовать на пост начальника специального оперативного управления – его боевому опыту и таланту мог позавидовать любой служака, но Стефан предпочел роль серого кардинала, человека, улаживающего щекотливые дела президента.

Стефан расположился с другой стороны стола, так, чтобы не попасть под камеры коммуникатора, и заговорил лишь после того, как Ник отключил связь.

– Я не верю Мертвому, – после короткой паузы произнес Моратти, назвав Кауфмана его кличкой. – Двадцать лет он искусно водил всех за нос, прикидывался исполнительным дуболомом, а сам прибирал к рукам Анклав. В настоящее время Москва вышла из-под контроля Цюриха. Я не имею там власти… – Снова пауза. – Нет, не так: СБА не имеет там власти.

– Если мы сообщим об этом, признаем, что выпустили ситуацию из-под контроля, верхолазы потребуют отставки Кауфмана и добьются ее, – негромко произнес Дрогас. – Но и нам не удержаться. Корпорации такой вопиющий прокол не простят.

– Ты думаешь, я этого не понимаю?

– Извините, патрон, я размышлял вслух. – Стефан побарабанил пальцами по столешнице. – У нас есть компромат на Кауфмана?

– Увы.

Святых среди директоров СБА не водилось – слишком много возможностей предоставляла высокая должность. Директора присваивали выделенные филиалам средства, оказывали незаконные услуги верхолазам, обкладывали данью работающие в Анклавах фирмы: мало, что ли, способов поднять с земли лишнюю копеечку? Зарывались директора редко, корпорации скорее мирились с этим злом, чем боролись, но если президент

вытаскивал на свет грязные делишки неугодного подчиненного, тот всегда отправлялся в отставку.

А вот на Кауфмана у Моратти компромата не было. Никакого.

– Его родители давно умерли, детей нет, жены нет, любовницы постоянно меняются. Акций нет, на личном счету только накопления, складывающиеся из официальной зарплаты.

– Неправедные сбережения на открытых счетах не хранят.

– Тем не менее служба собственной безопасности за все эти годы ничего не накопала. Даже Чинча оказался бессилен, а уж какой был профессионал.

– В таком случае выход у нас один: бороться с Мертвым его же методами, – подытожил Дрогас.

– Тайными операциями?

– Совершенно верно. Мы должны продемонстрировать, что Кауфман не соответствует занимаемой должности. В этом случае поддержка со стороны москвичей станет выглядеть подозрительно, и они его сдадут.

Моратти потер лоб.

Предложение Дрогаса было не лишено смысла. Если провести несколько громких акций, вызвать народное ворчание и неудовольствие верхолазов, то Мертвого можно убрать еще до выборов: ну, не справился директор с должностью, перестал отвечать высоким требованиям, размяк, постарел, с кем не случается? Почетная пенсия, красивый дом в заповедном уголке, ловля форели, а через пару месяцев или внезапный инфаркт, или несчастный случай. Кому интересны отставники? Однако существовали на этом пути и подводные камни. Моратти, опытнейший интриган, поднаторевший в бюрократических играх и подковерной борьбе, опасался выходить на поле, на котором Кауфман уже продемонстрировал блестящие способности. Бороться в тайных операциях с гением тайных операций? Полагаться только на Дрогаса? Трудно решиться. Впрочем, атаковать проще, чем обороняться, а другого выхода, судя по всему, нет.

Стефан не мешал президенту размышлять и лишь после того, как взгляд Ника вновь сфокусировался на нем, спросил:

– Кауфман может выставить свою кандидатуру на пост президента?

– Исключено, – махнул рукой Моратти. – Мертвый прекрасно понимает, что его уважают, но не любят. А верхолазы и вовсе считают солдафоном. Репутация играет против него, так что сам Кауфман на выборы не пойдет. Но обязательно выставит кого-то из своих.

– Кого?

– У него не так много друзей, – протянул Ник. – Скорее всего, это будет Игнасио де ла Крус из Анклава Рио. Но и у него нет шансов.

– Вы с Макферсоном порвете любого, – кивнул Дрогас.

– Именно.

Моратти был слишком хитер, чтобы идти на выборы в лоб, без подспорья. На роль «пристяжного» – заведомо слабого кандидата, нужного для обеспечения «демократичности», «альтернативы» и отбора голосов у настоящих конкурентов, – Ник выбрал Шона Макферсона, директора эдинбургского филиала СБА. Человеком Шон был авторитетным, но не очень известным, к тому же в истории с Фадеевым он тоже замазался, так что придавить его, в случае необходимости, не составит труда. Переговоры с Макферсоном прошли спокойно, Шон согласился поиграть в выборы в обмен на гарантии сохранения должности, так что к конференции Моратти шел во всеоружии.

Если бы не проблема Мертвого.

– От Кауфмана можно ждать любых неприятностей, – проворчал Ник.

– Именно поэтому вопрос нужно решить до конференции. Он знает, что мы готовимся к выборам, и не ждет удара. Он считает, что мы слишком заняты борьбой за власть, а его оставим на потом, так что самое время атаковать.

– Каким образом?

– Для начала неплохо было бы привлечь к проблемам Москвы общественное внимание, – прищурился Дрогас. – Скажем, небольшой бунт. Пусть граждане немножко поубивают друг друга.

– Он разделается с беспорядками в часы.

– Правильно. Но ведь нас интересует не результат, а процесс. Вот уже год в Анклавах относительно тихо. Почему? Потому что директора филиалов послушно исполняют указания из Цюриха. А Мертвый, известный самодур и солдафон, не соответствует эпохе и вообще реликт. Пусть у него случится хотя бы одна драка – мы растрезвоним на весь мир, что знаменитый мясник вновь довел жителей до беспорядков.

– Одной дракой не обойтись, – заметил Ник, постепенно проникаясь замыслом помощника.

– Это я образно.

– Ты уже знаешь, кто пойдет на улицы?

– Я внимательно слежу за московской жизнью.

– И не только следишь?

– Разумеется, не только, – улыбнулся Стефан. – Наработки есть. Скажу откровенно: каша там заваривается и без меня, но

ускорить и усилить ситуацию я в состоянии.

– Езжай, – решил Моратти. – Ускоряй и усиливай.

* * *

анклав: Москва

территория: Сити

«Пирамидом»

нет ничего хуже, чем оборонять крепости

– Он мне не доверяет, – буркнул Мертвый, выключая коммуникатор.

– В его положении это естественно, доктор Кауфман. – Мишенька позволил себе усмешку. – Господин Моратти не доверяет никому и от всех ждет подвоха.

В свое время сотрудники московского СБА дружно недоумевали, почему директор приблизил к себе именно Щеглова, парня не без способностей, но молодого, чуть за тридцать, и не имеющего большого опыта работы. Злые языки болтали, что Мертвый оригинальничает в своем духе: остальные директора тянут наверх личных шоферов, а он личного палача – Мишенька был первоклассным дознавателем и гарантированно раскалывал любого клиента. Однако и месяца не прошло, как разговорчики поутихли: в двух сложнейших делах Щеглов доказал свой профессионализм, а отсутствие опыта компенсировал умом, блестящими аналитическими способностями и феноменальным чутьем. С тех пор никого не удивляло, что в отсутствие Кауфмана филиалом руководил не кто-то из заместителей, а скромный и молодой начальник Управления дознаний.

– В преддверии выборов президенты становятся тревожными. – Квадратные стекла стильных очков блеснули, но спрятавшиеся за ними серые глаза остались безразличными.

– Я имел в виду другое, – буркнул Кауфман. – Моратти прекрасно знает, что московские корпорации не поддержат его на выборах – мы никогда за него не голосовали. Хотя всегда обещали… Но у меня осталось странное ощущение…

– Он нам не верит. – Теперь и Мишенька говорил о другом.

– Да, – кивнул Мертвый. – Моратти укрепился в своих подозрениях.

– Это все Чинча, – подал голос третий человек, присутствующий в кабинете. Грегуар Слоновски, начальник отдела прямых переговоров. – Наверняка он слил Моратти больше информации, чем мы думаем.

– Не согласен, – качнул головой Щеглов. – Чинча начал собственную партию и не сомневался, что сумеет ее сыграть. Топить нас ему было ни к чему.

Основной задачей Эдди Чинчи, заместителя Кауфмана и одновременно начальника службы собственной безопасности, было удержание Мертвого на коротком поводке. Такие люди, назначаемые лично президентом СБА, работают во всех Анклавах, и большинство директоров научились с ними дружить или держать на расстоянии. На какое-то время Кауфман нейтрализовал неудобного зама, однако во время проблем, связанных с похищением Петры Кронцл и взломом внутренней сети легендарным ломщиком Чайкой, Эдди удалось заглянуть в московские дела слишком глубоко, и его пришлось убрать. Что и вызвало справедливые подозрения Моратти.

– О том, что Чинча решил предать Моратти, мы знаем только с его слов, – парировал Грег. – Эдди мог блефовать, чтобы вывести шефа на откровенный разговор.

Слоновски любил решения простые и ясные. Был он оперативником от бога, способным спланировать и провести боевую операцию любой сложности, однако, как с традиционным для себя безразличием выразился однажды Мишенька: «Грегуару не хватает интеллектуальной гибкости». Мертвый позвал Слоновски на совещание только для того, чтобы в очередной раз продемонстрировать полнейшее свое доверие: без таких жестов здоровяк начинал грустить.

– Вряд ли Чинча рассказал Моратти больше, чем мы думаем, – мягко произнес Кауфман. – Но его смерть сказала остальное: Ник понял, что мы враги. И теперь он не остановится, пока не добьет меня.

– То есть, если Моратти победит на выборах, для нас наступят сложные времена?

Мертвый и Мишенька переглянулись.

– Я уверен, Ник постарается ударить до конференции, – произнес Щеглов. – Месяц – это очень много.

– Согласен, – поддержал Мишеньку Кауфман. – Нанести удар именно сейчас, до выборов, это красиво и правильно. И мы должны подумать, куда он будет направлен.

– Он или они? – уточнил Щеглов.

– Опять согласен. Ник не тот человек, чтобы играть по мелочи. Он будет атаковать широким фронтом.

Мертвый взлохматил волосы. Он не любил защищаться, не любил отдавать противнику инициативу. Натиск, напор, игра на опережение – вот основные козыри директора московского филиала СБА. Пока же обстоятельства складывались так, что приходилось вычислять действия противника и по возможности нейтрализовать их.

– Первое, что он сделает, – пришлет в Москву комиссию.

– Нет, – качнул головой Мишенька, – не пришлет. Вы пообещали ему поддержку, доктор Кауфман, и Ник не станет злить вас столь очевидным образом.

– Лишние соглядатаи свяжут нам руки. А задачу им поставят простую: докопаться до наших финансовых нарушений. Найдет хоть что-нибудь – снимет меня мгновенно, на вполне законных основаниях.

Слоновски засопел, но промолчал. Грег не представлял, что московским филиалом СБА может руководить не Мертвый.

– С нашим финансированием они никогда не разберутся, – улыбнулся Мишенька. – И вам это прекрасно известно, доктор Кауфман.

Некоторые подразделения московского СБА тратили гораздо больше средств, чем проходило по отчетам. Например, отдел прямых переговоров, личная гвардия Кауфмана, на девяносто девять процентов финансировался корпорацией «Науком». В противном случае в Цюрихе давно бы задались вопросом: почему подразделение, занимающееся надзором за соблюдением законодательной базы при составлении контрактов и прочих деловых бумаг с поставщиками филиала СБА и относящееся к бухгалтерии, расходует столь грандиозные средства. Само существование отдела с идиотским названием и идиотской задачей подозрений не вызвало, он считался синекурой для родственников и любовниц сильных мира сего. Но Мертвый распихал шушеру по разным подразделениям, а в бухгалтерии спрятал преданных себе волков. Прикрытием схемы занимались люди, рекомендованные лично Геннадием Старовичем, главным финансистом «Науком», а его спецы в своем деле были не меньшими виртуозами, чем оперативники Кауфмана в своем.

– Но Моратти об этом не знает, – улыбнулся Мертвый. – И может попытаться еще раз продолбить стену.

– Допустим, у нас под ногами начнет путаться комиссия, – вздохнул Щеглов. – Но этого крайне мало.

– Он устроит нам еще какую-нибудь гадость, – подал голос Слоновски. – Например, серьезные беспорядки на территориях.

– Беспорядки случаются и сами по себе.

– Моратти способен их подогреть.

Мертвый прищурился:

– А у нас, насколько я помню, назревают проблемы в Аравии.

– Я докладывал, – кивнул Грег. – Арабы грызутся с Кришной.

– Было бы неплохо взять эмиссаров Моратти. Если они существуют, конечно.

– Пока у меня нет сведений о них, – признал Слоновски. – Но я постараюсь разнюхать.

– А потушить конфликт нельзя? – спросил Мишенька. – Пусть дерутся после выборов.

– Гнойник назревает слишком давно, так что…

– А вот отдел профилактики оценивает уровень напряженности между Аравией и Кришной как критический, но еще не опасный, – припомнил Мертвый.

– Очковтиратели, – уверенно заявил Грег. – Напряженности там достаточно. Сегодня ночью опять была драка между молодняком. Сожгли пару мобилей. Бунт вспыхнет, гарантирую.

– В таком случае готовься, – приказал Кауфман. – Конфликт надо будет погасить максимально быстро и по возможности без лишних жертв.

– Понял.

– Задача номер два: увязать беспорядки с Моратти. Если докажем, что бунт спровоцировали люди президента, поставим ему мат в два хода. – Мертвый перевел взгляд на Мишеньку: – Для тебя тоже есть дело.

– Я слушаю, доктор Кауфман.

Щеглов прекрасно понимал, что старый волк не удержится от ответного удара. Оборона обороной, но глупо ограничивать свои действия лишь защитой крепостных стен.

– У меня есть интересная мысль насчет выборов…

* * *

анклав: Цюрих

территория: Альпийская Поляна

«Замок Ван Глоссинга»

игру мы задумываем сами, а вот игроков, бывает, подкидывает случай

Как и любой здравомыслящий человек, Моратти не доверял малознакомым людям. В делах тонких, опасных доскональное знание возможностей подчиненного значит подчас больше, чем все остальное, вместе взятое. Любой, даже самый замечательный план держится на исполнителях, на людях, на пресловутом человеческом факторе. Ошибешься с назначенцем – останешься у разбитого корыта.

Свою команду Ник собирал с тех самых пор, как поступил на Службу. Удерживал рядом старых, еще со спецшколы и Университета, друзей, привечал новых, молодых и дерзких, вроде Дрогаса, изучал их вдоль и поперек и доверял, насколько это возможно в его положении. Но случалось, приходилось президенту привлекать и варягов. На деле Петры Кронцл, похищенной в Москве внучке Романа Фадеева, команда Моратти сломала зубы. Предпринятые ими усилия не дали результата, девчонка не нашлась, а самое главное, не удалось связать ее исчезновение с Кауфманом, не получилось доказать, что именно директор московского СБА организовал крупнейшую в истории Анклавов аферу, позволившую москвичам из «Науком» взять под контроль влиятельную «Фадеев Групп». Не сумев сразу докопаться до истины, Моратти решил отступить, переждать, полагая, что после того как Кауфман выйдет из игры, все рано или поздно раскроется, а вот китайцы, так же оставшиеся в той истории с носом, не успокоились. Снова лезть в пасть к Мертвому они не желали, зато порекомендовали человека, способного, по их мнению, сделать то, что оказалось не под силу людям Моратти.

– Меня зовут Хасим Банум.

– Ник Моратти.

– Очень приятно.

– Мне тоже.

Мужчины пожали друг другу руки, и Ник поймал себя на мысли, что впервые чувствует по-настоящему «стальной» захват. Китайцы предупредили, что под черными кожаными перчатками гостя скрываются протезы.

«Почему, интересно, он не трансплантировал себе новые руки?»

– Знакомые из Пекина убедили меня заняться вашей проблемой, – негромко произнес Хасим, присаживаясь в кресло. – Мне нравятся сложные задачи.

Все, кто впервые оказывался в кабинете Ника, считали своим долгом похвалить обстановку. В свое время Моратти не поскупился, привлек к работе лучших дизайнеров, и теперь рабочее помещение, выполненное в стиле неоготического

классицизма, появившегося во второй трети двадцать первого века, заслуженно вызывало восхищение посетителей. Урзак хозяину кабинета льстить не собирался.

– Опасные задачи, – уточнил Моратти.

– Тем лучше.

– Вы знаете, что предстоит делать?

– В общих чертах. Знакомые сказали, что есть шанс оказать услугу президенту СБА. Для меня это не менее важно, чем любовь к сложным задачам.

Изначально Урзак планировал действовать в одиночку, однако Ляо убедил его встретиться с Моратти и воспользоваться поддержкой президента. Обдумав предложение, Урзак согласился. К тому же он был не прочь выяснить, что связывает китайца с главой всесильной СБА. Банум понял, что спокойные времена заканчиваются, тихий домик в европейской глуши, в котором он провел последние тридцать лет, придется оставить, и следует посмотреть, кто нынче бегает по сцене.

«Интересно, ты уже продался Ляо с потрохами или еще надеешься сыграть со стариком по своим правилам?»

А Моратти тем временем ощутил давно забытое беспокойство, которое появляется при встрече с более сильным человеком. Не настороженность, а именно беспокойство, потому что подсознательно ты уже понял, что сидящий напротив мужчина сильнее. Во всех смыслах сильнее: и духом, и телом. Ник редко ошибался в людях и понимал, что перед ним глыба. Глыбища!

«Что же ты за птица?»

Ответ на этот вопрос президент СБА не знал. Не было у его людей толковой информации на Хасима Банума. Родился, учился, жил на полученное наследство, пределы Исламского Союза покидал крайне редко. И все. Осталось только добавить искреннее уважение, сквозившее в голосе генерала Ляо, когда он говорил о Бануме, – деталь, ясно показывающая, что собранная о Хасиме информация не стоит и выеденного яйца.

В детстве, в результате несчастного случая, Банум потерял обе кисти и теперь носит под перчатками искусные, выполненные по индивидуальному заказу протезы. Чудо инженерной мысли управлялось с помощью нейроподключений, аналогичных тем, что требовала для своей работы «балалайка», а потому в затылке Хасима сидело значительно больше железа, чем у обычного человека.

«Почему же ты отказался от трансплантатов?»

Тогда же, в детстве, если верить досье, Банум повредил ногу и теперь постоянно ходил с тростью. В настоящий момент

старомодная деревянная палка, ручка которой была вырезана в виде змеиной головы, стояла, прислоненная к президентскому столу. Однако, как успел заметить Ник, при ходьбе Хасим не хромал.

– Что именно мне предстоит сделать в Москве?

– Отыскать Петру Кронцл, внучку Романа Фадеева, владельца… бывшего владельца «Фадеев Групп».

– Он умер?

– Да. Покончил с собой… отправившись на поиски Петры.

– Девушка была важна для него?

– Единственная наследница.

– Понятно. – Банум помолчал. – Чем она интересна вам?

– Я уверен, что к ее похищению причастен Мертвый… в смысле директор московского филиала СБА Максимилиан Кауфман. Мне нужны доказательства.

– Понятно. – И вновь пауза. И вновь тяжелый взгляд глаз цвета блеклого льда. – Но почему Петра Кронцл столь важна для вас, господин президент?

– Разве генерал Ляо не ввел вас в курс дела?

– Я бы хотел услышать подробности из ваших уст.

Урзак, ошарашенный рассказом старого китайца и представленными доказательствами существования Чудовища, не уделил этому аспекту дела должного внимания. В Пекине его ум занимали совсем иные вещи, однако теперь он хотел понять все нюансы дела.

– Петра не совсем исчезла, – медленно ответил Ник. – Опекунский совет, который согласно завещанию Романа Фадеева нынче возглавляет президент «Науком» Холодов, уверяет, что девушка жива, а значит, менее чем через три года она станет полноправной владелицей «Фадеев Групп». Ее прячут.

– И вы хотите ее получить?

– Да.

– Зачем?

– «Фадеев Групп» – мощный инструмент в руках москвичей. Подозреваю, что с его помощью они пытаются создать нечто вроде суперкорпорации: объединить в один кулак как можно больше компаний и установить контроль над изрядной долей мировой экономики.

– Что противоречит Положению об Анклавах.

– Верно. Их действия способны вызвать непредсказуемую реакцию государств.

– Но они это тоже понимают, – тонко улыбнулся Урзак. – И тем не менее рискуют. Почему?

– Некоторые люди считают, что москвичам удалось получить

новый вид энергии.

– Вот это уже теплее, – едва слышно пробормотал Урзак.

– Однако никаких доказательств нет, – поспешил добавить Моратти.

– Но вы верите?

– Обмануть Романа Фадеева было практически нереально, – поколебавшись, ответил президент. – А он попал в мышеловку. Значит, ему показали настоящий сыр. – И твердо закончил: – Я – верю.

– И Ляо, судя по всему, верит. А это уже много. – Урзак взял трость и несколько мгновений вертел ее в руке. – Скажите, Ник, если подозрения насчет энергии подтвердятся… какие действия вы предпримете?

Вопрос, мягко говоря, выходил за рамки компетенции человека, нанимаемого для поиска пропавшей девушки. Однако Моратти кожей понял, что ответить придется. Не частный детектив сидел перед ним, не умелый сыщик. Игрок. Вот оно, правильное слово.

– Если вас интересует, работаю ли я на китайцев, – хрипло проговорил Ник, – то нет – не работаю. Если же вы спрашиваете, поделюсь ли я с ними информацией об энергии, то да – поделюсь. И с другими государствами поделюсь, ибо в противном случае нас ждет большая война.

– Она ждет нас в любом случае, – негромко заметил Урзак.

Новая энергия. Открытие, способное перевернуть жизнь на планете и дать новый толчок цивилизации. Подходящий проект для Чудовища…

– Не я выпустил джинна из бутылки.

– Тут вы правы. – Банум решительным жестом отставил трость. – Давайте вернемся к девочке. Вы не предполагали, что ее могли вывезти из Москвы? Спрятали в золотой клетке на каком-нибудь острове, исполняют все ее прихоти и отучают думать? Если она не проявит должного уровня знаний, Опекунский совет вправе поставить вопрос об отстранении Петры от непосредственного руководства корпорацией.

– Я знаю Мертвого – он не отпустит девчонку далеко от себя. Не тот человек. Ему удалось меня обмануть, показаться глупее, чем он есть на самом деле, но сущность свою он не переделает. Девчонка где-то рядом с ним, и он постоянно держит ее в поле зрения.

– А если она сидит в подвале «Пирамидома»?

– Если Петра не объявится в день своего совершеннолетия, «Фадеев Групп» будет продана по частям. Москвичам это не нужно. Но и власть они ей вернут только в том случае, если будут

уверены в лояльности. Вывод: в течение ближайших трех лет Мертвый сделает все, чтобы заслужить доверие Петры и убедить ее, что он не имеет никакого отношения к смерти Романа Фадеева. – Моратти помолчал. – Я уверен, что Петра растет на свободе. Ее спрятали. Ей дали новое имя, новую биографию, возможно – новое лицо. Но она свободна.

– В таком случае я не понимаю, почему вы, человек, обладающий неограниченными возможностями, не смогли ее отыскать?

А вот отвечать на этот вопрос Нику было немного стыдно. Лысый игрок с железными руками интересовался, почему сдалась лучшая полицейская служба мира.

– Во-первых, мы проводили расследование по горячим следам, сразу после смерти Фадеева, тогда ее могли спрятать, на время вывезти из Анклава. А во-вторых… получилось так, что у нас нет достоверных образцов. Все данные о Петре: отпечатки пальцев, отпечатки сетчатки глаза, образцы ДНК, которые мы раздобыли из разных источников, неидентичны. Такая же ситуация с образцами ДНК Романа Фадеева и родителей Петры. А других родственников у нее нет. Мертвый провел колоссальную работу и сделал все, чтобы мы не смогли найти девушку.

– В таком случае как же они докажут, что Петра это Петра, когда решат представить ее Опекунскому совету?

– Думаю, они предусмотрели доказательства.

Урзак помолчал.

– Но вы уверены, что девушка в Москве?

– Уверен.

Урзак покачал головой.

Порядок, установившийся на Земле после Нефтяного Голода и создания Анклавов, доживал последние дни. Сколько этих дней будет, в какое количество лет они сложатся – неважно, не так уж много в историческом масштабе. И ключевой фигурой в проявляющихся контурах грядущего мироустройства становилась юная девушка, спрятанная в Анклаве Москва. Интересно, весьма интересно… Урзак прищурил глаза и очень жестко произнес:

– Я ее найду.

* * *

анклав: Москва

западный сектор МКАД

сухо и солнечно

не следует набиваться в друзья к тем, кто этому противится

– Пэт, помедленнее!

– Мы едва плетемся!

– Пэт! Пожалуйста!!

Мотоцикл вильнул вправо, проскочил перед бампером приземистого мобиля, вызвав пронзительный рев клаксона, плюнул выхлопом в тонированное стекло дорогой игрушки и умчался, оставив мобиль далеко позади. Оскорбленный водитель только выругался вслед безбашенному мотоциклисту. Ничего другого не оставалось – модифицированному электромотору, стоящему на вычурном купе, не дано соперничать с двигателем внутреннего сгорания. А уж догнать «Судзуки Плутон», самый мощный мотоцикл современности, под силу лишь нескольким моделям настоящих спортивных авто.

– Пэт, так нельзя! – завизжала Матильда. Звук в шлеме был снижен до минимума, но голос подруги все равно прозвучал громко – она ОРАЛА. – Ты нас убьешь!

– Ерунда!

– Пэт, я обижусь!

– Не обижайся! Еще чуть-чуть, и все! Обещаю!!

А на спидометре двести десять.

– Патриция! Я тебя ненавижу!

«Трусиха! Почему она такая трусиха?»

Маневрируя на скорости двести по третьему уровню МКАД, думать о посторонних вещах не рекомендуется. Даже если ты опытный гонщик. Даже если «балалайка» подключена к психоприводу мотоцикла. Но Пэт не отказала себе в удовольствии припечатать:

«Матильда – трусливая дура!»

Высокомерно подумала, с осознанием собственного превосходства, едва ли не с презрением.

А тем временем – долгожданный свободный участок. Задних бамперов в левом ряду не наблюдается, и на спидометре уже двести пятьдесят. На такой скорости не страшны даже дорожные безы, контролирующие основные трассы Анклава. Впрочем, они редко гоняются за нарушителями скоростного режима: камеры слежения видят весь МКАД, и если по вине лихача случится авария, отыскать его не составит труда.

– Пэт, я тебя убью!

«Не смеши меня, курица!»

– Пэт, ты мерзавка!

«А ты думала, «Плуто» создан для чинных поездок по магазинам?»

Матильда долго сомневалась, прежде чем приняла предложение отправиться домой вместе.

«Мы ведь сразу домой, да?»

«Сначала на МКАД, у меня там дела».

Но какие дела, не сказала. А ей просто захотелось погонять. И не одной, а с Матильдой. Хотя Пэт знала – знала! – что та не любит быстрой езды.

«Захотелось поиздеваться над подругой?»

«Она мне не подруга!»

А кто? Живут в соседних домах, учатся хоть и на разных факультетах Университета, но все равно, считай, вместе. Конечно, Матильда сирота безродная, с теткой живет, но Кирилл Мамашу Дашу уважает и к племяннице ее относится… не как к дочери, но как к своей племяннице – точно. Наверное, потому Пэт и бесилась: ей не нравилось, что Матильду равняют с ней. И с тех самых пор, как Кирилл купил ей мотоцикл, девушка предлагала подруге покататься, но та все время отказывалась…

– Обратите внимание на уровень топлива, – прошелестел в голове мужской голос.

Можно посмотреть на панель «Плуто», можно чуть скосить глаза и увидеть проекцию приборов на наноэкране, а можно просто поинтересоваться:

– Сколько?

– Пятнадцать процентов от максимума.

А максимум был всего два дня назад. Впрочем, чего вы хотели? Движок у «Плуто» мощный, форсированный по уникальной технологии «Шаттл», способный разгонять машину до трехсот пятидесяти, зато и бензин мотоцикл жрет, как механическая свинья.

– Ближайшая бензоколонка?

– Два километра прямо.

Пэт хмыкнула и пробормотала:

– Радуйся, Мата, мы останавливаемся.

Бензин «Плуто» требовал самый лучший – «Премиум-4». Подходящих станций по всей Москве не более двух десятков, но девчонкам повезло: одна из них, сети «МосТех Energy», находилась неподалеку. Пэт заехала на площадку синего комплекса, составленного, казалось, из одних сфер, и резко затормозила у колонки.

– Приехали.

– Мерзавка! – Матильда соскочила с седла и сорвала с головы шлем. Длинные светлые волосы рассыпались по плечам. – Как ты могла?!

– Что могла?

Пэт тоже сняла шлем и посмотрела на подругу.

– Ты же знаешь, что я не люблю…

– Надо бороться с детскими страхами.

Матильда гневно сверкнула глазами, но Пэт спокойно выдержала взгляд подруги.

Девушки не походили одна на другую. Пэт – тоненькая, гибкая, с узким, породистым лицом. Матильда – чуть выше, не полнее, но круглее, женственнее. Пэт – ловкая, спортивная, порывистая, и каждое ее движение буквально излучает переполняющую девушку энергию. Походка и жесты Матильды куда более плавные, спокойные и в то же время – грациозные.

– Какая же ты вредная! – Матильда отвернулась, устремив невидящий взгляд на стоящие неподалеку шары с разъемами для скоростной подзарядки батарей Ллейтона.

Пэт не ответила. Активизировав трансплантированную в подушечку указательного пальца мышь, она вызвала на наноэкран состояние счета, чуть скривила губы – Кирилл был не самым щедрым человеком на свете, – после чего вытащила из кармана куртки бумажник, пересчитала купюры, вздохнула и протянула подруге деньги:

– Мата, сгоняй, заплати за бензин. – Подумала и добавила: – Пожалуйста.

– Отстань!

– Что, трудно?

Матильда не ответила.

– Обиделась?

– Отстань!

«Кажется, я переборщила». Пэт решила проявить снисходительность. В конце концов, Матильда не виновата, что во всем уступает ей. А ругаться с… ну, хорошо, хорошо, с подругой! Так вот, ругаться с подругой Пэт не хотела. Поставила на место, и достаточно.

– Обещаю, что дальше мы поедем значительно медленнее, – примирительно проговорила Пэт. – И за скорость извини – я увлеклась.

– Я с тобой не поеду, – ровно произнесла Матильда.

– Неужели?

– На автобусе доберусь до метро…

– Не мели чушь, – поморщилась Пэт. – Я тебя здесь не оставлю.

– А я с тобой не поеду.

– Клянусь, до дома мы доедем очень медленно, я и так сожгла почти все деньги, которые мне выдали на эту неделю.

– Хорошо, что у тебя жадный отец, – мстительно заметила Матильда.

– Он не жадный, – ответила Пэт. И добавила: – Кириллу не нравится, что я быстро катаюсь.

– Никому не нравится!

– Достаточно того, что нравится мне, понятно? Пойдешь платить?

– Пойду, пойду, – проворчала Матильда.

Она сморщила носик, но деньги взяла и неспешно побрела к зданию станции. Карточкой за бензин можно было заплатить прямо у колонки, но наличные приходилось нести в кассу.

Петра же решила трансформировать байк в положение «чоппер». Она положила шлемы рядом с колонкой, запустила нужную программу, отключила от «балалайки» психопривод и отступила на шаг от начавшего изменяться мотоцикла.

«Интересно, сколько времени потребуется этой корове, чтобы добраться до кассы?»

– И пусть наша мертвая СБА пока помалкивает, я, ребята, скажу так: в Аравию и Кришну лучше не соваться. Целее будете. Прошлой ночью там опять дрались, и что будет дальше, никто не ведает. – Саша Чебуреков, «дневная» физиономия MTV, подмигнул слушателям и поинтересовался: – Ну что, музыку посмотрим или еще новостей подкинуть? Десять секунд на размышление.

В правом нижнем углу появились результаты голосования зрителей. Большинство отвергло музыку, и неунывающий ведущий выдал очередную порцию ценных сведений:

– А известно ли вам, уважаемые, что специально для Бала Королевы Осени «Платина» ангажировала мегапопулярную команду «Nana boats symphony»…

Очутившись в здании станции – блестящем цилиндре, соединяющем все уровни МКАД, – Матильда направилась к кассе не сразу.

«Пусть эта задавака подождет!»

Постояв возле экрана, девушка взяла из холодильника бутылочку чистой воды, медленно прошла вдоль полок со сладостями, но так ничего и не выбрав, подошла к кассе:

– Бутылка воды, а на остальные – «Премиум-4».

– Какая колонка?

– Третья.

Кассирша сгребла наличные, но, кинув взгляд на монитор, нахмурилась:

– Надеюсь, проблем не будет?

– Проблем? – не поняла девушка.

– С вашими друзьями.

– С какими друзьями?

Матильда округлила глаза, а затем, сообразив, подняла взгляд на окно и похолодела: Патрицию окружила группа мотоциклистов.

Если верить истории, первые команды байкеров появились на Земле еще в двадцатом веке. «Ангелы Ада» в Штатах, «Ночные Волки» в России – продолжатели дела до сих пор рассказывают легенды о тех группировках. Однако Большой Нефтяной Голод нанес удар в самый корень байк-движения – цена на топливо взлетела на недосягаемую для обычного человека высоту, и мощные мотоциклы, еще вчера бывшие королями дорог, встали на прикол. Затем начались смутные времена Нефтяных войн, затем все промышленные мощности были брошены на производство мобилей – с их помощью экономика начала отползать от пропасти. Повсеместно внедрялся электрический транспорт, а люди занимались элементарным выживанием, пытаясь приспособиться к новым реалиям. Долгое время мотоциклы попросту не выпускали, обходились мобилями и дешевыми «табуретками». Однако, по мере того как цивилизация выходила из коллапса, многие известные фирмы, особенно принадлежащие независимым корпорациям, вернулись к производству мотоциклов, причем не только дешевых, на батареях Ллейтона, но и мощных машин на двигателях внутреннего сгорания – появился спрос.

Байк-движение возродилось. Сначала как времяпрепровождение одиночек, а затем и в том самом виде, о котором рассказывали легенды благословенного двадцатого века. Точнее, с небольшими поправками на изменившиеся реалии.

В Москве появившиеся команды назвали вагонами. Почему? Теперь уж и не вспомнит никто, но имя прижилось, и, независимо от территории, никак иначе байкеры себя не называли. В Шанхайчике основным считался вагон «Нефритовых Драконов», в Аравии тон задавали «Бедуины», в Кришне – «Раджи», в Занзибаре – «Черные Звезды»… но это только крутые, а всех не перечислишь. По Болоту каталось три вагона, представители одного из них, носящего гордое имя «Warriors of The Swamp», в просторечии – свамперы, как раз и окружили Пэт.

– Неожиданная встреча, да?

– Не сомневалась, что мы увидимся, – в тон ответила Пэт. – Москва маленькая.

Карбид, лидер вагона, хмыкнул:

– Опять одна?

– Как видишь.

– А на мое предупреждение – плевать?

– Ты ведь предупреждал, а не приказывал.

Среди десятка свамперов, подкативших на станцию вместе с вожаком, прошелестел нехороший гул. И парни, и сидящие за их спинами боевые подруги смотрели на нахалку… без агрессии пока, но весьма неодобрительно. Спокойным, даже безразличным, остался лишь один из них – Рустам, второй человек в иерархии вагона.

– А если бы я тебе приказал? – осведомился Карбид.

– Вот тогда бы мне было плевать, – с хорошо сыгранным спокойствием ответила Пэт. И невинно поинтересовалась: – Но ведь ты не приказывал, так?

Свамперы вновь заворчали, но прицепиться Карбиду было не к чему: девчонка его никак не оскорбила. Вела себя дерзко, но границу не переходила.

– Язык у тебя длинный.

– Какой есть.

Откровенно говоря, Карбид и сам был не рад, что докопался до Пэт в их первую встречу. Девчонка оказалась не из простых: катается на «Судзуки Плутон», одевается в безумно дорогую натуральную кожу, а не практичную и дешевую синтетику, да и ведет себя, словно королева. У самого Карбида тоже настоящий байк – «Ямаха Гепард», такой же был у Руса, но им далеко до машины, в маркировке которой присутствовали буквы «S» (двигатель форсирован по уникальной технологии «Шаттл») и «T» («трансформер»), – игрушки для верхолазов и каперов высокого полета. Как раз сейчас алая машина завершала трансформацию, превращаясь из спортивного байка, на котором водитель и пассажир едва не лежали на животе, лицом вперед, в изящный «чоппер» с классически изогнутым рулем и комфортной вертикальной посадкой, позволяющей чуть откинуться назад.

Впрочем, не только Карбид обратил на это внимание: все свамперы с завистью следили за происходящими с «Плуто» изменениями.

– Классная машина, – вздохнул кто-то.

– Мне тоже нравится, – высокомерно бросила Пэт.

Уточнять, что один «Судзуки Плутон 9TS» стоил примерно столько же, сколько весь парк вагона, не требовалось.

Такие машины можно было встретить на корпоративных

территориях: в Сити, Царском Селе, но Пэт жила на Болоте, и наличие у нее супердорогого байка вызывало понятное удивление. В какой-то момент Карбид подумал, что по недосмотру наехал на дочку или внучку главаря какой-нибудь канторы, и ждал недружелюбных гостей на предмет разобраться. Байкер не трусил, но перспектива вражды с бандитами Карбида не прельщала. Потом он узнал, что Пэт – Патриция – единственная дочь Кирилла Грязнова, совладельца известнейшего в Анклавах антикварного дома «Шельман, Шельман и Грязнов». С одной стороны, стало легче, купец – это вам не бандит, но при этом Карбид узнал, что ни одной из болотных кантор Грязнов дань не платит. Что хочешь, то и думай. В общем, по всему выходило, что Пэт лучше оставить в покое. Но отступить Карбид не мог, чтобы не потерять лицо перед своими: свамперы, несмотря на громкое название, были вагоном молодым, Карбид только приступал к созданию мощного клана и трепетно относился к моральному климату внутри команды. А потому решил воззвать к разуму проклятой нахалки и уговорить ее присоединиться к вагону. Или хотя бы признать его авторитет.

– Пэт, в Анклаве не катаются поодиночке.

– Запрещено?

– Не рекомендуется. Москва разбита на сектора, и каждую дорогу держит определенный вагон.

– МКАД свободен.

– Тебе так кажется.

– Мне не кажется. Вагоны договорились об этом много лет назад. И транзит по любой радиальной трассе не возбраняется, иначе бы вы так и сидели на Болоте…

– Кстати, Сретенка находится на нашей территории, – счел нужным уточнить Карбид.

– Рада за вас.

Вот что с ней делать? Вроде и не хамит, а посылает вполне откровенно. И в глубине карих глаз пляшут веселые огоньки. К счастью, видны они только собеседнику.

– Одиночки в Анклаве не выживают.

– Я попробую.

– Даже детишки верхолазов сбиваются в вагоны.

– На то они и детишки.

Рус хмыкнул. Карбид бросил на помощника быстрый взгляд, но тут же вернулся к девушке:

– Мы, свамперы, людей уважаем. Окажись на моем месте бедуины, твой байк уже бы горел, а тебя…

– Ты мне угрожаешь?

– Патриция, я пытаюсь донести до тебя простую мысль: чтобы

жить в Анклаве, нужно иметь сильных и надежных друзей.

Карбид любил произносить эту фразу. После многочисленных репетиций он довел качество высказывания до совершенства, слова в его исполнении звучали весомо, производя на слушателей неизгладимое впечатление. Впрочем, с действительно серьезными слушателями Карбид еще не сталкивался и теперь убедился, что подачу реплики надо шлифовать и шлифовать: Пэт осталась равнодушной.

Более того, она отвернулась от Карбида и велела подошедшей подруге:

– Матильда, заправь бак.

Та, сообразив, что следует подчиниться, молча вставила пистолет в горловину и надавила на рычаг. Девчонка, сидящая за спиной Рустама, громко прокомментировала:

– Зачем им мужики? У них и так все хорошо.

Чем вызвала смешки и улыбки приятелей, но Карбиду – Пэт прочитала это в его глазах – высказывание девицы не понравилось.

«У тебя есть планы?»

Впервые она подумала о том, что поведение вожака байкеров может иметь несколько объяснений. Пэт знала, что нравится мужчинам, и умела пользоваться своими козырями.

Тем временем Матильда заправила мотоцикл и надела шлем.

– Нам пора, – мило улыбнулась Пэт. – Пока.

– Увидимся, – глухо пробурчал Карбид. – И помни: в следующий раз тебе придется дать окончательный ответ. – И совсем тихо, для себя, добавил: – Ты вышла на улицу, метелка, а здесь неважно, кто твой папаша.

* * *

анклав: Москва

территория: Болото

«Шельман, Шельман и Грязнов. Колониальные товары

и антиквариат»

иногда приходится не обращать внимания

Район Сретенки не подвергся столь значительной перестройке, как остальные территории Москвы. Здесь не появились дополнительные уровни мостовых, бросающие на старые камни вечную тень, не выросли долговязые и безликие бетонные коробки, и уличная реклама не мозолила глаза с привычной наглостью и напором. Можно сказать, что Сретенке удалось сохранить дух Старого города. На ней расположилось множество лавок, в которых продавали штучный, уникальный товар, сделанный человеческими руками: здесь находились мастерские чеканщиков и резчиков по дереву, настоящих художников и гончаров. А рядом, через дорогу, машинисты продавали программы для «балалаек» и самое современное железо для «раллеров», модифицировали коммуникаторы и предлагали ворованные базы данных. Лавки знахарей и травников соседствовали с приемными дипломированных врачей и первоклассных пластиков. Прошлое и настоящее причудливо сплелись на Сретенке, порождая странное будущее. Место это отличалось от всех остальных улиц Анклава Москва, выделялось из их ряда, и ничего удивительного не было в том, что именно на Сретенке расположился московский офис антикварной компании «Шельман, Шельман и Грязнов».

В слабо освещенном кабинете, обставленном резной, красного дерева мебелью, находились двое. Мужчина, по-хозяйски развалившийся в «вольтеровском» кресле, и полная женщина на стуле. Наряд посетительницы не был дорогим, но благодаря смешению ярких красок, крупной бижутерии и дивной шляпке-тюрбану с перьями и ниткой фальшивого жемчуга привлекал внимание. Женщина могла претендовать на роль королевы клоунов, однако на ее лице не было и следа веселости, даже наигранной.

– Ты выглядишь усталой, – негромко произнес Кирилл, поигрывая четками черного жемчуга с брелоком, выполненным в виде драконьей головы.

– Мне снятся плохие сны, – в тон ответила Мамаша Даша.

– О будущем?

– Плохие.

– Это я понял.

– Нет, не понял! – Гадалка перегнулась через стол: – Плохие, Кирилл, ПЛОХИЕ сны!

Грязнов неопределенно махнул рукой и отвернулся.

Кирилл не походил на владельца преуспевающей торговой

компании. Высокий, за метр восемьдесят, широкий в кости, с круглым добродушным лицом, он напоминал скорее крестьянина, каким его рисуют оформители детских сказок, чем крупного бизнесмена. И одежду Кирилл предпочитал соответствующую: простые льняные или хлопковые рубашки, свободные брюки, кожаная обувь… Правда, в современном мире подобная простота стоила колоссальных денег, но Грязнов мог позволить себе маленькую прихоть. И не одну. Внешне Кирилл привлекал внимание не столь явно, как Мамаша Даша, но и в его облике хватало занятных деталей. Светлые волосы коротки, стрижены ежиком, но на затылке – пятнадцатисантиметровая косичка с туго вплетенной черной веревочкой. В левом ухе – золотая сережка, покрытая едва заметной вязью. А на тыльных сторонах ладоней вытатуированы черные символические круги, в центре которых помещались руны.

– Ты же знаешь, я не боюсь…

– Нам трудно помешать, – перебил ее Грязнов.

– Но возможно.

– Люди, которые стоят на нашем пути, неспособны вызвать у тебя дурные сны.

– Значит, появился кто-то еще.

– Я не жду плохих гостей.

– Но ведь сны пришли.

На это заявление Кирилл ответа не нашел. Вновь замолчал. Поднес правую руку почти к самым глазам и принялся внимательно изучать драконью голову. Наконец, не поднимая глаз, спросил:

– Не хочешь уехать из Анклава?

– Оставить тебя одного?

– Если твои подозрения небеспочвенны, нам придется тяжело. Не время геройствовать.

– Как раз наоборот, – покачала головой Мамаша Даша. – Самое время. – Вздохнула и улыбнулась: – Ляо видел Олово. Он не дурак. Он все понял. И он будет искать всех нас.

Чтобы убить…

Слова не прозвучали, но собеседники прекрасно знали, для чего преследователи стремятся выйти на их след.

Приговоренный мужчина посмотрел в глаза приговоренной женщине, подался вперед и взял ее за руку.

– Спасибо.

– У нас есть ради чего жить, – прошептала Мамаша Даша. – Благодаря тебе.

– Нет, благодаря чуду. – Кирилл чуть сдавил руку женщины. – Но в следующий раз они не ошибутся.

* * *

анклав: Москва

территория: Федеральный Центр

комплекс «Лубянка»

хорошо, если ты готов к грозе, еще лучше, если она пройдет стороной

В каждом Анклаве мира существовали территории, неподконтрольные СБА и корпорациям, дипломатические зоны, внутри которых размещались представительства правительственных структур и государственных компаний. Согласно Положению, вся власть в этих районах принадлежала странам, на чьей территории располагался Анклав.

Особого смысла в наличии подобных зон никто не находил, однако правительствам было приятно сознавать, что их влияние распространяется даже на внутренние районы Анклавов, и отказываться от возможности лишний раз продемонстрировать корпорациям свою власть они не собирались. В Москве, единственном Анклаве на территории России, правительство владело так называемым Федеральным Центром, включающим в себя Кремль, Старую и Новую площади, Лубянку, Манеж, Пречистенку и Остоженку. Здесь размещались резиденция губернатора федерального округа Московия, официальные представительства России и других государств в Анклаве Москва. Порядок в Центре поддерживала отдельная бригада ОКР, в состав которой в том числе входил усиленный взвод спецназа под командованием капитана Эмиры Го.

– Сегодня днем Николай Пахомов, представитель СБА по связям с общественностью, заявил, что Служба временно не рекомендует посещать районы на границе Аравии и Кришны. В зону риска входят Севастопольский проспект, Загородное шоссе и Черемушкинская улица. Тем не менее вводить в этих районах даже ограниченный комендантский час…

– Встать! Смирно!

Солдаты, повинуясь приказу дневального, подскочили с кресел, и в сутолоке кто-то торопливо вдавил в пепельницу

сигарету.

– Вольно, – буркнула Эмира. – Продолжайте.

Судя по тонкому запаху, в сигаретку завернули не обычный табак, но Го уже давно прекратила попытки отучить своих бойцов от «травки». На этот раз курил Димка Шифер – глаза не спрячешь, но увлечение пока не мешало ему оставаться классным снайпером. Пока. И поэтому Эмира – пока – сделала вид, что не почувствовала пьянящий аромат.

И посмотрела на экран, на котором появилась схема опасных зон.

– Далеко, – едва слышно пробормотала Фатима Тураева, заместитель Эмиры. – Даже если полыхнет, нас прикроет Болото, просто так через него не пройдут. Да и река… Мосты закроем…

Капитан Го промолчала.

Форма лица, густые черные волосы, большие черные глаза, а особенно почти сросшиеся брови делали Эмиру похожей на женщин Кавказа. В Урусе ее частенько принимали за свою, но напрасно: выходцы из кланов не могли рассчитывать на карьеру в ОКР. Эмира была полукровкой, безропотная русская служанка так и не рассказала дочери, кто из хозяйской семьи стал ее отцом. Чужая для всех. Несмываемая печать парии должна была обречь девушку на печальную участь рабыни, поставить на самую нижнюю ступень российского общества или… наоборот – поднять. Вербовщики ОКР специально выискивали детей без будущего, озлобленных и никому не верящих, тренировали и превращали в верных служак. Эмира стала «чернобуркой» – офицером элитной спецслужбы России, стоящей на страже интересов Президента. Благодаря тщательному отбору сотрудников и жесточайшей внутренней дисциплине ОКР оставалась единственной российской организацией, в которой землячества и семейные кланы не играли никакой роли.

– Ты права, Фатима, – после короткого раздумья кивнула Эмира. – Им до нас не добраться.

– А если Болото полыхнет? – несмело спросил Муса, один из самых молодых бойцов взвода.

– Болото полностью соответствует своему названию – на нем тихо, – усмехнулась Фатима. – Бунтуют окраины. Но прорваться в центр им не позволяют.

– Как правило, не позволяют, – уточнила Эмира.

– Согласна. Иногда СБА ошибается.

Они имели в виду знаменитую Февральскую Неделю, кровавую семидневку, случившуюся девять лет назад. И Эмира, и Фатима в те годы служили вдали от Москвы, но им рассказали, как полыхнули одновременно Урус, Занзибар и Кришна, как

бегали по центру Анклава толпы погромщиков, как не справлялись безы, и окаэровцам пришлось сутки сдерживать натиск в одиночку. К счастью, бригада комплектовалась умелыми солдатами, с обязательным опытом ведения уличных боев, так что Федеральный Центр удержался. Тридцать шесть погибших, сто восемьдесят раненых. Для той недели – очень неплохой результат. На полыхнувших территориях счет убитых шел на тысячи: наводя порядок, Мертвый не церемонился.

– Карнавал приближается, – проворчал Шифер. – Безы не позволят сорвать Бал Королевы Осени.

Дельное замечание.

Тем временем блок новостей закончился, Эмира жестом приказала выключить коммуникатор и негромко произнесла:

– Я только что с совещания. В течение получаса генерал Кравцов издаст приказ по бригаде, а вкратце ситуация такая: усиление и уж тем более военное положение пока не объявляем, но увольнительные запрещены. Покидать казармы только с моего разрешения.

– Так полыхнет или нет? – спросил Муса.

Судя по всему, он с кем-то поспорил и теперь нервничал.

– Бунты в Анклавах обычное дело, – пожала плечами Го. – Слишком много недовольных.

– Просто – слишком много, – тихо добавила Фатима. И, перехватив удивленный взгляд Эмиры, пояснила: – Людей слишком много.

* * *

анклав: Цюрих

территория: Альпийская Поляна

«Замок Ван Глоссинга»

умный идет до конца

Главное в любом деле – определиться со стратегией. Понять, что тебе действительно нужно и как далеко ты готов зайти ради достижения цели. А когда ключевое решение принято, когда раздумья остались позади, когда ты занят тактикой, реализацией идеи, ты начинаешь смотреть на мир по-другому. Руководствуясь

поставленной целью, ты совершаешь поступки, которые когда-то казались тебе рискованными, опасными или просто неправильными, – ведь теперь они не вырваны из контекста, а занимают свое законное место в последовательной цепочке действий.

Твоих действий.

Тебе нужен результат.

В ходе разговора с Дрогасом Моратти окончательно убедил себя в том, что Кауфмана необходимо вывести из игры. Любым способом, любыми средствами. И применять эти самые средства нужно не последовательно, а параллельно – какое-нибудь да сработает.

Комиссия, которая свалится на голову Мертвому через пару дней, – затея лично президента, признанного мастера подковерных интриг. Отобранные им люди вряд ли добьются главной цели – не соберут весомый компромат на Кауфмана, но нервы ему попортят и руки хоть чуть-чуть свяжут. Комиссия – вспомогательный удар.

Тайная операция Дрогаса уже серьезнее. Беспорядки в Анклавах не редкость, однако по-настоящему кровавых бунтов не было давно. Если Стефан сумеет устроить заварушку хотя бы на два-три дня, можно будет ставить вопрос о профессиональных качествах Мертвого. Если же Кауфман оперативно пресечет беспорядки, придется раздувать скандал с помощью журналистов. Вариант, конечно, не лучший, но при определенном развитии событий способный стать выигрышным: именно так, раздув до немыслимых масштабов заурядную потасовку между китайцами и арабами, Моратти удалось снять норовистого директора СБА Сингапура.

Однако и этот вариант не гарантировал успеха.

Об интересном пути напомнили китайцы – поиск Петры Кронцл. Если отыскать девчонку, и не просто отыскать, а увязать ее исчезновение с Кауфманом, случится настоящая виктория. При благоприятном стечении обстоятельств Мертвый даже отставкой не отделается. Африка, Африка! – вот куда следует упечь проклятого коротышку. Но и здесь было не все гладко. Во-первых, в свое время девчонку не смогли отыскать лучшие сыщики СБА – следы Кауфман замел великолепно; во-вторых, даже отыскав Петру, надо еще доказать, что к ее исчезновению причастен Мертвый; а в-третьих, фигура исполнителя вызывала у Моратти подозрения. Слишком уж загадочным человеком показался президенту Хасим Банум.

Впрочем, решение, которое Ник принял после ухода странного калеки, могло перевесить все минусы спланированных

операций и навсегда решить проблему Кауфмана. Решение это было нехарактерным для интригана и карьериста, но вполне в духе человека, вытащившего из иркутской мясорубки сотни людей. Вполне в духе настоящего бойца, казалось, навсегда похороненного под лощеным кителем штабной крысы.

А боец рассуждал просто: пока Кауфман жив, он представляет угрозу. Африка, будем откровенны, ему вряд ли грозит, отставка… Московские корпорации приложат все усилия, чтобы посадить на место Максимилиана послушную марионетку, а если придет верный Цюриху варяг, то сколько времени ему потребуется, чтобы взять ситуацию под контроль? Да и сможет ли? Осведомители докладывали, что авторитет Мертвого в московской СБА едва ли не божественный. Никто из руководителей Службы не имеет такого уровня доверия среди подчиненных, как Кауфман. Против варяга выступит до девяноста процентов личного состава, включая высших офицеров филиала. Начнется скрытый саботаж, а то и прямые акты устранения чужаков: на что уж значимый пост занимал Чинча, а убрали его, глазом не моргнув. И люди, которые его пристрелили, до сих пор служат в СБА и прекрасно понимают, что с ними будет, если Мертвый потеряет власть. Попробуй удержись в такой ситуации. Если же филиал возглавит верный наследник, Кауфман сохранит все рычаги влияния.

Вот и получается, что решить проблему можно только одним способом.

* * *

анклав: Цюрих

территория: Maerchenstadt

сделки с дьяволом интересны тем, что не всегда понятно,

с какой он стороны – дьявол

С точки зрения безопасности Цюрих выгодно отличался от остальных Анклавов. И не только потому, что в нем располагалась штаб-квартира всемогущей СБА. Исторически сложилось так, что большую часть Цюриха занимали корпоративные территории, жители которых имели значительный

численный перевес над остальными обитателями самого маленького на Земле Анклава. В Цюрихе, и только в нем, СБА контролировала сто процентов территорий, насаждая удобные каперам правила. Швейцария вообще считалась самой безопасной провинцией Баварского султаната, и Цюрих, плоть от плоти ее, полностью перенял дух чинного горного захолустья. И даже Maerchenstadt, швейцарский аналог знаменитого московского Болота, казался районом тихим и буржуазным.

За тишину Цюрих любили все: и каперы, и предприниматели, и простые работяги. И те, кому мешали даже мягкие законы Анклавов. Зарабатывать деньги теневые дельцы предпочитали в других местах, а в Швейцарию приезжали, чтобы провести совещание, обсудить дальнейшие планы, легализовать капиталы с помощью традиционно дружелюбных финансовых структур альпийской провинции или просто отсидеться, насладиться покоем. Люди определенных профессий весьма ценят возможность пожить в безопасности, а в Цюрихе количество убийств, не только заказных, но и вообще – любых, было самым низким во всем цивилизованном мире.

Безмятежный уголок, радушно встречающий бизнесменов любого профиля.

И мало кого волновало, что именно обсуждали пятеро предпринимателей, собравшихся в одном из частных домов Maerchenstadt.

– Господа, на мой взгляд, вложение чересчур велико. Сто миллионов евродинов сейчас и первая прибыль лишь через полгода – это крайне рискованный проект.

– Зато мы получим бесперебойный источник комплектующих.

– Если получим, – уточнил скептик. – У нас слишком много недоброжелателей.

– Вы предлагаете прекратить нашу деятельность? – учтиво осведомился собеседник.

Присутствующие, включая скептика, вежливо посмеялись над шуткой.

Деятельность никто из них сворачивать не собирался независимо от количества недоброжелателей – слишком большую прибыль она приносила.

Всемирная Ассоциация Поставщиков Биоресурсов являлась самым крупным игроком на рынке живого товара: нелегальная иммиграция, торговля натуральными донорскими органами – клонированные считались недостаточно качественными, к тому же были запрещены в некоторых странах, – поставки рабов и похищения с целью выкупа. Ее эмблему – улыбающийся глобус – знали все, а верхолазам она снилась в самых страшных кошмарах.

– Ну что ж, давайте скажем так: проект недостаточно проработан, но перспективы есть, – рассудительно произнес один из собравшихся. – Пусть менеджеры еще раз утрясут детали, и через три дня мы вернемся к его рассмотрению.

Предложение устроило всех.

– Но прежде чем мы расстанемся, я бы хотел затронуть одну неприятную тему. Поговорить о московской неудаче и гибели уважаемого Посредника.

Тема действительно была неприятной – собравшиеся помрачнели.

Ассоциация, несмотря на приложенные усилия, до сих пор не выяснила, почему провалился тщательно разработанный план похищения Петры Кронцл и кто стоял за убийством регионального менеджера.

– Мы до сих пор не наказали виновных.

– Мы до сих пор их не знаем, – пробурчал посерьезневший весельчак.

– Это показатель, – холодно улыбнулся рассудительный.

– В первую очередь это показатель того, что искать виновных опасно, – произнес скептик.

– Что вы имеете в виду?

Лидеры Ассоциации давно не поднимали на совещаниях этот вопрос, и теперь рассудительный желал выяснить, какие мысли бродят в головах коллег.

– Посредник был прекрасным менеджером, умелым и осторожным. Его прикрывали не только ум и опыт, не только наши солдаты, но и страх, который мы внушаем всему миру. Все знают, что людей Ассоциации трогать нельзя. Но его убили, значит, мы имеем дело с очень серьезным противником.

– Или с очень самонадеянным. – Весельчак покачал головой.

– Смерть Посредника – это пятно на всю организацию.

– Мы до сих пор не выяснили, кто в ней виноват, – повторил скептик. – Все молчат, все боятся. С такими же трудностями сталкивается СБА при расследовании наших дел. Так что косвенные признаки указывают на мою правоту.

– А если мы доподлинно узнаем, кто сыграл против нас? – неожиданно спросил рассудительный.

– Каким образом?

– Есть человек, который тоже проводил расследование. У него имеются кое-какие мысли, которыми он готов поделиться. – Рассудительный помолчал. – Сейчас он ожидает в соседней комнате. Приглашать?

Присутствующие переглянулись и после короткой паузы закивали головами:

– Пусть входит.

– У нашего гостя профессиональная память на лица, не забудьте надеть наномаски.

Моратти сопровождали трое наиболее доверенных телохранителей, но в дом их не пустили, велели ждать шефа на улице, в неприметном мобиле. «Балалайку» пришлось вытащить – случись что, даже сигнал о помощи не подать, но Ник знал, на что шел. Ему нужна эта встреча, и он готов рисковать. А чего в этой жизни можно добиться без риска? Миски благотворительного супа?

В комнате, в которую его провели, находились пятеро. Четверо мужчин. Одна женщина. На всех безликие наномаски.

«Боятся…»

– Добрый вечер. – Моратти присел в кресло и уверенно улыбнулся. – Вы знаете, кто я, я знаю, кто вы. Не по именам, не беспокойтесь. Поэтому предлагаю обойтись без долгих вступлений. Поговорим о вашем московском провале.

– Мы слушаем.

Голос прозвучал почти естественно. Почти. Обладавший тонким слухом Ник понял, что как минимум один из лидеров Ассоциации нацепил изменитель голоса.

«Боятся!»

– Вы спланировали прекрасную операцию, господа, но вы поторопились. Или опоздали. Как вам будет угодно. В то самое время, которое вы выбрали для похищения, шла война за «Фадеев Групп». На самом верху планировали завладеть корпорацией, и, чтобы надавить на Романа, было принято решение взять Петру. Вы вмешались в крупную игру.

– Верхолазы планировали похищение?

– Да.

– Верится с трудом.

– Я не гуру и не уличный проповедник, – уверенно отрезал Ник. – Вопросы веры меня не касаются. Проанализируйте, подумайте, и вы поймете, что я прав. Кто еще, кроме СБА, не побоялся бы выступить против вас?

– Вы играли против нас? – уточнила женщина.

– Тогда что я здесь делаю?

– Людям свойственно совершать необдуманные поступки.

– Против вас сыграли те, кто в настоящее время контролирует «Фадеев Групп». Московские верхолазы. Они получили все, что хотели, а надавить на Железного Рома можно было только через Петру. – Моратти оглядел маски. – Непосредственно операцией руководил Мертвый. Он отдал приказ на устранение Посредника.

– В таком случае почему вы его не прижали?

– Нет никаких улик, – не стал скрывать президент.

– То есть вы поделились с нами своими фантазиями?

– Результатами работы аналитического отдела, – отрубил Ник. – А данных для работы у моих людей гораздо больше, чем вы можете себе представить.

– Господин президент не тот человек, чтобы приходить к нам без веских оснований, – успокаивающим тоном произнес один из лидеров Ассоциации. – Господин президент хочет договориться. О чем?

– Мертвый стал опасен для СБА, – просто сказал Моратти, – и я хочу, чтобы он стал мертвым.

Слово вылетело, и обратного пути нет. Но Ник оставался тверд и спокоен.

На некоторое время в комнате повисла тишина. Спрятавшиеся за наномасками лидеры Ассоциации думали. Прикидывали. Просчитывали.

Существовала небольшая вероятность провокации, вероятность того, что Моратти решил одним ударом избавиться от двух противников сразу: устранить ненавистного Кауфмана и получить повод для широкомасштабной охоты на Ассоциацию. Преследование работорговцев со стороны Службы оживлялось после каждого удачного похищения, но наглое убийство высшего офицера СБА могло иметь самые непредсказуемые последствия, в том числе невиданное расширение прав Службы и многократное усиление ее, и без того не маленького, влияния.

Эти рассуждения лежали на одной чаше весов. А на другой находился Моратти, который прекрасно понимал, что провокатора не простят. Сами в крови захлебнутся, но до него дотянутся. Готов ли Ник пойти на такую жертву?

– Я бы не хотела воевать с СБА, – произнесла женщина.

– Как я уже говорил – смерть Мертвого станет услугой СБА.

– Услугой лично вам.

– Я – президент СБА. – Ник усмехнулся. – И расследование будут проводить мои люди.

– Расследование будет проводить московский филиал.

– Сразу после смерти Мертвого его сотрудникам придется писать много докладов и служебных записок. Их будет ждать масса встреч с проверяющими из Цюриха. Я выкорчую из СБА всех птенцов Кауфмана.

– А на кого мы повесим преступление?

– Пусть это будут высококлассные исполнители, которые затем навсегда исчезнут, или мои ребята ликвидируют их при задержании, – предложил Моратти. – Люди будут знать, что их

нанял кто-то серьезный, но кто именно – пусть гадают.

Теоретически президент СБА мог сам организовать убийство непокорного директора, но всегда существует вероятность провала, пусть даже мизерная, и сотрудничество с Ассоциацией должно было обезопасить Моратти от этой вероятности. Вскроются детали преступления – виновной окажется Ассоциация. И даже мотивов придумывать не надо – у нее зуб на всех директоров СБА. Причем в этом случае работорговцы не смогут предъявить Нику претензии – ответственность за проведение операции ложится на них.

– Ваше предложение понятно, – кивнула женщина. – Теперь хотелось бы знать, что получим мы. Помимо морального удовлетворения, естественно.

– Мы договоримся, – пообещал Моратти. – К примеру, я знаю, что СБА Рио сильно мешает вашим делам с лидерами Католического Вуду…

– Давайте отложим этот вопрос до принятия нами решения, – произнес пугливый работорговец. Тот, с изменителем голоса во рту. – Предложение заманчивое, но требует обсуждения.

– Обсуждайте. – Ник поднялся на ноги. – Но времени у вас не так уж много. Операция должна быть проведена в указанные мною сроки. В противном случае сделка отменяется.

* * *

анклав: Москва

территория: Кришна

около часа ночи

время неприятных сюрпризов

Как правило, границы территорий внутри Анклава выверялись очень тщательно. Долгие переговоры между уважаемыми людьми соседствующих общин заканчивались проведением четких линий, закрепленных на официальной бумаге, которую визировали представители СБА. Все понимали, что в условиях перенаселенного мегаполиса ценен каждый метр, и все хотели пресечь возможные претензии. Или делали вид, что хотят пресечь.

Несмотря на столь титанические усилия, спорные участки оставались. Не покушались горячие головы разве что на корпоративные районы и на владения Мутабор: первые защищала СБА, вторые имели устойчивую репутацию психов, с которыми лучше не связываться. Между всеми остальными общинами нет-нет да и вспыхивали локальные конфликты. Наблюдатели, прекрасно изучившие характер Мертвого, долгое время не могли понять, почему он не решит проблему раз и навсегда. В духе Кауфмана было бы сровнять спорные участки с землей, после чего честно поделить получившийся пустырь пополам. Но он ничего не предпринимал. Не вмешивался. Наблюдатели сочли, что директор СБА внял советам демократических и правозащитных организаций и старается избегать силовых решений, а тот в свою очередь, получив информацию, что в той или иной общине наплодилось слишком много опасного и непредсказуемого молодняка, запускал на территорию провокаторов, которые напоминали горячим головам о старых обидах. Вспыхивал небольшой бунт, локализуя который головорезы Кауфмана уменьшали количество неспокойных граждан до безопасного уровня.

Мертвый хорошо усвоил уроки Февральской Недели.

Однако очень скоро умные люди усвоили уроки самого Мертвого и стали использовать тактику Кауфмана в своих интересах.

– Не ждали, собаки?

Бутылка с зажигательной смесью полетела в витрину небольшого магазинчика.

– Получите!

Последовало еще несколько снарядов, и лавка занялась. Группа подростков встретила языки пламени одобрительными воплями.

– Мы вам покажем, суки, где границы Аравии!

– Гаси кришнов!

– Кашмир! Кашмир!!

Последнее слово было признанным девизом при нападении на индусскую территорию. Разногласия между Индией и Омарским эмиратом были давным-давно разрешены, однако вычеркнуть многолетнее противостояние из народной памяти оказалось непростым делом.

– Кашмир!

Название далекого штата, написанное черной краской на стенах домов, показывало обитателям Кришны, что приближается новая война.

Разбилась еще одна витрина, потом еще одна. Запылали мобили, неосмотрительно оставленные владельцами ночевать на улице. Прозвучали первые выстрелы: жители окрестных домов открыли огонь из окон.

– Огрызаетесь?! – Вожак расхохотался и продемонстрировал неприличный жест. – Вот вам, уроды!!

Однако, несмотря на картинную демонстрацию, нападавшие стали вести себя осторожнее: на открытые и освещенные участки не выбегали, старались держаться в тени и очень скоро, опередив подоспевших мстителей на какие-то минуты, отступили, растворившись на улицах Аравии.

Люди, спланировавшие вылазку, не желали доводить ее до серьезного столкновения.

Глава 2
Люди на Земле
Читающая Время

Главный зал спиритического салона выглядел именно так, как рассказывали побывавшие в нем люди. Стены большой, почти квадратной комнаты задрапированы багровыми портьерами, за некоторыми из которых прятались двери в другие помещения. Полумрак. Несмотря на то что в эту часть Парижа давно провели электричество, хозяйка пренебрегла и лампочками, и газовыми рожками – зал освещался свечами. Потолок высокий, теряется во мраке, пол темного дерева. Мебели мало, практически нет, лишь большой круглый стол в центре и два стула. На черной скатерти резко выделялся хрустальный шар на бронзовой подставке.

– Месье Паскаль?

Она произнесла имя сильным, глубоким голосом. Приятным.

– Да.

– Я ждала вас позже.

– Извините.

– Не стоит.

Хозяйка тоже соответствовала описанию. Невысокая полная женщина. Лицо немного грубовато, черты чуть резче, чем следовало бы, зато глаза – большие, красивые. Умные. Закрытое темное платье, подол касается пола. На голове – маленькая шляпка, не очень-то гармонирующая с одеждой.

«Для чего она ее напялила?»

– Я признателен вам, мадам Усоцкая, за то, что вы согласились уделить мне время.

– Полноте, месье Паскаль, вас рекомендовали мои хорошие друзья. Этого достаточно. – Медиум опустилась на стул и жестом предложила гостю последовать ее примеру. – Мне сказали, вы в отчаянии.

– Близок.

Паскаль принял довольно свободную позу: чуть боком к мадам Усоцкой, одна рука на спинке стула, другая лежит на бедре, стол мешает медиуму увидеть кисть.

– Постараюсь помочь, – с располагающей улыбкой произнесла женщина.

– О вас рассказывают настоящие чудеса.

– Рассказы полны преувеличений. Но могу я действительно много.

За ее спиной – портрет в полный рост, единственное украшение в комнате. Работа известнейшего парижского художника. Благодарного клиента.

Мадам Усоцкая, загадочная женщина из далекой России, появилась в Париже менее года назад и с легкостью овладела умами высшего общества. О ее способностях к ясновидению складывали легенды, у нее спрашивали совета министры и финансовые магнаты, ее боготворили. Паскаль добивался аудиенции месяц, с тех самых пор, как, вернувшись во Францию, узнал о появлении выдающегося медиума.

– Каково ваше дело?

– Хочу знать будущее.

– Вы думаете, знание поможет?

– Я не вижу иного выхода.

– Не желаете посвятить меня в подробности?

Мужчина глубоко вздохнул, на мгновение отвел взгляд:

– Это очень личные переживания. Поверьте, мадам Усоцкая, мне необычайно важно знать, что случится в течение ближайших часов.

– Ближайших часов?

– Зная о нашей встрече, я устроил дела так, что развязка произойдет сегодня. И от того, что я услышу, зависит то, как я себя поведу. – Паскаль выдержал короткую паузу. – Или вы предсказываете только на годы вперед?

Легчайший, едва заметный оттенок иронии прозвучал в его голосе. Посетитель осмелился высказать недоверие, ведь нагадать появление высокого брюнета с ясным взором в течение предстоящих десяти лет гораздо проще, чем рассказать, что ждет человека вечером.

Но мадам Усоцкая не обиделась.

– Вижу, вам доводилось общаться с шарлатанами.

– Я искал помощи.

– Поверьте, месье Паскаль, удовлетворить вашу просьбу не составит для меня никакого труда.

– Надеюсь.

Медиум положила руки на шар. Закрыла глаза.

– Какой отрезок времени? Точнее?

– С этой минуты и до полуночи.

– Теперь молчите.

Паскаль облизнул губы. Подумал и сменил позу, сел прямо, положив руки на стол, благо закрывшая глаза женщина не могла их видеть, не могла обратить внимание на безжизненность спрятавшихся под черными перчатками кистей.

Женщина перестала видеть окружающее.

Мадам Усоцкая не играла в медиума, она им была. И сейчас, выполняя просьбу гостя, смотрела в будущее. Взгляд ее был направлен далеко внутрь и далеко вовне. Взгляд ее покинул пределы комнаты и остался в ней, замурованный в хрустальном шаре. Взгляд ее охватил весь мир и поставил под сомнение его реальность. Взгляд ее…

Паскаль вздрогнул: пальцы женщины погрузились в стеклянную сферу. Мадам Усоцкая хрипло вскрикнула, и сразу же погасли шесть из девяти свечей.

И послышался каркающий голос:

– Кровь!

Паскаль широко улыбнулся.

– Кровь, – продолжила женщина. – Кровь на твоих руках… Ты… – Она задрожала, грубоватое лицо исказилось, черты стали резкими, отталкивающими. – Ты не Паскаль! Ты… – Она не могла открыть глаза, не могла выйти из транса, извлечь из хрусталя руки. Но увиденное потрясло ее настолько, что из-под опущенных век потекли слезы. – Ты… кровь. Ты убийца! Ты зверь! Проклятый зверь!

– Урзак, – громко произнес Паскаль. – Ты же знаешь, что меня зовут Урзак.

И резким движением смахнул со стола шар.

Мадам Усоцкая с криком упала на пол, но почти сразу же вскочила, слепо заметалась по комнате, попыталась обхватить руками раскалывающуюся голову и закричала еще сильнее, поранив себя застывшими на пальцах стеклянными иглами:

– Зверь!

Она снова упала на пол, наступив коленями на осколки шара. Застонала и наконец сумела открыть глаза.

– Я долго искал тебя, Читающая Время, – произнес Урзак, глядя на испачканное кровью и слезами, на искаженное болью и ужасом лицо женщины. – Расскажи, кто еще спасся?

Она промычала что-то невразумительное. Урзак подался вперед.

– А самое главное: как смогла спастись ты? Я ведь помню, как убивал тебя!

И женщина увидела, что стоит за вопросом, – страх.

Урзак не мог понять, что нарушило его планы. Непонимание рождает неуверенность в себе, неуверенность рождает страх, страх питает врагов.

Мадам Усоцкая успокоилась и даже сумела высокомерно улыбнуться.

– Что ты знаешь о смерти, зверь?

И уверенной рукой вонзила стеклянные иглы себе в шею.

* * *

анклав: Москва

Транспортный Узел «Шереметьево»

слабая облачность, приятный свежий ветерок

чей-то след, чей-то взгляд

– Внимание! До окончания регистрации пассажиров дирижабля «Семен Дежнев» осталось десять минут. Посадка осуществляется на башне А-4.

Судьба цеппелинов – небо. Подобно альбатросам, они никогда не опускаются на землю, проводя под облаками всю жизнь, с рождения до смерти. Только там.

Огромные серебристые сигары величественно покачивались над посадочными башнями, бросали тени на бетонные полосы Шарика и всем своим видом показывали, что только они, медлительные и неповоротливые, имеют право называться «королями воздуха». Они, а не суетливые крылатые железяки, низкородные и пошлые.

– Внимание! Закончена посадка на рейс 2121 Анклав Москва – Анклав Франкфурт…

Большинство европейских маршрутов обслуживали обычные реактивные самолеты, гонять на короткие рейсы «сверхзвуковики» бессмысленно и невыгодно даже при заоблачных ценах на билеты. Узконосые потомки «Конкордов» и «Ту-144» летали дальше, самое близкое их направление – Эдинбург. Однако элитой пассажирской авиации считались не они, а обслуживающие межконтинентальные рейсы «страты» – ракетные самолеты, выходящие за пределы атмосферы. На полях Шарика они группировались отдельно: классические «Боинг Star 90», изящные А-7000 «Дилижанс» и знаменитые китайские «Куай Цзянь».

– Внимание! Экспресс «Красная Стрела», следующий по маршруту Санкт-Петербург – Анклав Москва, прибудет с двухминутным опозданием. Генеральная Компания Наземного Транспорта приносит извинения…

Вокзал скоростных поездов находился на минус втором уровне, однако информация о рейсах шла по всей территории

узла.

– Внимание…

Объявления не сливались, но следовали друг за другом с такой частотой, что вычленить из потока нужную информацию казалось неразрешимой задачей. Большинство пассажиров и посетителей Шарика подключались к серверу Транспортного Узла напрямую, через «балалайку», маркировали нужный рейс и получали на чип весь необходимый пакет: время отправления и регистрации, место посадки и схему прохода к нему. Однако традиционные объявления по громкой связи руководство Шарика не отменяло. Не видело необходимости. Гигантский транспортный узел был переполнен людьми в любое время суток. Пассажиры и получатели грузов, представители транспортных компаний и лоточники, грузчики, встречающие, провожающие, жулики всех мастей, охранники, попрошайки – тысячи людей на тысячах гектаров. Тысячи людей, способных превратить в хаос самую продуманную и отлаженную систему. И голос диктора, проникающий в каждый уголок транспортного узла, объединял их, заставлял ощущать муравейник Шарика единым организмом, живущим по строгим и четким законам.

– Внимание! Регистрация пассажиров на рейс 2914 Анклав Москва – Анклав Эдинбург начнется через двадцать минут…

Мишенька остановился перед витриной сувенирной лавки, посмотрел на свое отражение, поправил белую фуражку, улыбнулся и не спеша направился к нужным воротам.

– Ничего запрещенного.

– Вас это смущает?

– Разумеется, господин Банум. – Без одарил Урзака белозубой улыбкой. – Мне платят за то, чтобы я находил преступников.

Натягивающий пиджак Хасим молча скроил ответную усмешку.

– Господин Банум, позвольте принести официальные извинения за причиненные неудобства. Дополнительная проверка…

– Оставьте, офицер, я знаю правила.

– Благодарю за понимание.

Еще одна дружелюбная улыбка. Но глаза у беза холодные, совсем не дружелюбные. Мимика отработана до мелочей, на лице морщинки, что появляются от многочисленных, ничего не значащих улыбок, а глаза – профессионала. Органические наноскопы. И извинения прозвучали безразлично, официально. Впрочем, лебезить перед пассажирами безов не учили, они делали свою работу, и точка, когда ошибались – так и говорили.

Если досматриваемые начинали скандалить, им полагались еще несколько бессмысленных улыбок и дополнительные, но столь же холодные слова извинений. В крайнем случае вызывался начальник смены.

Правила.

Впрочем, Хасим привык к тому, что вызывает пристальный интерес у таможенников, и не собирался обвинять безов в ненужном рвении. Искусственные кисти, которые трансплантировали Бануму в «NanMed», действовали как настоящие: так же быстро, так же послушно. Они отличали горячее от холодного, тупое от острого, мягкое от твердого – посылали нужный сигнал в мозг… точнее, не в мозг – в «балалайку», а уж затем, благодаря дополнительным соединениям, – в мозг. Наноскопы, стоявшие на таможенных пунктах, реагировали на нестандартный разъем, и Бануму частенько приходилось отправляться в специальную комнату для дополнительной проверки.

– Прибыли с деловым визитом?

– У меня неплохо идут дела в Анклаве Цюрих, думаю открыть филиал фирмы и здесь.

– В Анклаве Москва прекрасно относятся к честным бизнесменам.

– Наслышан.

– Всего хорошего, господин Банум.

– Прощайте.

Урзак вышел в зал ожидания, остановился, прислонил трость к стене и стал медленно натягивать кожаные перчатки. Тонкие черные перчатки. Внешне искусственные руки ничем не отличались от настоящих: поры и волоски на коже, небольшой шрам между большим и указательным пальцами правой руки, не совсем идеальные ногти. Руки были теплыми, искусственная кожа даже краснела при пощипывании – в свое время Хасим не поскупился, заставив специалистов из «NanMed» сотворить подлинное чудо. Мертвые руки были живыми насколько это возможно.

Тем не менее Урзак предпочитал прятать их под перчатками.

Он восстановил прерванное во время досмотра подключение к информационной сети Шарика и негромко произнес:

– Такси.

Через мгновение в правом верхнем углу напыленного на глаза наноэкрана появилась схема кратчайшего пути к стоянке.

Моратти предлагал Урзаку удобную легенду, под которую можно было обеспечить встречу в аэропорту и снять хорошую квартиру в Сити, но Хасим отказался. Он взял у президента

только самое необходимое, а обо всем остальном позаботился сам – так спокойнее.

– Внимание! Регистрация пассажиров на рейс 2914 Анклав Москва – Анклав Эдинбург начнется через двадцать минут…

Урзак взял трость, поднял с пола тонкий чемоданчик – весь свой багаж, сделал шаг вперед и тут же остановился, едва не столкнувшись с молодым человеком в летной форме.

– Извините.

– Вы извините, – улыбнулся пилот.

– Не за что.

Хасим повернулся к молодому человеку спиной и, тяжело опираясь на трость, направился к эскалатору: остановка такси находилась на минус первом уровне.

Белая форма с золотом – пилоты дирижаблей, белая форма с черным – «страты», добавки голубого указывали на то, что человек летает на сверхзвуковиках и, наконец, темно-синие вставки говорили, что перед вами пилот обычных самолетов. Улыбчивый молодой человек носил белое с голубым, люди смотрели на него с уважением, уступали дорогу, но Урзак был далек от того, чтобы восхищаться неизвестным летуном. Его заинтересовало то, что не видел никто другой.

Неуловимый след, который оставлял за собой молодой летчик.

– Николай Крючков, резервный пилот, рейс 2914.

Сотрудница авиакомпании посмотрела на Мишеньку с интересом: красавчик, да и сложен неплохо, да еще и сверхзвуковик – мечта любой девушки на выданье. Ослепительно улыбнулась, продемонстрировав, как умеют двигаться пухленькие – совсем чуть-чуть подправленные пластиками – губы. И порадовалась про себя, что не поленилась и утром нанесла макияж от «а» до «я», не ограничилась помадой и пудрой.

– Наверное, не часто бываете дома?

И поправила упавший на лицо светлый локон.

– Как раз наоборот – слишком часто, – улыбнулся Мишенька. – Пилоты не любят болеть, и работы у резервистов немного.

– А когда в основной отряд?

– Годика через два. Без опыта на постоянные рейсы берут редко.

Девушка с удовольствием бы поболтала с летчиком подольше, но к стойке подошли пассажиры с каким-то сверхважным и сверхсрочным вопросом, а потому пришлось завершать приятную беседу.

– Пожалуйста, поверните голову.

– С удовольствием.

Сканер считал информацию, и по монитору побежали слова сообщения:

«Проверка подлинности – 100» «Балалайка» у Щеглова стояла настоящая, иначе и быть не могло, ведь чипы пилотам выдавала СБА. В «Пирамидоме» визировали все изменения в статусе служащих авиационных компаний и осуществляли проверку подлинности. Так что единственное, что сделали машинисты Мертвого, – добавили в собственную базу данных новую запись.

Курс управления сверхзвуковым самолетом Мишенька прошел еще в Университете – он входил в стандартную программу подготовки офицера СБА, и за те несколько часов, что у него были до отлета, Щеглов успел позаниматься на тренажере, освежить в памяти старые знания и ознакомиться с произошедшими изменениями. Разумеется, Мишеньку трудно было назвать полноценным летчиком, но поработать вторым пилотом он мог без проблем. К тому же по специальному, надежно защищенному каналу СБА, невидимому для авиационных служб, Щеглова страховал настоящий летчик из Московского отряда, готовый в любой момент подсказать правильный ответ на любой вопрос.

– Кстати, вы не знаете, что случилось с основным пилотом? – поинтересовался Щеглов после того, как девушка решила проблемы пассажиров.

И удостоился еще одной лучезарной улыбки.

«Он не ушел!! Он хочет поболтать!»

– С основным все в порядке. Второй отравился.

– Опять второй, – посетовал Мишенька.

– Ничего страшного, Николай, уверена, скоро вы станете капитаном. – Девушка чуть подалась вперед и взмахнула длинными ресницами. – Я работаю каждый день. Моя смена с восьми до шестнадцати.

– Наверное, достают пассажиры?

– Не то слово…

Она отчаянно пыталась закрепить успех и превратить мимолетную встречу во что-нибудь более перспективное.

А он отчаянно пытался понять, кто за ним следит. И, флиртуя с симпатичной девчонкой, периодически бросал взгляды на зеркальную витрину за ее спиной, прощупывая находящихся в зале людей.

Кто?

Знакомый? Невозможно: пластики СБА изменили его внешность так, что Мишенька сам себя не узнавал. Кауфман

послал группу прикрытия? Зачем? Операция засекречена, и тайна хранит посланца Мертвого лучше, чем рота тяжеловооруженных безов. Предательство? Нет. О предстоящем путешествии в Эдинбург знали всего пятеро: кроме Кауфмана и Слоновски два техника да пилот на подстраховке. Троих последних Щеглов лично проверил и перепроверил сто раз – он курировал контрразведку московского филиала СБА – и был в них полностью уверен.

И все-таки чувствовал, чутьем профессионального дознавателя чувствовал, что кто-то за ним смотрит. Или смотрел. Скорее именно так: смотрел. Но взгляд незнакомца, тяжелый, оглушительно тяжелый, как вцепился в Мишеньку, так и не отпускал. Хватка слабела, конечно, но очень и очень медленно, нехотя и не уходила просто так, в никуда, а оставляла после себя неприятную, покалывающую боль в висках.

«Таким взглядом только стены сносить!»

А девушка продолжала болтать. Она уже перешла на «ты» и теперь завершала какую-то смешную историю из портовой жизни:

– И представь себе, Николай, сюда выходит сам директор Шарика! Обалдеть, да?

– Да.

Поняв, что человек, бросивший тяжелый взгляд, давно ушел, Мишенька попытался перебрать встреченных в зале людей. Тех, кто запомнился. Таксист, носатый, черноглазый («слегка заикается…»), две симпатичные веснушчатые двойняшки с тяжелыми рюкзаками («очень неплохие ножки…»), расплывшаяся тетка в хиджабе, за которой следовал выводок детишек («огромные миндалевидные глаза…»), плешивый капер в дорогом костюме, бородавка на левой щеке («почему он ее не свел?»), калека с палкой… Калека, с которым он столкнулся незадолго до того, как подошел к стойке… Его лицо почему-то не хотело всплывать перед внутренним взором Мишеньки. Не хотело, и все.

«Не твой ли взгляд на меня давит?»

– Николай, когда ты планируешь вернуться в Москву?

– Предсказать сложно, но я не думаю, что задержусь больше чем на два дня.

«Надо будет просмотреть запись в «балалайке».

* * *

где-то в сети

история не знает крепостей, которые не удалось бы взять

После общения с Моратти работорговцы решили не задерживаться в Цюрихе и разъехались к местам постоянного проживания. Некоторые из них отправились в Анклавы, вернувшись к обличью добропорядочных бизнесменов: кто-то переместился на виллу, кто-то на океанскую яхту. У каждого из них была вторая, законопослушная жизнь, которой они дорожили не меньше, чем первой, основной. Каждый из них был видным членом общества, выходил в свет, поддерживал благотворительные фонды и не состоял на учете ни в одной спецслужбе мира. Во всяком случае, как подозреваемый в причастности к деятельности Ассоциации.

А посему следующая встреча лидеров Ассоциации, которая состоялась через несколько дней после переговоров с президентом СБА, кардинально отличалась от предыдущей. Совещание шло через сеть, над обеспечением его безопасности работало несколько десятков классных машинистов, и потому работорговцы могли говорить почти свободно. Вот только ответы приходили с двухсекундной задержкой, но к этой мелочи лидеры Ассоциации давно привыкли.

– Надеюсь, детали московского проекта уже разработаны?

– Разумеется, господа, как и было обещано.

Предложение Моратти работорговцы приняли в тот самый день, когда оно было высказано. Приняли практически единогласно, при одном воздержавшемся: идея сделать должником Ассоциации самого президента СБА понравилась лидерам. Дольше всех колебался скептик, за что его в конечном итоге назначили менеджером проекта, и теперь ему предстояло отчитываться о проделанной работе.

– Разработаны… А ведь вы говорили, что времени для реализации проекта недостаточно, – напомнила женщина.

– Могу повторить, – буркнул скептик. – Никогда ранее мы не готовили столь сложную операцию в такие сжатые сроки.

– Какова вероятность успеха? – вклинился в разговор весельчак.

– Восемьдесят процентов.

– Так высоко?

– Вы сомневаетесь в моем профессионализме? – поморщился скептик.

В целях безопасности собеседники использовали только голосовую связь, без видео, но они слишком хорошо знали друг друга, чтобы понять, какую именно гримасу выдал менеджер проекта.

– Никто в тебе не сомневается, – произнес рассудительный. – И давайте, в конце концов, перестанем прыгать с пятого на

десятое. Рассказывай по порядку.

– ОК, – согласился скептик. – Итак, первая проблема – недостаток времени. С ней мы более или менее справились, но это нам стоило невысокой вероятности успеха операции, поскольку был выбран максимально простой в реализации план.

– Придется рискнуть, – буркнул пятый участник совещания, самый молчаливый из всех лидеров Ассоциации.

– Тем более что выбора у нас нет, – поддакнула женщина.

Скептик вежливо дождался, когда собеседники прекратят обмениваться мнениями, и продолжил:

– Вторая трудность: собственно реализация проекта. Особое внимание следовало уделить тому, чтобы при любом развитии событий, и в случае успеха, и в случае провала, никто не смог увязать проект с Ассоциацией.

– Безусловно!

– Поэтому я решил не задействовать в операции ни Егеря, нашего регионального менеджера, ни подчиненных ему людей. Никакого прикрытия с нашей стороны.

– Это увеличит затраты на проект.

– Главное – безопасность.

Скептика выбрали на роль менеджера не только потому, что он дольше всех противился сделке с Моратти. Он был самым осторожным из лидеров, курировал, на пару с рассудительным, внутреннюю безопасность, и можно было не сомневаться, что он сделает все, чтобы оградить Ассоциацию от ненужных подозрений.

– Я подобрал персонал, способный работать в условиях полной автономности.

– Персонал будет потерян?

– Только в самом крайнем случае. К участию в проекте привлечены опытные и квалифицированные люди, которые в дальнейшем могут быть полезны Ассоциации.

– Вы уверены, что сможете соблюсти сроки?

– Проект планируется осуществить во время карнавала.

– Так скоро?

– Мы проанализировали ситуацию и пришли к выводу, что затягивать не имеет смысла. По мере приближения крайнего срока уровень безопасности вокруг объекта будет расти. Он ведь не идиот, в конце концов. А на карнавале объект появится обязательно. Разумеется, его будут охранять, но в условиях праздника сделать это качественно крайне сложно.

– Вы только что сказали, что объект не является идиотом.

– А еще я только что сказал, что мы проанализировали ситуацию, – огрызнулся скептик. – На карнавале объект

сопровождает удвоенное количество охранников. Не менее пятидесяти человек, включая снайперов и агентов в штатском. Но и только. Обеспечить надежную защиту они неспособны.

– Исполнители смогут осуществить проект?

– Вероятность восемьдесят процентов.

– И смогут уйти?

– Да. Эта часть плана проработана наиболее детально. Как я уже говорил, персонал подобран квалифицированный. Они не хотят попадаться.

– Как СБА возьмет виновных?

– Непосредственно на месте преступления, на карнавале.

Работорговцы помолчали, переваривая странное заявление скептика.

– Я думаю, в детали плана вдаваться не следует, – произнес наконец рассудительный. – Достаточно того, что менеджер проекта в нем уверен.

– Кого вы сдадите СБА? – поинтересовалась женщина.

– Братьев Бобры, – ответил скептик и пояснил: – Это видные московские уголовники.

– Улик будет достаточно?

– Более чем.

– Какую легенду им расскажут?

– Никакую. Братьев будем использовать втемную.

– Не уверен, что стоит связываться с канторщиками, – высказался молчун.

– Некоторое время назад у братьев были проблемы, их взяли с «поплавками», правда, довольно быстро отпустили.

– Это я и имел в виду, – произнес молчун.

– Бобры работают на СБА? – В голосе весельчака прозвучало удивление.

Он занимался исключительно американскими континентами и был далек от московских реалий.

– Мертвый выстроил в своем Анклаве весьма специфическую систему, – сообщил скептик. – Он грамотно использует этнические противоречия, стравливает между собой канторы, но при этом плотно их контролирует. Можно сказать, что все московские бандиты так или иначе работают на СБА. Во всяком случае, такой плотности осведомителей, как у Мертвого, нет ни у одного другого директора.

– Если Бобры работают на СБА, это даже лучше, – заметил рассудительный. – Кауфман им доверяет, а значит, повышается вероятность того, что он пропустит удар.

– Мертвый никому не доверяет, – вздохнул скептик. – Но добраться до него я постараюсь.

* * *

анклав: Москва

территория: Аравия

около девяти утра, солнечно

тайны мертвецов скрывают их друзья

«Была ли случайной встреча в аэропорту?»

Этот вопрос занимал Урзака всю дорогу до Аравии. Таксист не мешал – Банум сразу же велел ему заткнуться, – а окрестностями Урзак не интересовался, считая, что все Анклавы похожи друг на друга, так что размышлениям ничего не препятствовало.

Как всегда в подобные минуты, Банум не сводил взгляд с трости, а точнее, с резной рукояти. Маленькие черные бусинки, которые древний мастер искусно врезал в змеиную голову, могли показаться безжизненными, мертвыми, но Урзак умел смотреть глубже и знал способ преодолеть преграду и увидеть искру жизни за непроницаемой мглой. Но для этого нужна полная концентрация… которая так необходима во время размышлений.

Итак, молодой человек в форме пилота, аура которого опалена дыханием Чудовища. Последнее звено в цепи доказательств. Самое последнее. Аура – это не рассказ китайца и не ставшие теплыми руны, ауру не подделаешь. Следы, что оставляет Чудовище, можно попытаться скрыть, завуалировать, но пилот мер предосторожности не принял, из чего можно сделать вывод, что Чудовище чувствует себя в Москве как дома. Здесь его логово, его крепость. Здесь оно готово встретить любого врага.

«Знает ли Чудовище обо мне?»

Банум давно познал все, что вызывает страх: предательство, боль, тлен. Из-за этого ему иногда не хватало эмоций, чувства прошедшего через все человека притупились, жизнь потеряла прежнюю яркость, но сделанного не воротишь. Воплощение холодного разума – его выбор. И его защита. Нельзя сойти с ума, оценивая происходящее с позиций: «полезно – бесполезно», «выгодно – невыгодно», «практично – непрактично». Вопрос волновал Урзака только потому, что Чудовище могло скрыться, а Банум намеревался покончить с его существованием раз и

навсегда.

«Знает ли Чудовище обо мне?»

И из этого вопроса плавно вытекал другой:

«Была ли случайной встреча в аэропорту?»

Тщательно обдумав ситуацию, Урзак ответил утвердительно:

«Да, встреча случайная».

Вряд ли Чудовище направило в аэропорт человека со столь заметной аурой, а если бы и отправило, то не позволило бы ему столкнуться с Банумом. Нет, если бы речь шла о встрече, Урзака должны были ждать обычные люди, специалисты наружного наблюдения. Сменяя друг друга, окружив гостя электронными глазами и ушами, они бы провели Хасима до самой квартиры, организовали бы несколько точек слежения… но этого не произошло. Такси спокойно ползло по московским пробкам, и никто – никто! – в этом Урзак был уверен на сто процентов, не следовал за ним.

«Или встреча была знаком? Не показывает ли Чудовище, что знает о приезде и не прочь договориться?»

Над этими вопросами Банум размышлял недолго:

«Нет. Невозможно».

В бусинках змеиных глаз проскользнули искорки, словно вырезанная из дерева тварь согласилась с хозяином.

Словно она помнила кровь на камнях Последнего Храма. Словно понимала, что Чудовище скорее убьет себя, чем протянет руку Тому, Кто Выбрал Путь.

А вышедший из транса Урзак перевел взгляд на мертвые кисти и прошептал:

– Тебя не должно быть. Ты не могло появиться. Не могло. Не могло…

Исламских районов в Москве два: Аравия и Урус. Правда, часть негров также почитала Аллаха, но их количество было незначительным, и Занзибар называли черным, вуду-католическим, а не правоверно-зеленым. В Урусе, расположенном на юго-востоке Анклава, селились в основном выходцы из России и Омарского эмирата. Эта территория считалась беспокойной и непредсказуемой. Чужаков здесь не любили, власть находилась в руках вождей семейных кланов и нескольких мощных кантор, которые не желали делиться ею даже с Мертвым. Впрочем, ничего странного в подобном положении вещей не было: такие же нравы царили в Занзибаре и Шанхайчике, не говоря уж о территории Мутабор.

На фоне Уруса Аравия выглядела куда как цивилизованнее: мало ветхих домов, нет мусорных куч на перекрестках, на улицах

почти не встречаются вооруженные люди. В некоторых секторах, где селились богатые арабы, порядок поддерживали патрули СБА. Исправно оплачивались услуги городских служб, что позволяло содержать улицы в относительной чистоте и не бояться, что прорыв канализации приведет к появлению вонючих болот – подобные происшествия случались в Урусе по нескольку раз в год. Среди аравийцев преобладали переселенцы из Исламского Союза, что накладывало существенный отпечаток на жизнь территории. И ничего удивительного, что Урзак, привыкший к европейской жизни и имеющий массу друзей в Союзе, снял квартиру в этом спокойном уголке Анклава.

Однако первое, что он увидел, выйдя из такси, был разбитый информационный экран, возле которого стоял фургон с логотипом «МосИнфо». За сменой поврежденных частей наблюдало несколько зевак, и Банум, поколебавшись, остановился за их спинами.

– Завтра опять разобьют, а мы плати.

– Шейх сказал, что такое больше не повторится.

– Шейху, конечно, виднее.

– Говорят, ночью еще два магазина сожгли…

Урзак отвернулся от экрана, медленно обвел взглядом стены домов и почти сразу увидел то, что искал: «Кашмир!». Крупная надпись красной краской. В Аравии, судя по всему, назревали беспорядки.

«Тихий район?»

Квартиру Бануму присмотрели друзья. Сказали, что это будет приличный дом в хорошем квартале, а соседи – исключительно достойные люди. Фотографии здания и внутреннего убранства холлов и квартиры произвели на Урзака самое благоприятное впечатление, он согласился, получил электронный ключ, приехал, и вот – пожалуйста. Если в дорогом квартале Аравии происходят подобные вещи, то что же творится в районах, заселенных людьми попроще?

Банум вытащил из бумажника мелкую купюру, подозвал к себе мальчишку и поинтересовался:

– Что случилось?

– Наши вчера кришнам врезали, – охотно поведал пацан. – Вот они и ответили. Под самое утро примчались на двух джипах и устроили пальбу. Старая Зухра в окно высунулась и получила пулю в плечо, а Хамид, ее сын, сказал…

– Можешь не продолжать.

Урзак отдал парнишке честно заработанный евродин и направился к своему подъезду. Под ногами хрустело разбитое стекло.

Несколько позже, приняв ванну и расположившись на низеньком диване в большой гостиной – квартира действительно оказалась прекрасной, – Банум окончательно выбросил из головы увиденное на улице. Пока назревающие в Аравии беспорядки его не касались, думать о них не имело смысла. Сосредоточиться следовало на поисках Петры Кронцл, через которую – Урзак в этом не сомневался – можно будет выйти на Чудовище.

Поговорив с Моратти и изучив все подробности истории, что случилась в Москве несколько месяцев назад, Банум смог оценить, в какой непростой ситуации оказался Роман Фадеев, которого выманили на враждебную территорию и заставили играть по чужим правилам. Итог известен: Роман мертв, Петра пропала, корпорация находится под управлением президента «Науком» Холодова. Казалось, недруги Фадеева получили все, что хотели. Но только казалось. Урзак не сомневался, что от Романа требовали большего: отдать контрольный пакет, оставив за Петрой лишь незначительную долю, но Фадеев ценой собственной жизни сумел сохранить корпорацию для внучки. Что стало для нее превосходной страховкой – в случае смерти законных владельцев «Фадеев Групп» была бы продана по частям.

Знал ли Роман, где находится Петра?

Урзак не сомневался, что знал, наверняка обговорил детали. И так же наверняка позаботился о том, чтобы за внучкой присматривали не только похитители. Оставил надежных людей, способных в случае необходимости прийти Петре на помощь. Кого-то из своих телохранителей? Нет. Все шотландские безы покинули Москву после смерти Фадеева, никто из них не вышел в отставку и не вернулся в Анклав. Старые друзья? Роман родился в России, и у него наверняка сохранились связи, однако нащупать их невероятно сложно, для этого придется детально прорабатывать биографию Фадеева. Оставался только один кандидат – капитан спецназа ОКР Эмира Григорьевна Го. Она сопровождала Романа в Москве, ее люди засветились во время штурма базы Зузинидзе – скорее всего, тоже планировали освобождение Петры, но не успели, – наконец, прошлое Эмиры. В собранном людьми Моратти досье (а точнее – купленном в ОКР) подробно рассказывалось о детстве капитана Го, о том, чего ей довелось хлебнуть, и, читая его, Урзак подумал, что похищение девушки вполне могло задеть чернобурку.

Или не могло? Или идеальная машина, в которую превращали новобранцев дрессировщики ОКР, забыла о прошлом? Ответа на этот вопрос у Банума пока не было.

Но Фадеев тоже просматривал досье на капитана Го и

наверняка обратил внимание на историю ее детства. Хватило ли у него времени, чтобы разобраться в Эмире?

– А у тебя не было выбора, – усмехнулся Урзак. – Ты растерял всех друзей, Железный Ром, и был вынужден полагаться на тех, кто под рукой.

Да и кто поверит, что верхолаз доверился чернобурке?

– Ты знаешь, где прячут нашу девочку, – улыбнулся Урзак, обращаясь к фотографии Эмиры. – И знаешь, кто ее прячет.

* * *

анклав: Москва

территория: Болото

«Шельман, Шельман и Грязнов. Колониальные товары

и антиквариат»

маленькие дети – маленькие проблемы, большие дети – большие проблемы

В тот день занятия начинались после обеда, и Пэт позволила себе поваляться в кровати подольше. Будильник не включала, проснулась, когда захотела, и еще с полчасика нежилась, бездумно переключая каналы на стационарном коммуникаторе.

– Польские фундаменталисты бурно отпраздновали возвращение из Мекки шейха Саида, наиболее почитаемого в этой провинции Баварского султаната духовного лидера. Манифестация в Кракове продолжалась…

«Скучно!»

– Специально для Бала Королевы Осени! Уникальное предложение от клуба «Кукуруза»! Полная имитация тропического острова…

«Спасибо, я уже знаю, куда пойду…»

– Стань стомиллионным участником «Переворота сознания»! Подключись к самой популярной глобальной игре современности, окажись стомиллионным игроком и получи суперпризы!!!

«Ага, размечтались!»

– Дорогой, ужасная новость! Двоюродная сестра мужа племянницы твоего шурина беременна от…

«Страсти какие…»

Девушка остановила выбор на одном из музыкальных каналов, нехотя выбралась из-под одеяла и направилась в примыкающую к спальне туалетную комнату. Однако едва Пэт выдавила на щетку пасту, как музыка сменилась рекламой:

– Нанотехнологический комплект «Барби»…

Поморщилась: «Фи! Барби!» Но тут же задумалась: все-таки управлять цветом волос и ногтей через «балалайку» весьма удобно.

«Купить?»

Поразмыслила, покачала головой и принялась яростно чистить зубы – Кирилл ни за что не одобрит вживление нанов.

В структуре антикварной компании «Шельман, Шельман и Грязнов» Филя Таратута занимал скромную должность начальника хозяйственного отдела. Выглядел он соответствующе: неприметное, незапоминающееся лицо, скромная одежда блеклых тонов, дешевый и практичный мобиль. На деле же Таратута не только вел всю бухгалтерию фирмы, но и являлся правой рукой Грязнова в другом предприятии, контролируя работу московского отделения Консорциума Транснациональных Перевозчиков, организации контрабандистов, размах деятельности которой заставлял скрежетать зубами все силовые структуры планеты.

– Кришны не хотят ждать, Кирилл, уже два раза выходили на связь.

– Для чего?

– Просят ускорить поставку.

Грязнов задумчиво перебрал несколько жемчужин четок, посмотрел на голову дракончика и поинтересовался:

– Мы можем привезти товар?

– Он уже в Москве, – подтвердил Таратута.

– Напомни, в спецификации нет ничего серьезного?

– Индусы не идиоты. Понимают, что мы не повезем барахло, которое вызовет у Мертвого истерику. – Подумал и добавил: – Мы не идем contra rationem.[2]

Все знали, что Консорциум мог раздобыть любое оружие: хоть охотничий нож, хоть ядерную мину – связи у контрабандистов были колоссальные. Однако на практике они предпочитали придерживаться определенных правил. Контрабандисты частенько отказывались от сотрудничества с террористическими группировками, никогда не связывались с оружием массового поражения и никогда не поставляли в Анклавы боевые комплексы типа «саранча» или «пингвин». Безы не любили драться с хорошо экипированным противником, а Консорциум не желал вести

полномасштабную войну с СБА. Разумеется, находились горячие головы, пытавшиеся заставить менеджеров КТП отойти от принципов. Финал этих попыток был всегда одинаков: горячие головы отрезались.

– Кришны запросили дешевое ручное оружие и боеприпасы. Но в больших количествах.

– Будут раздавать людям.

– In pugna non numerus multum, sed fortitude eorum vincit.[3]

– Они ждут толпу из Аравии, – проворчал Грязнов. – Это будет не битва, а навал, который можно остановить только огнем.

– Или они сами хлынут в Аравию.

– Или так, – не стал спорить Кирилл. – В любом случае, ситуация там нестабильная, так что вези товар как можно быстрее: если опоздаем, нам никто не заплатит.

– Periculum in mora,[4] – подытожил Филя.

– Верно, – кивнул Грязнов и обернулся к открывшейся двери: – Что?

– Патриция проснулась, – сообщил Олово. – Я накрыл завтрак.

Некоторое время назад, впервые оказавшись в доме Грязнова, Пэт не сочла его интересным. Она привыкла к богатым поместьям, к фешенебельным виллам, к замкам, площадь которых превосходила пару городских кварталов, и лишь поморщилась при виде двухэтажного особняка на московской улице. И несколько дней ее раздражала мысль о том, что ей придется жить в этой хижине. Но постепенно раздражение прошло, сменившись сначала удивлением, а затем и уважением. Особняк Кирилла оказался настоящим домом, уютным и спокойным местом, стены которого надежно ограждали обитателей от суеты и непредсказуемости внешнего мира. Если Пэт возвращалась в него взвинченной, чем-то недовольной, то уже через пять-десять минут она успокаивалась, если ей становилось тоскливо, то достаточно было пройтись по скрипящим половицам второго этажа, провести рукой по деревянным панелям или перилам лестницы, чтобы вернуть себе присутствие духа. Дом принял девушку, а Пэт приняла его и давно забыла о том, что хотела напылить на стены наноэкраны и расширить окна.

– Как дела в Университете?

– Нормально.

– Подружилась с кем-нибудь?

– Познакомилась.

– Нельзя прожить жизнь, имея лишь знакомых и приятелей.

– Ты, как всегда, прав.

Грязнов замолчал. Пэт взяла тост и намазала на него абрикосовый джем. Собирающий грязные тарелки Олово наградил девушку укоризненным взглядом.

– Ты сказала это с иронией, – после паузы произнес Грязнов.

– Ты ошибся.

– Кажется, тебя что-то беспокоит. У тебя портится настроение…

– Ты ошибся.

– Пэт?

Девушка помолчала. Ей не нравилось, что Кирилл легко, как книгу, читал ее состояние. Он видел все: когда ей весело и когда тоскливо, когда поглощена раздумьями и когда мается со скуки, не зная, чем заняться. Он видел и вел себя соответствующе. Этим Грязнов напоминал Пэт Деда. Чем и раздражал: ведь Дедом он не был.

Деда уже нет.

– Расскажи, что случилось, – попросил Кирилл. – Пожалуйста.

Поняла: не отстанет. И нехотя буркнула:

– Ко мне снова приставали свамперы.

– Как вы расстались?

– Карбид сказал, что в следующий раз будет считать меня врагом.

– Карбид их вожак? – уточнил антиквар.

– Да.

– Он произнес эти слова при свидетелях?

– Да.

– В этом случае к ним следует отнестись серьезно. У байкеров принято отвечать за свои слова.

– Я его не боюсь.

– Об этом и речи быть не может. – Грязнов выставил перед собой ладони. – Если я превращу тебя в трусливую курицу, Железный Ром найдет меня на том свете и, пожалуй, загрызет.

Кирилл не в первый раз упоминал имя Деда в таком полушутливом тоне, и Пэт давно перестало это коробить. Тем более Фадеев сам сказал внучке, что Грязнов его старый друг.

– Ты можешь мне помочь?

– Если ты попросишь.

Он ответил не высокомерно и без ехидства. Но посмотрел на девушку очень внимательно. И всем своим видом давал понять, что ломать гордость не надо, не тот случай. Они друзья, а в том, чтобы попросить об одолжении друга, нет ничего зазорного.

Но Пэт только училась дружить.

– Что ты можешь?

– В принципе – все.

– Вот как?

– Вот так.

Олово, бесшумно появившийся за спиной хозяина, поставил перед ним бокал с водой. Кирилл вытащил из кармана старомодную позолоченную коробочку, высыпал на ладонь несколько таблеток, положил их в рот и запил водой. Пэт знала, что Грязнова часто мучают головные боли, но к врачам он не обращался, современные препараты не использовал, предпочитая глотать пилюли, приготовленные жившим по соседству аптекарем.

На несколько секунд Кирилл закрыл глаза, а когда вновь распахнул их, Пэт сразу же спросила:

– И ты убьешь их? Если я попрошу?

– Безусловно. – Он медленно допил воду. Усмехнулся. – Лучше я сделаю это сейчас, не дожидаясь, пока они причинят тебе какой-нибудь вред и мне придется уничтожить их, пылая праведным гневом. – Грязнов помолчал. – Но есть нюансы. Существует вероятность, что мы не уничтожим всех байкеров. Или их родственники пожелают отомстить. Но ты не стесняйся. Если скажешь, я сотру с улицы всю банду.

Только сейчас девушка поняла, что Кирилл говорит абсолютно серьезно. Не испугалась – ей уже доводилось видеть кровь. Но поняла, чего не хватало Деду и почему он хотел сделать скромного антиквара Грязнова своим компаньоном: жестокость. Не жесткость, не злость, а спокойная, хладнокровная, обдуманная жестокость. Роман Фадеев не был слабаком, он легко переступал через друзей и врагов, убивая их одним из самых сильных орудий – деньгами, но когда его миллионы перестали что-либо значить, когда он столкнулся с людьми, которых нельзя купить, Железный Ром потерялся. А скромному антиквару, судя по всему, было безразлично, чем убивать: деньгами или клинком.

– Перебить целый вагон трудно… – начала девушка и осеклась: на губах Олово, явившегося за бокалом, промелькнула тень улыбки.

– Я должен заботиться о тебе, – мягко напомнил Грязнов.

– Такая помощь мне не нужна.

– Какая нужна?

– Я хочу справиться сама.

– Прекрасный ответ, дочь.

– Не называй меня так.

– Извини, не могу. Мы должны играть.

– Мы договаривались, что ты будешь называть меня так только на людях.

Грязнов кивнул:

– Ты права. Извини. Я привык.

– Не надо привыкать.

Кирилл потер лоб:

– Вернемся к нашим делам. Что в твоем понимании означает «справиться сама»?

Пэт повертела в руках салфетку.

– Они видят во мне только симпатичную метелку, богатую, но метелку. Большинство байкеров – мужики, их подруги… просто подруги.

– Есть масса исключений.

– Не в этом вагоне.

– ОК.

Девушка помолчала.

– Они считают, что я им неровня.

– Ты чужая. Во всем чужая.

– Но нам кататься на одних улицах.

– Хорошо, что ты это понимаешь. – Грязнов широко улыбнулся: – Итак, к делу. Чего ты хочешь? Сравняться с ними?

Пэт упрямо выпятила подбородок:

– Сравняться? Я лучше!

– Хочешь возглавить вагон?

«Что за идиотское предложение?»

– Зачем? Они должны оставить меня в покое.

– Продемонстрируй им свою силу. Докажи, что ты лучше.

– Этого будет достаточно?

– Смотря как преподнести.

Девушка вновь задумалась.

– А еще лучше, – протянул Кирилл, – подружись с ними.

– Подружиться?

– Что тебя не устраивает? Докажи свою силу, свое превосходство, а затем предложи дружбу.

Пэт вспомнила, как вели себя ее знакомые, те, из старой жизни. В их мире дружба, точнее, то, что они называли дружбой, была возможна только с равными. Если твой отец не верхолаз, а высокопоставленный капер, ты уже из другой лиги, ты всегда будешь чуть ниже.

– Разве это возможно: дружба между нами?

– А что, по-твоему, дружба?

Она не потратила на размышления слишком много времени:

– Отношения, основанные на взаимном уважении.

– Я не совсем согласен с подобной концепцией, но не собираюсь спорить сейчас. Я принимаю твое высказывание. Итак. Взаимное уважение. Взаимное. Тебе придется уважать их. Сумеешь?

– Я должна подумать.

– Хорошо, что ты не ответила сразу, – одобрил Кирилл. – А они соответственно должны уважать тебя. Не бояться, не липнуть к твоим деньгам, а уважать. Видеть в тебе человека. Видеть тебя настоящую.

Она не собиралась откровенничать, но не удержалась:

– Карбид хочет меня.

– А ты его?

Пэт скривилась.

– Понятно. – Грязнов почесал кончик носа. – Ты правильно сделала, что не скрыла эту подробность. Любая информация важна, а уж такая – тем более.

– Он видит во мне метелку и ни за что не признает равной.

– Я бы добавил, что Карбид наверняка обсуждал с приятелями твои достоинства и планы в отношении тебя. Теперь он не отступит.

– Чтобы не потерять уважения среди своих.

– Верно.

– И что нам остается?

– Скажи ты, – предложил Грязнов.

– Карбид должен исчезнуть, – спокойно произнесла Пэт. – Он всегда будет против меня.

– Все правильно, – негромко сказал Кирилл. Он опустил глаза и внимательно посмотрел на дракончика.

А голос девушки звучал все увереннее и увереннее. Разговор, который она начинала нехотя, помог ей разобраться в проблемах и принять нужное решение.

– Я хочу знать об этом вагоне как можно больше. Ты сможешь собрать информацию?

– Да.

– Когда я буду знать все, я смогу рассчитать свои действия.

– Все правильно, – тихо повторил Грязнов, – все правильно.

Чуть позже, когда девушка отправилась в свою комнату – «надо подготовиться к занятиям», – Кирилл вышел на кухню. Жестом показал Олово, чтобы тот не прерывался – слуга разделывал кролика, – некоторое время постоял у плиты, не приближаясь к покрытому кровью столу, после чего негромко сказал:

– Передай Таратуте, что к вечеру мне нужна подробная информация о свамперах.

– Да-а, мастер. – Олово тянул некоторые гласные, отчего его речь резала слух. – Они приста-ают к девочке?

Голос слуги был корявым, но в нем прозвучали нотки… нет,

не угрожающие, не злые, не яростные… нотки человека, умеющего наводить ужас. Они улавливались подсознательно, и тот, кто мог их услышать, начинал смотреть на скромного Олово совсем другими глазами.

– Она справится.

– Хорошо.

Узкое лезвие скользило по тушке, нож казался продолжением окровавленных рук слуги – настолько ловко он с ним обращался. Олово молчал, но Кирилл не уходил, знал, что через некоторое время разговор продолжится.

– Она-а не доверяя-ает ва-ам, мастер. Сторонится.

– У нас есть время.

– Три года пролетя-ат быстро.

– Но торопиться не следует.

– Она-а может за-амкнуться, ста-ать скрытной. – Олово закончил работу и, не поднимая глаз, отошел к раковине и принялся отмывать нож от крови. – Она-а может оста-аться чужой.

– У нас есть время, – повторил Грязнов. – А пока разузнайте, что из себя представляют эти свамперы.

* * *

анклав: Москва

территория: Болото

клуб «Ракетный Ускоритель»

золото и доброе слово могут больше, чем только золото

Маленький ребенок ломает только что подаренную игрушку. Маленький ребенок ловит и вскрывает зазевавшуюся лягушку. Со стороны кажется, что мы видим проявление бездумной первобытной жестокости. На самом же деле маленький ребенок познает мир. И если он растет в нормальной семье, то очень скоро поймет, что создавать значительно интереснее, хоть и труднее, чем разрушать. Что к новому можно прикоснуться, не убивая и не ломая.

Но бывает так, что ни воспитание, ни этические ценности, ни религия – ничто не способно помешать человеку отдаться своим страстям.

Родители Дрогаса, зажиточные торговцы из Анклава Франкфурт, позаботились о том, чтобы все их дети получили приличное образование. Стефан окончил Университет, защитил диплом инженера-оператора ядерных установок, однако работать по специальности не стал. Отверг предложенный «ЕЕ» контракт и, к огромному удивлению друзей и родственников, завербовался в армию Европейского Исламского Союза. Причем не в обычное подразделение, а в Иностранный Легион, воевавший даже когда официальный Эль-Париж со всеми жил в мире. Здесь, в крови и грязи, в пороховом дыму боевых и карательных операций, таланты Стефана раскрылись в полной мере. Здесь, а не на скучной ядерной электростанции. Дрогас охотно принимал участие в военных действиях, стал экспертом по оружию и мастером рукопашного боя. Через год перспективного солдата отправили в диверсионную школу, а оттуда – в специальное подразделение, в которое брали только лучших специалистов. Через два года Дрогас стал офицером. Еще через три вышел в отставку и, несмотря на уговоры европейцев, вернулся во Франкфурт. Стефан не сомневался, что боевой офицер с его послужным списком не останется без работы, и не ошибся. Интерес к ветерану проявили и бандиты, и охранные фирмы, и даже менеджеры Ассоциации. Однако лучшее предложение сделала СБА, причем исходило оно от самого Ника Моратти, тогдашнего директора франкфуртского филиала. Стефан предложение принял и с тех пор ни разу об этом не пожалел. Работа на Моратти наилучшим образом сочетала в себе все, о чем мечтал Дрогас. Он постоянно преступал закон, убивал, подставлял, провоцировал… и оставался безнаказанным. Он играл со смертью в самой сильной команде мира. Он был счастлив.

«Ускоритель» – хороший клуб. Нет, без дураков, – действительно хороший. «Цапли» не зря считаются самым вменяемым московским вагоном, и их база подтверждает репутацию. Здесь не задирают чужаков, ну разве что те сами нарвутся. Пушеры прячутся, их надо искать. А в туалетах можно дышать носом…»

«Дыры и заборы. Книга для тех, кто хочет прожить в Москве больше одного дня».

А еще здесь можно без помех поговорить. У цапель, несмотря на их вменяемость, отношения с СБА оставались натянутыми, Мертвый недолюбливал самый большой и свободолюбивый вагон Анклава, и безы охотно пакостили байкерам. Во избежание недоразумений помещения клуба проверяли на наличие

прослушки два раза в день, для страховки цапли ставили мощные глушилки, что превращало «Ускоритель» едва ли не в идеальное место для серьезных бесед. Карбид об этом знал и, пользуясь своей дружбой с цаплями, частенько наведывался в клуб.

– Не нравится жесткая музыка?

– Громкая она, – пожаловался Дрогас.

– Что?

– Громкая!

– Какая?!

– Громкая!!

Карбид расхохотался.

Жанна из тех королев,
Что любят роскошь и ночь,
Только царить на земле
Недолго ей суждено.
Ну, а пока, как богиню, на руках
Носят Жанну… Жанну…

По утрам живые группы не играли, цапли включали записи. Как правило, современные, но иногда, как сейчас, старые, чуть не столетние, но не потускневшие, по-прежнему ударные.

– Здесь всегда так шумно?

– В кабинете будет тише, – пообещал Карбид.

Дрогас поморщился, но про себя отметил, что байкер выбрал для встречи неплохое место: редкие посетители клуба потягивали пиво, болтали, громко смеялись, но не обращали на них никакого внимания. Точнее, короткие взгляды бросали, но, опознав Карбида, отворачивались – здесь не принято лезть в чужие дела.

– Пришли! – Карбид плюхнулся на диванчик, ловко открыл банку пива и сделал большой глоток. – Располагайся и ничего не бойся: здесь своих не слушают.

Второй байкер, Рус, тоже открыл пиво, но пить не стал. Наполнил бокал и молча уставился на пенную шапку.

«О чем думает?»

Стефану Рус не нравился – недоверчивый молчун. Карбид представил его как «брата», хотя родственниками они явно не были: Рус худощавый, с прямыми черными волосами, наверняка южных кровей. Карбид – высокий, плечистый, пышная шевелюра светлая, в рыжину. Рус скуп на эмоции, Карбид шумный, любит находиться в центре внимания. А самое главное: руки. У Карбида мощные кисти, способные сжаться в пудовые кулаки, тонкие пальцы Руса перепачканы черным – смазка и масла въелись в кожу. И эта чернота смущала Стефана: человека, который умеет

не только махать кулаками, трудно сбить с пути.

– Альфред, ты говорил, что будет серьезная тема, – припомнил Карбид, открывая вторую банку пива.

Он назвал Дрогаса именем, которое знал, – Альфредом, именно так Стефан представлялся в Москве на этот раз.

– Куда уж серьезнее, – пробормотал Дрогас.

До сих пор Стефан использовал свамперов по мелочам: помогли доставить оружие в южные районы Аравии, напали на магазин в Кришне, приняв участие в создании нужной атмосферы, вот, собственно, и все. Байкеры зарекомендовали себя хорошо, деньги отработали сполна, и Дрогас решил поручить Карбиду куда более важное дело. Однако хмурый Рус, некстати появившийся на переговорах, мог стать проблемой. Таких, с черными пальцами, сложно уговорить пойти на настоящее преступление.

– Оплата тоже серьезная?

– Кажется, ты уже убедился в моей щедрости, Карбид. Получишь в три раза больше, чем в прошлый раз.

– Хорошие деньги… значит, хороший риск, – подал голос Рус. – Что тебе надо от нас?

Спросил грубо, намеренно грубо.

«Господи, какое детство! – Дрогас едва сдержал смех. – Щенок пытается вывести меня из себя? Затеять ссору? Ну не идиот ли?»

Но если человеку чего-то хочется, надо ему это дать. Дать быстро, пока он не передумал. И дать больше, чем он хотел. Пусть наестся вдоволь. Пусть его стошнит.

– А у тебя что, поджилки затряслись? – высокомерно поинтересовался Стефан.

– Знать хочу.

– Тогда смени тон.

– А что тебе не нравится?

Стефан усмехнулся:

– Маленькая собачка любит задирать лапу на большое дерево?

Карбид поперхнулся пивом, но высказаться не успел.

– Нарываешься? – быстро спросил Рус.

– Держи пасть закрытой, когда разговаривают мужчины, – предложил Дрогас.

– Вы чего, охренели? – Карбид, не ожидавший, что ссора будет развиваться с такой скоростью, переводил недоуменный взгляд с одного собеседника на другого. – Мы же за дело говорить пришли.

– Я привык общаться с настоящими мужиками. А не…

– Заткнись!

– Нет, пусть продолжит!

– Лучше заткнись, – качнул головой Карбид.

– А то что? – осведомился Дрогас.

– А то нарвешься на неприятности.

– Хорошо, – после короткой паузы произнес Стефан. – Давайте посмотрим, что вы, ребятки, вкладываете в понятие «неприятности». Повторяю: я привык общаться с мужчинами, способными на большие дела, а не с трусливыми маменькими сыночками, которые любят рассуждать о Настоящих Парнях…

Свамперы атаковали одновременно. Карбид – потому что вспылил. Рус – потому что надеялся дракой прекратить не нравящийся ему разговор.

Разные мотивы предполагали разное наказание. От Карбида Стефан ушел, элегантно увернулся от кулака и плавным движением придал здоровяку дополнительное ускорение, отправив его лбом в стену. Оглушенный Карбид вышел из игры, и Дрогас занялся его недоверчивым помощником. Пяти секунд ему вполне хватило, чтобы как следует отметелить Руса: прямой в челюсть, заставивший парня остановиться, затем еще два удара в голову и несколько пинков ногами по упавшему.

Цапли отнеслись к возникшей потасовке без особого интереса. Дерутся – значит, надо. Главное, что все быстро закончилось.

Убедившись, что Рус не придет в себя как минимум пять минут, Стефан обернулся к очнувшемуся главарю.

Улыбнулся:

– Извини за маменькиного сынка, Карбид. Я не имел в виду тебя. Я ведь вижу, что ты серьезный и основательный мужчина, настоящий лидер. Ты умеешь рисковать и знаешь, с кем можно работать. Я ведь не просто так пришел к тебе.

И протянул руку, помогая байкеру подняться на ноги. И сдавил его ладонь так, что Карбид скривился.

– Хорошо бьешься.

– Меня учили, – скупо ответил Стефан.

– Где?

– Допустим, в армии. Тебе не все равно?

– Хорошо учили.

Карбид угрюмо посмотрел на Дрогаса и потрогал наливающуюся на лбу шишку. Он не знал, как вести себя дальше.

Сначала работать со странным человеком, представившимся Альфредом, было легко и приятно. Он щедро оплачивал несложные задания, и у вагона впервые за несколько месяцев появились деньги. Ребята повеселели, и только Рус относился к

Альфреду с подозрением – ему не нравилось, что вагон используют как стаю черенков. Но Карбида это не беспокоило. Тем не менее, когда Альфред упомянул о «серьезном» деле, вожак решил взять с собой Руса: одна голова хорошо, а две лучше. И вот что получилось.

– Рус горячий, – пробормотал Карбид, покосившись на распластанного на полу друга.

– Я тоже не айсберг. И шутить со мной не надо.

Угроза? А черт его знает! Карбид признался себе, что проигрывает Альфреду в уме и не всегда улавливает смысл, вкладываемый тем в слова. Угрожает, что, если они не согласятся работать, он сдаст вагон безам?

– Найти хороших и надежных партнеров очень сложно. Канторы – сброд, тупое быдло, работать с ними противно. Ты – другое дело. Ты свободный человек, и ребята твои – свободные. Вам можно доверять. А я ценю доверие. И ценю долгосрочные отношения.

– То есть… – Карбид откашлялся. – То есть мы еще поработаем? Потом?

– А ты думал, кто я?

– Ну, сейчас ты… – Карбид отвел глаза. – Сейчас ты Аравию мутишь.

– Правильно, – усмехнулся Стефан. – Но это сейчас. У меня широкие планы, Карбид, и заданий для тебя будет много.

– Хотелось бы верить.

– Что тебя смущает?

– Я ничего о тебе не знаю.

– Это залог твой безопасности.

Карбид хмыкнул:

– Пусть так. Но если что-то пойдет наперекосяк, ты свалишь, а мы останемся. И ответим за твои художества.

– Перед кем ответите?

– Допустим, перед Мертвым.

Стефан расхохотался.

– Ты, Карбид, мужик нормальный, но манию величия надо лечить. Какое Мертвому до тебя дело? Или ты думаешь, он за каждым уличным хулиганом лично гоняется? Бунты на территориях обычное дело. Даже если вас поймают, то больше чем пара месяцев в местной тюрьме вам не светит – не того полета птицы. Скажете, что решили подзаработать, и вскорости будете разгуливать на свободе. Причем заметь, Карбид, с деньгами будете разгуливать.

Рус застонал и попытался перевернуться. Карбид поднял с пола банку пива, открыл ее, сделал глоток и поинтересовался:

– Что за серьезное дело?

По роду деятельности Дрогасу приходилось якшаться со всякой швалью: уголовники и психопаты, садисты и сексуальные маньяки, подонки, готовые продать родных за пару монет, и бескорыстные уроды, потакающие сидящим внутри демонам. Материал, из которого Стефан лепил свои операции. Даже законченный идиот может оказаться полезным, в качестве козла отпущения например, и Дрогас умел находить общий язык со всеми. И ко всем в глубине души относился приблизительно одинаково. Как к мусору.

Принципиальной разницы между канторами и вагонами Стефан не находил, но анализ показал, что работать с московскими уголовниками опасно: СБА зорко следила за канторами, и бандиты, в свою очередь, не считали зазорным делиться со Службой информацией о подозрительных чужаках. Эта идиотская, невозможная в других Анклавах система здорово мешала Дрогасу и заставляла тратить дополнительные силы на поиск исполнителей. Байкеры с СБА не сотрудничали, но жили по своим правилам, и вряд ли кто-нибудь из больших вагонов согласился бы сделать нужную Стефану работу. К счастью, Карбид полностью соответствовал психологическому портрету, который составили для Дрогаса помощники: не очень умный, самолюбивый и жадный. Карбид мечтал превратить свамперов в действительно мощный вагон и понимал, что для этого нужны деньги. Много денег.

Они договорились.

* * *

анклав: Москва

территория: Болото

«Салон Мамаши Даши. Предсказание будущего и коррекция судьбы»

рано или поздно приходится отвечать на неприятные вопросы

Человек не может жить без загадок, не может не искать ответов, не может все время спать. Ученые объяснили людям,

отчего возникают болезни и как с ними бороться, как влиять на погоду и летать в космос, вставили в головы компьютеры и связали их Всемирной сетью. Ученые старались сделать мир понятнее, но добились лишь того, что люди принялись искать другие загадки и задавать ученым вопросы, на которые у них не было ответа.

«Почему невозможно окончательно уничтожить вирусы?»

«Почему коррекция погоды лишь ухудшает экологию?»

«Почему постоянно откладывается пилотируемый полет к Марсу?»

«Что ждет меня завтра?»

И если на первые вопросы ученые худо-бедно научились давать ответы, то последний ставил их в тупик. Человек не желал выслушивать прогнозы, он желал точно знать свое будущее. Наука пасовала и уступала место шустрым предсказателям всех мастей и оттенков. В сети расплодились сайты, автоматически составляющие гороскопы по дате рождения, а то и просто по имени. Не хочешь читать гороскоп? Не беда: подключись к другому серверу, и каждое утро тебе будет приходить письмо с коротеньким предсказанием на день. Не умеешь читать? Выбери голосовой режим, и приятный женский (мужской) голос нашепчет сообщение. И подключались, и выбирали, и слушали. И даже верили. Несмотря на то, что сетевые колдуны гадали даже по номеру «балалайки».

Человек слаб.

Те же из жаждущих, кто располагал временем и деньгами, к виртуальным волшебникам не обращались. Понимали, что предсказание – не пицца, его по сети не закажешь. Составляя гороскоп, настоящий колдун не ограничится только датой рождения, он изучит ауру, посмотрит линии на руке, заглянет в глаза. И богатые домохозяйки отправлялись в магические салоны, пытаясь отыскать в полутемных, наполненных запахом благовоний комнатах ответы на вечные вопросы.

– Неправильно, – произнесла Мамаша Даша, откладывая поданный Матильдой лист с таблицей.

– Почему?

– Ответь сама.

Девушка взяла составленный ею гороскоп, быстро пробежалась по основным выводам, покосилась на исходные данные заказчика и пожала плечами:

– Вроде все в порядке.

– Ты забыла, что женщина родилась не в Москве, – вздохнула Мамаша.

– Черт!

– И не ругайся.

– Извини. Я переделаю.

Мамаша не заставляла Матильду заниматься гаданием, интерес к профессии тетки у девушки возник сам. И укрепился после нескольких случаев…

– Не уходи, – остановила племянницу гадалка. Она взяла Матильду за руку и заглянула в глаза: – Чем ты расстроена?

– Патриция… – нехотя протянула девушка.

– Вы поругались?

– Нет.

– Тогда в чем дело?

Матильда запнулась. Как ответить? Издевалась? Ну, можно сказать и так: Пэт знала, что подруга не любит быстрой езды. Но «издевалась»… звучит слишком сильно. Увлеклась? Да, наверное, просто увлеклась. В конце концов, «Плутон» – не велосипед.

– Что у вас произошло?

– Пэт повезла меня из Университета на мотоцикле. Быстро повезла. И не остановилась, когда я попросила.

– Она поступила плохо.

– Она очень высокомерная, – бросила Матильда.

– Пэт грубила тебе?

– Нет… но это чувствуется. В жестах, в интонациях… Она как будто стоит на другой ступеньке.

– Когда Патриции было пять лет, Кирилл отдал ее в закрытую школу, – негромко произнесла Мамаша.

– Ты это говорила, – перебила гадалку Матильда. – Но мне кажется, что это ложь.

– Почему?

– Она ничего не рассказывает об этой школе.

– Может, ей там не нравилось, – пробормотала Мамаша.

А девушка, почувствовав растерянность Даши, решила проверить давние подозрения:

– Тетя, ты заставляешь меня дружить с Пэт, потому что так хочет Кирилл? А мы от него зависим?

– С чего ты взяла?

– Ты говорила, что мое обучение в Университете будет спонсировать «Науком»…

Гадалка вздрогнула.

– Да, говорила.

– Учебный год начался, а я до сих пор не подписала с ними контракт. Навела справки и выяснила…

– Да, ты права, – ослабевшим голосом произнесла Мамаша. – Я забыла тебе сказать, что «Науком» нам отказал.

– Но я учусь.

– За обучение платит Кирилл.

– И поэтому я должна дружить с его капризной дочерью?

– Нет! – Мамаша Даша ответила резко, неожиданно резко. И громко. – Ты ничего и никому не должна. Ты можешь пойти к Патриции и плюнуть ей в лицо, если пожелаешь. Можешь облить ее краской и навсегда поругаться. Можешь сделать все, что хочешь: Кирилл огорчится, но продолжит оплачивать твое обучение.

Матильда помолчала, растерянно хлопая глазами на тетку, затем тихо спросила:

– Это правда?

– Правда.

– Почему он это делает?

– Узнаешь. – Гадалка встала из-за стола, подошла к племяннице и обняла ее за плечи. – Патриция не умеет дружить, это так. Но рано или поздно это пройдет. Поддержи ее, Мата, мы должны ей помочь.

– Почему?

– Потому что она нам нужна.

* * *

анклав: Москва

территория: Аравия

жаркий день

большое начинается с малого

Настороженность. Ее запах. Ее шепот. Ее взгляд.

Выжить в Анклаве непросто. Хочешь вернуться вечером домой или в то место, которое называешь домом, – будь внимателен. Не ходи в районы, в которых тебе нельзя появляться. Не говори, чего не следует. Не говори, с кем не следует. Смотри по сторонам. Если ухитряешься следовать правилам и не стал параноиком – будешь жить долго. Счастливо или нет, зависит от тебя, но долго. У тебя выработается нюх на опасность. Повинуясь ему, ты покинешь улицу, на которой вот-вот начнется массовая драка, и зайдешь в магазин за секунду до того, как на площади откроет

стрельбу психопат.

Согласно официальной статистике первые моб-киллеры убивали в среднем двадцать шесть человек – скорострельные «дрели», которые они, как правило, использовали, необычайно эффективны против толпы. Но когда аналогичное исследование провели через десять лет, аналитики крепко задумались: среднее число жертв снизилось до двенадцати человек. Психопаты продолжали выбирать наиболее оживленные места, продолжали использовать современное автоматическое оружие, но… У людей развился инстинкт. Они стали быстрее вычислять моб-киллеров, быстрее падать на землю, скрываться за углом, а самое главное – избегать опасных зон. В пятнадцать ноль восемь камера наружного наблюдения, установленная на площади Пушкина, зафиксировала толпу численностью около трех тысяч человек, в пятнадцать двенадцать людей было около двух тысяч, а когда в пятнадцать пятнадцать очередной психопат открыл огонь, на площади находилось всего полторы тысячи человек. Подобные данные поступали после каждой акции моб-киллеров.

У людей вырабатывался новый инстинкт.

Он складывался из повседневных мелочей, из наблюдений, из желания жить. Из простых правил, которые устанавливали для себя люди и которых они придерживались машинально, не задумываясь. Например, приезжая в Урус или Занзибар, Слоновски всегда снимал «дыродел» с предохранителя. А вот в Аравии – нет. Район другой. Спокойный.

Был.

Сегодня же в шумном гомоне аравийских улиц ощущалась настороженность, ожидание удара. Взгляды быстрые. Голоса отрывистые. Улыбок почти нет.

Настороженность.

– Они ждут, – негромко произнес Марат.

Грег молча кивнул.

Опытные безы чуяли надвигающуюся грозу лучше всех. И если Слоновски знал, что Аравия вот-вот полыхнет, то рядовые сотрудники СБА, не посвященные в комбинации Мертвого, просто чуяли и вот уже три дня выезжали на патрулирование Аравии в усиленном составе.

– Ждать осталось недолго.

– Надеюсь, мы успеем уехать, – невесело пошутил Марат.

– Надеюсь.

Посещать в эти дни Аравию не рекомендовалось. Официально территорию не закрыли, но все понимали: достаточно одной искры – и взорвется. Сильно взорвется. В любой момент. Но старый Абдурахман, у которого Слоновски собирался разузнать

насчет людей Моратти, отказывался говорить о серьезных вещах по сети. Когда-то неосторожность стоила Абдурахману трех лет свободы, и с тех пор он вел дела только лично. Пришлось тащиться.

– К лавке не подъезжай, – пробурчал Слоновски. – Ну его к черту, рисковать. Остановись в паре домов, у щита. А дальше я сам.

– Еще скажи: смешаюсь с толпой.

– Постараюсь.

В целях конспирации безы переоделись муниципальными электриками, взяли инструменты, поехали на стандартном фургончике. К городским служащим в Аравии относились нормально, не приставали, но это в обычное время…

– Все, я пошел. – Слоновски, который с трудом помещался в маленькой кабинке «Пежо», выбрался на тротуар, расправил плечи и облегченно вздохнул.

Все в квартале знали, что Абдурахман человек уважаемый. Очень уважаемый.

В свои семьдесят с хвостиком он сохранил ясный и острый ум, которому бы позавидовал иной тридцатилетний. В его лавке продавались ковры ручной работы. Торговля процветала и пользовалась популярностью среди известных дизайнеров, оформляющих квартиры богатым каперам и верхолазам. Дети Абдурахмана выросли, трое сыновей жили в достатке, двум дочерям старик нашел достойных мужей. Все было хорошо.

Но по-настоящему уважаемым человеком делали Абдурахмана не мудрость и богатство, а обширные связи среди аравийских канторщиков. Сам старик уголовником никогда не был (ошибки молодости не в счет), но авторитет среди бандитов имел высокий, умел нужные слова для любого человека подобрать, совет хороший дать, подсказать, с кем иметь дело, а кого поостеречься. Абдурахман нынешних вожаков канторских сопливыми юнцами помнил, и к его мнению прислушивались. И не только прислушивались. Когда назревали серьезные дела, затрагивающие интересы нескольких кантор, старик частенько оказывался в самом центре интриг: ему доверяли, и случалось, скромный торговец коврами обеспечивал совместную работу группировок, вожаки которых терпеть не могли друг друга. Всякое бывало.

Назревающие в Аравии беспорядки оказались на руку канторам – удобный повод придавить обнаглевших конкурентов из Кришны. Однако открыто раздувать конфликт бандиты не хотели: опасно, да и уважение соплеменников можно потерять.

Вот и поручили контроль за ситуацией старику – он и канторские интересы соблюдет, и СБА из виду не выпустит, и недругов Мертвого к делу пристроит. Альфред, появившийся некоторое время назад в Москве, денег на бунт не жалел, но аравийцы его к себе не подпустили, на Абдурахмана вывели. Деньги, разумеется, взяли, советами профессиональными воспользовались, а что дальше с чужаком делать, оставили на усмотрение старика, захочет безам сдать – пусть сдает, никого судьба провокатора не волновала.

Абдурахман же, обдумав все тщательно, решил Альфреда отдать, списать на чужака организацию беспорядков. Но торопиться старик не хотел, и сегодня Слоновски ожидала первая порция информации: подтверждение, что бунт готовят профессионалы из другого Анклава, и обещание передать их в руки московского СБА. Предложение щедрое, и Слоновски придется раскошелиться…

Два совпадения за один день… Возможно ли?

Сначала пилот-сверхзвуковик, теперь громила в форме муниципального электрика, невозмутимо вышагивающий по улицам Аравии. В отличие от пилота громила не удостоил Урзака вниманием, прошел мимо, равнодушно скользнув взглядом.

И унес на своей ауре пыль Чудовища.

«Сколько же у него слуг?»

Короткий укол, мгновенный приступ неуверенности.

«Хватит ли сил для победы?»

«Не веришь? Тогда зачем начинал?»

Банум шел, не поднимая головы. Очередная – и опять случайная! – встреча со слугой врага навела его на неприятные размышления.

Верю, в себя верю. Кем бы ни было Чудовище в прошлой жизни, ему не сравниться с Избранным.

Никто в мире не мог повторить путь Урзака.

А значит, исход схватки предопределен.

Традиция умрет окончательно. Уступит место китайцам. Мусульманам. Индусам. Католикам Вуду. Всем, кто оказался сильнее.

«Живучее».

«Неважно».

«А что важно?»

«Чудовищу нет места на Земле. Его Путь – кровь».

Банум остановился перед железной дверью подъезда. Искусственный палец прикоснулся к кнопке домофона.

– Вы к кому?

– Передайте шейху Удэю, что его хочет видеть Хасим Банум.

К Абдурахману Слоновски так и не попал. Перехватили по дороге. Остановили. Не дали пройти.

Но обо всем по порядку.

В том, чтобы не подъезжать к лавке старика, был смысл: не следует привлекать лишнее внимание к верному человеку. Учитывая положение дел в Аравии, даже визит врача может вызвать у соседей подозрения. Посему Слоновски пошел пешком. Он рассчитывал пробыть на улице не более пяти минут, достаточно, чтобы сыграть роль, продемонстрировать, что он заурядный служащий, занимающийся полезными делами, и без помех войти в лавку. В обычное время замысел бы удался, в обычное время Грега вряд ли бы заметили – среди черноволосых обитателей Аравии постоянно мелькали европейские лица, но Слоновски недооценил уровень напряженности, и даже форма муниципальной электрической компании, которую напялил Грег, не помогла.

Собственно, с формы все и началось.

Слоновски покопался в распределительном щите, изучил показания счетчиков, покачал для вида головой, огляделся, захлопнул дверцу и неспешной походкой направился к лавке.

И услышал грубоватый голос:

– Эй, капер!

Интерес к муниципальному служащему проявил юнец, отделившийся от небольшой группки черенков, болтающейся у информационного экрана.

– Я не капер, – миролюбиво отозвался Грег.

– Тогда кто?

Не будь Слоновски под прикрытием, он бы просто смахнул с дороги нахального щенка и пошел по своим делам. А рыпнулись бы – продемонстрировал жетон СБА или «дыродел», в зависимости от настроения. Но обстоятельства требовали играть роль инженера, а инженеры, насколько знал Грег, вели себя не так, как начальник отдела прямых переговоров. Юнец преградил дорогу, и Слоновски остановился, искренне надеясь, что конфликт разрешится сам собой.

– Саид, отстань от работяги!

Грег приободрился. Приятели нахального черенка не планировали прессовать заезжего электрика, так что еще пара секунд унижений, и его отпустят. Но юнец, к сожалению, не прислушался к совету друзей.

– Да какой он работяга, Махмуд? – Указательный палец Саида уткнулся в бицепс беза – тонкая ткань комбинезона не

могла скрыть могучего сложения. – Ты посмотри на его лапы! Здоровый, гад.

– Меня мама таким родила, – смущенно пробормотал Слоновски.

Это было истинной правдой.

– А где твоя мама? В «Пирамидоме» служит?

Юнец сделал маленький шаг вперед. От него пахло соевым кебабом и «травкой». Злые глаза, чуть подрагивающие губы. Щенок нашел жертву.

– Саид, успокойся!

Медленно звереющий Грег помялся и несмело улыбнулся:

– Пожалуйста, можно я пойду? Мне не нужны неприятности.

– Ты зачем сюда приехал?

– Абдурахман задолжал за электричество… – машинально выдал легенду Грег и тут же прикусил язык, запоздало поняв, что для истеричного черенка следовало бы придумать что-нибудь иное.

– Кровопийца вонючий! – взорвался юнец. – Из честного человека деньги тянешь? У нас кришны магазины жгут, а тебе деньги подавай, да? Пошел отсюда, сволочь!

Черенок толкнул Слоновски в грудь. Попытался толкнуть.

И тут Грег допустил вторую ошибку. Он ответил. Достала его роль инженера. Не справился.

Удар пудового кулака отбросил щенка к стене.

Стая оторопела.

Слоновски молча развернулся и бросился наутек.

Толпа была разнородной.

Впереди неслись черенки, штук семь или восемь. Рты перекошены, видимо, орут, у некоторых в руках ножи. Следом бежали мужики постарше, скорее всего решившие развлечься местные бандиты. За ними зеваки и дети. Этим интересно посмотреть на развязку, увидеть, что сделают с чужаком. Убьют или измолотят до полусмерти? Окна в квартире стояли хорошие, звуки не пропускали, но Урзак знал, что шума на улице достаточно. Люди всегда кричат, когда пахнет кровью.

Аравийцы преследовали громилу в форме электрика. Что он натворил? Какая разница? Натворил, и все. Люди напряжены, и любой пустяк может вывести их из себя: наступил на ногу и не извинился, слишком пристально посмотрел на женщину, не уступил дорогу мулле. Громила допустил ошибку и теперь пытался спастись. Сумеет? Вряд ли. В обычное время его мог выручить патруль СБА, но сейчас безов на улицах мало, и станут ли они связываться с толпой – большой вопрос. Так что попал

электрик, крепко попал. Правда, удирал громила мастерски. Беглецов, как правило, перехватывают прохожие: кидаются под ноги, хватают за руки, за одежду, заставляют притормозить, потерять время. Но здоровяк оказался силен, и смельчаки, рискнувшие преградить ему путь, кеглями разлетались в стороны. Потом вскакивали и присоединялись к преследователям. Толпа росла на глазах. Кто-то запустил обрезок трубы в витрину, кто-то ударил битой оказавшийся на дороге мобиль. Хозяин пострадавшей машины вцепился в обидчика, у того нашлись защитники, несколько прохожих вступились за владельца мобиля. Завязалась драка. На улицу, потрясая дробовиком, выскочил владелец магазина. Грохот выстрела долетел даже сквозь толстые стеклопакеты.

Урзак отошел от окна.

– Беспорядки начались.

– Еще нет, – спокойно ответил шейх Удэй. – Но скоро начнутся.

– Вас это не беспокоит?

– Беспокоит, – признал шейх. – Но это естественная часть жизни любого общества.

– Естественная?

– В рай мы попадаем после смерти, а на земле слишком много зла. Кого-то выгнали с работы, кто-то недоволен низким доходом, у кого-то несносная жена, чей-то сын стал наркоманом или дочь опозорила себя, связавшись с неверным. В повседневной жизни слишком много негатива. Какое-то время человек держит себя в руках, потом начинает срываться на близких, потом выходит на улицу. Провокаторы неспособны создать неудовольствие, они лишь спички. Костры же раскладывает жизнь.

– Вы хотите сказать, что есть провокаторы?

– Конечно, – после короткой паузы кивнул Удэй.

– Бунт вызывается искусственно?

– Любой бунт вызывается искусственно, уважаемый Хасим. Кто-то должен встать и сказать: «Пойдем». Кто-то должен показать, что можно перейти черту: ударить первым, разбить витрину, поджечь мобиль.

– Вы не препятствуете?

Шейх вздохнул и долил кофе в свою чашку.

– Уважаемый Хасим, я знаю, вы живете уединенно.

– Совершенно верно.

– Как часто вы встречаетесь с людьми?

– Только по необходимости.

– В таком случае вам не следует осуждать тех, чей образ

жизни кардинально отличается от вашего. Поведение, разумное в пустыне, выглядит глупо в джунглях. И наоборот. Население Анклава давно перевалило за сорок миллионов человек. Восемь из них живет у нас, в Аравии. Вдумайтесь в это число, уважаемый Хасим, – восемь миллионов! Мы не заперты в клетке, наши люди ездят на работу на Колыму, Болото и даже в Сити, но ведь и там они не оказываются в пустыне. Толпы повсюду: на улицах, на площадях, в метро. Днем и ночью, двадцать четыре часа в сутки. Дешевые жилые дома похожи на муравейники, люди во дворах, люди на лестницах, люди на этаже. Взгляды, голоса, смех, слезы. Чужие эмоции. Шум. Уединение практически недостижимо. Лишь двадцать процентов жителей Анклава могут позволить себе отдых за его пределами. Остальные варятся в котле постоянно.

– В какой-то момент им все это надоедает, – пробормотал Урзак.

– Очень сильно надоедает, – подтвердил шейх. – И тогда мы читаем в новостях о том, как скромный лавочник учинил пальбу на оживленной площади. Девятнадцать убитых, шесть раненых. «Дрель» – прекрасное оружие для уличного боя, а новые боеприпасы «Науком» не оставляют ни одного шанса.

– И вы не мешаете людям выпускать пар.

Удэй промолчал.

Банум уселся в кресло напротив шейха и одним глотком допил остывший кофе.

– Когда полыхнет?

– Почему вас это интересует?

– Я снял квартиру в Аравии. Думал, здесь спокойно.

– Полагаю, вам следует переехать.

– Понятно. – Урзак отщипнул две виноградины, повертел в пальцах. – Жаль.

– Мы запускаем внутрь наны, вживляем «балалайки» и летаем на Луну, – медленно произнес Удэй. – Но изменить себя мы не можем. – И посмотрел на Банума: – Мне жаль, что так получилось, уважаемый Хасим. Но во всем остальном вы можете рассчитывать на мою полную поддержку.

Лишней крови Слоновски не хотел, но и терять темп не желал, знал, что если догонят – убьют. Пока Грег справлялся с появляющимися смельчаками с помощью кулаков, костяшки разбил в кровь, но это ерунда – очень уж не хотелось стрелять. Слоновски понимал, что первый же его выстрел окончательно взорвет ситуацию. Преследователи откроют ответный огонь, и все закончится большим шумом.

Слоновски не хотел стрелять.

Но пришлось.

Развернувшийся поперек улицы мобиль кулаком не смахнешь. Грег перепрыгнул через капот, но сидевший за рулем парень успел выскочить и ударить Слоновски по ноге. Без покатился по асфальту. Толпа взвыла. Грег опережал ближайших преследователей шагов на двадцать, и аравийцы не сомневались, что успеют нагнать дерзкого электрика. Слоновски в свою очередь не сомневался, что успеет удрать, потеряв пять-семь шагов преимущества.

Ошиблись все.

Грег молниеносно вскочил, но продолжающий играть в героя водитель уцепился за его лодыжку, намереваясь вновь отправить беглеца на асфальт. Не получилось – крепко стоящего на ногах Слоновски можно было свалить разве что танком, но время…

Через мобиль перепрыгнул первый черенок.

И словил пулю.

Переключение на автомат, и очередь из шести пуль по толпе. Переключение на одиночный, и герой-водитель утыкается в асфальт. Переключение на автомат, и еще две очереди в толпу.

Опустевшая обойма со звоном упала на асфальт. Слоновски на бегу перезарядил «дыродел» и юркнул в ближайший переулок.

– Нас слишком много, уважаемый Хасим, и у нас слишком мало места. Увы, это факт. Анклавы являются срезом общества: ограниченная территория и колоссальная численность населения. Заметьте: смешанного населения. Остальной мир пока не достиг этой стадии, но приближается к ней. Вы говорили, что живете уединенно. Насколько?

– Ближайшее поселение находится в двух километрах, – ответил Банум.

– Старое поселение?

– Нет, новое.

– Когда оно появилось?

– Я понял ваш вопрос, Удэй, – вздохнул Урзак. – Двадцать лет назад от моего дома до ближайшего жилья было девять километров.

Шейх склонил голову:

– Мир изменился, уважаемый Хасим. В Европе относительно спокойно, но только потому, что, слава Аллаху, население моей родины однородно. Но что произойдет, когда оно станет слишком большим?

Или в мире появится чересчур много чужаков?

Индусов и китайцев под зеленые знамена не поставишь, у них свои Традиции. То же с Католическим Вуду. Даже болезни не в

состоянии существенно снизить численность населения, современная медицина справилась с пандемией белого гриппа за месяц, четырнадцать миллионов умерших не повлияли на общую картину: людей становится все больше и больше.

Рано или поздно инстинкт самосохранения погонит их на соседей. Что случится, если Омарский Эмират и Китай схлестнутся по-настоящему? Не в далеком Тихом океане, ради нескольких нефтяных скважин, а на земле? Ради земли?

Когда-то считалось, что главная проблема человечества – еда. Генная инженерия закрыла этот вопрос. Еды хватает. Пусть она искусственная, но ее можно есть. Мы сумели найти выход из водяного кризиса, обеспечили людей дешевой и сносной водой. Мы преодолели проблемы с нефтью, пересадив экономику на электричество. Но все равно оказались в тупике. Мы становимся врагами друг другу. Мы погибнем без новых земель.

Шейх помолчал.

– И мои рассуждения возвращают нас к вопросу, ответа на который у вас нет: что нужно Чудовищу?

Банум недоуменно посмотрел на собеседника.

– Пытаться оживить Традицию – глупо, – развил свою мысль Удэй. – Воду нельзя налить в разбитый сосуд. Вы – прошлое, уважаемый Хасим, вы мертвы. Развязать войну, чтобы отомстить всем? Для этого не требуется прикладывать усилий, достаточно просто подождать, рано или поздно мы сами сойдемся в битве. Но Чудовище не затаилось, оно рискует. Ради чего? Какой путь оно видит? Куда? Не сможем ли мы пойти следом?

– Вы правы, Удэй, у меня нет ответа на этот вопрос.

– Не получится ли так, что Чудовище знает больше вас, уважаемый Хасим? Не получится ли так, что, убив его, мы останемся в тупике? Превратим мир в арену Последней битвы и своими руками погубим наши Традиции? Не потому ли Чудовище пошло на риск, что знает: в любом случае добьется своего. Если оно победит, то получит желаемое, если проиграет – отомстит всем нам?

Урзак опустил глаза и посмотрел на свои руки. На свои мертвые, механические руки.

«Не допустил ли я ошибку?»

– Вы правы, Удэй, пребывая в уединении, я выпал из реальной жизни.

Шейх улыбнулся и вернулся к роли радушного хозяина:

– Попробуйте пахлаву, уважаемый Хасим, она великолепна.

– Благодарю.

Банум откусил сладкий кусочек, прожевал. Прищурился, глядя на спокойное лицо араба.

– Традиции сдерживают людей, но делают их чужими. Не позволяют смешиваться по-настоящему. Получается, пока они существуют, есть поводы для войн.

– Если Традиции умрут, мы превратимся в животных.

– Европейцы не превратились.

– Потому что в большинстве своем ушли в нашу Традицию. Выбрали правильный путь. – Удэй помолчал. – Сделали нас сильнее.

– А если ваша Традиция рухнет?

– Аллах всемогущ, – спокойно ответил шейх. – Понимание этого факта и есть ответ на ваш вопрос, уважаемый Хасим. Чудовище опасно для полубезумных Католиков Вуду и желтых варваров, которые до сих пор играют в мистические игры. Мы слишком сильны для него. А потому готовы подождать и посмотреть, что Чудовище сможет нам дать.

Называть Марата своим спасителем Слоновски не стал. Зачем? Напарник поступил именно так, как должен был поступить в данных обстоятельствах.

Увидев, что Грег дал стрекача, Марат спокойно выехал на параллельную улицу и медленно двигался по ней, ожидая, когда шустрый напарник соизволит к нему присоединиться. Свои действия безы корректировали через «балалайки» и, если бы не герой-водитель, обошлись бы без жертв. Но раз пришлось стрелять, Марат в стороне не остался, прикрыл напарника, когда тот прыгал в заботливо открытую заднюю дверцу фургона: дал очередь по толпе, после чего вернулся за руль и надавил на газ.

Меньше чем через минуту фургон покинул пределы Аравии.

* * *

анклав: Москва

территория: Болото

«Фабрика домашних любимцев»

хочешь добиться своей цели – не пренебрегай ничем

В знаменитую Звероферму на Таганке, в генетическую лабораторию по созданию экзотических домашних животных, Пэт

приходила с удовольствием. И не только потому, что ей нравилось разглядывать причудливых тварей, клетки с которыми заполонили весь первый этаж, хотя она и не упускала возможности полюбоваться странными зверями. Основная причина заключалась в хозяине «Фабрики», Корнелиусе Ежове, первом человеке в Анклаве, назвавшем себя ее другом. И подтвердившим это. Благодушный, немного рассеянный конструктор встречал девушку с неизменной радостью, и Пэт частенько обращалась к нему за советом и поддержкой. Чаще, чем к Кириллу. И плевать ей было на то, что дружелюбный Корнелиус – храмовник.

– Как дела в Университете?

– Учусь, – рассмеялась девушка и погладила вынырнувшую из-за клеток гигантскую ящерицу. – Барсик, привет.

Злобная тварь, надежно защищавшая Звероферму от мелких хулиганов, настойчиво потерлась о ноги Пэт, требуя обязательного подношения.

– Я не забыла, не забыла… – Девушка скормила зверю кусочек сахара.

– Нравится учиться? – поинтересовался Ежов.

– Ты смеешься? Себя студентом помнишь?

– Э-э… помню. – Корнелиус почесал в затылке. – Не очень ярко, конечно…

– И тебе нравилось?

– У нас другие правила, – усмехнулся конструктор. – В Мутабор приходят добровольно, к тому же надо доказывать, что достоин обучения…

Храм Истинной Эволюции, он же корпорация Мутабор, считался одной из самых закрытых организаций на Земле. Храмовников не любил никто: ни верхолазы, ни правительства, ни простые граждане. Машинисты, особенно нейкисты, их ненавидели. У храмовников были устойчивая репутация двинутых на голову и… выдающиеся достижения в области генной инженерии. В своих разработках Мутабор значительно опережал крупнейшие корпорации, а потому храмовников приходилось терпеть.

– В Университете иначе.

– Согласен. – Корнелиус улыбнулся. – Хотя Илье, насколько я понимаю, учиться нравится.

– Но он у нас гений.

– Тогда прибавь мне жалованье, – немедленно подал голос молодой человек. Он оторвал взгляд от монитора и весело посмотрел на Ежова. – Гениям надо платить много.

– Ты начинающий гений, – махнул рукой конструктор. – Ты

должен быть голодным и с горящими глазами. Тогда из тебя выйдет толк.

– Ты разбираешься в гениях?

– Я разбираюсь во всем.

– И ведь не поспоришь, – пробормотал молодой человек и вновь уткнулся в экран.

В отличие от хозяина «Фабрики» Илья Дементьев храмовником не был – обычный машинист. Или не совсем обычный… Так же, как и Пэт, Илья поступил в Университет этим летом, учился на первом курсе, но за обучение не платил, поскольку набрал на вступительных экзаменах максимально возможный балл. Информация об одаренном студенте дошла до корпораций, и парню уже предложили контракты «Хруничев», «Науком» и «Боинг», однако Дементьев заключать договор не спешил и продолжал работать на Ежова, приютившего когда-то бездомного беглеца из России.

– Корнелиус, отпустишь Илью на пару минут? – поинтересовалась Пэт.

– Хочешь похвастаться?

– Ага.

– ОК. Но только на пару.

Ежов направился в лабораторию, а молодые люди вышли во внутренний дворик Звероферм, где девушка оставила мотоцикл.

– Класс! – Илья восхищенно замер. – Отец купил?

– А кто еще?

– Щедрый у тебя папаша.

Пэт поморщилась, но спорить не стала. Вместо этого она провела пальцем по хромированному рулю «Плуто» и негромко спросила:

– Можешь мне помочь?

– В чем?

– Поставить дублирующий канал.

Дементьев недоуменно посмотрел на девушку:

– Объясни. Что значит «дублирующий канал»?

Пэт запнулась. Судя по всему, она плохо понимала, что хочет:

– Я цепляюсь к мотоциклу через «балалайку», правильно?

– Правильно.

Подключение к бортовому компьютеру не было обязательным и рекомендовалось только любителям быстрой езды. Эта связь позволяла существенно увеличить скорость реакции водителя.

– А если «балалайки» у меня нет? Вытащила. Но ехать надо очень-очень быстро. Рискованно ехать. Можно сделать второй канал? Не через «балалайку»? Подключиться к мотоциклу скрытно?

– Только в том случае, если у тебя в голове два чипа, – сразу же ответил Илья. – Один вытаскиваешь, на втором работаешь. Без «балалайки» подключение невозможно.

– Гм… – Пэт взмахнула длинными ресницами. – И даже у Мутабор нет какой-нибудь хитрой технологии?

– Храм отрицает «балалайки».

– Жаль…

Илья помялся.

– Но… может, если ты расскажешь, что произошло, я постараюсь помочь.

Девушка колебалась недолго. В конце концов, она сама завела разговор и понимала, что этот вопрос обязательно возникнет.

– На меня наехали свамперы.

– Вагоны не любят одиночных ездоков.

– Я хочу их отшить, предложить гонку по опасной трассе и выиграть ее.

– Но хочешь подстраховаться.

Пэт внимательно посмотрела на Илью, но не увидела и следа неодобрения.

«Ах да, он же бежал из России!»

Дементьев, несмотря на молодость, прекрасно знал, что жизнь слишком хрупка и не следует ставить ее под угрозу ненужным благородством. Победителей не судят хотя бы потому, что проигравшие, как правило, мертвы. Слабость можно компенсировать хитростью, ударить в спину. Подло? А атаковать заведомо слабого противника не подло? Мамонт мог раздавить целое племя, но люди выкапывали на его пути яму, а потом с шутками свежевали добычу.

– С кем ты будешь гоняться?

– С Карбидом.

– Он хороший гонщик?

– Отличный.

Задумчивый вид вернувшегося с улицы машиниста не ускользнул от внимания Корнелиуса. Выждав некоторое время и позволив парню привести мысли в порядок, Ежов подозвал его и поинтересовался, в чем дело. После некоторых колебаний Илья пересказал храмовнику разговор с Пэт.

– Помочь сможешь?

– Так, как хотела она, – нет. Подключиться к мотоциклу без «балалайки» невозможно.

– А что возможно?

Дементьев неопределенно пожал плечами:

– Ну… есть способы…

– Ты говорил о них Пэт?

– Нет.

– Почему?

– Я не уверен, что смогу, и… не уверен, что ей понравилось бы мое предложение. – Илья виновато посмотрел на Корнелиуса: – Оно подлое.

Ежов понимающе кивнул, помолчал, после чего медленно произнес:

– Я успел полюбить Пэт. Несмотря на некоторые недостатки, она хорошая девочка. Но еще важнее то, что ее отец – мой старый друг. Он могущественный человек и к тому же совсем недавно спрашивал, что за чудо-машинист у меня работает.

– На что ты намекаешь?

– Ты понял, на что, – улыбнулся храмовник. – Окажи Кириллу услугу, и он о ней не забудет. А может он, повторяю, очень много.

– Ясно. – Илья кашлянул и чуть скосил глаза, вызывая на наноэкран часы. – Мне пора в Университет.

– Если тебе нужно время – сегодня и завтра у тебя выходные. Я как-нибудь перебьюсь.

– Ясно, – повторил Дементьев.

* * *

анклав: Москва

территория: Сити

«Пирамидом»

случайным бывает не только выигрыш в лотерею

– Резкое обострение обстановки в Аравии! Беспорядки, о которых предупреждали аналитики, все-таки начались, а СБА оказалась к этому совершенно не готова. Несколько часов назад на оживленной улице вспыхнула перестрелка…

– А ты молодец, – пробурчал Кауфман, глядя на экран коммуникатора. – Ловко все закрутил.

– Случайно, – вздохнул Слоновски, потирая свежую ссадину на лице. – Да и вообще это был не я.

– Конечно, не ты. Все галдят о том, что переодевшиеся

электриками индусы попытались обесточить Аравию, а когда у них не вышло, завязали перестрелку.

– Людям нравится видеть то, что им нравится.

Мертвый с иронией покосился на проштрафившегося Грега, но промолчал.

Редактор новостей вывел на экран коммуникатора картинку с уличных камер, и пару минут Кауфман разглядывал перевернутые мобили и разъяренных арабов, с криками «Кашмир!» громящих все на своем пути. В настоящий момент ярость аравийцев еще не обрела четкой направленности, люди давали выход накопившемуся напряжению и разрушали собственный район. Но скоро, очень скоро им укажут путь.

– Что ты там делал?

– К осведомителю ехал. Абдурахман обещал вывести меня на парней из Цюриха.

– А «балалайка» для чего?

– Старик боится сливать информацию по сети.

– Ох уж эти суеверия… – Мертвый помолчал. – Абдурахман уцелел?

– Угу.

– Следы почистил?

Присланные из Цюриха проверяющие, до сих пор штудировавшие финансовую отчетность, неожиданно затребовали материалы по беспорядкам. Кауфман в просьбе не отказал, но не хотел, чтобы нюхачи проведали о роли Слоновски.

– Мы с Маратом почистили «балалайки», стерли последние часы и переписали базу данных. В то время, когда начался бунт, мы проходили инструктаж по обращению с новыми стрельбовыми комплексами.

– Молодец. – Мертвый выдержал паузу и изменившимся, ставшим ОЧЕНЬ жестким тоном приказал: – Найди заводилу, Слоновски, найди обязательно и… живым. Мы обязаны доказать, что Моратти ведет нечестную игру.

– Я приложу все усилия, шеф.

– Только не устраивай погромов на других территориях.

Грег позволил себе улыбку.

* * *

анклав: Москва

территория: Сити

– Ой!

– Как здорово!

– Великолепно!

– Невероятно!!

– Я уже не жалею, что мы приехали в Москву!

Две женщины на заднем сиденье мобиля и так-то трещали без умолку, а когда Мартин, выполняя пожелание их мужа, вырулил на пятый, самый высокий уровень мостовых Сити и перед глазами пассажирок открылась величественная панорама делового центра Анклава, у них, похоже, открылось второе дыхание.

– Это «Подсолнух»?

– Да.

– Восхитительно!

– А это «Дядя Степа»?

– Да.

– Потрясающе!

– Хосе, посмотри на пирамиду!

– «Пирамидом», – машинально поправил женщину Мартин.

Но его не услышали.

– Чудесный город!

– На карнавале будет еще лучше! – пообещал мужчина с переднего сиденья.

– А когда он начнется?

– Через пару дней.

– Ой, как долго ждать…

– Зато успеем как следует размяться, – хохотнул Хосе. – В Москве полно веселых местечек.

– Я слышала, бандитов здесь тоже полно, – протянула одна из женщин. Та, что выглядела чуть старше.

– О нашей безопасности позаботится Мартин. Правда, Мартин?

Кошелев молча кивнул.

– Ты ведь не допустишь, чтобы бандиты пристали к честным туристам?

– Это моя работа, господин Родригес.

– Хосе, дружище, просто Хосе. Я не формалист.

Фирма «Надежный спутник», в которой работал Мартин, занималась сопровождением прибывающих в Анклав туристов. Иначе говоря, охраной богатых путешественников, стремящихся

вкусить сладких и запретных плодов независимых территорий. Троица, которую Кошелев встретил в Шарике, прибыла в Москву из Барселоны, второго по величине города Пиренейской автономной области Исламского Союза. Порядки на полуострове были хоть и свободнее, чем в других европейских странах, но не намного. К примеру, несмотря на то что большинство жителей исповедовали классическое католичество, продажа алкогольных напитков на Пиренеях запрещалась. Зато широкое распространение получил исламский институт временных жен, прописанный в законодательстве Союза и нехотя признанный Ватиканом. Как понял Кошелев, женщина постарше была настоящей женой Родригеса, а губастенькая молодая блондиночка – новым увлечением.

– Я сторонник дружеского общения с помощниками, – продолжил вещать Хосе.

– Кстати, меня зовут Ника, – добавила блондинка.

– Лика, – суховатым голосом сообщила мадам Родригес.

«Или сеньора?»

Одним словом – ханум. Атеисты они или католики, все равно по Барселоне в хиджабах ходят.

– Скажи, Мартин, ты всегда носишь «балалайку»?

– В большинстве случаев. Это необходимо для полного обеспечения безопасности.

– Мне бы не хотелось, чтобы ты случайно записал некоторые наши развлечения. Мало ли что ты увидишь.

– Наша компания гарантирует клиентам полную конфиденциальность.

Кошелев не стал добавлять, что за время службы в «Надежном спутнике» повидал достаточно. Туристы скованы только в первые часы после прилета, потом карусель завертится, и на такие мелочи, как присутствие в комнате телохранителя, уже не обращают внимания.

– Тогда скажи, Мартин, насколько хорошо ты знаешь Анклав? Хотелось бы найти здесь такие развлечения, за которые в Союзе отрезают…

Последние слова потонули в громком женском смехе.

Мартин проводил Родригесов до стойки портье, убедился, что они правильно зарегистрировались и направились в свой пятикомнатный номер, получил два часа на отдых – «нам надо принять душ с дороги» – и зашел в комнату охраны.

– Туристы? – осведомился сидящий за мониторами дежурный.

– Из Испании.

– Подозрительные?

– Обычные. Развлекаться приехали.

– На карнавал?

– Ага.

– В таком случае пока пусть будут зелеными, а там посмотрим.

Дежурный вывел на экран список постояльцев гостиницы и покрасил Родригесов в зеленый цвет. Кошелев, как и большинство сотрудников «Надежного спутника», был бывшим безом, умел оценивать людей и, если чувствовал подвох, сразу же сообщал о подозрительных туристах в СБА.

– Красивая задница, – одобрил дежурный, внимательно глядя на монитор.

Кошелев посмотрел, как Хосе кувыркается на кровати с молоденькой Никой, хмыкнул и вышел из комнаты.

* * *

анклав: Эдинбург

транспортный узел имени Роберта Стейна

красивый вид на горы

в любой роли главное – не переигрывать

– Тебе никто не говорил, что ты идеальный запасной пилот? – поинтересовался капитан, когда сверхзвуковой «Инь Лун» замер на поле эдинбургского транспортного узла.

Мишенька потер подбородок, смущенно улыбнулся и признательным тоном ответил:

– Говорил. Менеджер по персоналу. В ответ на мой рапорт о переводе в основную группу.

Капитан рассмеялся:

– Он был прав.

– Почему? – Мишенька добавил в голос немного обиды, ровно столько, сколько добавил бы настоящий запасник.

– Ты дремал всю дорогу!

– Ну, положим, не всю…

На самом деле Мишенька не дремал, делал вид. Все равно на крейсерской скорости управлением заправляет автопилот. Когда

машина заняла свой эшелон, Щеглов откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза и принялся просматривать записи «балалайки», пытаясь отыскать того, чей взгляд почувствовал в Шарике. Не нашел. Зато обнаружил нечто странное: лицо хромого, с которым Мишенька столкнулся неподалеку от стойки авиакомпании, оказалось смазанным и не поддавалось восстановлению. Щеглов немедленно отправил запись машинистам СБА, но и их компьютер оказался бессильным. Об этом-то Мишенька и размышлял оставшееся до Эдинбурга время.

– Я выполнил все, что требовалось от меня по инструкции.

– Не спорю, – кивнул капитан. – Но запасные, которые действительно хотят стать действующими, ведут себя иначе. Они тоскуют без неба.

– А-а…

Когда Мишенька впервые летел под прикрытием, он тоже интересовался всем вокруг. Но сколько можно любоваться облаками? Есть и более важные дела. Тем не менее подозрения капитана следует рассеять.

– Кажется, я перегорел, – грустно произнес Щеглов. – Меня слишком долго не пускали в небо.

– Из-за чего?

– Переспал с дочкой одного жирдяя из верхушки компании.

– Неосторожно.

– Тогда мне это показалось неплохой идеей.

Капитан внимательно посмотрел на Мишеньку:

– Перейти в другой отряд пробовал? Говорят, во Франкфурте нехватка пилотов.

– Пытаюсь, – вздохнул Щеглов. – Но этот урод вставляет палки в колеса.

– Попал ты, брат.

– Угу.

Обратный рейс через восемь часов, раньше нельзя – пилоты должны отдохнуть. Экипаж разместился в гостинице при аэропорте, а Мишенька сказал, что хочет посмотреть город. В этом не было ничего подозрительного: запасные нечасто выбираются за пределы своих Анклавов. Переодевшись в прихваченную с собой гражданскую одежду, Щеглов спустился к автоматическим камерам хранения, в одной из ячеек которой его ждала коробочка с незарегистрированным коммуникатором, затем взял напрокат мобиль и выехал на ведущую к городу трассу. Убедившись, что его никто не преследует, Мишенька набрал на коммуникаторе выученный наизусть номер и, когда абонент ответил, негромко произнес:

– Добрый день. Я в Эдинбурге.

– Добрались без происшествий?

– Да.

– У вас будет один час, – после паузы произнес человек. – Запомните адрес…

* * *

анклав: Москва

территория: Федеральный Центр

комплекс «Лубянка»

«кошки-мышки» – игра веселая до тех пор, пока не появится умная кошка

– Надеюсь, разговор не затянется? – холодно осведомилась Эмира.

– Вы торопитесь?

– Через тридцать минут я должна быть на совещании у генерала Кравцова.

– Понимаю… – Урзак дружески улыбнулся. – Вы занятой человек, капитан Го, поэтому постараюсь быть кратким.

– Буду признательна, господин Банум.

Эмира держалась настороженно, ей совсем не понравилось появление очередного дознавателя из центрального офиса СБА.

«Нет, дело не в этом, – мысленно поправила она себя. – Не в том, что пришел еще один нюхач».

Го прекрасно понимала, что расследование исчезновения Петры Кронцл продлится долго. В Цюрихе не дураки сидят, им недостаточно невнятных заявлений Опекунского совета о том, что наследница «Фадеев Групп» жива и здорова, они хотят знать, где она и, самое главное, что на самом деле произошло в Москве несколько месяцев назад. Они будут рыть землю.

Эмира ожидала, что визиты нюхачей станут регулярными, разработала линию поведения и продумала свои ответы вплоть до буквы, до интонации. Она великолепно подготовилась, но Хасим Банум смутил капитана Го. Сам по себе смутил, не жетоном СБА. Эмира чувствовала, что лысый мужчина в старомодном костюме опаснее сотни первоклассных нюхачей. Было в нем нечто такое,

что заставило бы нервничать даже каменного истукана. Взгляд? Голос? Жесты? Выделить что-то одно Го не могла. Скорее все вместе.

«Кто ты такой, Банум?»

– Вы работали на Романа Фадеева, так?

– Поправка, господин Банум: я сопровождала Романа Фадеева во время его пребывания в Анклаве. В случае необходимости я имела право оказать силовую поддержку. Наши взаимоотношения регулировались официальным контрактом, который был одобрен руководством ОКР.

– Капитан, не защищайтесь. – Урзак перестал улыбаться, но его тон оставался дружелюбным. – Финансовая сторона меня не интересует. Я расследую обстоятельства смерти Романа Фадеева и надеюсь на вашу помощь.

Казалось, все идет так, как должно: правильные слова, правильные интонации, но Эмира неожиданно подумала, что безы держатся иначе. Именно так: не говорят, не смотрят, а в комплексе – держатся иначе. Классный дознаватель – это всегда личность, сильная личность. Классные дознаватели редко походят друг на друга, у каждого из них особая манера работы с людьми, но присутствовало в них нечто объединяющее, общий фундамент, заложенный на самых ранних этапах программы подготовки сотрудника СБА, когда еще не ясно, кем станет курсант в будущем.

У Банума эта неуловимая черточка отсутствовала.

– Вы должны были читать отчеты коллег.

– Я люблю получать информацию из первых уст.

– Вы не похожи на офицера СБА, – помолчав, произнесла Го.

«Тебе нужна откровенность? Посмотрим, насколько честен ты сам».

– Вы внимательны, капитан Го, – вновь улыбнулся Урзак.

– Я служу в ОКР.

– Ну что ж, обманывать не стану. Я действительно не из СБА. Я частный сыщик, смею вас уверить – хороший сыщик. Служба наняла меня для проведения расследования и для упрощения некоторых организационных моментов снабдила офицерским жетоном. Вы удовлетворены?

– Вполне.

– В таком случае вернемся к обстоятельствам смерти Романа Фадеева. Расскажите, как вы познакомились.

– Люди Романа связались со мной за несколько часов до его прилета. Мы встретились сразу же, как только он оказался в Москве.

– Вы не удивились, что Фадеев выбрал вас на роль

телохранителя?

– Насколько я поняла, Роман не доверял местному филиалу СБА. И нуждался в человеке, знающем Москву.

– В чем причина недоверия?

– Он не посвящал меня в подробности, но из нескольких случайных фраз я сделала вывод, что он враждует с московскими верхолазами.

– И с Мертвым?

– Роман не называл имен.

– Допустим… – Урзак выдержал короткую паузу. – Что было дальше?

– Я сопровождала Романа на две встречи с Посредником.

– Он договорился о возвращении Петры?

– Да.

– И после этого Посредника убили?

– Да.

– Кто, по-вашему, мог это сделать?

– Тот, кто хотел расстроить сделку между Романом и Ассоциацией.

– Это понятно. Но кто? Фадеев не делился подозрениями на этот счет?

– Нет.

– Жаль… – Банум повертел трость. – Насколько я знаю, вы принимали участие в штурме базы Зузинидзе.

– Слишком громко сказано, – улыбнулась Эмира. – Когда у нас появились основания предполагать, что Петра находится в руках Зузинидзе, я, по согласованию с Романом, сформировала боевую группу и направила ее в Восточный Рукав. – Го помолчала. – Не скрою: мы планировали войти внутрь, но безы нас опередили.

– Вы перехватили Звиада Зузинидзе.

– Нам повезло. Отступая, его конвой вышел прямо на нас. Мы обстреляли колонну и вывели из строя три джипа. К сожалению, самому Звиаду удалось прорваться.

– Но далеко он не ушел.

– Совершенно верно.

Урзак подался вперед:

– А не могло получиться так, что безы захватили Петру в Восточном Рукаве? Пожалуйста, капитан Го, подумайте, прежде чем отвечать. Вспомните обстоятельства еще раз, вспомните, как вели себя безы: жесты, интонации, случайно оброненные слова, неожиданные переключения на закрытые каналы связи. Вам не показалось, хотя бы на миг, на мгновение, что перед вами разыграли спектакль?

Эмира покачала головой:

– Я видела их командира. Он был расстроен.

– Это ни о чем не говорит.

– Говорит. Я несколько раз встречалась со Слоновски и слышала много отзывов о нем. Грег – блестящий оперативник, но у него нулевые актерские способности.

Глава 3
Люди на Луне
Счастливчик

«Международный валютный фонд предупреждает, что экономика Народной республики может не выдержать расходов лунной программы, и столь чудовищное напряжение способно привести к кризису…»

«Ведущие ученые Принстонского университета выражают сомнения в способности китайских ученых детально проработать все аспекты столь сложного проекта…»

«ООН призывает КНР и Россию отказаться от самостоятельных исследований Луны и присоединиться к программе „Аполлон XXI“, разработку которой не так давно начали США и Великобритания…»

«Государственный департамент США советует прислушаться к предупреждениям Международного валютного фонда…»

«Государственный департамент США доверяет мнению авторитетных ученых из Принстонского университета…»

«Государственный департамент США огорчен реакцией КНР и России на призыв ООН…»

«Государственный департамент США выражает недоумение обстановкой секретности вокруг проекта „Дии Чуань“. В деле освоения космоса мировая наука должна действовать слаженно, на благо всего человечества…»

«Президент США заявил, что следует придерживаться демократических принципов открытости и добрососедства…»

По мере приближения дня старта лунного корабля мировые средства массовой информации все яростнее атаковали проект «Дии Чуань». Журналистам не нравилось название проекта – «Первый Корабль». На это им с вежливой издевкой ответили, что для тайконавтики это будет первая экспедиция на спутник. Журналистам не нравилось, что на Луне заложат базу. Им объяснили, что заурядная высадка лишена смысла и ради нее Пекин не потратил бы ни юаня. Журналисты потребовали доказательств, что база не будет военной. В ответ им просто улыбнулись. Точно так же, как и на вопрос, почему не допустили к проекту американцев, почему не стали сотрудничать с НАСА? Почему одна крупнейшая держава отказывается от помощи другой крупнейшей державы? Почему? Почему? Почему? Представители Народной республики улыбались. Не могли же они сказать, что

военная разведка Поднебесной, выполняя личный приказ Председателя, добыла все материалы по древнему проекту «Аполлон». Абсолютно все. Проанализировав информацию, китайские ученые поняли, что начинать надо с нуля. И что без русских не обойтись.

Если бы Народная республика была в состоянии построить лунный корабль самостоятельно, она бы его построила. Но требовались не только технологии: требовался опыт, накопленный многочисленными запусками и системной работой в космосе, требовались идеи от тех, для кого станции на орбите Земли уже вчерашний день, требовалась смелость решений. А еще требовались производства, и центры подготовки, и врачи, знающие все о длительном пребывании человека в невесомости, и… Проще было сказать, чего проекту «Дии Чуань» не требовалось.

Не требовались ему русские пилоты. Но, по соглашению с Санкт-Петербургом, в состав экспедиции включили гражданина России. И не просто членом экипажа, а одним из тех, кто первым высадится на Луну. Поднебесники предложили увеличить оплату, раздали петербургским царедворцам дополнительные взятки – сделали все, чтобы смягчить условия. Но напрасно: Президент Российской Федерации лично пожелал, чтобы по спутнику Земли прогулялся соотечественник. И его желание разделяли многие чиновники, чьи детишки мечтали войти в историю. Поднебесники платили взятки, выслушивали в ответ длинные речи о русском патриотизме и в конце концов сломались. Правда, оставили за собой право отобрать счастливчика самостоятельно. Президентское окружение согласилось, решив, что дожать китайцев не составит труда.

Не дожали.

С первым набором получился скандал. Поднебесники забраковали всех кандидатов, презрительно обозвав группу «отрядом имени Батурина»[5]*. Квалификация отправившихся за славой детишек не выдерживала никакой критики, а трое из них, ко всему прочему, оказались конченными наркоманами. Весть дошла до Президента, и тот, впав в бешенство, приказал подобрать претендентов на полет из числа лучших летчиков и космонавтов РФ. Разумеется, и на сей раз простых смертных в группе не оказалось, за каждым кандидатом стояли влиятельные родственники или друзья, но, по крайней мере, все претенденты были профессионалами, все имели опыт полетов, а более половины из них являлись настоящими, побывавшими на орбите космонавтами.*

Майор Безуглов попал в отряд благодаря протекции отцовского друга – заместителя командующего ВВС, старого

бездетного генерала. Как показал опыт первого набора, большего содействия не требовалось – китайцы четко дали понять, что сделают выбор сами, и Безуглов постарался использовать шанс на все сто. Он поставил себе цель: стать лучшим, и достиг ее. Состояние здоровья майора было блестящим. Его психологическая устойчивость вызывала уважение у видавших виды медиков. В профессиональных навыках он на голову опережал остальных курсантов, получал только лучшие отметки, и в результате полковник Чи ввел майора Безуглова в состав основного экипажа. Но ведь было еще два запасных, в каждом по три китайца и одному русскому, – гарантированно летел на Луну только Фань.

Почему?

Ответ на этот вопрос никто не знал.

Впрочем, Безуглову было безразлично. Майор собирался попасть на спутник и, получив столь щедрый аванс, не расслабился, а продолжил работать с удвоенным рвением. Как оказалось, именно это от него и требовалось.

Спускаемый модуль «Дии Чуань» нес двух человек. Обязанности между ними четко делились служебной инструкцией, но каждый из тайконавтов должен был уметь подстраховать партнера. К большому удивлению Безуглова, полковник Чи оказался человеком, мягко говоря, далеким от техники. По некоторым обмолвкам русский понял, что китаец не умеет управлять даже самолетом, не говоря уж о космических челноках. Вообще командир экипажа имел довольно смутное представление о путешествиях на орбиту и, что самое интересное, не выражал никакого желания учиться. Фань получал минимум необходимых занятий, но когда Безуглов спросил Усатого, что будет, если с полковником Чи произойдет какая-нибудь неприятность, тот посопел, огляделся и шепотом ответил, что в этом случае старт перенесут. Не «скорее всего перенесут», а просто: старт перенесут. Точка. Фань Чи летел на Луну, что бы ни случилось, а Безуглову внятно объяснили, что посадку ему придется совершать самостоятельно.

«Справишься?»

Этот вопрос можно было не задавать.

Самостоятельно – значит, самостоятельно. Безуглов изматывал себя на тренажерах, занимался, словно одержимый, доводя до автоматизма каждое действие, каждый жест, каждое движение.

Он хотел попасть на Луну.

И был твердо уверен, что сумеет исполнить свое желание. Пусть ему придется работать за двоих. Пусть за троих. Пусть за весь экипаж. Ему плевать. Он справится.

Он лучше компьютера.

Он лучше всех.

Только он может доставить на Луну такого тайконавта, как Фань Чи.

Русский из второго экипажа умудрился сломать ногу. Его сразу же заменили, но программа подготовки команды нарушилась, второй экипаж стал третьим. А третий, ставший вторым, с самого начала никто не рассматривал как полноценную группу. Разумеется, ребят гоняли не меньше других, но они сами не верили, что полетят, и блеска в глазах тайконавтов не наблюдалось, а когда нет блеска, на выдающиеся результаты рассчитывать не приходится. Третьи стали вторыми, но результаты продолжали показывать средние.

И вероятность того, что на Луну отправится первый экипаж, стала почти стопроцентной.

Но Безуглов не снижал требований к себе. Продолжал работать как вол, продолжал доказывать всем, что он – лучший.

Тем временем на орбите заканчивался монтаж «Дии Чуань». Амбициозный проект, непосредственная реализация которого потребовала пяти лет напряженного труда, вступал в заключительную стадию. Только для того, чтобы доставить в космос все компоненты корабля, потребовалось двенадцать запусков. А ведь еще летели люди – инженеры, собиравшие и тестировавшие изделие. Летели автоматические корабли с оборудованием для «Дии Чуань» и грузами обеспечения. Вокруг станции «Мир-2», ставшей базой монтажных работ, появлялись маневренные спутники связи, один из которых спас «Дии Чуань» от столкновения с «потерявшим управление» аппаратом НАСА. Свободная пресса попыталась поднять шум, уверяя, что летящий на лунный корабль спутник был сбит ракетой и Народная республика, таким образом, нарушила Договор о мирном космосе. Но кадры встречи на орбите транслировались в прямом эфире, и все видели, как китайский спутник врезается в аппарат НАСА, заставив его изменить траекторию. США принесли официальные извинения и пообещали, что впредь постараются лучше контролировать свои спутники. Поднебесники извинениями удовлетворились, но, судя по всему, увидели в объяснениях некий скрытый смысл, потому что взамен погибшего аппарата запустили на орбиту три новых.

«Дии Чуань» продолжал строиться.

А Безуглов продолжал тренироваться и, хотя ему никто не говорил этого прямо, понял, что является основным претендентом на полет: полковник проводил с ним все больше и больше времени. Сначала их совместные занятия длились по часу в

день, затем – по два, в последнее время – по четыре. Соответственно на то, чтобы тренироваться с другими экипажами, у Фаня не оставалось времени. Нет времени – нет шансов.

– Ты должен перестать нервничать, – сказал Чи за две недели до запуска. – Самое трудное позади. Ты доказал, что лучший, я полечу с тобой. Успокойся и перестань рвать жилы: мне нужен нормальный пилот, а не перегоревший.

– Вы говорите искренне? – помолчав, спросил Безуглов.

– Проверки закончены, майор. Через четырнадцать суток мы отправимся на Луну. Отдохни и расслабься. Свыкнись с мыслью, что кресло справа от меня принадлежит тебе. – Китаец улыбнулся: – Поздравляю.

– Для меня это большой день, – тихо произнес Безуглов.

– В твоей жизни будет не просто большой день – великий.

День высадки на Луну.

И в тот же вечер к Безуглову пришел Усатый. Коротко поздоровался, развалился в кресле, ослабил галстук, расстегнул верхнюю пуговицу форменной рубашки, почти минуту угрюмо смотрел на майора, а затем хрипло произнес:

– Ты убил трех человек.

Безуглов промолчал.

– Я их готовил, – продолжил Усатый. – Я их знал. Я знал их семьи, у двоих были дети.

От Усатого пахло спиртным, но Безуглов понял, что руководитель программы подготовки не пьян. Чуть выпил.

– Тебя ненавидят, Безуглов.

– Я знаю.

– Тебя ВСЕ здесь ненавидят.

– Это мне известно.

Усатый покачал головой:

– И ты спокоен?

– Пойти застрелиться?

Вопрос вызвал неподдельный интерес:

– А пойдешь? Если я попрошу – пойдешь?

Майор натянуто улыбнулся:

– Товарищ полковник, все, что вы сказали, не является для меня новостью. Меня ненавидят даже те шестнадцать парней, чьи шкуры я спас. Когда-то меня это сильно задевало. Сейчас – все равно.

– Я не хотел тебя обижать, Безуглов. – Усатый неожиданно сменил тон. – Хотел показать, как тяжело мне было прийти. Но никто, кроме меня, не придет. Никто не скажет… – Полковник

потер лоб. – На это они и рассчитывают…

– Кто они?

– Твои друзья-китайцы. – И торопливо, словно боясь передумать: – Короче, Безуглов, ты должен знать, что Чи проходит дополнительные тренировки по управлению посадочным модулем.

– Рад это слышать.

– Порадуешься потом, а пока слушай: китаеза изучает старт с Луны, движение по орбите и стыковку с базовым кораблем, понял?

– Это разумно, – спокойно ответил Безуглов. – На Луне со мной может случиться все, что угодно. Полковник Чи обязан уметь управлять модулем.

– А мы все думаем, что поднебесники тебя там оставят, – бросил Усатый. – Они ни за что не поделятся славой с русскими. Заявят, что высадка на Луну величайшее достижение тайконавтики, и точка. А был ли пятый? Был. Погиб, к сожалению. Вечная ему память. А как звали, никто и не вспомнит.

Похоже на правду? Все знали, что если бы китайцы могли сами построить лунный корабль, они бы его построили.

Безуглов опустил глаза.

Усатый выбрался из кресла, чуть покачиваясь, дошел до двери, но остановился. Обернулся.

– Косоглазые молодцы. Они понимают, как сильно тебя ненавидят, понимают, что горевать никто не станет.

– Вы тоже не станете?

– Не стану.

– Тогда почему пришли?

– Ну… – Усатый поджал губы. – Ты сволочь, майор, но ты все-таки наша сволочь. И должен знать.

– Спасибо, – успел сказать Безуглов до того, как закрылась дверь.

* * *

анклав: Москва

территория: Болото

Центр эстетических наслаждений «Мозаика»

не всякий мотылек торопится к горящей свече

Разговор с Эмирой Го окончательно убедил Урзака в том, что Петра в Москве и капитан Го знает, где она. Ключевые предположения обрели реальное подтверждение, Банум слишком хорошо разбирался в людях, чтобы ошибиться. Теперь следовало подумать, у кого находится девчонка. Именно так: у кого. Кто заботится о ней, кто прикрывает?

СБА? Маловероятно. Фадеев ненавидел Мертвого и никогда бы не подписал бумаги, окажись Петра в руках Кауфмана. Торг, как понял Урзак, шел простой: относительная свобода девушки против корпорации. Значит, не СБА.

Кто?

Досье Фадеева Банум изучил самым тщательным образом, проштудировал вдоль и поперек и мог поклясться, что в Москве у Романа не было надежных людей. С друзьями у Фадеева вообще не складывалось: кто-то предал его, кого-то предал он, кто-то умер, кто-то отошел от дел и не смог бы взяться за столь ответственное предприятие. Если верить информации СБА, в Москве Романа ждали только враги. И надо же – нашлись добрые люди.

Китайцы? Моратти рассказал, что Фадеев плотно сотрудничал с поднебесниками. Однако, по словам Ляо, особой теплоты в их взаимоотношениях не наблюдалось. Деловое партнерство, не более.

Мутабор? Храм достаточно силен, чтобы плевать на мнение СБА и любой корпорации. Укрыв Петру за его стенами, Фадеев гарантировал бы девушке безопасность. Но Моратти располагал убедительными доказательствами того, что Роман поссорился с храмовниками. А они люди упертые, их быстро не разжалобишь. В качестве примера Моратти поведал Урзаку историю Генри Кисселя, президента «IQ Electronic», который тоже поругался с Милостивым Владыкой Грядущего, а потом два года унижался, умоляя спасти от смерти старшего сына – пацаненок подхватил на тихоокеанских островах мутированный штамм проказы Рейгана. Храмовники Кисселя-младшего вылечили, но левой руки тот лишился – плата за папашину неосмотрительность. А Фадеев был гордецом: узнав в свое время, что Владыка им недоволен, только посмеялся.

Нет, Мутабор отпадает.

Тогда кто?

Кто?

Проще всего получить ответ от Эмиры, тем более что связи Моратти в русском правительстве позволят Урзаку сильно надавить на капитана Го. Но Банум поостерегся выкладывать на стол козыри. Против Эмиры ничего, кроме подозрений, и если у

нее хватит выдержки, атака захлебнется. Сначала надо раздобыть хоть какие-то улики, найти ниточку, связывающую Го с Фадеевым.

И такой ниточкой станут деньги.

Чернобурка должна приглядывать за Петрой три года. Случиться за это время может всякое. Мертвый непредсказуем, так что Роман наверняка оставил Эмире достаточно средств, чтобы в случае необходимости обеспечить девчонке сносное существование. Пять миллионов? Десять? Не важно. Главное – сумма приличная. И тратить эти деньги капитан Го может так, как пожелает. Контроля за ней нет.

Тратит?

Тратит. Банум слишком хорошо знал людей. Тратит.

Осталось выяснить, на что.

Человек, неожиданно ставший обладателем большого состояния, постарается исполнить свои давние мечты и желания. После того, как отпразднует свалившееся на него счастье, разумеется. Как ни странно, список этих самых желаний не столь уж велик и, к большому сожалению новоявленных миллионеров, стандартен. Как правило, люди мечтают о длительном и приятном отдыхе, а потому в большинстве случаев беззаботная жизнь начинается с полугодового круиза по лучшим курортам мира. На втором месте стоит приобретение вызывающе роскошного жилья, на третьем – вызывающе роскошной машины, далее следуют украшения (желательно – вызывающе роскошные), одежда, полет в космос, пластическая операция, покупка коллекционных марок, картин, вин и открытие благотворительного фонда имени себя, любимого. Являются ли все эти желания действительно давними, сказать сложно. Скоробогатеи уверяют, что являются, однако подмечено, что те из них, кто в детстве страстно мечтал стать пожарным (летчиком-испытателем, ученым или капитаном дальнего плавания), эту свою прихоть исполнять не спешат. В каком бы возрасте они ни стали обладателями миллионов.

Эмира Го в стандартный ряд скоробогатеев не вписывалась. Тратить деньги Фадеева открыто она не могла, но и смотреть на кучу наличных – выше человеческих сил. Значит, тратила. А что в первую очередь интересует солдата? Правильно – развлечения, ибо военная жизнь предельно формализована Уставом и всевозможными инструкциями. К тому же Эмира сполна понюхала пороху, прекрасно понимала, как легко можно перейти из состояния «в строю» в состояние «выбыл в результате боевых действий», и наверняка старалась взять от жизни как можно больше. Чтобы умирать было не обидно.

А самые незабываемые услуги, которыми даже в аду не стыдно похвастать, оказывали в «Мозаике»…

«Красные Ворота – один из самых знаменитых районов Старой Москвы, той, о которой все давно забыли. Грузить историческими справками мы вас не будем, скажем просто: Красные Ворота сейчас – это «Мозаика». Слышали? Конечно, слышали. А для глухих идиотов поясним, что это старинный небоскреб на Садовом, тот самый, рядом с которым даже второй уровень мостовых не строят, чтобы не загораживать. Прикольные раньше небоскребы были, да? Скребли только до небесной коленки. В общем, торчит домик на площади, подобно символическому фаллосу, что полностью соответствует…»

«Дыры и заборы. Книга для тех, кто хочет прожить в Москве больше одного дня».

– Мартин, скажи, Мария-Ли еще танцует?

– Только по пятницам, Хосе. Она ведь звезда.

– Слышали, девочки? В пятницу нас ждет потрясающее шоу! Мартин, надо заказать столик поближе к эстраде.

– Сделаю.

– А сегодня вкусим других радостей!

– Пообедаем?

– И это тоже!

Неплохой ресторан, расположенный на двух нижних этажах небоскреба, служил первой ступенькой на лестнице развлечений. Любители классического подхода могли отыскать здесь спутника любого пола и начать вечер с совместного ужина. Колеблющиеся находили понимающего и осведомленного собеседника в лице менеджера, готового во всех подробностях рассказать, какие секреты скрывают многочисленные помещения «Мозаики». В конце концов, в ресторане можно было просто покушать под ненавязчивую музыку струнного квартета.

– А здесь подают омаров?

– Здесь подают все!

Двери распахнулись, и обнимающий женщин Родригес шагнул внутрь.

Когда Урзак появился в холле «Мозаики», на нем была полумаска с нанопокрытием – обычная мера предосторожности тех, кто не желает показывать лицо. Персонал Центра свято чтил принципы конфиденциальности, но оставались еще и обычные посетители, среди которых могли затесаться знакомые или репортеры новостных служб.

Встречающие гостей менеджеры прошли великолепную

подготовку, чутко улавливали, кто к ним пришел, для чего, и выбирали наиболее подходящее случаю приветствие. Особенно внимательно они работали с теми, кто оказался в «Мозаике» впервые.

– Выдалась свободная минутка?

Урзак почувствовал, что вопрос попал в точку. Он не вызвал отторжения или неловкости. Да и менеджер к нему подошел правильный. В холле дежурили четверо: блондин в неплохом синем костюме, смуглая красавица в платье с глубоким вырезом, тоненькая китаянка и ярко наряженный трансвестит. Подошел блондин, тип: «приятель по клубу». Как они поняли, что любого другого Урзак бы отверг? Психологи.

– Я здесь впервые.

– Уверяю, вы не останетесь разочарованы.

– Надеюсь.

– Прошу в кресла, господин…

– Банум.

– Прошу в кресла, господин Банум. Курительная комната или зеленая гостиная?

– Зеленая гостиная.

– Тогда направо. Позволю заметить, что урожай бордо в этом году удался.

И опять в точку: красное сухое – любимое вино Урзака.

«Неужели меня так легко прочитать?»

– Если у вас настоящее бордо…

– Только настоящее, господин Банум, только настоящее.

– Ну что, дорогая, нас не обманули? Язычок у этого парня кошачий? – спросил Хосе. – Шершавый?

– Хочешь попробовать, дорогой? – с хорошо сыгранной беззаботностью поинтересовалась женщина.

– Рекомендуешь?

Обнаженная Лика полулежала на широкой кровати, облокотившись на несколько мягких подушек. Свет приглушенный, слегка красноватый, ало-черные тени мягко обволакивали зрелое женское тело: тяжелые груди с крупными коричневыми сосками, тонкие руки, стройные, крепкие бедра… между которыми замерла мужская фигура. Хосе видны только спина и ягодицы того, кто доставляет удовольствие его жене.

– Тебе нравится?

– Заткнись!

В глазах Лики вспыхнуло злое пламя. Она рассвирепела из-за того, что муж вошел именно сейчас, когда на лбу капельки пота, губы подрагивают, а пальцы стискивают шелковую наволочку.

Она рассвирепела, но не смогла остановиться. И от этого рассвирепела еще больше.

– Если ты недовольна, потребуй деньги назад!

Хосе расхохотался. Настолько весело, что чуть не потерял прикрывающее чресла полотенце. Соседнее помещение, которое они с Никой оставили для себя, называлось Водяной комнатой, и все время, что Лика была одна, оттуда доносились журчание воды и веселый смех.

– Ублюдок, – прошептала женщина, и длинные ногти правой руки впились в плечо лежащего на ее бедрах мужчины.

Хосе улыбнулся.

Мужчина поднял голову и посмотрел на Лику. Его лицо – маска, над которой потрудились изощренные конструкторы. Большие зеленые глаза с вертикальными зрачками, характерная форма носа и скул – когда мужчина улыбается, он становится похож на кота. Некоторым нравится, у некоторых вызывает отвращение. Но все, кто его покупает, в первую очередь ценят мужчину за язык.

«Разве тебе плохо со мной?» – безмолвно спросили зеленые глаза.

Лика без сил откинулась на подушки.

Ей хорошо.

«Продолжай!»

– Да, такого в Союзе не увидишь.

Хосе вернулся в Водяную комнату, спрятался за брызгами веселого смеха, но дверь оставил открытой. Наблюдает? Вряд ли, вскоре сквозь шум воды послышались громкие вздохи. Лика застонала, выгнулась на простынях и даже закричала. Мужчина в ее ногах урчал совсем по-кошачьи – ему сделали операцию на голосовых связках и объяснили, когда и какие звуки следует издавать. Профессионал.

Когда в спальне стало тихо, в царстве воды продолжилась веселая возня.

Лика устало отпихнула кота ногой, тот мягко сполз на пол и устроился на ковре. Женщина взяла с тумбочки бокал с дзен-коктейлем, сделала глоток. Прядь волос упала на лицо, но Лика не стала их поправлять. Некоторое время ее расфокусированный взгляд блуждал по комнате, а затем наткнулся на большое зеркало. Лика вскинула подбородок и усмехнулась:

– Нравится?

Сидящий в комнате наблюдения Кошелев вздрогнул. Он не хотел идти сюда, не хотел наблюдать за играми подопечных, но Хосе настоял. Теперь Мартин понял, для чего.

– Нравится?

Лика погладила левую грудь, чуть сдавила сосок, скривилась. Не от боли скривилась.

– Тебе нравится, русское отродье. Я знаю. Я видела твой взгляд.

Кошелев медленно достал из кармана платок и вытер пот. Он почувствовал, что его тоже унизили. Но все равно не отрывал взгляд от тела женщины. Лика была хороша, и Мартин с трудом сдерживался.

– Ты меня хочешь, а он – нет. Но и разводиться со мной ему нельзя, иначе он останется нищим. Чертовы законы!

В Водяной комнате на самой высокой ноте умер стон молоденькой Ники. Лика подозвала мужчину:

– Иди ко мне, котик.

И вновь откинулась на подушки.

Кот заурчал.

Из глаз Лики потекли слезы.

Мартин отвернулся от зеркала и достал сигареты.

– Превосходный выбор, господин Банум. Хочу отметить, что у вас великолепный вкус.

– Я много слышал об этом шоу.

– Ни один рассказ не способен передать красоту «Безмолвной страсти».

– У меня будет шанс убедиться в этом лично.

Менеджер улыбнулся и наполнил бокал гостя красным вином. Это была уже вторая бутылка бордо, однако взгляд Банума оставался ясным. Он сбросил пиджак, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, расположился в мягком кресле и, лениво потягивая вино, не сводил глаз со стены напротив. В ее середине, от пола до потолка, находился наполовину выступающий в комнату цилиндр, диаметром, на глаз, метра четыре. Цилиндр абсолютно черен, и именно в черноту, не отрываясь, смотрел Урзак.

– Большой свет рекомендуется выключать, но некоторые посетители оставляют гореть настольные бра. Или свечи.

– Пожалуй, одного бра будет довольно.

– Как прикажете.

Нажав на несколько кнопок, блондин создал в комнате приятный полумрак, замялся – гость совсем перестал реагировать на его присутствие – и напомнил:

– Тридцать минут, господин Банум, затем они начнут задыхаться.

– Хорошо.

– Если пожелаете, капсула превратится в бассейн, и вы

сможете продолжить общение в другом ключе.

– Будет зависеть от того, какое впечатление они произведут.

– Самое наилучшее, – пообещал менеджер.

И закрыл за собой дверь.

Постановку «Безмолвной страсти» продумали до мелочей. Через несколько секунд после того, как менеджер оставил Урзака, цилиндр осветился. Установленные снизу лампы были направлены от зрителей, так, чтобы не рассеивать созданный в комнате полумрак. Зато сцена видна во всех деталях. Но сцена ли? Стеклянный цилиндр под завязку наполнен прозрачной морской водой. Аквариум? Бассейн? Капсула, как выразился блондин?

Маленький кусочек моря и полнейшая тишина в комнате. Банум надавил на кнопку, и цилиндр начал медленно вращаться.

В капсуле двое: мужчина и женщина. Идеальные тела, цвет которых приятно гармонирует с зеленоватой подсветкой. Перепонки между пальцами рук и ног.

Русалки.

Трансеры. Люди, над которыми поработали первоклассные конструкторы. Вода – неродная для человека стихия, жить в ней постоянно он не может, даже с отредактированным хирургами телом. Несмотря на все ухищрения конструкторов, русалки держались от силы пять-семь лет, затем их можно было показывать только любителям кошмаров. Еще год. Самые смышленые из русалок, бережливые и умные, успевали сделать неплохие деньги за три-четыре года, после чего выплачивали «Мозаике» неустойку (стандартный контракт был рассчитан на пять лет), делали обратную операцию и возвращались к нормальной жизни с минимальными последствиями для организма. Большинство же отрабатывало полный контракт и уходило доживать век с полусгнившими легкими и поврежденной кожей. До старости доживали единицы.

Но сейчас в капсуле резвились молодые, полные сил трансеры. Урзак заказал самых лучших, самых горячих, тех, кому пели дифирамбы на сайте «Мозаики» и за близость с которыми платили баснословные деньги. Вот только изысканный танец любви Банума не интересовал. Он выждал пару минут, после чего достал из кармана брюк маленький приборчик, удовлетворенно кивнул, увидев зеленый огонек – за помещением не следили, бесшумно поднялся с кресла, подхватил пиджак и подошел к спрятанной за портьерой служебной дверце. Код электронного замка ему сообщили заранее.

– Давно она отключилась? – Хосе брезгливо посмотрел на

жену и отвернулся.

– Минут десять, – хмуро ответил Кошелев.

– А этого почему не выгнал? – Родригес пнул урчащего на полу кота.

Трансер с визгом откатился к стене.

– Прочь, скотина!

Мартин выразительно указал коту на дверь, и тот молниеносно выскочил из комнаты. За это короткое время Хосе успел пересчитать стоящие на тумбочке пустые бокалы. Результат производил впечатление.

– Надеюсь, ей было весело.

– Я хочу танцевать.

Ника появилась из Водяной комнаты в туфлях и тоненьких трусиках, постояла и стала озираться в поисках платья.

– Здесь есть дансинг?

– Есть, – пробурчал Хосе. – Но сначала в ресторан, я проголодался.

– Как скажешь, дорогой.

И принялась натягивать найденную тряпку.

– Отвезешь Лику в гостиницу, – сухо приказал Родригес. – Потом вернешься. Мы будем в дансинге.

– Слушаюсь.

Мы разрабатываем хитроумные комбинации, продумываем каждую, даже самую незначительную деталь, действуем в строгом соответствии с планом… чтобы какая-то мелочь спутала все карты.

Проникновение в кабинет директора «Мозаики» было рассчитано идеально. Люди Моратти поработали великолепно и снабдили Урзака самыми подробными инструкциями. Он знал коды ко всем электронным замкам, что преграждали путь, он знал расположение видеокамер и охранников, он знал каждый поворот и количество шагов до него, в его «балалайке» лежал подробный план Центра и маршрута от комнаты русалок до окна кабинета – инструкция предусматривала недлинную прогулку по карнизу. Люди Моратти гарантировали отсутствие директора: на обговоренное время у того была назначена важная деловая встреча в ресторане «Мозаики». Люди Моратти предусмотрели все. Кроме забывчивости хозяина кабинета, оставившего в столе бумаги – речь шла об аренде нескольких зданий, а в столь тонком вопросе не принято полагаться на электронные подписи. Поскольку входить в кабинет в свое отсутствие директор «Мозаики» запрещал, ему пришлось подняться за документами самому и поставить находящегося там человека в неловкое

положение.

Надо ли говорить, что встреча завершилась выверенным ударом по директорской голове, отправившим его в недолгое забытье?

Погрузив нежданного гостя в мир иллюзий, Урзак пробурчал себе под нос несколько грубых ругательств и вернулся к столу. Он понимал, что времени осталось в обрез.

Впрочем, Банум относился к подобным накладкам с философским спокойствием: в жизни возможно все. Хорошо еще, что директор вернулся в кабинет один, а не пригласил с собой участников встречи – справиться с ними без шума не получилось бы.

Тем временем стоящий на столе коммуникатор негромко пискнул, сообщая, что закончил поставленную Урзаком задачу, и Банум прильнул к монитору.

Ничего.

«Инвестиционная группа», которая официально владела «Мозаикой», контролировала помимо нее целую сеть клубов и притонов соответствующей направленности. Теоретически «инвесторы» гарантировали гостям полную конфиденциальность, однако на практике не забывали о сохранении пикантной информации. На всякий случай. Разумеется, принимались меры предосторожности: база данных хранилась в личном компьютере директора Центра. Машина не была подключена к сети, что и вынудило Урзака разработать сложный и опасный план проникновения в тщательно охраняемый кабинет.

План, пусть и с некоторыми погрешностями, удался, но результата не принес: капитана Эмиры Го, фотографию которой компьютер сравнивал с хранящимися в памяти изображениями, в базе данных не оказалось. Было несколько похожих лиц, данные на этих гостий Банум скачал в «балалайку», но чувствовал, что напрасно. Впрочем, отрицательный результат – тоже результат.

– Если ты не тратишь деньги здесь, красавица, ты тратишь их в другом месте, – пробормотал Урзак, вылезая в окно. – Рано или поздно я узнаю где.

Обратный путь занял у Банума гораздо меньше времени: ему не надо было возвращаться к русалкам. Пройдя по нескольким служебным коридорам, он вышел в холл девятнадцатого этажа и смешался с находящимися там гостями.

Тревога в «Мозаике» поднялась в тот самый миг, когда Урзак садился в такси.

* * *

анклав: Москва

территория: Болото

«Шельман, Шельман и Грязнов. Колониальные товары и антиквариат»

любопытство губит только глупых кошек

Когда во внутреннем дворике особняка заурчал двигатель «Судзуки», сидящий в глубоком кресле Грязнов оторвался от книги, поднял голову и покосился на золотые каминные часы, мерное тиканье которых было единственным звуком, нарушающим тишину в гостиной.

– Однако, – пробормотал Кирилл и посмотрел на вошедшего в комнату Олово.

– Что-то не та-ак, мастер? – поинтересовался слуга, устанавливая на столике поднос с чаем.

– Где она шлялась?

Олово чуть пожал плечами, но от ответа воздержался.

– Я понимаю, что у ребенка в ее возрасте есть определенные… гм… интересы. Петре… гм… Патриции хочется самостоятельности, но мне кажется, ее поведение несколько… гм… выходит за рамки.

Спорить слуга не стал.

– К тому же в наши дни небезопасно разгуливать по улицам Анклава в столь позднее время. Как ты считаешь?

Олово подумал и кивнул, показав хозяину, что искренне разделяет его беспокойство и возмущение.

– Видишь, ты согласен. – Грязнов опустил взгляд на страницы, но читать не стал. Через мгновение захлопнул толстый фолиант и вновь посмотрел на слугу: – А как Патриция держится со мной? Похоже, ей до лампочки мои предупреждения. Выслушала и ушла! Только головой кивнула. – Кирилл поджал губы. – Молча кивнула, Олово, ты представляешь? Молча!

– Юная леди несколько своевольна-а, – подтвердил слуга. – Это возра-астное проявление, мастер. На-аставления старших ка-ажутся ей ненужными и огра-аничивающими свободу.

– Какие умные слова, – поморщился Грязнов. – Откуда ты их знаешь?

– Чита-ал книги.

– Ты умеешь читать? – кисло осведомился Кирилл.

Олово улыбнулся, показав, что оценил шутку хозяина.

– В доме поя-явился ребенок. Я решил, что на-адо принять меры. – Помолчал. – Превентивные.

И покосился на обложку тома, покоившегося на коленях Кирилла: Макиавелли. Грязнов перехватил его взгляд, вновь поморщился и побарабанил пальцами по кожаному переплету.

– О чем еще писали в ТВОЕЙ книге?

– Мы должны на-абраться терпения…

– Весьма умно.

– И с понима-анием относиться к…

– В целом понятно, – оборвал слугу Кирилл. – Теория. А меня волнует, с кем она проводит время. Надежно ли… гм… предохраняется?

– На-а мой взгля-яд, юна-ая леди достаточно осведомлена в этих вопросах, – осторожно произнес Олово.

– Но проверить все равно надо. – Грязнову, которому до сих пор не доводилось иметь дело ни с младенцами, ни с подростками, показалось, что ему в голову пришла отличная мысль. – Поговори с Пэт на эту тему.

– Почему я-а-а?! – изумился слуга.

– Ты читаешь нужные книги.

Олово задумался.

В коридоре послышались шаги. Скрипнула половица.

– В общем, подбери нужные слова… и обсуди с Патрицией ситуацию. – Довольный собой Кирилл потянулся к чашке. – Я на тебя надеюсь.

– Может, у Ма-амаши Да-аши получится лучше? – жалобно осведомился Олово.

– Может, – после короткой паузы ответил Кирилл. – Но ты все равно приготовься. На всякий случай. – И повернулся к открывшейся двери: – Добрый вечер, Пэт.

– Добрый вечер. – Девушка медленно вошла в гостиную. Оглядела мужчин, прищурилась. – А чего вы не спите?

– Жду звонка, – немедленно ответил Грязнов. – А Олово… гм… Олово?

– Ужин? – нашелся слуга.

– Спасибо, я не голодна.

Олово тщательно обдумал ответ, кивнул и бесшумно удалился. Пэт едва заметно, кончиками губ, улыбнулась и прошла к дивану. Кирилл раскрыл книгу.

– Э-э… как провела день? В смысле вечер? В смысле пока мы не виделись?

Он не отрывал взгляд от страниц.

– Как обычно.

– Очень хорошо…

Грязнов покачал головой, но вдруг сообразил, что выслушивает заурядную отговорку, изобретенную еще в пещерах и предназначенную специально для отцовских ушей. Несколько месяцев назад, только поселившись у Кирилла, Пэт выходила из дома крайне редко – учитывая, что ей пришлось пережить, в таком поведении не было ничего неожиданного. Затем девушка стала совершать короткие прогулки в сопровождении Олово, знакомилась с улицей, с соседями, с Анклавом. А потом… потом Грязнов как-то застал слугу в доме и выяснил, что Пэт «ушла гулять с Матильдой». Распространяться о своих прогулках девушка не любила, но связи Кирилла позволяли ему знать ее обычные маршруты. А если бы связей не было?

Впервые в жизни Грязнов подумал, что взялся за дело, которое ему не по плечу.

– Как обычно – значит нормально?

– Ага.

– Хорошо.

– Я пойду?

– ОК… – И тут же опомнился: – Если, конечно, тебе не интересно, что я узнал о свамперах.

– А ты узнал? – Девушка вернулась на диван.

– Узнал, – подтвердил Кирилл.

Пришло время делового разговора, и Грязнов почувствовал себя гораздо увереннее. Он отложил книгу, вновь взял в руки чашку с чаем и, поудобнее устроившись в кресле, неспешно начал:

– Начнем с Карбида. Его настоящее имя – Андрей Зафаров, двадцать девять лет. Начинал кататься в вагоне корсаров, после распада которого организовал свою стаю – свамперов. Судимостей нет.

– То есть ничего плохого о нем сказать нельзя?

– На мой взгляд, ничего хорошего о нем сказать нельзя, – поправил девушку Кирилл. – Но у тебя может быть другое мнение.

И замолчал, давая возможность подумать. Пэт поняла, что для продолжения разговора она должна задать ПРАВИЛЬНЫЙ вопрос. Грязнов хочет увидеть, какие выводы способна сделать девушка из начальной информации. Что ее заинтересует?

– Почему распались корсары?

Угадала.

Кирилл улыбнулся:

– Верхушку вагона ликвидировала СБА.

– За что?

– Корсары занялись продажей «синдина».

– Это обычное занятие вагонов? – после паузы спросила Пэт.

– Одно из обычных занятий, – жестко ответил Кирилл. – Вторая сторона ощущения безграничной свободы, которое дает жизнь в вагоне. Бешеная скорость, когда ты летишь по трассе, ветер в лицо, друзья рядом, а самое главное – никаких запретов и ограничений, с которыми живет обычный человек. Это кажется настоящим… до тех пор, пока не приходит время платить за бензин, за подзарядку батарей Ллейтона, за пиво, за аренду комнаты, за еду, в конце концов!

– Ты хочешь сказать, что другого пути нет? Неужели нельзя днем работать, а ночью кататься?

Она чуть не сказала: как я. Не сказала. Вспомнила, что не у каждого есть богатый… отец.

– Редкость. Мотоцикл не хобби, это жизнь. Особая система ценностей, идеи, ориентиры. Жить при этом второй, обычной, жизнью сложно. Да и владельцы компаний не любят связываться с байкерами.

– Не доверяют?

– Не доверяют, – подтвердил Грязнов. – Я знаю только одного убежденного байкера, который имеет солидную работу в Сити. Заметь – в Сити. Он блестящий аналитик, и корпорация закрывает глаза на его увлечение. У остальных перспективы не радужные.

– Торговля наркотиками?

– В том числе. Некоторые вагоны держат механические мастерские, но это скорее исключение, чем правило. Еще занимаются организацией гонок, ставками и снимаются в «реалити-шоу». Слышала термин «blood road»?

Пэт качнула головой:

– Да.

– Каналы щедро платят за прямые репортажи о гонках без правил. Никакого монтажа, все по-настоящему: скорость, ветер в лицо и кровь.

– Ведь есть компьютерная графика.

– Нарисованные гонки хороши: есть возможность показать детали, снять зрелищные сцены, но они все равно останутся нарисованными. Когда же байкер по-настоящему разбивает голову, это выглядит не столь эффектно, зато цепляет, дергает за душу. Зрителю нравится. Иногда на старт выходят двое, иногда целыми командами: пять на пять, десять на десять. Адреналин, азарт, кровь – всего в избытке. – Грязнов помолчал. – Кстати, на счету Карбида четыре победы. А это – очень весомый аргумент.

– Насколько эти гонки лишены правил?

– Запрещено стрелять. Обходятся дубинками и цепями.

– Понятно. – Пэт холодно прищурилась, обдумывая услышанное. – Чем еще занимаются вагоны?

– Если достаточно сил, могут обеспечивать защиту лавочникам в каком-нибудь районе, по договоренности с местной канторой, разумеется. Торговля наркотиками. Сутенерство. Иногда терроризм, но очень редко. СБА не любит террористов и распространителей «синдина», все знают, что если вычислят – убьют, поэтому стараются не рисковать.

– Давай вернемся к свамперам, – предложила Пэт. – Чем они занимаются?

– Вагон молодой, и свамперы пока не определились. Пример корсаров научил Карбида осторожности, поэтому он выжидает. Держится за маленькую мастерскую, официальным владельцем которой считается Рустам Лакри.

– Рус?

– Совершенно верно. Один раз вагон принял участие в командных гонках, но проиграл, потерял двух парней и пока не выражает желания повторить опыт. – Кирилл задумчиво повертел в руке четки. – Если Карбид не найдет для байкеров стабильного источника дохода, вагон распадется. Очень скоро ему придется сделать выбор.

– Но пока они не определились, – задумчиво повторила Пэт.

* * *

анклав: Москва

территория: Аравия

Фабрика пищевого производства № 4

всегда найдется тот, кто подбросит дрова в горящий костер

«Введенный на границе Аравии и Кришны режим ограниченного перемещения не изменил обстановку: сегодня ночью, как и предсказывали эксперты, столкновения продолжились. Наш храбрый корреспондент Михаил Засолов…»

Изображения пылающих улиц передавались практически по всем каналам новостей. Но пока – без особой истерики. Сожженные мобили, разбитые витрины, толпы недовольных – все это не было обыденностью, но происходило достаточно часто.

Люди понимали, что Аравия на грани, однако продолжали надеяться на СБА, знали, что в преддверии карнавала уличные войны Кауфману не нужны. Крупные планы техники, подтянутой к нагретым территориям, появлялись на экранах едва ли не чаще кадров с горящими мобилями и должны были, по замыслу пропагандистов, успокаивающе подействовать на толпу. Но непосредственно в Аравию патрули СБА не заходили. Кауфман не хотел будоражить и без того возбужденных людей, не желал давать лишний повод для ярости и приказал ограничиться демонстрацией силы. Расчет строился на том, что бунтовщики, осознав, что блокированы на территории, потеряют самое главное – чувство врага. Беспорядки в собственном доме никому не нужны, и те, кто обладает в Аравии реальной силой и авторитетом, приложат максимум усилий для успокоения соплеменников. Ночь, может быть, следующий день, и конфликт потухнет.

Ярость, злоба слишком сильные эмоции, чтобы владеть человеком долго.

Они уходят.

Если их не подпитывать.

– Блин, как же здесь воняет!

Запах резкий, неприятный. Словно прокисший растворитель смешали с экскрементами. Плохой запах. Режущий глаза, глотку.

– Не ори!

– А кто нас услышит?

– Я сказал: не ори.

Дрон, один из парней Карбида, недовольно кивнул и продолжил делиться впечатлениями шепотом:

– Все равно воняет.

– Везде воняет, – пробурчал Рус.

– И на наших фабриках тоже?

– Везде.

– Но ведь у нас совсем другую жратву делают! Не кошерную.

– Кошерная у евреев. А у мусульман она как-то иначе называется.

– Вот видишь! Потому она и воняет.

– Ерунда, – негромко и как всегда бесстрастно произнес Кимура. – Все фабрики воняют одинаково.

Глаза у Кимуры такие же бесстрастные, как голос. Сейчас, в тяжелом фабричном сумраке, это не важно, но днем они просто щелки – узкие и неприступные. Кимура самурай, но не настоящий, полукровка, болотник, потому он со свамперами, а не с островитянами, гоняющими по Сашими.

– Ты жрачку аравийскую пробовал? – осведомился Дрон.

– Пробовал.

– Она воняет. Поэтому и на фабрике этой воняет!

Сказал и гордо отвернулся, довольный тем, что утер желтомазого. К Кимуре Дрон относился немного свысока, но в спорах, как правило, уступал.

– Все фабрики воняют, – повторил почти-самурай. – Соя, химия и трансгенная картошка. Они везде одинаковые. И смешивают их везде одинаково.

– Я же велел заткнуться! – негромко прорычал Карбид, и Дрон, собравшийся было оспорить последнее заявление, умолк.

Четверо байкеров шли по огромному цеху, механические кишки и желудки которого с сопением, шипением и пыхтением перерабатывали вонючую массу. На мгновение Русу показалось, что он находится в пищеводе гигантского дракона, и парень с трудом сдержал рвоту. Ее вызвал не запах. Ее вызвало понимание, что он сам не раз питался продуктами с этой фабрики, что запихивал в себя хлюпающую в чанах и колбах массу. Котлеты, лапшу, курицу, рыбу… В последних залах чавкающая слякоть растекалась по нескольким рукавам, изменялась, приобретала форму, чтобы завтра появиться на столе в виде лепешки с сыром или стейка. Но путь байкеров лежал к истокам вонючей реки, туда, где смешиваются ингредиенты. Они видели, из чего на самом деле состоят продукты, и Рус вдруг поймал себя на мысли, что еще долго не сможет прикоснуться к еде.

Теперь понятно, почему фабрики автоматизированы.

– Дрон, давай к дверям!

– Понял.

– Кимура…

Но самураю не надо напоминать об обязанностях: он уже возле терминала. Там место оператора, а потому всегда горит лампочка дежурного освещения. Рус увидел, как Кимура склонился к монитору, как его пальцы забегали по клавиатуре. Пальцы живы, пальцы торопятся, а глаза – бесстрастные черные щели.

«Ему на самом деле безразлично?»

Часа через три торговцы начнут забирать с фабрики продукцию. Изменившая форму масса потечет в рестораны, кафе и уличные лотки. Рус представил людей, жующих бутерброд, и прошептал:

– Дерьмо.

– Меня тоже чуть не вырвало, – откликнулся Карбид.

«Тебе тоже безразлично?»

Но Карбиду не безразлично. Карбид дергается. Рус слишком

хорошо его знает, чтобы понять, что скрывается за напускной удалью. Нервничает. И не выпускает из рук зеленый шарик в целлофановой обертке.

– Дерьмо – это то, что мы делаем, – пояснил Рус, не сводя глаз с зеленого мячика.

– Тебе не по хрену эти уроды из Аравии?

– Мне не по хрену то, что мы делаем. Я чувствую, что сам урод.

– Тогда чувствуй себя богатым уродом, – отрезал Карбид. – Ты ведь знаешь, сколько нам заплатили?

– Знаю.

– Вот и закрой варежку.

Карбиду нужны деньги, и он готов кинуть зеленый мячик туда, куда велел хмырь из «Ускорителя». Альфред? Черта с два он Альфред! Хмырь хочет потравить арабов, а Карбиду нужны деньги.

– Дерьмо, – повторил Рус.

Он сам не понимал, что здесь делает. Он сопротивлялся до последнего. Уговаривал, убеждал, требовал. Но натыкался на непонимающие взгляды.

Деньги.

Лакри переругался со всеми, а потом пошел на фабрику.

«Потому, что мы друзья?»

Или потому, что не верил, не мог поверить, что они это сделают.

Усилия Кимуры наконец принесли плоды: люк самого первого и самого большого бака, фактически цистерны, открылся. Карбид торопливо взобрался по металлическим скобам лестницы и бросил в бак зеленый мячик. Но почему-то задержался наверху, замер, а через мгновение донеслись характерные звуки – Рус понял, что Карбида вырвало.

Все кончено.

Все кончено.

– Они все равно ни хрена не поймут, – весело проговорил Карбид, спускаясь вниз. – Мы можем помочиться в эту бочку, а они ни хрена не поймут! Химия, мать ее!

– Они не успеют ничего понять, – бросил Рус и в третий раз повторил: – Дерьмо.

– Альфред же сказал, что будет вспышка отравлений. – Карбид угрюмо посмотрел на приятеля: – Без смертей.

– Ты ему веришь?

– Альфред так сказал, – пожал плечами Карбид.

Ему безразлично.

Рус отвернулся.

Кимура покинул освещенный пятачок, и теперь это была лишь черная тень среди железных кишок и пластиковых желудков, по которым течет отравленная река.

* * *

анклав: Москва

территория: Университет

запах осени – запах умирающих листьев

ищущие знаний должны протоптать тропинку к ученой скамье

Для подавляющего большинства тех, кто открывает по утрам глаза, корпорации и Анклавы – жирные пиявки, высасывающие кровь из простых людей, стран и континентов. Для некоторых они – стабильный источник благополучия. Для небольшой группы – инструмент колоссальной власти и могущества. И лишь совсем немногие видели в Анклавах надежду. Да, в основе идеологии независимых корпораций лежало получение прибыли. Да, верхолазы плевать хотели на социальную политику и занимались ею только для того, чтобы избежать потрясений. Да, они поставили всю Землю в зависимость от себя. Но именно разработки ненавидимой всеми «Фарма 1» позволили наладить производство синтетической, но дешевой еды, которая закрыла для общества проблему голода. Объединенные усилия энергетических монстров помогли преодолеть последствия Нефтяных войн и дали мировой экономике еще один шанс. И в основе этого лежала не прибыль, а наука. Независимые корпорации остались единственными на планете структурами, которые вкладывали деньги в исследования, и не только в те, которых требовали текущие задачи, но и в долгосрочные, фундаментальные программы, рассчитанные на будущее. Способные совершить революцию в науке. Поведение это не имело отношения к альтруизму. Верхолазы прекрасно понимали, что контролируют Землю лишь до тех пор, пока сохраняют качественный технологический отрыв от государств. Исчезнет он, и корпорации лишатся всех привилегий и вернутся под крыло чиновников. А потому не скупились. Научные центры не испытывали недостатка ни в средствах, ни в кадрах. А

Университеты были одними из наиболее пестуемых объектов Анклавов, гигантскими учебными центрами, через которые проходили десятки тысяч людей.

Именно в Университетах можно было прикоснуться к истинной силе независимых корпораций.

К науке.

– На этот раз мы ехали достаточно медленно? – язвительно осведомилась Пэт, останавливая «Плуто».

– На этот раз мы ехали слишком медленно, – ответила Матильда.

– Какие мы храбрые.

– Представь себе – храбрые.

Удивленная Пэт внимательно посмотрела на подругу. Та сняла шлем, тряхнула светлыми волосами и ответила прямым, независимым взглядом.

– Что?

– Ты становишься другим человеком. – Пэт попыталась улыбнуться. Ей почти удалось.

– С тобой станешь. – Матильда поправила рюкзак: – Я опаздываю. Звякни мне, когда соберешься домой.

И поспешила к лабораторному корпусу.

– Чудеса!

Но обдумать произошедшие с Матильдой изменения девушке не дали. Рядом с «Плуто» припарковался желтенький, в тон опавшим листьям, спортивный мобиль, из которого высыпали три веселые девчонки.

– Пэт, привет!

– Приветики!

– Ты написала доклад?

– Ты уже слышала про Андрея? Его папаша сказал, что если он сдаст зимнюю сессию без троек, то полетит на «Гагарин Sol», представляешь?! На станцию!

– В космос!

– Там круто! Я видела передачу…

– А представляешь, что Андрюха ответил? Говорит, не хочу туристом на орбиту! Хочу спейс-слалом.

«И правильно!» – едва не вырвалось у Пэт. К счастью, она успела прикусить язык, и увлеченные болтовней подружки ничего не заметили.

«Не забывай о мелочах, – напутствовал ее Кирилл, рассказывая о нюансах новой жизни. – Мелочи тебя спасут. Или погубят».

В жизни Патриции Грязновой спейс-слалома не было. Так что

не ей делиться о захватывающем и неповторимом чувстве, которое охватывает пилота шаттла при виде миллиардов звезд, до которых, кажется, можно дотянуться рукой. Ее дело восхищенно поддакивать и завистливо вздыхать, слушая о щедром предложении, которое сделал непутевому отпрыску богатый капер.

Чертовски трудная задача в восемнадцать с небольшим.

Моратти обеспечил Урзака всем, что тот потребовал: любая информация, доступная СБА, помощь находящихся в Москве агентов Цюриха, деньги, запасные «балалайки» и, разумеется, документы на все случаи жизни. Как ни странно, но в мире нанотехнологий и практически поголовного подключения к сети удостоверения продолжали играть свою роль: удостоверять личность. Многоуровневая система защиты, которую невозможно применить в «балалайках», почти со стопроцентной точностью гарантировала проверяющим, что перед ними именно тот человек, который указан в документе. Жетоны безов, личные карточки пилотов и космонавтов, удостоверения каперов, паспорта обычных жителей Анклавов – все они выдавались СБА. Надо ли говорить, что в коллекции Банума не было ни одного фальшивого документа? Настоящих, правда, тоже не было – только поддельные. Но проверку они могли выдержать любую.

Можно не беспокоиться.

И наслаждаться прохладой солнечного осеннего утра.

Насвистывая и пиная желтые листья, Урзак не спеша прогулялся по аллее до административного корпуса, уверенно отыскал кабинет начальника отдела кадров, вошел не постучав, властным жестом оборвал открывшего рот мужчину и продемонстрировал жетон:

– СБА. Проводится расследование. Мне нужен доступ к личным делам студентов первого курса.

Перемена после первой пары пролетела незаметно. Помимо щедрого предложения, которое получил их сокурсник, появилась новая тема для разговора: пошел слух, что Лейла Атанесян, заносчивая брюнетка из параллельной группы, собирается претендовать на титул Королевы Осени. Взбудораженные свежей сплетней, девушки занялись обсуждением недостатков внешности Лейлы, которое продолжилось и во время лекции, и во время следующего перерыва. Утомленная болтовней Патриция воспользовалась моментом и сбежала в кафетерий, где ее отыскал Илья.

– Пэт, привет! – Дементьев приземлился на соседний стул. –

Хорошо, что ты одна.

– Девчонки придут минут через пять.

– Черт!

– Ты их стесняешься?

Пэт забавляла робость востроносого приятеля. Ну да, все понятно: детдомовское детство, бегство из России, главная страсть жизни – математика, но ведь нельзя же быть таким рохлей! В присутствии особ противоположного пола Дементьев терялся, краснел и с трудом мог связать два слова. К Пэт он привыкал больше трех недель и теперь мог общаться более-менее свободно, а вот в присутствии Матильды…

– Я по поводу нашего разговора, – быстрым шепотом произнес Илья, наклонившись к уху девушки. – Насчет гонки без «балалайки».

– Нашел выход?

Пэт спросила тоном… не самым заинтересованным. Чувствовалось, что тема перестала ее волновать. Илья на мгновение запнулся.

– Ты будешь гоняться? Или все отменилось?

– Ничего не отменилось.

– Тогда слушай: я придумал…

– Знаешь, – Пэт улыбнулась и положила ладонь на руку молодого человека, – я тоже думала и поняла, что вчера вела себя неправильно. Похоже, я была слишком… – Коротенькая, едва заметная пауза: она не хотела произносить «напугана». – Была слишком зла на свамперов. В общем, я сама справлюсь.

– Сама?

– Ага.

Она ответила с улыбкой, но в глазах девушки Илья увидел такую уверенность, что даже не попытался оспорить решение Пэт. Понял, что оно окончательное.

* * *

анклав: Цюрих

территория: Альпийская Поляна

«Замок Ван Глоссинга»

к дракону нужно приходить с подарками

Выборы – это не только интриги и подковерная возня. Не только тайные операции против конкурентов. Выборы – это еще и официальные встречи, деловые переговоры, во время которых приходится отвечать на щекотливые вопросы, налаживать связи и давать обещания. А самое главное – быть искренним. Ведь оценивали собеседники не радужные перспективы, что разворачивал кандидат, а его способность эти самые перспективы реализовать. И слышать они хотели не красивые слова, а факты. Гарантий они хотели. И правды.

Разумеется, Моратти давным-давно поднаторел в искусстве общения с верхолазами, знал, как правильно подать себя собеседникам любого уровня, да и самих собеседников знал как облупленных, ведь на каждого у СБА имелось солидное досье. Но встреча, которую он собрал сегодня, была особенной.

Переломной.

Время намеков и мелких взаимных услуг прошло, пора открывать карты и четко обозначить свою позицию: с кем? Пришла пора договоренностей, которые повлияют на судьбу всего мира. Именно так – на судьбу всего мира. Возможно, кому-то такая постановка вопроса покажется чересчур самонадеянной, ведь в кабинете президента СБА помимо хозяина находилось всего два гостя, но у каждого из них была такая сила, такая власть, что хватило бы и на десять тысяч гостей. К тому же, если все пройдет благополучно, эта встреча станет лишь первым звеном в цепи многих других переговоров, и решения, что будут на них приняты, бесповоротно изменят лицо цивилизации.

– Хочу еще раз подтвердить, Ник, что Шанхай проголосует за вашу кандидатуру, – со спокойным уважением, как равному, сообщил Дунфан Шо, председатель совета директоров могущественнейшей «Asia + Telecom». – Я знаю, что наша встреча посвящена другим вопросам, но не могу не вспомнить о предстоящей конференции.

– Благодарю, – склонил голову Моратти.

– Хочу присоединиться к моему уважаемому другу, – подал голос У Цзинхуа, президент «MOG Industries». – Сингапур на вашей стороне, Ник.

– Я счастлив слышать.

Китайцы вежливо покивали и замолчали, всем своим видом показывая, что пришел черед Моратти.

– Я верил в нашу дружбу, господа, и рад, что моя вера подтвердилась. Теперь я планирую обсудить весьма важные вопросы, а начать хочу… пусть это не покажется вам странным, с проблемы Кауфмана.

– Существует проблема с таким именем? – осведомился

Цзинхуа.

– Да, – подтвердил Ник. – И очень большая проблема. Осознание ее позволило мне найти ключ к пониманию происходящего. – Он выдержал четко рассчитанную паузу. – Но обо всем по порядку.

Китайцы не возражали.

– В последнее время мое отношение к Максимилиану Кауфману кардинально поменялось. Если раньше я, как и прочие, считал его недалеким солдафоном, буквально понимающим свои обязанности, то есть фигурой, идеально подходящей для работы в русском Анклаве, то теперь, после получения некоторой информации, я вынужден смотреть на Кауфмана другими глазами.

– Что же необычного вы узнали?

– Правильнее выразиться так: не узнал, а понял. – Моратти поднял вверх указательный палец. – Похищение Петры Кронцл и последующие события, закончившиеся смертью Романа Фадеева и переходом его корпорации под контроль «Науком», позволили мне осознать, что Анклав Москва превратился в закрытую, независимую от Цюриха структуру. Те мои приказы, что идут вразрез с решениями Кауфмана, саботируются. Я получаю только общую картину, только сведения, которыми Мертвый считает нужным со мной делиться. Люди, посылаемые для осуществления контроля, или перевербовываются, или ликвидируются. Служба собственной безопасности, теоретически подчиненная центральной штаб-квартире, не вызывает у меня никакого доверия. – Ник помолчал. – Мы имеем дело с грубым и дерзким нарушением Положения об Анклавах.

– Теперь я понимаю, почему вы решили рассказать об этом только нам, вашим друзьям. – Шо деликатно улыбнулся. – Если информация получит огласку, ваши шансы на переизбрание устремятся к нулю.

– Гораздо больше меня волнуют выводы, которые я сделал на основании этой информации.

Лица китайцев не изменились, но Моратти понял, что полностью завладел их вниманием.

Китайцы.

И Шо, и Цзинхуа являлись главами независимых корпораций, вели дела в свободных Анклавах и прилетали на совещания в Цюрих. Но за каждым из них стояла массивная фигура Председателя. И после встречи они отправятся не в свои Анклавы, а в Пекин, к старому генералу Ляо, потому что именно в Северной столице принимаются решения, определяющие жизнь Восточной Азии. И договаривается сейчас Моратти не с

корпорациями, а с Поднебесной. Китайцы оказались дальновиднее всех, глубже всех вгрызлись в Анклавы, лучше всех развили получаемые от корпораций технологии, и теперь их страна, согласно анализам СБА, первая среди равных. Поддержка Народной республики сделает позиции Моратти неуязвимыми.

– Поведение Кауфмана невозможно и безумно. Какой смысл директору филиала превращать Анклав в удельное княжество? Что он выигрывает? Рано или поздно все станет очевидным, и его карьера в лучшем случае закончится отставкой. Получается, Кауфман – идиот? Я так не считаю.

Китайцы кивками подтвердили, что в целом разделяют мнение президента СБА.

– Я считаю, что Кауфман действует по согласованию с главами московских корпораций. Возникает вопрос: зачем? Ответ очевиден: они что-то скрывают. «Науком», «МосТех» и «Хруничев» задумали нечто такое, ради чего не побоялись нарушить все возможные пункты Положения об Анклавах, не побоялись рискнуть своим собственным будущим, своим благополучием. – Ник резко повысил голос: – Вам известно о соглашении, которое Фадеев заключил с Народной республикой?

Шо и Цзинхуа одновременно подняли брови, одновременно, и весьма убедительно, изобразили удивление, Шо даже попытался что-то сказать, но…

– Мы будем говорить откровенно или не будем говорить вовсе! – Моратти обвел китайцев жестким взглядом. – Вам известно о соглашении?

– Да, – сдался Цзинхуа. – Фадеев должен был купить «МосТех». Речь шла о прорыве в области энергетических разработок.

– Я помню, была взломана база, – подал голос Шо, – но ничего интересного в ней не оказалось. Судя по всему, революционное открытие – блеф, с помощью которого москвичи взяли под контроль «Фадеев Групп».

– Этот вывод противоречит поведению Кауфмана.

Китайцы переглянулись, но спорить не стали. Разумеется, все, что рассказал Моратти, будет проверено и перепроверено, аналитики разложат разговор по полочкам, оценят каждое слово, каждый жест. Но сейчас Ник был убедителен.

– Вы хотите сказать…

– У русских действительно есть новая энергия. Дешевая и мощная энергия, которая станет идеальной заменой нефти. А возможно, откроет куда более широкие перспективы.

– Но зачем им скрывать правду? – Цзинхуа непонимающе посмотрел на Моратти.

Ответить Ник не успел – его опередил Шо:

– Потому что глобальное открытие похоронит Анклавы. Если русские действительно совершили революцию в энергетике, если речь действительно идет об очередном рывке, придется консолидироваться. Корпорациям не справиться, им потребуется помощь государств. По крайней мере, самых развитых государств.

Моратти широко улыбнулся:

– Теперь вы понимаете, почему я обратился именно к вам?

* * *

анклав: Эдинбург

территория: Даун Таун

торговый центр «Коннери Хаус»

кондиционированный ветер не унесет секреты

– Зачем вы хотели меня видеть?

– Вы знаете зачем, господин Макферсон, – вежливо ответил Мишенька. – Вы прекрасно понимаете, для чего я прилетел в Эдинбург.

– Перетащить меня на свою сторону вам не удастся.

Щеглов не стал уличать собеседника в отсутствии логики: если уверен, что не примешь предложение, – зачем встречаться? Вместо этого Мишенька очень широко улыбнулся и со всем возможным дружелюбием произнес:

– Почему не попытаться?

– Попытаться купить меня?

Из досье следовало, что директор эдинбургского СБА человек не глупый и не грубый. По оценкам Мишеньки, намеренно вызывающий тон должен был скрыть терзающие шотландца сомнения, и, если продолжить вести себя мягко, собеседник может расценить эту мягкость как проявление слабости.

– Я бы предложил воздерживаться от подобных замечаний, господин Макферсон, тем более что торговля не является целью моего визита. – Щеглов выдержал паузу. – К тому же вы обеспеченный человек, господин Макферсон, которого трудно соблазнить материальными благами. Теперь, когда мы получили полный доступ к реестру акционеров «Фадеев Групп», мы знаем,

сколько акций на самом деле вам принадлежит. Значительно больше, чем вы могли заработать честным путем.

Шотландец среагировал на удар спокойно, на его лице не дрогнул ни один мускул, в глазах не появился злой блеск, но тон стал менее агрессивен.

– Целью вашего визита является шантаж?

– Ни в коем случае. Я просто попытался ответить на ваш вопрос максимально полно, господин Макферсон. И я понимаю ваши сомнения: богатый человек согласится участвовать только в надежных проектах.

– Надежность – это то, чего никогда не предлагала Москва.

– Весьма спорное утверждение.

– Так кажется издалека.

– Почему не подойти ближе?

– Я вполне комфортно себя чувствую, соблюдая дистанцию.

– Комфортно… – задумчиво повторил Мишенька. – Скажите, господин Макферсон, роль спарринг-партнера для Моратти, роль пешки, которую он выдвигает для обозначения борьбы за кресло президента… Эта роль для вас комфортна?

Удар оказался сильнее предыдущего, но шотландец сумел выдержать и его. Сумел выдержать и жесткий взгляд серых глаз наглого русского. Сумел сдержаться.

– Вы забываетесь, молодой человек.

– А мне кажется, я веду себя именно так, как должен, – откровенно. Вы согласились уделить мне всего час, господин Макферсон, и я обязан использовать это время максимально продуктивно. Я прибыл в Эдинбург не для обмена намеками, я должен расставить точки над i, рассказать, чего мы хотим.

– Расскажите.

– Мы хотим видеть вас во главе СБА, господин Макферсон. Мы этого хотим.

А вот теперь шотландец вздрогнул. Он видел, что русский не врет. Понял, что начался серьезный разговор. Мертвый хочет поставить на него? Невозможно! Не…

– Почему не де ла Крус?

– Игнасио мы выдвинули, чтобы у Моратти не появилось ненужных подозрений. Москва не могла не предложить своего кандидата. Но поддерживать де ла Круса мы не станем. Игнасио об этом осведомлен. Более того, он сам себя поддерживать не будет. Если мы договоримся, то вся наша команда станет работать на вас.

Команда дружественных Москве корпораций. Макферсон знал, что их немного, но, выстрелив в нужный момент, они способны нанести Нику смертельный удар.

– Почему?

– Во-первых, у вас лучшие шансы, чем у Игнасио. Верхолазы вас уважают.

– Но ведь не это главное, – прищурился Шон. – Так?

– Разумеется. Главным для нас стало то, что Моратти уже сделал выбор, примкнул к людям, которые хотят повести цивилизацию по не устраивающему нас пути. Моратти использует свою власть в СБА к выгоде новых друзей, а нам с ними не по дороге. Вам, как мы надеемся, тоже.

В современном мире, особенно в развитых Анклавах, существует масса способов проследить передвижение отдельного человека. Уличная камера выхватывает из толпы лицо, мгновение – и компьютер запускает поиск по картотеке СБА; уличный сканер в случайном порядке проверяет «балалайки» и сличает их с базой данных; мощное оборудование на висящих над городом дирижаблях, стационарные наноскопы на постах безов… Спрятаться от системы невероятно трудно. Почти невозможно.

И Мишенька не прятался. Не стал менять «балалайку» пилота на что-нибудь менее приметное, а отправился, как и положено нечастому гостю, осматривать достопримечательности Эдинбурга. Немного времени на замок, немного времени на Центральную площадь. Затем визит в крупный торговый комплекс – покушать и приобрести какую-нибудь мелочовку на память, затем несколько элегантных уходов от возможных наблюдателей, и Щеглов оказался в небольшой, скудно обставленной, зато очень и очень хорошо защищенной от прослушивания комнате – одном из оперативных помещений эдинбургского СБА. В маленькой камере с серыми стенами, под потолком которой тихонько жужжит кондиционер, а рядом с ним мигает зеленым глазом наноскоп: показывает, что в машинке нет лишних деталей. Воздух прохладный, но безжизненный, поскольку поступает из замкнутого контура. Впрочем, Щеглову не привыкать к подобным помещениям: люди, которые много знают, прикладывают массу усилий, дабы уберечь свои знания от посторонних. А комнатные цветы в таких камерах не держат. И на растерзание мертвому ветру отданы лишь человеческие легкие.

– С вашего позволения, господин Макферсон, я начну издалека. Небольшой экскурс в историю позволит вам получить более полное представление о наших взглядах.

– У вас не очень много времени.

– Я постараюсь уложиться. – Мишенька побарабанил пальцами по столешнице. – Вы помните, с чего начались

Анклавы?

– Какую версию вам рассказать? – осведомился Шон.

– Настоящую.

– Корпорациям надоело платить налоги.

– Вам ли не знать, что эта ерунда придумана для лохматых маргиналов? В той или иной степени все корпорации продолжают платить государствам. Разумеется, меньше, чем должны бы, но продолжают. Я уж не говорю о взятках чиновникам.

Шотландец улыбнулся:

– Корпорациям потребовалась свобода.

– А что есть свобода?

– У нас философский диспут?

– Фактически – да. Что есть свобода в понимании корпораций? Для чего она им вдруг потребовалась?

– Власть, – коротко ответил Шон.

– Все верно, господин Макферсон. Мы с вами добрались до сути. В какой-то момент верхолазы поняли, что теряют привычную власть над государственными институтами. Их слово по-прежнему значило много, но решения принимались в других кабинетах. Вам напомнить, почему это произошло, господин Макферсон?

– Изменилась демографическая ситуация.

– И опять в самую точку. Народы, из которых вышли верхолазы, стремительно уменьшались, им на смену приходили другие этносы, может, менее развитые, зато переполненные волей к жизни. Тех, на кого опирались верхолазы, попросту перерожали. А у нового народа были новые лидеры. Сначала они обрели политическую власть, а затем потянулись к кошелькам верхолазов. Самое страшное, что, чувствуя свою силу, новые лидеры потребовали не процент, а полноправную долю. Места в советах директоров, ключевые посты. Им понравилось принимать решения. И наши верхолазы вдруг поняли, что их тоже перерожают. Выдавят, как выдавили тех, на кого они опирались. – Мишенька помолчал. – Это называется естественным отбором. Тигр силен, но в царстве крыс он будет делать то, что ему прикажут.

– Вы расист?

– Нет, я аналитик. К доктору Кауфману можно относиться по-разному, но в умении докопаться до сути вопроса ему нет равных. В Москве тщательным образом изучили все аспекты появления Анклавов, сейчас я вам представляю краткие выводы.

– В любой теории есть слабые места.

– С вашего позволения, господин Макферсон, я продолжу. Поспорим потом.

Шон кивнул.

– Итак, верхолазы озаботились спасением существующей элиты. Они хотели продолжать говорить с властями на равных, как сильный с сильным, не ощущая давления или зависимости. Это могла дать только свобода. К счастью, корпорации сосредоточили в своих руках громадный научный и промышленный потенциал, фактически – управляли экономикой, и только благодаря этому верхолазы добились условий почетного мира. Но Анклавы стали лишь отсрочкой. Не панацеей.

– Почему вы так считаете? Статус-кво можно поддерживать очень и очень долго.

– По нашим оценкам, осталось не более десяти лет.

– Пессимистично.

– Я продолжу. Для того чтобы Анклавы продолжали играть свою нынешнюю роль, необходимо сохранять качественный отрыв. Технологии корпораций должны быть на голову выше, разработки – перспективнее, товары – дешевле и лучше. Верхолазы вкладывают колоссальные средства в исследования и науку, наработанный гандикап позволяет им держать дистанцию, но они до сих пор не сумели совершить настоящий рывок.

– Что вы имеете в виду?

– Несмотря на все усилия, корпорации топчутся на месте, идут по экстенсивному пути развития. Проанализируйте ситуацию, и вы поймете, что фундамент всех современных разработок был заложен еще в девятнадцатом веке. Мы построили на нем величественное здание, но и только. Мы разрабатываем старые идеи, ответвления, вытекающие теории… Мы выжимаем теории досуха, но не движемся вперед. Последняя крупная теория – квантовая – была разработана в начале двадцатого века. С тех пор ничего принципиально нового. Мы подошли к стене, перепрыгнуть через которую можно только с помощью очередного рывка, некоего открытия, которое заложит следующий фундамент. Пока этот рывок не произойдет, цивилизация будет пребывать в тупике.

– Как это связано с корпорациями и Анклавами?

– Когда исследователи окончательно упрутся в стену, разрыв между корпорациями и государствами начнет стремительно сокращаться. Через некоторое время наступит качественное равновесие, и Анклавы станут не нужны. Государства их поглотят, и верхолазы не смогут диктовать свою волю политическим лидерам.

– И они решили не ждать, – пробормотал шотландец.

– Вы абсолютно правы, господин Макферсон, – подтвердил Мишенька. – В настоящий момент корпорации способны

выработать новое соглашение с государствами, верхолазы получат гарантии, поделятся и будут постепенно растворяться в новой элите. Они не видят другого выхода.

– А вы видите?

Щеглов пристально посмотрел на Шона и веско ответил:

– Мы его нашли.

Макферсон против воли подался вперед:

– Рывок?

– Да.

– Новая энергия, о которой говорил Фадеев?

– Да.

– Это был не блеф?

– Это был не блеф.

Шотландец поверил. Сразу и безоговорочно. Он видел доказательства, которыми располагал Роман Фадеев, он знал, что Железный Ром верит. Дальнейшие события заставили Шона усомниться в выводах Фадеева, но сейчас, после всего, о чем рассказал русский, Макферсон перестал колебаться: да, эти сукины дети, эти потомки пьяных медведей вновь утерли нос шарику. Обескровили «МосТех», израсходовали триллионы юаней, но сделали. Придумали свою чертову энергию.

Рывок.

– И скрываете?

– Вынуждены.

– Почему?

– Во-первых, из-за пораженческих настроений, о которых я вам только что поведал. Мы не чувствуем у верхолазов воли к продолжению старой политики и опасаемся, что наше открытие станет разменной монетой в торге с государствами.

– Но почему монетой?! – Шотландец вскочил на ноги и принялся расхаживать по комнате. – Возможности Анклавов колоссальны, но недостаточны для решения глобальных проблем. Возможности государств колоссальны, но недостаточны для решения глобальных проблем. Объединившись, мы могли бы добиться многого.

– Мы думаем, что справимся сами, – спокойно ответил Мишенька. – Не силами одной Москвы, разумеется, силами всех Анклавов.

– Но почему?

– Потому что пораженческие настроения уже приносят плоды. Мы считаем, что Моратти движется к китайцам.

– Ну и что? Моратти к китайцам, я к североамериканцам, де ла Крус к южноамериканцам – мы объединимся! По-настоящему объединимся!

Макферсон не был солдафоном, он давно, с тех самых пор, как Фадеев ввел его в курс дела, обдумывал перспективы русского открытия. И сейчас у него захватывало дух.

– Вы сами говорили, что цивилизация в тупике. Давайте выйдем из него! Все вместе выйдем.

– К сожалению, доктор Кауфман не разделяет ваш романтический взгляд на происходящее, – сухо проговорил Щеглов. – Наше изобретение легко использовать в военных целях, и доктор Кауфман всерьез считает, что политики не удержатся от соблазна. Подумайте сами, господин Макферсон: Омарский эмират, Индия и Китай поделили между собой Азию. Влияние России не следует принимать всерьез. В Европе правит Исламский Союз. Центральная и Южная Америки раздроблены на мелкие страны, но реальная власть находится в руках Католического Вуду, под знаменами которого они способны объединиться против любого врага, мы это знаем по событиям в Тихом океане. Сформировались глобальные объединения, между которыми накопилась масса противоречий. Доктор Кауфман чувствует ответственность. Он считает, что Анклавы обязаны очень жестко контролировать изобретение.

– Сохранить статус-кво.

– Совершенно верно.

– Это будет нелегко.

– Теперь вы понимаете, почему мы заинтересованы в том, чтобы именно вы возглавили СБА.

– Вы не верите Моратти.

– Он уже сделал выбор, – повторил Мишенька. – Он сдался. А мы по-прежнему считаем, что Анклавы должны стоять над государствами. Не наоборот.

Макферсон взглянул на часы – отпущенный на встречу час давно прошел – и потер лоб:

– Я должен подумать.

– Я возвращаюсь в Москву сегодня, – бесстрастно сообщил Щеглов. – Когда прилечу, отправлюсь на доклад к доктору Кауфману. К этому моменту я должен знать ваше решение.

* * *

анклав: Москва

территория: Болото

«Кантора братьев Бобры»

отдел жалоб и предложений

«Если на дверях написано «кОнтора», значит, внутри находится кантора. А если на дверях написано «кАнтора», значит, внутри находятся Бобры. И не бобры, а Бобры, они братья. Чего непонятно?»

«Дыры и заборы. Книга для тех, кто хочет прожить в Москве больше одного дня».

Кантора братьев Бобры считалась одной из самых мощных на Болоте. Что и немудрено, учитывая, что возглавлял ее не один человек, а четыре. И не просто четверо компаньонов, а четверо искренне и беззаветно доверяющих друг другу братьев.

Как Бобры удалось сохранить эти отношения, оставалось загадкой – в Анклавах, да и во всем мире, подобных примеров находилось мало. Одни говорили, что все дело в Бабушке Бобры, старой маме, к которой братья питали самые нежные чувства, другие уверяли, что все дело в том, что братья от разных отцов и не так похожи, чтобы надоесть друг другу. Но большинство сходилось во мнении, что все дело в двух братьях: старшем Тимохе и младшем Николае Николаевиче. Тяжелый характер первенца заставлял врагов трепетать от страха, а второй вложил в семейное предприятие недюжинный ум. Оба понимали, что друг без друга им придется туго, а потому не расставались. И удерживали рядом средних.

Как бы там ни было на самом деле, кантора процветала, уверенно отражала как мелкие набеги, так и продуманные вторжения, и владельцы подконтрольных заведений знали, что Бобры способны урегулировать проблему любой сложности.

– Вот этот гад! – торжествующе провозгласил директор «Мозаики». – Наружная камера засекла!

Братья дружно уставились в монитор, на котором застыло изображение высокого худого мужчины в черном костюме. Фотография была сделана со спины, лица не разобрать, зато хорошо виден нестандартный – чересчур большой – разъем на затылке. Следующие кадры показывали путь мужчины к такси. Последнее изображение – корма отъезжающего мобиля.

– Почему ты думаешь, что это он? – осведомился Николай Николаевич.

– А кто еще? – с неподдельным удивлением спросил пострадавший.

Митроха и Петруха весело переглянулись: какая разница – он

или не он? Найдем – узнаем. Им было достаточно приятельского слова. Тимохе, который уже вернулся в кресло, тоже. Обычно старший брат вел себя осторожнее, но дело виделось простым: заезжий гастролер обидел хорошего человека, и вникать в нюансы Тимохе не хотелось. Лень. Но оставался въедливый Николай Николаевич, к мнению которого в семье было принято прислушиваться.

– Ты говорил, что не разглядел нападавшего. Он вырубил тебя на пороге кабинета.

– Я проверил всех, кто приходил в «Мозаику», – хмуро ответил директор. – Новый клиент представился липовым именем…

– Каким?

– Менеджер не запомнил, – вздохнул директор. – Да и какая разница?

– Ладно, продолжай.

– Он заказал русалок, а когда поднялась тревога, в номере его не оказалось. Менеджер уверяет, что это он.

Еще один кивок на монитор.

– Копался в моем компьютере, сука.

– Зачем?

– А я почем знаю? Клиентскую базу смотрел.

– Компромат искал?

– Наверно.

Тимоха, поняв, что младший задает правильные вопросы, насупился. Широкоплечий, мускулистый, с гладко выбритой головой и короткой бородкой, он производил впечатление тупого громилы. В сущности, не такое уж неправильное, силушкой Господь Тимоху не обидел. Однако и на нюх старший Бобры не жаловался, что позволяло ему избегать многих неприятностей.

– Может, СБА на кого-то копает?

– Нет, – качнул головой Николай Николаевич. – Мертвому наш друг и так бы все рассказал. – И с усмешкой покосился на директора «Мозаики»: – Рассказал бы?

– А ты бы не рассказал? – хрюкнул тот.

Бобры понимающе заржали. Пострадавший решил обидеться:

– Я не понимаю, мы обсуждаем наезд на меня или вы пытаетесь соскочить? Вы наш район держите?

– Ну…

– Я с вами делюсь?

– А куда тебе деваться?

– Найдете гада?

Бобры переглянулись. Николай Николаевич поморщился, взялся за «мышку» и парой кликов увеличил номер мобиля.

– Найдем, найдем.

– Считай, что он уже мертвый, – хохотнул Петруха.

– Только вы у него сначала спросите, чего он искал, – попросил директор.

– А зачем?

* * *

анклав: Москва

территория: Сити

«Пирамидом»

даже хорошая паутина удержит не всякую муху

– Игорь, что у нас с разработками? – негромко поинтересовался Кауфман, глядя в экран коммуникатора.

– Почему ты спрашиваешь, Макс?

– Я узнал, что новый образец будет готов только через две недели.

– Все правильно.

– Но ведь мы корректировали сроки, Игорь. Они должны были дать результат сегодня.

– Не успели, – коротко ответил Холодов.

Внешне президент «Науком» оставался спокоен, но Мертвый понимал, что задержка друга не обрадовала. Тем не менее Холодов смирился.

– Им не хватает оборудования?

– Макс, прекрати истерику!

– Я…

– Макс!

Кауфман вздохнул, отвел взгляд, потер переносицу, вновь вернулся взглядом к экрану.

– Извини. – Заставил себя улыбнуться. – Хочу все и сразу.

– Мы все торопимся, – согласно кивнул Холодов. – Но надо понимать, что есть технологические трудности. Черт побери, нашим инженерам приходится решать одну задачу за другой! С нуля решать, Макс! – И чуть тише: – За то время, что у нас было, мы получили очень много.

За то время, что прошло с изготовления первого образца

энергетической установки.

Как только москвичи получили конкретный результат, они немедленно вывели проект из «МосТех» – корпорация засветилась во время биржевой войны с Фадеевым, – и практические разработки шли на челябинском полигоне «Науком». Шли хорошо, уверенно, но не с той скоростью, на которую рассчитывал Кауфман.

– Я уверен, что Макферсон согласится на наше предложение, – угрюмо произнес Мертвый. – Я уверен, что нам по силам победить на выборах президента СБА. Но все равно придется говорить с верхолазами, убеждать их сплотиться. Нам нужны сильные козыри.

– Я все понимаю, Макс, – вздохнул Холодов, – но я не могу требовать от людей больше, чем они способны дать. Будем выпутываться.

– Будем. – Кауфман отключил коммуникатор и повторил: – Будем.

Выпутываться. Выкручиваться. Искать выход. Находить.

Побеждать.

Не проигрывать ни при каких обстоятельствах. Проиграешь – потеряешь все. Если враги дышат в спину, если поражение близко как никогда, – прибавляй. Отказывайся от этого финиша. Беги дальше. Беги, как человек, оседлавший лавину. Беги, только в этом спасение. Беги, пока хватит сил.

Пока хватит сил.

Он не сразу услышал голос секретарши. Сидел в кресле, вертел в руке погасший коммуникатор. Думал. Но старая Ядвига Сигизмундовна прекрасно знала шефа, а потому, не дождавшись ответа на сообщение, повторила:

– Доктор Кауфман, к вам Слоновски.

– Кто? – опомнился Максимилиан.

– Слоновски. Сказать, чтобы зашел позже?

– Нет. Впустите.

Посмотрел на оперативника, уловил, что тот расстроен, и предположил, что ситуация на тлеющей территории вышла из-под контроля.

– Что в Аравии?

– В Аравии? – Слоновски на мгновение сбился. – Дерутся.

Судя по всему, его печальная весть не имела отношения к буянящим арабам.

– Все еще дерутся?

– Скоро перестанут, – улыбнулся Грег. Он уже перестроился и готов был говорить об аравийских проблемах. – Осведомители докладывают, что народ потихоньку успокаивается. Наша

демонстрация произвела на них нужное впечатление.

– Хорошо, – кивнул Мертвый. – Тогда в чем проблема?

Слоновски уныло опустил голову:

– Есть новости из Университета. Сегодня утром неизвестный просматривал личные дела студентов первого курса.

«Прокол», – понял Максимилиан.

Но вспыхивать не стал. Не время. Откинулся на спинку кресла, выдержал небольшую паузу и сухо поинтересовался:

– Неизвестный?

– Он представился сотрудником СБА, – промямлил Слоновски, – но никто не запомнил ни имени, ни должности.

Грег не любил докладывать о допущенных ошибках.

– Что значит «не запомнил»? – насторожился Мертвый.

– Сам удивляюсь, – развел руками Грег. – Его даже толком описать не могут.

– Интересно… – Кауфман побарабанил пальцами по столешнице. – А записи в «балалайках»?

– Нечеткие. Смазанные. Машинисты ничего не могут разобрать.

– Шутишь?

– Никак нет.

Несколько мгновений Мертвый разглядывал оперативника так, словно видел скалоподобную фигуру Грега впервые в жизни.

– Слоновски!

– Я.

– Ведьмы на метлах по Москве не летают?

– Осведомители не докладывали, – осторожно ответил Грег.

– А если полетят? – прищурился Кауфман.

– Поймаем. Свяжем. Доложим вам.

– Уф! – Мертвый с облегчением выдохнул. Получилось несколько театрально. – Задачу свою понимаешь правильно.

– Стараюсь, – приободрился Слоновски.

– Тогда почему не поймал расплывчатого? – жестко спросил Кауфман.

Грег снова сник.

Ловушку установили пару месяцев назад. Хитроумная программа, которую машинисты СБА запрятали в глубинах внутренней университетской сетки, немедленно сообщала в «Пирамидом» об интересе к личным делам первокурсников. Слоновски должен был выяснять, кто лезет в файлы, и в случае необходимости выслать группу для задержания «любого лица или лиц, чей интерес покажется подозрительным и неоправданным». Более того, проверке следовало подвергать любого сотрудника Университета, кроме весьма узкого и четко очерченного круга

лиц. Приказ Мертвый дал устно, что означало наивысший приоритет.

Слоновски задание провалил.

– Мои люди сразу же связались с Университетом, но им сказали, что первокурсников проверяет офицер СБА.

– И они расслабились.

– Так точно. Когда мне доложили о происшедшем, было поздно.

Неизвестный ушел.

– Кого он искал?

– Не знаю, – вздохнул Грег. – Просто скачал информацию на первокурсников.

– Плохо.

Кауфман побарабанил пальцами по столешнице.

По спине Слоновски потекли струйки холодного пота. Он знал, что допустил серьезный прокол. Сейчас последует…

Но вопреки всем ожиданиям Мертвый не стал устраивать разнос. Вместо этого он достал из ящика стола фотографию и показал ее Слоновски.

– Узнал?

– Петра Кронцл, – негромко ответил Грег. Помялся. – Неужели она учится в нашем Университете?

– Должна же она где-то учиться, – усмехнулся Кауфман, не сводя глаз с оперативника.

Грег давно привык к тому, что некоторые приказы директора московского филиала СБА ставят его в тупик. И давно понял, что должен выполнять, а не обсуждать. И не задумываться. Вот Мишенька Щеглов – другое дело, у него мозги варят лучше, с ним Мертвый советуется, к его мнению прислушивается. Но завидовать нечему: Мишенька умный, но провести боевую операцию неспособен. Не тот инструмент. А Слоновски способен. Еще как способен. Каждый хорош на своем месте. И задумываться не надо. Особенно о том, что Петра Кронцл, судьба которой официально неизвестна, учится в Университете. «Должна же она где-то учиться!» Нет, задумываться нельзя. По крайней мере, до тех пор, пока Мертвый не разрешит.

– Девчонка здесь, – спокойно произнес Кауфман. – Возможно, обстоятельства сложатся так, что ты ее встретишь. Ее внешность немного изменена, но ты хороший оперативник, ты узнаешь.

Слоновски вздохнул.

– Так вот, если ваша встреча состоится, я прошу тебя с уважением отнестись к ее новому имени.

– Я все понял, шеф.

И холодный пот на спине мгновенно высох. Не потому, что

отменилась головомойка, нет. Потому, что Кауфман еще на один шаг подпустил к себе Грега. Показал, что доверяет.

«Я ценный инструмент. И я верный инструмент». Слоновски был убежден в истинности как первого, так и второго утверждения. И оба они вполне его устраивали.

– Теперь насчет нашего расплывчатого друга… – Мертвый помолчал. – Надо бы его найти, Слоновски.

– Э-э… и что сделать?

– Пока просто найти.

– Понял.

И Грег отправился в многомиллионный город. Искать.

А Кауфман прикрыл глаза и негромко произнес:

– Ну, здравствуй, Урзак.

* * *

анклав: Москва

территория: Царское Село

модный дом Мишеля Габриеля

все допускают ошибки, и все за них платят

То, что Эмира Го не попала в сети «Мозаики», Урзака не расстроило. Возможно, чернобурка действительно не посещала притоны «эстетических наслаждений», возможно, вела себя крайне осторожно, не снимала наномаску, вынимала «балалайку», платила только наличными – в этом случае вычислить Эмиру будет невероятно сложно. Тем не менее Урзак не унывал. Он не сомневался в ключевых постулатах: капитан Го тратит деньги Фадеева на себя; капитан Го не может не увлечься, и ее расходы обязательно превысят допустимо возможные для офицера ОКР, даже подрабатывающего на стороне; таким образом, капитан Го покажет, что имеет доступ к секретным фондам, и ей придется объяснить их происхождение.

Запас времени у Банума был, и он не торопился. Спокойно обдумал, на что еще, помимо развлечений, может потратить большие деньги молодая женщина, просмотрел, какие события ожидаются в Москве в ближайшее время, и нашел следующую цель для проверки. Урзак был уверен, что на этот раз сделал

правильный ход.

И не ошибся.

– Здесь будет едва заметный шов, госпожа, – сообщил кутюрье, мягко прикасаясь к боку Эмиры.

– На самом деле едва заметный?

– Разумеется, госпожа.

– Мишель, я хочу, чтобы наряд был идеален.

А каким еще он может быть, учитывая его стоимость?

Со всех сторон на Эмиру смотрела Эмира. Со всех сторон ее окружали зеркала. Обычные стеклянные и цифровые, с нанопокрытием, не зеркала – экраны, информация на которые поступала с пары десятков видеокамер. Компьютеры просчитывали силуэт во всех ракурсах и положениях, в движении; просчитывали сочетания цветов при разном освещении; выдавали советы по косметике и драгоценностям.

Мишель сделал вид, что обиделся на последнее замечание клиентки:

– Уверяю, вы останетесь довольны. Но чего стоит мой труд по сравнению с вашей красотой? Окружающие будут смотреть в первую очередь на вас, а не на платье.

«Льстит или нет?» А впрочем, какая разница? Ей было приятно услышать эти слова. Приятно почувствовать себя настоящей женщиной, красивой, желанной и слабой. Не чернобуркой, а женщиной.

Окутанной легким облаком духов.

Собирающейся на бал.

Женщиной…

Эмира едва заметно улыбнулась, но от взора кутюрье не укрыться.

– Чарующе! Именно так: улыбка, скользящая по губам. Они сойдут с ума!

– Мишель, не увлекайтесь.

– Я не шучу! Это ваше лучшее оружие, госпожа! Я внесу изменения в прическу, чтобы подчеркнуть…

«Сон? Сказка? Я – Золушка?»

Почему бы не отправиться на карнавал, как в прошлый раз? В обычном платье. В компании сослуживцев. А после переспать с кем-нибудь из них. Не с подчиненным, конечно, – с кем-то из равных. Генерал Кравцов давно на нее заглядывается…

Но Кравцов с ними не веселится. Он будет на Стрелке, среди верхолазов. И ей хотелось оказаться там же. Во сне. В сказке.

Эмира вновь переключила внимание на свои отражения. Подобно юной девушке, собирающейся на первый бал, ей

хотелось вертеться перед зеркалами как можно дольше. Любоваться собой, своим нарядом и мечтать.

Впрочем, это и был ее первый бал.

– Что с драгоценностями, Мишель?

– Я уточнял: будут готовы в срок.

– Очень хорошо.

Гарнитур Эмира заказала у известного ювелира – специальный заказ, ручная работа. Точнее, Мишель заказал, и он же оплатил со своего счета. А с ним Го расплачивалась наличными. Суммы приходилось возить крупные, но ничего не поделаешь – надо хранить тайну.

Услуги высококлассных кутюрье, к которым относился Мишель, стоили огромных денег. Они использовали в работе исключительно натуральные ткани и кожу, принципиально отвергая нанонити и синтетику. Они шили одежду неделями, а уж если речь шла о вечернем платье, да еще специально для карнавала, то производительность кутюрье падала почти до нуля. Бесконечные разговоры, выяснение деталей, прикидки – Эмире казалось, что она обсудила едва ли не каждую строчку, лично познакомилась со всеми вытачками.

Достаточно сказать, что материал для платья они с Мишелем подбирали неделю. Но дело того стоило. Эмира помнила, как выглядели на карнавале богатые каперские жены, и не собиралась им уступать. Неделю на выбор тканей? Хорошо. Пусть будет так. Главное, что оба платья – на открытие и на заключительный бал – потрясали воображение.

Эмире очень хотелось окунуться в сказку.

– Платья будут готовы к вечеру.

«Ваши хрустальные туфельки, милая Золушка…»

– Я заеду перед карнавалом. – Эмира помолчала. – Переоденусь у вас.

– Как прикажете, госпожа.

– И распорядитесь, чтобы меня ожидал стилист. Бригада стилистов. Я приеду на несколько часов… Хочу хорошо подготовиться.

Ванна, кремы, мази, массаж, прическа – Эмире хотелось праздника.

– Разумеется, госпожа …

– И еще…

– Извините, госпожа, – перебил ее Мишель. – Мне только что сообщили, что приехал ваш друг.

– Мой друг?

– Он сказал, что вы договорились встретиться здесь.

Эмира провела рукой по нежному шелку. Показалось, что по

наждачной бумаге. Но внешне – никаких признаков паники. Она даже улыбнулась:

– Извините, Мишель, я совсем забыла.

Кутюрье понимающе улыбнулся и повернулся к вошедшему в комнату Урзаку:

– Добрый день.

– Добрый.

– Привет, дорогой.

– Ты замечательно выглядишь, моя радость. – Банум спокойно подошел к Эмире, склонил голову, поцеловал в плечо и покосился на Мишеля: – Вы настоящий кудесник, мой друг.

Кутюрье зарделся:

– Жаль, что вы не дотерпели до карнавала…

– Я еще увижу мою ненаглядную во всей красе, – усмехнулся Урзак.

– Увидишь, – едва слышно пообещала Эмира.

– А теперь, мой дорогой Мишель, не оставите ли вы нас ненадолго? Нам нужно кое о чем поговорить.

– Конечно.

Мишель закрыл за собой дверь, исчез, но Банум, все еще стоящий возле девушки, не поменял тон:

– Платье великолепно, дорогая, у тебя замечательный вкус.

– Удивлен… дорогой?

– Пожалуй, да. Хотя подозреваю, что главная заслуга принадлежит нашему другу Мишелю.

– И ему тоже, – сухо подтвердила Эмира.

– Неужели он старался задаром?

Несмотря на мягкий тон, это был не намек, а грубый выпад.

Платье, что примеряла Эмира, стоило больше ее годового жалованья. Конечно, обладая должной фантазией, можно было бы предположить, что капитан Го питалась в армейской столовой, жила в казарме и не тратила ни юаня на милые мелочи, но людей со столь развитым воображением слишком мало. К тому же не следует забывать об эксклюзивных драгоценностях и заказанном подразделении стилистов.

– У меня были контракты на стороне.

– Ах да, я забыл… – улыбнулся Урзак. – И много ты заработала за последнее время?

– На платье хватит, – рассеянно ответила Эмира.

Сказка закончилась. Настроение безнадежно испорчено. Она расстегнула «молнию», повела плечами, сбрасывая дорогую тряпку на пол и подошла к своей одежде. Высокая, стройная, пока еще не сломленная. Она осталась в одних трусиках, но ее это обстоятельство не смущало – Эмира показывала, что относится к

Бануму как к предмету интерьера.

– Ты вложила все сбережения в платье?

– Я женщина.

– Убедительный ответ.

– В таком случае убирайся.

Пару мгновений Урзак наблюдал за прячущимися в бюстгальтер крепкими полушариями грудей, затем отвел взгляд, вздохнул и поинтересовался:

– Что будет, если я порекомендую генералу Кравцову изучить твои финансовые дела?

– Генерал Кравцов изучит мои финансовые дела, – безразлично ответила девушка.

– Полагаю, он найдет много интересного.

– Полагай на здоровье.

Банум резко шагнул вперед, схватил Эмиру за плечо, развернул к себе. Она попыталась ответить, использовать его движение, чтобы освободиться, но…

Скала.

Лысый ублюдок оказался очень силен. Го была опытным бойцом и мгновенно поняла, что перед ней мастер и схватка, если она ее начнет, затянется.

Расслабилась.

– Я знаю, что Фадеев приказал тебе защищать Петру, – жестко произнес Банум. – Отпираться глупо. Тем более что ты мне не нужна. Сколько миллионов оставил тебе Роман? Пять? Десять? Это твои деньги, Эмира, твои. Владей ими. Но Петру отдай.

– Иначе?

Урзак улыбнулся: главное доказательство получено, Го действительно знает, где прячется внучка Фадеева.

– Иначе я поделюсь своей догадкой с руководством ОКР и гарантирую, что у русских чиновников появится желание познакомиться с твоей подопечной. Государства тянутся к секретам Анклавов. Россия не исключение, и в Санкт-Петербурге постараются не упустить шанс. Из тебя вышибут все, что ты знаешь.

Эмира промолчала.

– И не только вышибут, но еще и накажут за утаивание ценных сведений. Возможно, тебя пристрелят: в ОКР, насколько я знаю, не любят предателей. Но, скорее всего, тебя понизят в должности и отправят охранять полярные нефтяные вышки, где ты и загнешься года через три. Согласна?

Отвечать Эмира не спешила. Огляделась, стараясь казаться рассеянной, нашла взглядом пачку сигарет, заботливо приготовленную Мишелем для клиентов, раскурила одну и,

выпустив дым, почувствовала привкус легкого наркотика, криво усмехнулась. Поинтересовалась:

– Где гарантии, что ты меня не сдашь?

На Урзака она не смотрела.

– Мое слово.

– Мало.

– В твоем положении – достаточно.

Пауза длинной в две глубокие затяжки.

– Мне нужно время.

– Зачем?

– У меня должны быть гарантии.

«Ты хочешь перепрятать деньги», – понял Банум.

И едва не рассмеялся.

– Хорошо, дорогая, время я тебе дам. Но если ты не позвонишь до завтрашнего утра, я иду к твоему боссу. Все понятно?

– Все.

* * *

анклав: Москва

территория: Аравия

лавка Абдурахмана

иногда партнеров приходится дружески подталкивать

– Представители СБА утверждают, что не планируют вводить войска в Аравию, однако подразделения тяжелой техники, которые появились на границе территории, пока остаются на занятых позициях. Режим ограниченного перемещения…

Старик выключил коммуникатор и посмотрел на гостя.

– Хороший чай, – похвалил Дрогас, прихлебывая поданный напиток. – Чтобы правильно заваривать зеленый чай, нужно быть мастером. Чтобы правильно заваривать черный – гением.

Абдурахман никак не отреагировал на лесть. Молча взял кусочек халвы, разжевал, не сводя глаз с Дрогаса, проглотил.

Старик не собирался обсуждать достоинства чая, и то, что встреча началась с просмотра новостей, не было случайностью: новостные каналы не жалели эфирного времени для

демонстрации пылающей Аравии.

– Мне кажется, события развиваются так, как должны, – осторожно произнес Стефан.

– Гибнут мои братья, – помолчав, сказал Абдурахман.

– Вас это беспокоит?

– И не только меня.

«Проклятый торгаш!»

Снаружи – предельно вежливая улыбка. Внимание к каждому слову, что цедит хозяин дома. Внутри…

«Черномазая вонючка!»

Абдурахман раздражал Дрогаса с первого дня знакомства. Бесили многозначительные паузы и мудрые взгляды, словно не с посредником мелким разговариваешь, а с шейхом. Бесило нежелание решать вопросы через «балалайку» или незарегистрированный коммуникатор, приходилось рисковать и приезжать на встречи лично. Бесило понимание, что старый пень, а точнее, те, кто за ним стоит, ведут свою игру, в которой Стефану готовилась роль лоха. Все бесило. Но Дрогас был слишком умен, чтобы демонстрировать собеседнику свое истинное отношение.

А на встречи он всегда приезжал без предупреждения. И обязательно высылал вперед помощников, тщательно проверяющих окрестности лавки на предмет засады.

– Люди устали, – негромко продолжил Абдурахман, перебирая четки. – Есть жертвы. Считается, что надо постепенно заканчивать…

– Понимаю, – вежливо кивнул Дрогас.

Он на самом деле все прекрасно понимал. Благодаря его деньгам и оружию аравийские канторы решили свои локальные задачи, здорово потрепав конкурентов из Кришны. Теперь они собираются вернуться к мирной жизни и насладиться плодами победы.

Что расходилось с планами Стефана.

– Человек из СБА сказал, что, если к вечеру в Аравии не станет тихо, они введут безов и начнут резню.

– Так и сказал: резню? – с притворным удивлением осведомился Дрогас.

– Не пытайтесь казаться глупее, чем вы есть, Альфред, – сухо попросил Абдурахман. – Вы понимаете, что резня начнется сразу же, как только безы войдут на территорию: людям это не понравится.

Что и требовалось Дрогасу – кровь. Но у аравийцев хватило мозгов остановиться и не идти под пули карателей. Точнее, им кажется, что они смогут остановиться…

В принципе, можно заканчивать встречу, но Стефан хотел выяснить еще кое-что, а потому медлил:

– Предположим, я смогу существенно доплатить.

– Насколько существенно?

– В два раза, – после паузы ответил Дрогас.

– Вам нужна еще одна горячая ночь?

– Да.

– Я передам ваше предложение, – кивнул старик. – Приезжайте сегодня вечером, поговорим.

– Во сколько? – уточнил Стефан.

Сомнений не осталось: аравийцы собираются сдать его безам.

* * *

анклав: Москва

территория: Болото

разгар дня

хорошее время для небольшой встряски

– Короче, так, – сообщил Петруха, – таксист, которого урод взял у «Мозаики», довез его до границы Сити. Мы могли бы потерять след, но, на наше счастье, водила остановился перекусить и увидел, что урод прошел несколько шагов по улице и взял другую тачку. Таксист, разумеется, обиделся, а потому охотно отвечал на наши вопросы.

Тимоха хмыкнул, но промолчал.

– Мы вытащили из его «балалайки» номер другой тачки, нашли ее водилу, и теперь у нас есть адрес урода. – Петруха выдержал театральную паузу. – Его зовут Хасим Банум. А живет он на Болоте.

Тимоха вновь хмыкнул, но Петруха понял, что старший брат доволен.

– Полчаса назад он вернулся домой.

– Откуда? – немедленно поинтересовался Тимоха.

– Ты не поверишь, – хохотнул Петруха. – От модельера.

– На фига уроду модельер? – недоуменно спросил Тимоха и почесал живот, прикрытый серой майкой с едва видной надписью: «Собственность федеральной тюрьмы «Кресты».

Одевался старший Бобры без претензий, чаще всего в военную форму и упомянутую майку, а потому искренне не понимал, что приличному человеку делать у модного портного.

– Может, он голубой? – предположил Петруха.

Средний брат к вопросам внешнего вида подходил с большим вниманием, но познаниями решил не хвастаться, дабы не дразнить старшего.

– Может, и голубой, – согласился Тимоха. – Сейчас он у себя?

– Ага.

– Ну, тогда…

К сожалению, Николая Николаевича в штаб-квартире канторы не оказалось, и посоветовать братьям не торопиться с выводами оказалось некому.

– Ну, тогда я съезжу, – решил Тимоха. – Отверну кретину голову.

– Мне с тобой? – оживился Петруха.

– На хозяйстве останешься.

От квартиры в Аравии, к глубокому сожалению Урзака, пришлось отказаться. В обычное время территория послужила бы идеальным укрытием, ибо здесь жили настоящие друзья Банума, но беспорядки спутали карты. Даже если аравийцы удержатся от массового бунта, безы еще несколько дней будут пристально следить за ними и тщательно проверять всех подозрительных. Встреч с патрулями Хасим не опасался, его документы были более чем надежны, но ненужного внимания старался избегать.

Пришлось переехать на Болото, причем не в самый лучший его район – на этой территории рекомендовалось вести себя осмотрительно и благосостоянием особо не хвастаться. Урзак снял небольшую квартиру на Зубовской, довольно долго торговался с домовладельцем, показывая, что человек он бережливый и лишними юанями не располагает, в общем, сделал все правильно.

Тем не менее им заинтересовались.

Первый звоночек прозвучал по возвращении от Мишеля. Глаза на улице. Чей-то взгляд. Не враг – наблюдатель. Пацаненок лет двенадцати. Он отирался на противоположной стороне улицы, рядом с бочкой торговца супом. Со стороны могло показаться, что паренек работает у этого самого торговца, однако обмануть Хасима ему не удалось. Впрочем, вида Банум не подал и вообще к появлению соглядатая отнесся спокойно: ему рассказали о нравах Болота и предупредили, что местная кантора обязательно проявит интерес к чужаку.

Урзак поднялся к себе, намереваясь немного отдохнуть и

привести в порядок мысли, но прошло чуть меньше часа, и он почуял уже не интерес – агрессию: к дому подъехала пара мобилей с ОЧЕНЬ серьезно настроенными людьми.

Восемь недовольных канторщиков.

Банум пересчитал зашедших в подъезд людей, недоуменно покачал головой, искренне недоумевая, чем вызвал ярость местных бандитов, и с сожалением констатировал, что опять придется переезжать.

– Сразу не убивайте, – в последний раз велел Тимоха. – Пусть сначала скажет, какого черта в «Мозаике» делал. Понятно?

– Понятно, – нестройным хором ответили канторщики.

– А когда скажет, тогда и шлепнем.

И махнул рукой: начинайте.

Один из бандитов поудобнее перехватил кувалду, намереваясь вышибить дверь в квартиру, но воспользоваться орудием не успел. В тот самый момент, когда тяжелая башка нехитрого инструмента достигла самой высокой точки, дверь неожиданно распахнулась, и выскочивший из квартиры мужчина коротким, но очень точным ударом отправил молотобойца вниз по лестнице.

А затем началось то, о чем Тимоха Бобры никому и никогда не рассказывал, а если и вспоминал сам, то только со стыдом.

Если бы Банум выхватил «дрель» или еще какое-нибудь приспособление с аналогичной скорострельностью и перебил нападавших, с этим можно было бы смириться. Но лысый орудовал палкой – тростью, как впоследствии определил Тимоха, но орудовал с исключительным мастерством. Несколько мгновений на лестничной площадке царила суматоха, характерная для пьяной драки в портовом кабаке, а затем происходящее упорядочилось и на некоторое время (необходимое для того, чтобы канторщики могли прийти в себя) приняло законченную форму. Шестеро бандитов, на головах которых отчетливо виднелись следы палочных ударов, возлежали на кафельном полу в самых причудливых позах, седьмой, молотобоец, еще не очухался после путешествия по лестнице. Себя Тимоха обнаружил в самой что ни на есть унизительной позиции: лицом в пол, а правая рука взята на хитрый болевой прием.

Позор.

– Убью я тебя или нет, зависит от искренности ответов, – негромко произнес Банум. – Уловил?

– Уловил, – прохрипел Тимоха.

– Вы кто?

– Бобры.

– Какие еще бобры?

– Братья Бобры. Кантора. Они нас послали на тебя наехать.

Обстоятельства заставили хитроумного Тимоху прикинуться рядовым бандитом. Впрочем, за это ему стыдно не было.

– За что наехать?

– За «Мозаику». Ее Бобры держат.

Урзак тихо выругался.

Мог бы догадаться, черт подери!

Но подождите! Что получается: его настолько легко выследить, что с этим справились даже мелкие уголовники? А что будет, когда по следу пойдут ищейки Мертвого?

Банум разозлился. На себя. Но машинально сдавил руку бандита, и снизу послышался болезненный стон.

«Ах да, бобры!»

Урзак плюнул уголовнику между лопаток и холодно произнес:

– Передай своим хозяевам, что с «Мозаикой» я ошибся. Короче, вы мне ничего не должны, я вам ничего не должен. А если они не поймут, то пусть пеняют на себя.

Глава 4
Люди на Земле
Гончий Пес

Забвение длилось четыреста лет, с того самого дня, как последнее племя склонилось перед чужой Традицией. Четыреста страшных лет, полных тоски и отчаяния. Целая эпоха. Десятки поколений…

Храм умирал.

Не рассыпались огромные, сложенные на тысячелетия камни, не обрушивались перекрытия, не падали идолы. Гас огонь. Уходила жизнь.

Гончие Псы охраняли покой древней святыни, не пропуская чужаков в запретные земли, служители поддерживали великое строение в должном порядке, но лица и тех и других были сумрачны. Редко, очень редко падала на них тень улыбки. Потому что…

Храм умирал.

Картины будущего, которые видели Читающие Время, поражали такой безнадежностью, что они боялись обсуждать их даже друг с другом. Отделывались фразами, что настоящая вера обязательно победит. И отводили взгляды. Им не требовалось мастерство предсказателей, чтобы понять…

Храм умирал.

Посвященные топтали дороги в отчаянных попытках отыскать Избранного. Четыреста лет они приводили в Храм щенят, из которых в Чертоге Меча вырастали Гончие Псы; мечтателей, превращающихся в Читающих Время; бесстрашных сердцем гениев, способных стать Посвященными.

Четыреста лет они искали Избранного. Того, кто сможет вступить в разговор с богами. Того, кто выберет для Традиции Путь.

Посвященные умирали. Выросшие в Храме дети занимали их места на длинных, длиною в четыреста лет, дорогах. Границы запретных земель съеживались. Легенды о несметных сокровищах забытого Храма манили варваров, чтящих других богов, и их кровь не успевала засыхать на сапогах Гончих Псов. Но все понимали, что…

Храм умирал.

Четыреста лет последние осколки погибающей Традиции жили надеждой на чудо. Четыреста лет совершали они ритуалы,

чувствуя, как сила древних богов ослабевает.

Четыреста лет Храм отчаянно пытался не умереть.

Четыреста лет ждал того, кто…

Избранный сам нашел дорогу к Последнему Храму. Он ступил на запретные земли, и Гончие Псы пали ниц. Он поднялся по главной лестнице, и Читающие Время встали на колени. Он вошел в Зал Богов, и Посвященные склонили головы. Когда-то он был одним из них, одним из высших жрецов Храма, когда-то он странствовал по пыльным дорогам в поисках Избранного.

И нашел себя.

И теперь никто не смел обратиться к нему по старому имени.

Избранный сел в центре Зала, под самым куполом, закрыл глаза и громко произнес:

– Я пришел говорить с богами.

И люди увидели сияние.

И Храм ожил на целых семь лет. Заблестели глаза. Стал слышен смех. Посвященные перестали уходить в мир, а Читающие Время больше не боялись неясных картин грядущего.

Ведь пришел Избранный. Пришел, чтобы обсудить с богами Путь.

Пришел, чтобы спасти Традицию.

Семь лет длилось ожидание. Семь лет продолжался незримый разговор. Семь лет не шевелился Избранный, замерший под куполом Зала Богов.

И настал день истины.

Избранный открыл глаза.

И люди увидели на его руках божественные знаки и возрадовались, ибо вернулась надежда. Боги показали свою силу.

– Слава! – сказали люди, падая ниц.

А Избранный смотрел на свои руки.

– Слава! – сказали люди. – Бог сошел к нам.

А Избранный смотрел на свои руки.

– Ты – Бог, – сказали люди и замолчали.

Они ждали Откровения.

– Я не Бог, – сказал Избранный. – Я – Тот, Кто Выбрал Путь.

– Слава! – сказали люди. – Скромность твоя говорит о подлинном величии. Нам будет хорошо с тобой, вернувшийся Бог.

– Я не Бог, – сказал Избранный. – Я – Тот, Кто Выбрал Путь.

И скривился, словно от боли, что есть Путь Гончих Псов.

А потом он пролил первую кровь.

Боль всегда шла рядом. Не расставалась с ним ни на миг. Не отпускала.

Боль чужая. Боль своя…

Одежды его жизни были окрашены ее пронзительными цветами, сшиты стонами, а швы сдавлены стиснутыми зубами. Его боль – ссадины и ушибы, раны, полученные на тренировках и в бою. Его боль – ногти, вонзающиеся в ладони, кислый привкус слюны, спазмы. Чужая боль – громкие крики, пылью оседающие вокруг, кровь, что смываешь с собственных рук, закрытые глаза и глаза распахнутые. Распахнутые навсегда.

Все вместе – его Путь.

К боли можно привыкнуть.

Ко всему можно привыкнуть.

Он знал, что боль – его Путь. И носил ее, подобно плащу. Он научил свое тело терпению, а сердце – твердости. И в душе его не было страха, ибо страх – это боль или ожидание ее. Но также в душе его не было любви, ибо любовь – это боль или ожидание ее. А он не пускал в себя боль, и его выдержке могли бы позавидовать самые бесчувственные в мире камни. И завидовали. А он смеялся над ними, потому что он, человек, крепче. Крепче скал. Крепче стали.

Потому что он – человек.

Он думал, что так будет всегда. До самой смерти.

Он ошибался.

Во всем ошибался.

Сначала боль победила его. Потом отступила смерть.

Потом он перестал быть человеком.

Однажды ему в плечо попала стрела. Он даже не поморщился, обломил древко и продолжил бой. И позже не морщился, когда другой Гончий Пес обрабатывал рану. Не скрипел зубами, не ругался.

Боль – его Путь.

Но девять кинжалов, которыми Избранный пригвоздил его к каменному алтарю, жгли тело. Жгли душу. Последний воин Последнего Храма был распят на граните, могильный холод которого пожирал тело со спины, а огненный дождь, льющийся из пылающего в воздухе символа, с садистской медлительностью растворял грудь. Распятый воин не был Посвященным, но знал этот символ, знал обряд, что совершил Избранный в Чертоге Меча. Знал. И от этого знания ему становилось еще горше.

Вечное забвение.

Гончие Псы не имели права прикасаться к Избранному. Они вставали перед ним, пытаясь остановить горящей в глазах ненавистью, и падали под ударами. А тот не видел их ненависти, веки его были опущены. А может, Избранный видел их ненависть, потому что веки его были опущены. Может, потому он и закрыл

глаза, чтобы видеть…

Но выпады Избранного были безошибочными. Клинок его разил с ужасающей точностью, нанося смертельные раны тем, кто защищал последнюю святыню Традиции. Но Гончие Псы не убегали. Им некуда было бежать из Храма.

Из умирающего Храма.

Кровь Гончих Псов окропила Чертог, и камни его, мертвые камни, пропитанные духом Традиции, задрожали. Мертвые камни заплакали пылью, мертвые камни запомнили смерть воинов, мертвые камни знали, что когда-нибудь… Но Избранный тоже знал, как долго живет кровь в мертвых камнях, как бережет она рассказы о прошлом, как способна возрождаться. А потому, прежде чем уйти в Чертог Судьбы, где ждали его Читающие Время, человек с закрытыми глазами провел над павшими бойцами беспощадный ритуал, призванный стереть саму память о верных слугах Храма.

Ритуал Вечного забвения.

Чтобы не ушли воины в мир теней, а растворились за его пределами. Чтобы не осталось следа.

Но для ритуала нужна жертва. Кто-то должен был взглянуть в лицо смерти и повести тени братьев в непроглядную тьму, туда, где слово «надежда» не имеет смысла. Кто-то должен был пройти настоящий Путь боли, познать, какой она бывает после смерти. Познать ужас.

Кто-то…

Выпало ему. Последнему из Гончих Псов.

И он лег на камень.

И не мог сойти с ума. Не получалось. Не выходило.

Не мог кричать. Умереть не мог.

Закрыть глаза не мог.

Он шел по Пути боли и понимал, как мало знал о нем раньше. Он кричал, разрывая рот, а потом не осталось сил и на это. Он плакал кровью, а потом она закончилась. Он решил, что умер, а потом понял, что смерть давно осталась позади. Он прошел ее, не заметив, потому что уготованное ему страшило Обрывающую Жизни, и она не смела нырнуть в царство мертвых настолько глубоко.

Он же границ не видел.

А потом, сквозь воющую в голове тьму, сквозь далекий голос смерти, повторяющей заклинания ритуала у перехода, сквозь безмолвные свои крики и стоны, он вдруг услышал шепот. Слова, произносимые очень тихо, но очень внятно.

Он различил их не сразу.

А потом удивился тому, что различил.

А потом удивился тому, что может удивляться.

А еще через несколько мгновений понял, что обретающие силу слова отгораживают его от тьмы. Он решил, что слышит призыв самого дальнего предела, голоса тех, кто стоит за чертой царства мертвых. Но вдруг почувствовал, как смерть снова оказалась близко-близко, у самого изголовья… и понял, что она отступает, растворяется во тьме, дрожит от ярости и страха, пытается наброситься на жертву. И не может.

Он понял, что возвращается.

А спустя еще один миг или десять тысяч лет его ослепшие от боли глаза смогли различить стоящего у алтаря человека. Сначала неясную фигуру. Затем – детали. И когда он понял, что увидел, – вздрогнул.

Гончий Пес.

Меч Храма, проливший реки крови.

Меч Храма, рвавший на куски людей и демонов.

Тот, кто только что шел по ужасающему Пути боли, – вздрогнул.

И закричал бы, если бы хватило сил.

Но сил не было, Гончий Пес не мог даже скулить, глядя на своего спасителя. Не израненного – истерзанного. На живое – все еще живое! – воплощение самой боли.

Тело – разорванная плоть. Местами обгоревшая, местами кровоточащая, местами исчезнувшая, испарившаяся, вырванная так, что видны кости. Иногда – сломанные, и белые осколки смешаны с окровавленной плотью. Тело – сплошная боль. Памятник ей, ее песня.

И Гончий Пес понял, что его спаситель прошел Путь боли до самого конца. Что был за чертой и вернулся.

И вытащил его.

Спаситель уже не был мертв. Спаситель еще не был жив. Но первое, что он сделал, – бросился на помощь умирающему воину. И лоскутами разорванного от криков рта упрямо шептал Высокое заклинание, вырывающее Гончего Пса из кровожадных лап Вечного забвения. Возвращающее его в Средний мир.

– Вы умираете, мастер, – с трудом проклокотал воин.

Голос, казалось, шел прямо из прожженной груди. Голос причинял боль, но Гончий Пес не мог не спросить. Боль – его Путь. Его. Он служит Посвященным, а не наоборот. Пусть спаситель перестанет тратить силы на воина и позаботится о себе.

– Вы умираете, мастер.

И услышал:

– Я не умираю, Пес. Я – родился.

* * *

анклав: Москва

территория: Болото

«Шельман, Шельман и Грязнов. Колониальные товары и антиквариат»

иногда большое скрывается в малом

Пэт хватило всего нескольких дней после поселения в доме Грязнова, чтобы понять простую вещь: превратить Олово в горничную не получится. Маленький слуга следил за порядком, готовил еду, накрывал на стол – в общем, выполнял всю домашнюю работу, но существовала граница, которую он не переступал. Да, Олово приносил Кириллу вино и чай, но чувствовалось, что делает он это не потому, что обязан, а по собственной воле. И Грязнов никогда не злоупотреблял своим положением, обращался с Олово не как со слугой, а скорее как с помощником. Уважительно. Почти дружески. Одним словом, девушке быстро объяснили, что на завтрак в постель можно не рассчитывать. Как и на то, что Олово станет убираться в ее комнате или застилать кровать. Тем не менее слуга называл ее молодой госпожой и держался крайне почтительно. Разобравшись в странных порядках, Пэт предложила Кириллу нанять служанку, но понимания не встретила: Грязнов сказал, что чужих в доме не будет. А на дальнейшие уговоры сообщил, что китайский иероглиф «неприятность» произошел от рисунка двух женщин под одной крышей. Девушка попробовала проявить характер – ей показалось, что антиквар специально измывается над дочерью верхолаза, выражая таким образом свое отношение к представительнице правящего класса, над которой он неожиданно обрел власть. Целых два дня в доме шла холодная война, закончившаяся безоговорочной победой хозяев. Все осталось как есть, и Пэт пришлось учиться заботиться о себе самой.

Еще неделю она не выходила из дома, дулась и разговаривала с Кириллом и его слугой сквозь зубы. Затем остыла, возобновила прогулки по улицам в сопровождении Олово и неожиданно для себя увидела, с какой опаской поглядывают на невысокого слугу местные громилы. Канторщики старались

держаться от Олово подальше, а если уж оказывались рядом, то обязательно здоровались первыми и всегда уступали дорогу. Сначала Пэт решила, что такое положение дел обусловлено деньгами Кирилла, однако, внимательно изучив поведение громил, поняла, что ошиблась: за деньги можно получить дружелюбно-покровительственное отношение – страх и уважение не покупаются. А Олово боялись. Громилы боялись. Нормальные же люди, наоборот, разговаривали с маленьким слугой охотно и весьма приветливо. Тогда девушка вспомнила, что у Грязнова есть могущественные друзья, так что, вполне возможно, антиквара прикрывает СБА, связываться с которой канторщики откровенно боялись. Но разговор с Мамашей Дашей не оставил от этого предположения камня на камне: все вопросы с местными бандитами Олово улаживал самостоятельно, без помощи извне. Как именно проходили переговоры, никто не знал: канторщики молчали, слуга тоже не отличался разговорчивостью, но результат видели все – проблем у Кирилла не было.

Непрост, очень непрост оказался маленький, сплошь разукрашенный черными татуировками человек. И Пэт, среди юношеских увлечений которой числились в том числе и восточные единоборства, отринула высокомерие и стала внимательно приглядываться к Олово. И заметила, что движения его не скупы, но расчетливы – слуга не тратил силы на ненужные жесты. Заметила плавность и мягкость, заметила некоторые весьма характерные повороты плеч, узнала о его невероятной реакции. Олово, маленький, забавно растягивающий слова Олово оказался бойцом!

Но Пэт не была бы собой, если бы не собралась проверить свои выводы на практике, и однажды, выбрав момент, когда Кирилл отсутствовал, девушка спустилась на кухню и громко поинтересовалась:

– Правда, что ты умеешь драться?

Моющий салатные листья Олово не удивился. Спокойно выключил воду, повернулся к Пэт, на некоторое время задумался, после чего отрицательно качнул головой:

– Я-а умею защища-аться.

– Я занималась айкидо, – с некоторым вызовом сообщила Пэт.

– Очень хорошо, молода-ая госпожа, мне стало на-амного спокойнее.

Слуга был скуп на проявление эмоций, и понять, издевается он или говорит серьезно, не представлялось возможным.

– Хочешь покажу?

Олово нерешительно оглядел кухню.

– Здесь много посуды, молода-ая госпожа-а.

– Плевать!

– Может, не будем игра-ать?

«Играть?!» Петра самолюбиво вскинула голову и тут же, сделав быстрый шаг, резко ударила слугу в лицо.

Точнее, хотела ударить.

Ее прежние схватки с телохранителями заканчивались однообразно: вымуштрованные безы уклонялись и подставляли под удары плечи. Тронуть хозяйку никто из них не решался.

Олово оказался своеобразным слугой.

Кулак не достиг цели, а ноги девушки неожиданно оказались выше головы. Мгновение свободного полета, и девушка плашмя рухнула на кухонный стол.

Больно.

– Ты сломал мне руку!

Олово молчал. Правая рука онемела.

– Ты сломал ее!

– Пройдет, – отозвался слуга. – Скоро.

– Как ты смел?

Олово непонимающе посмотрел на девушку.

– Как ты посмел меня ударить?!

– Я-а защища-ался.

И все. Сказать нечего: он ведь и вправду защищался. И просил «не играть», а она не послушалась.

Уходя с кухни, Пэт чувствовала себя маленькой девочкой, которую поставили на место.

А через день Олово пришел мириться. Он поднялся к девушке, пару мгновений помялся в дверях, после чего подошел к сидящей в кресле Пэт и попросил:

– Руку да-ай. Левую.

Как всегда, предельно лаконично.

– Зачем?

Слуга поморщился, судя по всему, объяснение потребовало бы слишком много слов.

– Дай.

Пэт, немного поразмыслив, вытянула вперед левую руку. Олово осторожно взял девушку за кисть и намотал на запястье тусклую металлическую ленту. Не надел, а именно намотал.

– Что это?

Пэт поднесла к глазам узкий, сантиметра два шириной, браслет цвета стали. Прищурилась, внимательно разглядывая тонкий рунный узор. Тряхнула рукой – несмотря на то, что украшение состояло из двух слоев металла, оно оказалось очень легким и свободно поехало к локтю.

– Осторожно, – пробурчал слуга. – Острый.

Палец замер в миллиметре от края браслета.

– Острый?

– Нож, – пояснил Олово. – Тебе.

Девушка удивленно посмотрела на слугу:

– Зачем?

Олово пожал плечами:

– Ты горда-ая. И резка-ая. А дерешься-а плохо. Пусть будет.

Пэт проглотила обиду. Поняла, что маленький слуга имеет право так говорить. И еще поняла, что он проявляет заботу.

Девушка промолчала и мягко провела пальцем по рунам, затем осторожно прикоснулась к кромке. Слуга оказался прав – острая. При нажатии заточка не чувствуется, но если провести по краю браслета пальцем, обязательно порежешься. Невинное украшение. Смертоносное.

– Нельзя на-айти на-аноскопом, – продолжил слуга. – Нельзя при досмотре. Кла-асный профи на-айдет. Лох – нет. – Короткая пауза. – Лохов больше.

– Это современная разработка? – осведомилась Пэт.

Олово поморщился:

– Ста-арый. Да-авно ковали.

– Ковали?

– Угу.

«Не забывай, что ты имеешь дело с антикварами!»

Пэт улыбнулась, вновь вытянула руку, любуясь серым украшением.

– Я на-аучу тебя ра-аботать с ним, – пообещал слуга. – Это необычный нож. Мя-агкий. Колоть нельзя-а. Только реза-ать.

– Понимаю. – Девушка поискала на браслете какую-нибудь кнопочку или защелку, не нашла и посмотрела на Олово: – Как он открывается?

– Потом ра-аскажу.

Слуга улыбнулся и вышел из комнаты.

* * *

анклав: Москва

территория: Урус

доходный дом Гиндыева

Нападение уголовников не произвело на Урзака сильного впечатления – слишком уж примитивным оказался уровень бандитов. Но короткая схватка, носящая ярко выраженный разминочный характер, взбодрила Банума, заставила кровь быстрее побежать по жилам и в итоге слегка улучшила настроение. Все-таки иногда приличному человеку нужно помахать кулаками, чтобы не запылиться. Тем не менее Урзак понимал, что в покое его не оставят. Главари… как их… Бобры… послушают рассказ подчиненных, посмотрят видеозапись боя, поймут, что встретили ОЧЕНЬ странного человека, и наверняка захотят познакомиться с Банумом поближе. Московские канторщики не любили получать щелчки по носу. К тому же велика вероятность того, что информация о мастере, без труда справившемся с группой вооруженных бандитов, дойдет до СБА, и Урзаком заинтересуются безы. Так что лучше не рисковать и перебираться в другое логово.

Вопрос: в какое?

Устроенные Моратти беспорядки и шустрые канторщики спутали Бануму карты. Тихая и уютная Аравия превратилась в осиное гнездо. На Болоте оказались неуживчивые соседи. В Занзибаре, Шанхайчике и Сашими он будет слишком заметен. Вот и думай, где спрятаться в огромном многоуровневом городе. Вроде кругом несметные толпы людей, миллионы стен, а укрыться негде. Квартира в Царском Селе? Отпадает: как раз сейчас Урзаку требовалось поработать в сети, и не просто поработать, а с применением некоторых, характерных для ломщиков приемов. Каналы же корпоративных территорий СБА контролировала весьма плотно, и сетевые роботы наверняка засекут запрещенные программы.

Оставался единственный вариант – Урус.

«Перво-наперво, дружище, – крепкие нервы. Чужаков на этой территории проверяют на прочность постоянно. Здесь будут прислушиваться к каждому звуку, что ты издашь, даже к физиологическому, и по малейшему поводу начнут демонстрировать свою непомерную крутость. Выхватят нож – не реагируй, снимут с предохранителя «дрель» – не реагируй. А самое главное – не показывай страха. Дрогнешь – сразу станешь должен. Отношения в Урусе строятся на гремучей смеси ислама и клановых традиций, понимание некоторых положений шариата весьма своеобразно, а потому будь настороже. Проблемы возможны, даже если ты мусульманин, в Урусе кровь на первом

месте, религия на втором. А уж если ты исповедуешь Католическое Вуду, то…

Когда идешь по тротуару, держись ближе к мостовой, половина балконов ветхие настолько, что едва держатся, остальные уже обвалились. Собираясь выезжать на второй, а тем более на третий уровни, ищи знак: «обслуживается муниципалитетом Анклава», если такового нет, оставайся на нижней мостовой или мотай в объезд: местные фирмы за дорогами вообще не следят, только бабло собирать горазды…

И вообще, чего ты забыл в этом Урусе?..»

«Дыры и заборы. Книга для тех, кто хочет прожить в Москве больше одного дня».

Урус сильно отличался от Аравии. В худшую сторону, разумеется. На улицах грязь и вонь от нечасто вывозимых мусорных баков: местные оплачивали услуги муниципалитета, только когда становилось совсем невмоготу. Значительно меньше дорогих ресторанов и приличных магазинов, в основном чайханы и лавки, дешевый товар которых вывален чуть ли не на тротуар. Зато гораздо больше, чем в Аравии, слоняющихся без дела молодых мужчин. Гораздо больше неприязненных взглядов и выставленного напоказ оружия. Работать обитатели Уруса не любили и не желали. Да и не умели – чего скрывать? Тех, кто волею обстоятельств зарабатывал себе на хлеб работой мусорщика или каким-нибудь иным «грязным» трудом, и за людей-то особо не считали. Следующую ступеньку занимали «шабашники», работающие на корпоративных производствах; затем торговцы. Ну а на вершине урусской пирамиды топтались уголовники и их «банкиры». Вообще концентрация бандитов зашкаливала в Урусе за все мыслимые пределы, территория считалась самой опасной в Анклаве, и даже «железные» гарантии, которых добились для Урзака его европейские друзья, не казались надежными. Впрочем, задерживаться в Урусе надолго Банум не собирался.

Он благоразумно поел еще на Болоте – в списке достойных ресторанов, который подготовили ему друзья перед поездкой в Москву, урусские заведения не значились, – а потому, получив у хозяина дома ключ от квартиры, Урзак сразу же поднялся к себе. Закрыл стальную дверь на все четыре замка, вытащил из чемоданчика и поставил на стол «раллер», перекачал из «балалайки» похищенную в Университете базу данных, а потом подключил компьютер к кабелю – беспроводная связь не обеспечивала нужной ширины канала.

Пора приниматься за работу.

Урзак не сомневался, что Эмира расколется. Пройдет

несколько часов, и перепрятавшая деньги капитан Го позвонит, расскажет все, что знает. А если не позвонит сама, то существуют другие способы заставить чернобурку разговориться. Но в жизни всегда есть место случаю. Эмира могла попасть под мобиль, погибнуть в уличной перестрелке, а то и просто упереться, плюнуть на карьеру и упереться – этот вариант тоже не следовало сбрасывать со счетов. Так что, если существует возможность отыскать Петру как-то иначе, ею следовало воспользоваться. А возможность существовала.

К тому же Урзак не привык бездельничать. Терпеть не мог тратить время впустую. Он снял пиджак, аккуратно повесил его на спинку одного из стульев, подумал, сходил на кухню – в холодильнике, как и обещали снявшие квартиру друзья, нашлись кое-какие продукты, – взял холодную бутылку минералки, стакан и вернулся в комнату. Подтащил к столу глубокое кресло, уютно расположился в нем, налил воды и вызвал на монитор похищенную базу.

Итак, первокурсники.

Для начала Банум выбросил из списка всех мужчин. Затем запустил поиск по изображению, дав в качестве образца фотографию Петры, а сам отправился в душ. Двадцать минут, которые потребовались компьютеру для обработки запроса, Урзак провел под жесткими струями неприятно пахнущей хлоркой воды, а затем, посвежевший, вернулся в кресло и бегло просмотрел полученные результаты.

Банум исходил из предположения, что серьезную операцию по смене внешности девчонке делать не станут, ограничатся небольшими косметическими изменениями, но все равно задал десятипроцентную вероятность совпадения – не хотел рисковать. В итоге компьютер оставил в списке почти двести имен – в Московском Университете часто встречались девушки европейского типа. Оставалось самое нудное: вычисление наиболее подозрительных студенток. Для этого Бануму и потребовался качественный сетевой порт.

Жизнь любого человека отражается в Цифре, как в капле воды. Его прошлое и настоящее, его будущее и даже его мечты – все зафиксировано, все записано, все можно вытащить и рассмотреть. Целая жизнь, наполненная взлетами и падениями, любовью и ненавистью, смехом и печалью, переживаниями и равнодушием, целая жизнь – лишь цепочка битов. От рождения до смерти рядом с тобой идет виртуальный двойник, цифровое отражение, дублирующее все, что происходит. Ты издаешь первый в жизни возглас, а электронный доппельгангер тем временем оставляет следы на сервере роддома. Ты садишься за парту, и в

школьной базе данных появляется соответствующая запись…

Скорее всего, у тех, кто заботится о Петре, не было возможности «включить» девчонку в нормальную семью, дать ей толковую легенду. Все придумывалось на ходу, на коленке, нестыковки маскировались, но их все равно можно найти.

Если постараться.

* * *

анклав: Москва

территория: Болото

«Шельман, Шельман и Грязнов. Колониальные товары

и антиквариат»

глупцы боятся неизбежного, умные к нему готовятся

Самое большое помещение первого этажа дома Грязнова считалось торговым залом. Правда, так его никто не называл. Говорили просто: зал. Или: большой зал. А многие клиенты выражались иначе: музей. И были не так уж и не правы, ибо все помещение наполнял всевозможный антиквариат и предметы старинного искусства: каминные и настенные часы, мебель, картины и статуи, коллекционное оружие и золотые подсвечники, портсигары и украшения в стеклянных витринах. Расставленные в тщательно продуманном беспорядке, они производили неизгладимое впечатление на всех без исключения посетителей, служа лицом антикварной компании. И именно в одном из уголков зала, где у низенького столика стояли три глубоких кожаных кресла, Кирилл любил проводить встречи с клиентами.

– Не ожидал, что вы исполните мой заказ столь быстро, – с улыбкой произнес плечистый мужчина с редкими светлыми волосами.

– Поверьте, я тоже, – кивнул в ответ Грязнов. – Отыскать подобную редкость всего за месяц очень трудно. Нам сказочно повезло.

– Мне повезло, – уточнил мужчина. Он откинул крышку элегантной, несмотря на внушительные размеры, деревянной шкатулки и внимательно оглядел ее содержимое. – Это подарок

отцу.

– Я так и понял.

В уютных бархатных углублениях прятались железо и дерево. Квадратный, кажущийся громоздким пистолет и ореховая кобура для него, снаряженная обойма и несколько хитрых приспособлений для чистки оружия. Блестящая бронзовая табличка гласила: «Маузер» К96, Оберндорф, 1900 г.»

– Надпись сделана на немецком языке, – пояснил Грязнов.

– Ровесник двадцатого века, – задумчиво протянул мужчина и прикоснулся к рукояти пистолета: – Можно?

– Разумеется.

Мужчина взял оружие в руку, некоторое время разглядывал его, привыкал к тяжести, затем вытянул руку вперед, прицелился в рыцаря на тикающих часах.

– Тяжеловат.

– Оружейная сталь, – пояснил Кирилл. – В те времена современные материалы еще не были известны.

– Механизм в порядке?

– В полном. Можно проверить.

– А зачем вот эта надпись? – Мужчина указал на прицельную планку: «1000».

– Для стрельбы на дальность до тысячи метров, – любезно объяснил Грязнов.

– Вы шутите? – Мужчина удивленно поднял брови.

– Разделяю ваше недоумение, – кивнул антиквар. – На таком расстоянии эффективность огня невысока, горизонтальное рассеивание до пяти метров.

– А убойная сила?

– Достаточная. – Кирилл перебрал несколько бусин черных четок. – Конечно, на меньших дистанциях «маузер» показывает лучшие результаты. Со ста метров хороший стрелок положит весь магазин в круг диаметром тридцать сантиметров.

– Я ошибаюсь или мы действительно говорим о пистолетах, которые начали выпускать в конце девятнадцатого века? – Теперь мужчина смотрел на старинное оружие совсем другими глазами.

– Производство К96 началось в одна тысяча восемьсот девяносто шестом году, – уточнил Грязнов.

– Его показатели могут поспорить с характеристиками многих современных моделей, – проворчал мужчина, возвращая пистолет на бархатное ложе.

– И это лишний раз показывает, как недалеко мы ушли, – пробормотал Кирилл.

Пробормотал скорее для себя, но мужчина услышал. И заинтересовался:

– Что вы имеете в виду? Людей? В целом?

– И это тоже, – согласился Грязнов.

– Ну да, мы – хищники. Всегда ими были и навсегда останемся, – произнес мужчина, с улыбкой поглаживая пальцем холодную сталь пистолета. – Из пещер перешли в деревни, затем в города, затем в мегаполисы, теперь в Анклавы. Надели хорошие костюмы, разъезжаем на мобилях, но внутри, в душе, остаемся хищниками. Этого не изменить.

Мужчина знал, о чем говорил. Сын средней руки инженера одной из корпораций, он сумел подняться очень высоко и руководил юридической службой московского филиала «Steel AG». Дом в лучшем районе Царского Села. Старик-отец может позволить себе коллекционировать старинное оружие. Хищник.

– С подобным утверждением не поспоришь, – вздохнул Кирилл. – Но я имел в виду не только человеческую природу.

– А что еще?

Грязнов кивнул на пистолет:

– Посмотрите на это оружие. Внимательно посмотрите. Внешний вид: рукоять, спусковой крючок, ствол… вспомните принцип его действия. И ответьте, насколько сильно «маузер» К96 отличается от пистолета, который лежит в кобуре вашего телохранителя?

– Как насчет современных сплавов? – немедленно нашелся мужчина. – Легких и прочных? Как насчет стрельбового комплекса, что зашит в «балалайке» моего человека? И разве в начале двадцатого века существовало понятие «краш-пуля»?

Кирилл сдержанно улыбнулся, перебрал четки, отвел взгляд:

– Наверное, вы правы. Отличия действительно колоссальны.

Но что-то в тоне антиквара заставило мужчину задуматься. Он нахмурился, хотел было что-то сказать, но не успел. Дверь распахнулась, и в зал влетела пожилая женщина.

– Кирилл! – Увидела клиента, замерла, неловко улыбнулась: – Извините, я не знала, что ты… что вы заняты.

Яркое цветастое платье, желтые туфли, а в довершение картины – чудовищная шляпка с бумажными розочками, съехавшая на один бок и оттого смотревшаяся особенно забавно.

Антиквар коротко вздохнул и прикрыл рот пальцами. Юрист понял намек и, демонстрируя прекрасное воспитание, поднялся на ноги:

– Не буду вас задерживать, Кирилл. И еще раз спасибо за то, что вы столь быстро выполнили заказ.

– Помнится, ваш отец интересовался дуэльными пистолями девятнадцатого века…

– К Рождеству, – рассмеялся мужчина и махнул рукой. –

Поговорим об этом ближе к Рождеству.

– Договорились.

Грязнов проводил клиента до дверей, обменялся на прощание рукопожатиями, затем вернулся к креслам и вопросительно посмотрел на Мамашу Дашу.

– Не скажу, что беседа слишком меня увлекала, но прерывать ее я не собира…

– Он здесь! – выдохнула женщина. – Он совсем рядом! На Болоте.

– Был на Болоте, – уточнил Кирилл. – Сейчас где-то в другом месте.

– Ты чувствовал?

– Чуть-чуть.

– А он тебя?

– Вряд ли, – покачал головой Грязнов. – Я хорошо закрывался.

– Ты его почувствовал и спокойно продолжил разговор?

– А что я должен был делать? – осведомился в ответ Кирилл. – Сказать гостю: извините, давайте перейдем в подвал, потому что по окрестностям бродит человек, который хочет меня убить?

– Хватит шутить!

– Хватит паниковать!

На мгновение взгляд Грязнова стал настолько жестким, что женщина отшатнулась.

– Ох!

– Извини. – Кирилл отвернулся.

Даша опустилась в кресло, устало провела рукой по лбу, поняла, что шляпку перекосило, и придала ей верную ориентацию.

– Что ты еще хотела мне сказать? – нейтральным голосом поинтересовался Грязнов.

– Вы встретитесь.

– Знаю.

– Тебе будет трудно.

– Но он не представляет, насколько трудно будет ему.

– Я не вижу, чем закончится встреча, – после короткой паузы сообщила гадалка.

Кирилл медленно повернулся к женщине, посмотрел ей в глаза, и впервые – впервые за многие и многие годы! – она увидела в его взгляде высокомерие. Властное превосходство человека, стоящего на другой ступени.

– Тебе не дано этого видеть, – внятно и тяжело проронил Грязнов.

– Да, – тихо согласилась Даша, склоняя голову.

– Приведи себя в порядок, – тем же тоном продолжил Кирилл. – Моя встреча с Урзаком состоится. Чем она закончится, ты узнаешь одной из первых. Тебе страшно?

– Нет…

– Тебе страшно?

– Я боюсь за девочек, – прошептала Мамаша. – Почему ты не спрятал их?

– Они не пострадают.

– Но никто не знает, чем закончит…

– Они не пострадают. Я этого не допущу.

– Но если, если… – Гадалка сбилась. Не смогла произнести: если тебя убьют – и сбилась. Решила, что Грязнов поймет.

Он понял. Усмехнулся. Теперь не высокомерно, без превосходства – весело усмехнулся, по-настоящему весело.

– А если будет «если», то, где бы я ни спрятал девчонок, им не скрыться. Урзак их достанет. И ты это прекрасно знаешь.

– Неужели ты не боишься потерять Петру?

– Сейчас у меня нет Петры, – спокойно ответил Грязнов. – Невозможно потерять то, чего нет.

Даша открыла было рот, хотела сказать, но… поняла, что Кирилл прав. Отвернулась.

– Ты жесток.

– Я просто честен. С собой. С тобой. Со всеми нами.

* * *

анклав: Москва

территория: Болото

механическая мастерская Рустама Лакри

иногда нужно поговорить откровенно

Не доехав сотни метров до пересечения вторых уровней Масловки и Новослободской, Пэт неожиданно сбросила скорость, перестроилась в правый ряд – все-таки не удержалась, обогнала пару мобилей – и остановила мотоцикл у бетонного бордюра.

– Поедешь со мной?

Матильда недоуменно посмотрела на повернувшееся к ней непроницаемо черное забрало. Шлемы девушки не снимали,

говорили через «балалайки», и невозможность видеть глаза собеседницы раздражала Мату.

– Далеко?

– Надо пообщаться с Русом.

До Матильды не сразу дошло, о ком говорит подруга.

– С байкером?!

– Ага.

– Ты с ума сошла?

– Пришло время кое-что обсудить, – спокойно произнесла Пэт. – Ты со мной?

– Я? – Мата растерялась. Машинально поднесла руку ко лбу откинуть прядь, вспомнила, что на ней шлем, смутилась. – Ты хочешь идти к нему одна?

– Почему одна? – невозмутимо отозвалась Пэт. – С тобой.

– Может, надо взять кого-нибудь еще?

– Кого?

– Ну… Олово, – неуверенно сказала Матильда.

– Олово пойдет, если я не договорюсь, – уверенно ответила Пэт. – Сейчас он только помешает.

Мата вздрогнула. От холодного голоса в ушах. От непроницаемо черного забрала. От смысла слов.

– Ты серьезно?

– Ты поедешь со мной? – повторила Пэт. – Если не хочешь, то дуй в метро, мне некогда.

Она периодически позволяла себе подобный тон с подругой, но Матильда поняла, что сейчас Пэт ведет себя так потому, что нервничает. А демонстрируемая уверенность не более, чем маска. И присутствие подруги поможет Пэт удержать эту маску.

– Я поеду, – отчаянно труся, решила Матильда.

– Уверена?

– Крути баранку!

– У «Плуто» нет баранки, – совсем другим, мягким тоном произнесла Пэт. Выдержала небольшую паузу – Мата поняла, что подруга улыбается. – У него руль.

– Вот и крути.

Мастерская Руса находилась на Новодмитровке – небольшой одноуровневой улочке, идущей параллельно Бутырке. «Дыры и заборы» гласили, что когда-то справа от Новодмитровки шла савеловская железнодорожная колея. Затем ее разобрали, а освободившиеся площади застроили. Места получше пустили под доходные дома, на остальных участках воздвигли складские ангары, которые со временем «перепрофилировались» под самые разные цели. Занимающая одно из таких строений мастерская

соседствовала с гаражом мобилей и молельным домом Официальной Истинной Атеистической Церкви. Второе соседство немного досаждало Русу, ибо фанатики из Официальной Подлинной Атеистической Церкви периодически устраивали налеты на противника, заканчивающиеся, как правило, массовыми потасовками. Впрочем, пару раз байкеры крепко вломили верующим атеистам (не разбирая, истинные они или подлинные), и с тех пор адепты побаивались приближаться к мастерской. И хотя шума от них все равно было многовато, дешевая аренда оправдывала неудобства.

Внутри штаб-квартира свамперов практически не отличалась от десятков аналогичных мастерских. Часть ангара служила демонстрационным залом: здесь стояло несколько готовых к продаже мотоциклов и здесь же ставили свои машины байкеры. Далее располагалась рабочая зона с многочисленными станками, инструментальными шкафами и верстаками, которая заканчивалась металлической перегородкой. За ней, по словам свамперов, находились склады и подсобные помещения, но так это или нет, знали только они.

Руса девчонки нашли возле токарного станка. Одетый в грязный рабочий комбинезон байкер сидел в старом продавленном и промасленном кресле, пил из банки пиво и бездумно таращился в плоский экран настенного коммуникатора, то ли новостями Анклава увлекся, то ли спит с открытыми глазами. Появление гостий Рус оставил без внимания.

– Как и предсказывали аналитики, обстановка в Аравии стабилизируется. Зафиксировано несколько локальных вспышек агрессии со стороны молодежных банд, но их количество несоизмеримо мало по сравнению с прошлыми днями. Представители СБА поговаривают о том, что уже вечером на территорию могут войти патрули безов…

– Скучаешь?

Без ответа.

Пэт выждала пару мгновений, хмыкнула, подошла к стоящему у верстака холодильнику, взяла банку пива, открыла и сделала большой глоток. Матильда вела себя скромнее, остановилась в нескольких шагах от Руса и присела на более-менее чистый табурет.

– Скучаешь? – повторила Петра.

– Пришла меня развеселить?

– Тебе бы хотелось?

Рус отпил пива, помолчал.

– Ты не в моем вкусе.

– Тогда и говорить не о чем.

Но чувствовалось, что безразличие Руса действует Пэт на нервы. Девушка составила план разговора, который не предполагал столь откровенного равнодушия собеседника.

– Веселить тебя я не собираюсь.

– Хочешь продать мотоцикл?

– Размечтался.

– Тогда зачем притащилась?

– Я…

Но Рус не дал ей договорить. С шумом смял опустевшую банку и потребовал:

– Дай-ка и мне пива.

– Сам возьми! – рявкнула Пэт.

Матильда вздрогнула. Байкер усмехнулся:

– Значит, не проситься в вагон пришла.

Поддавшаяся на провокацию девушка постаралась взять себя в руки и спокойно произнесла:

– Правильно понимаешь.

– Гордая?

– Да, гордая.

– Трудно тебе придется.

– Посмотрим.

– Говори, чего хочешь, и проваливай, – неожиданно зло бросил Рус.

Но Пэт уже окончательно освоилась с его манерой поведения. Поняла, что подстраиваться под байкера не следует, что надо вести себя так, как планировала изначально. Девушка неторопливо хлебнула пива, помолчала, сделала еще один глоток и только после этого негромко произнесла:

– Я не хочу в вагон.

Ее тон показал Русу, что решение тщательно продумано. И еще он почувствовал, что за словами скрывается настоящая уверенность в своих силах. Матильда была права: без нее Пэт вряд ли смогла бы вложить в коротенькую фразу такую глубину.

– Почему не хочешь к нам? – сразу став серьезным, спросил Рус.

– Потому что рано или поздно вас перебьют, – сухо ответила девушка.

Он понял, что имеет в виду Пэт, нахмурился, повертел в руке смятую банку.

– Многие байкеры доживают до старости.

– Честные байкеры.

– Почему ты решила, что мы не честные?

– По тому, как разговаривал со мной Карбид. Он работает в мастерской? – И сразу, не дав Русу раскрыть рот: – Можешь не

отвечать. Я знаю, что нет. Его интересует другое.

– Нас всех интересует одно и то же.

– Деньги?

– Дура, – пробурчал байкер. – Если бы я хотел, то зарабатывал бы…

Замолчал. Не захотел продолжать.

– Тогда что вас интересует?

– Свобода. – Рус внимательно посмотрел на девушку. – Тебе не понять.

– На голодный желудок кататься неинтересно.

– Мне на жизнь хватает.

– А твоим дружкам? И зачем говорить: «хватает на жизнь»? Не все согласны удовлетвориться куском хлеба. Я помню, как парни смотрели на мой «Плуто». Да и ты смотрел на него…

– Мой байк лучше.

– Неужели?

– Лучше, – уверенно кивнул Рус. – Я сам его собрал.

– Спорить не буду. Но сколько еще ребят из твоего вагона сами собрали байки? Ты не хуже меня знаешь, что пройдет еще немного времени, и свамперы захотят не только еды и пива. Свобода – красивое слово, и свободно жить хочется красиво. Не на электрическом байке кататься, а на бензиновом, носить настоящую кожу, а не подделку, покупать хорошую еду…

Пэт не читала мораль, не выплескивала эмоции, она сухо и последовательно перечисляла азбучные истины. Слышать их из уст сопливой девчонки Русу было неприятно. Тем не менее он молчал.

– Потребуется надежный источник дохода, и Карбид предложит вам лечь под какую-нибудь кантору. Или организовать свою. Или заняться наркотиками. Или сутенерством. Как вам еще зарабатывать?

– Мы откроем клуб, – сквозь зубы процедил байкер.

– Ты действительно этого хочешь?

– А какое тебе дело до того, чего я хочу?

– Потому что ты – человек. – Пэт подошла к Русу и взяла его за руку. – Смотри, какая она темная! От масла, от смазки, а вот порез… зацепился за шпильку?

– Отвертка сорвалась, – машинально ответил байкер.

И понял, что действительно ответил. На все вопросы этой тоненькой, но умненькой девчонки ответил. Даже на незаданные. Она его раскусила. Вскрыла, как пивную банку.

Рус отдернул руку. Пэт улыбнулась и медленно отошла к холодильнику. Повернулась. Сделала глоток пива.

– Не клуб тебе нужен, Рус, а классная мастерская. Я ведь

вижу.

Ему было неприятно, даже немного стыдно, но не ответить он не мог:

– Там, за моим ангаром, есть еще один, раза в четыре больше. Если найдем деньги в течение месяца, он станет нашим.

– Что ты хочешь там сделать?

– Крытую арену и стенд. Ну и бар, естественно. А здесь все отдать под мастерскую.

– Ты разговаривал об этом с Карбидом?

Молчание.

– Он сказал, что клуб выгоднее, да?

– Да, – неохотно признался Рус.

– Карбид тащит вас по накатанной колее.

– Не утащит.

– История с корсарами ничему его не научила, – жестко закончила Пэт. – Этот дурень не видит чужих ошибок и обязательно приведет вас под пули безов.

Рус насторожился:

– Откуда ты так много знаешь?

– А вы бы не цеплялись к тем, кто вас не трогает, тогда бы и не пришлось задавать глупые вопросы, – с усмешкой ответила Пэт.

– Откуда?

Она широко распахнула глаза, на мгновение нацепив маску наивной дурочки, снова усмехнулась и, допив пиво, швырнула банку в мусорный ящик. Промахнулась.

Но байкер не собирался отступать.

– Откуда?

– Откровенность за откровенность?

Очень хотелось врезать наглой соплячке. Крепко врезать и заставить выложить правду. Но Рус сдержался. Девчонка ведь понимает, что играет с огнем, но все равно гнет свою линию. Значит, рассчитывает на чью-то поддержку… Или блефует?

Когда желание избить Пэт несколько ослабло, байкер выбрался из кресла, дошел до холодильника, взял банку пива, вскрыл, покосился на Матильду: будешь? Та отрицательно качнула головой. Вернулся в кресло и вновь посмотрел на Пэт. Откровенность за откровенность? Что ж, попробуем.

– Что ты хочешь знать?

Пэт внимательно посмотрела на байкера. Как-то очень по-взрослому посмотрела, как будто опыта жизненного ей не занимать.

– Почему ты этим занимаешься, Рус? Ты окончил Университет, ты классный механик. Ту связку, что ты разработал

на диплом, до сих пор используют в промышленности…

– В ракетных установках, – хмыкнул байкер. – И в комплексных огневых системах.

– Не только там.

– В основном там.

Пэт задумчиво покачала головой:

– Тебя это угнетает?

– Мне это не нравится. Я могу придумать много интересных вещей. Но все они будут использованы в военных целях. Я не пацифист, но мне неприятно. – Он помолчал. – Очень неприятно.

– Я слышала, «Науком» предлагал тебе пожизненный контракт.

– Они повторяют предложение каждые полгода.

– А ты сидишь в грязной мастерской и пьешь пиво.

– Зато я никого не убиваю.

Он ответил уверенно, весьма уверенно, но в самом конце фразы голос едва заметно дрогнул. Едва-едва заметно.

Пэт услышала.

– Но…

– Теперь твоя очередь говорить правду, – перебил девушку Рус. – Откуда ты так много знаешь?

– Спросила у отца.

«И папочка быстро собрал нужную информацию…»

Слухи о Грязнове ходили разные, поговаривали, что он лично знает едва ли не всех московских верхолазов, а с Мертвым и вовсе за руку здоровается…

«Черт, говорил же Карбиду: не вяжись с незнакомой сучкой! И что он в ней нашел, спрашивается?»

Рус без восторга оглядел спортивную фигуру Пэт: ловкая, стройная. Глазищи огромные, волосы густые, длинные – красотка! Но слишком худая. Русу нравились девчонки с более женственными формами, вроде Матильды, а Карбид, наоборот, с ума сходил от гибких кошек. Доигрался, блин.

– Зачем пришла?

– Сказать, что буду кататься где хочу.

– Отстанем мы, прицепится другой вагон.

– Поэтому пришла.

– Тебе нужны друзья, – улыбнулся Рус.

Без издевки. Спокойно улыбнулся. Чуть грустно.

– Ты умный, ты все понимаешь.

– Дружбу надо зарабатывать.

– С Карбидом у нас дружбы не получится. И ты, и я это понимаем. Он не остановится. Да и мне, если честно, претят знакомства среди уголовников.

– А дружить с владельцем маленькой мастерской тебе не претит? – с угрюмой усмешкой осведомился Рус.

– Почему маленькой? – удивилась Пэт. – У тебя интересные планы, отец наверняка даст кредит.

– Хочешь меня купить?

– Хочу договориться. И подружиться. Деньги – это так, мелкая услуга. Но это будут честные деньги, вот что ценно.

– А твой папаша наймет киллера и уберет Карбида?

– Нет, – покачала головой девушка. – Эту проблему я решу самостоятельно.

– Даже так?

– Обещаю.

– Он мой друг, – пробурчал Рус.

– А не будет ничего бесчестного. Я вызову его на гонку, и пусть он только попробует отказаться.

– Карбид хороший байкер. Он классно катается.

– Вот и проверим.

Он заглянул в ее глаза, увидел огоньки бешеного веселья, увидел уверенность. Понял – не отступит. Да, дружище Карбид, не на ту метелку ты наехал.

– Гонки не всегда заканчиваются смертью, – тихо проговорил Рус.

– Эта – закончится.

– Но все должно быть честно.

– Или я, или он. Подставы не будет. Если поймаешь меня на подлянке – я проиграла.

– А если ты проиграешь, но выживешь?

– Так не будет!

– А если?!

Пэт вновь подошла к креслу, наклонилась, теперь их лица разделяло не более десятка сантиметров, улыбнулась:

– В таком случае ты помимо всего прочего сможешь сделать со мной все, что захочешь.

– На тебя запал Карбид, – так же с улыбкой ответил байкер. – Мне больше нравится твоя подружка.

– Хорошо, – легко согласилась Пэт, – трахнешь Матильду.

– Ты что?!

– Договорились!

– Пэт!!

– Проваливайте.

Рус отвернулся к коммуникатору и демонстративно прибавил звук до максимума.

Он ждал новостей. Плохих новостей. Настроение дрянь…

И еще он знал, что, если бы Карбид не втравил его в ночное

приключение на фабрике, он бы ни за что не поддался на уговоры Пэт.

Жизнь в Анклавах никогда не считалась легкой, впрочем, как и везде. Тот, кому повезло родиться в семье капера, был более или менее защищен от жестокой действительности: хорошая наследственность, хорошее здоровье, за которым следили хорошие медики, хорошая пища, хорошее образование – все это практически гарантировало, что ребенок получит приличную работу и построит успешную карьеру. Разумеется, некоторые каперские детишки не оправдывали родительских ожиданий: наркотики и запрещенные развлечения загубили не одну жизнь, но все же большинству хватало ума не увлекаться. Тем более что им еще в раннем возрасте доходчиво объясняли, на что могут рассчитывать обычные люди, те, кому предстояло самим прогрызать путь наверх. Наверх или в никуда. Кто-то работал на предприятиях корпораций, кто-то на муниципалитет, кто-то становился канторщиком, кто-то – мелким лавочником или крупным купцом, но все они едва ли не с самого рождения знали, что существует планка, перепрыгнуть которую у них не получится.

Рустам Лакри, Рус, был одним из тех немногих, кто мог бы прорваться в элитную касту.

Мог. Но не захотел.

Инженерный талант маленький Рустам проявил еще в школе, в обычной болотной муниципальной школе, в которой учителя наспех прививали детишкам кое-какие умения, в основном – читать, писать и считать. Многие бросали учиться после трех-пяти лет, уходили зарабатывать, но Лакри прилежно отучился положенные восемь и получил приглашение в Университет – скауты корпораций следили за перспективными ребятами, тщательно оценивали их потенциал и предлагали наиболее одаренным предварительные контракты. Рустамом заинтересовался «Науком» – невероятная удача! – и предложение, разумеется, было принято. Пять лет в Университете пролетели как один миг. Связкой, которая стала его дипломным проектом, восхищались признанные конструкторы, Русу предрекали блестящее будущее, он был почти счастлив.

А потом какой-то умник отправил большую группу молодых специалистов изучить работу нового изделия в полевых условиях. У омарцев вспыхнул очередной мятеж в восточных провинциях, и в «Науком» решили, что это хорошая возможность для обкатки огневых систем последнего образца. Изделия зарекомендовали себя отлично, удары по площадям оказались невероятно

эффективными, а вот Лакри сломался. Увидел, как стирают с лица земли деревни, и сломался.

Денег, полученных за патент, хватило, чтобы разорвать контракт с оружейниками. Рус вернулся на Болото и примкнул к корсарам.

– Ты сказала, что он может меня трахнуть!

– А что тебя смущает? – огрызнулась Пэт. – Рус парень симпатичный, так что разок потерпеть можно.

– Не смей со мной так разговаривать!!

Пэт взглянула на раскрасневшуюся подругу. Догадалась, что Матильда приняла ее заявление слишком близко к сердцу, улыбнулась и взяла ее за руку:

– Мата, не будь ребенком. Я проиграю только в том случае, если погибну. Понимаешь? Если меня размажет по асфальту.

– Ты шутишь? – Матильда попыталась улыбнуться. – Пэт, ты ведь несерьезно?

– Или я, или он, другого не дано. Или я выиграю, или разобьюсь. А я хочу жить, значит, я выиграю.

Матильда покачала головой:

– Ты сумасшедшая.

– Нет, я нормальная. Просто в этой игре такие ставки.

Спокойный голос, легкая улыбка на губах и бешеные огоньки в глубине глаз.

– А если ты разобьешься? – прошептала Матильда. – Что я буду делать?

– Позвонишь Кириллу. Если свамперы тебя хоть пальцем тронут, он им головы поотрывает.

– То есть ты соврала Русу? Насчет меня? Соврала?

– Разумеется.

Матильда помолчала. Потом вновь посмотрела подруге в глаза:

– Знаешь, там, в мастерской, ты была какая-то другая. Я не помню тебя такой. Я словно впервые тебя видела.

– Это у меня от Деда, – скупо ответила Пэт.

– И от отца?

– От Кирилла?

– Кстати, давно хотела спросить, он не обижается, что ты называешь его по имени?

– Он привык, – рассеянно отозвалась Петра, размышляя над предыдущим вопросом. – Да, наверное, от отца тоже. Кирилл и Дед… они, пожалуй, стоят друг друга…

Она впервые подумала об этом.

– А теперь ответь мне честно-честно. – Матильда взяла

подругу за плечи: – Ты справишься?

– Да, – спокойно ответила Пэт. – Я справлюсь.

Даже после того как девушки уехали, Олово не покинул свой наблюдательный пост. Кирилл приказал не только обеспечить безопасность встречи, но по возможности посмотреть, каким будет результат, значит, надо оставаться и слушать. Маленький слуга чуть шевельнулся, слегка изменив позу и перераспределив нагрузку на другие мышцы, поправил таблетку в ухе – звук на нее шел из маленькой коробочки, прижатой к металлической стене мастерской, и вновь замер. Невысокий, одетый в неприметный темный плащ, Олово сидел, спрятавшись за мусорным ящиком, и не сомневался, что обнаружить его не смогут. Мусор свамперы и их соседи вывозили только в случае острой необходимости, а рядом стоял еще полупустой бак, так что никто не сунется.

Так и вышло.

Минут через десять после ухода девчонок в мастерскую на двух мотоциклах прикатили приятели Руса. Двое парней и девушка, судя по звукам поцелуев, которыми она наградила Лакри, – его подружка. Увидеть их Олово не мог, но странные имена – Дрон, Кимура и Лара – запомнил – Кирилл обязательно спросит.

– Карбид весел, – сообщил Дрон, извлекая из холодильника банку пива. – Говорит, скоро у нас будет клуб.

– Если никто не поймет, откуда у нас взялись деньги, – проворчал Рус.

– А чего понимать? – махнул рукой Дрон. – Появились, и все.

– Трудно вычислить источники дохода во время беспорядков, – с рассудительной невозмутимостью произнес Кимура. – Дрон прав: появились и появились.

– А еще Карбид сказал, что он с ребятами Манруза Быка говорил. Похоже, они согласны с нами работать…

– На каких условиях?

Лакри перебил приятеля так резко, что байкеры вздрогнули. Переглянулись. Лара, пытаясь снять возникшее напряжение, обняла Руса за шею и поинтересовалась:

– Что тебя гнетет?

– Мы запутываемся, – вздохнул Рус. – Чем дальше, тем больше.

– А ты хочешь всю жизнь гонять по улицам?

Лакри машинально положил руку на талию подруги, задумчиво посмотрел в ее глаза. Симпатичная, как раз в его вкусе: крепкие ноги, приличных размеров грудь, большой рот…

На мгновение перед глазами возникла Пэт, соплячка, проигрывавшая Ларе по всем внешним данным. Зато превосходящая в уме.

«Должна ли женщина быть умной?»

– Рус, ты не ответил. Ты хочешь всю жизнь гонять по улицам?

– А если я скажу, что да?

Дрон хмыкнул, но промолчал. Кимура, пристально смотрящий на Лакри, только покачал головой.

– Тогда я отвечу, что настоящий свампер не только свободен, но и силен, – улыбнулась Лара. – Карбид хочет стать сильным, хочет брать все, что ему нравится. Карбид делает нас настоящим вагоном.

– Укладывая под Манруза Быка?

– С нами хотят говорить сильные люди, – пожала плечами девушка. – Они нас уважают.

– Не помню, чтобы мы собирались стать бандитами.

– К чему этот разговор? – подал голос Дрон.

– Просто болтаю, – после паузы ответил Рус. – Что еще говорил Карбид?

Дрон сделал вид, что пьет пиво, Лара отвернулась. Но Кимура молчать не стал:

– Упоминал, что надо проучить метелку.

– Пэт?

– Ага. Сказал, что в следующий раз пощады не будет. Или она с нами, или разберемся с сучкой.

Карбид почуял свою силу. Большие деньги, которые заплатили за фабрику, подняли его в собственных глазах на невиданную высоту. У него хватило ума не рассказывать остальным свамперам, откуда взялись средства на клуб, но от намеков не удержался. В общем, все поняли, что деньги заработаны нечестно. И никого это не испугало.

«Они не понимают, что деньги не всегда будут появляться из ниоткуда. Рано или поздно Карбид отправит на дело их. Окунет в дерьмо».

– Дай мне пива!

Лара молча направилась к холодильнику.

– Что насчет девки? – осведомился Кимура.

Увидел хитрый недосамурай, что тема Руса волнует.

– Карбид горячку порет, – произнес Лакри.

– Она тебе понравилась? – Лара замерла, не дойдя до кресла пары шагов. – Понравилась, да?

– Нет, не понравилась, – спокойно ответил Рус. – Но еще больше мне не понравится, если о свамперах заговорят как об отморозках. Карбиду надо думать той головой, что на плечах, а

не в штанах.

Кимура согласно кивнул.

Олово выскользнул из убежища, положил коробочку в карман и стал пробираться по проходу между ангарами к улице. Он услышал все, что хотел: идиотское предложение Пэт принято, к нему отнеслись серьезно, и можно не опасаться ловушек. Рус не позволит Карбиду обмануть девушку.

В Анклавах нечасто встретишь людей, слову которых можно доверять, но мастер, изучив досье Руса, сказал, что он один из них.

Выйдя на улицу, Олово повернул налево, к станции метро, и сразу же напоролся на небольшую, человек в десять, толпу. Не обратил внимания – людей в Анклаве много, хотел пройти мимо, но не смог: схватили за рукав, окружили.

– Ты кто?

В лицо дыхнули мутным перегаром, запахом соевой курицы и дешевого пива.

– Кто такой?

– Прохожий, – коротко и как можно миролюбивее ответил Олово.

– И на хрена ты здесь проходишь?

– Вынюхиваешь чего?

– Слышал ли ты об Истинной Атеистической Церкви, заблудшая душа? Знаешь ли ты, какую ошибку совершаешь, вознося молитвы ложным богам?

– Это подлинник, братья! Я чую – подлинник!

– Не кричи, Логин, – оборвал истеричного проповедник. – Зачем оскорблять честного человека? – И посмотрел на Олово: – Ты ведь не подлинник?

– Я-а не кто? – озадаченно осведомился тот.

– Он издевается! – затрепетал Логин. – Бейте его, братья!

И яростно зачесал в бороде. Но проповедник не спешил с выводами:

– Не возносишь ли ты гнусные молитвы в проклятых храмах Подлинной Атеистической Церкви?

Олово тщательно обдумал вопрос и отрицательно покачал головой:

– Нет. – И, на свою беду, решил усилить эффект: – Я-а да-авно никому не молюсь.

– Ты разочаровался в ложных идолах! – радостно провозгласил проповедник. – Ты отринул пустые учения! Ты настоящий человек! Ты умен! И тебе прямая дорога к нам, в храм Истинной Атеистической Церкви! Мы тоже отвергли навязанных

демонов!

– Но…

– Тебе повезло, брат, – проповедник доверительно обнял Олово за плечи, – как раз сейчас у нас проходит собрание для новообращенных. Войди в храм, послушай Истину.

Олово задумался. Толпа вокруг немного выросла, теперь перед дверями молельного дома ошивалось двенадцать полупьяных атеистов, громогласно обсуждающих сложные теологические аспекты своей религии. Непосредственно рядом с Олово стоят пятеро, достаточно порезать троих, и дорога освободится. Дальше бегом в трущобы, и через пять минут его никто не найдет. В принципе, можно порезать всех, но Олово не любил убивать без необходимости.

С другой стороны, правильно ли он поступит, устроив драку? Происходи дело ночью и будь его лицо скрыто наномаской, Олово не задумался бы, освободил дорогу самым быстрым способом и отправился по своим делам. Но днем… Слишком много свидетелей.

– Подумай о своей душе, брат, – проникновенно произнес проповедник.

– Она-а у меня-а есть, – нерешительно пробурчал Олово.

– Тогда не теряй понапрасну время, – велел атеист.

«Сегодня надо почистить ковры на втором этаже», – некстати припомнил Олово.

– Вход два юаня. – Проповедник и пара его помощников уверенно подталкивали добычу к дверям. – Заплати и слушай Истину. Согласись, два юаня это не так много за Откровение?

Олово вздохнул и покорно поплелся на собрание.

* * *

анклав: Москва

территория: Болото

доходный дом Оглыева

ранние пташки успевают многое сделать

Вживляемые в головы чипы – «балалайки» – обеспечивали не только доступ к мировой информационной сети. Прямое

подключение к бортовым компьютерам различных технических устройств – от мобилей до шагающих экскаваторов – повышало эффективность работы на десять-двадцать процентов, а безопасность – почти на сорок. При этом, несмотря на некоторые неудобства, пользователи предпочитали подключаться к машинам не с помощью беспроводной связи, а через психопривод, соединяющий «балалайку» с портом компьютера, ибо вклиниваться в линии беспроводной связи ломщики научились еще десятки лет назад. С другой стороны, слухи о ненадежной защите «балалаек» существовали столько же, сколько и сами чипы. Периодически общество будоражили новости о том, что тот или иной гражданин стал ходячей видеокамерой, против воли передавая информацию заинтересованным лицам. Общество тревожилось и требовало объяснений. Нанятые СБА эксперты сдували пыль со старых документов и терпеливо рассказывали о том, насколько надежны всеми любимые «балалайки». Общество довольно улыбалось и впадало в спячку до нового расследования.

Все возвращалось на круги своя.

Доказать существование кодов, позволяющих СБА осуществлять несанкционированный доступ к чипам, не мог никто. Но они существовали. Как существовала и небольшая группа людей, умеющих взламывать защиту «балалаек».

Профессионалы экстра-класса.

Легендарные ломщики.

В дом Оглыева Илья приехал в половине четвертого утра, специально подгадал. Центральное Болото как раз начинало засыпать. Уставшие гуляки покидали ночные заведения и ловили такси, пошатываясь на тротуарах. Проститутки и бандиты брели к постелям, иногда вместе, иногда порознь. Рядом с мусорными баками валялись наркоманы, кайфующие и остывающие. Владельцы притонов опускали железные ставни, зевали, прикидывали финансовые достижения прошедшей ночи. И никто не обратил никакого внимания на тусклого молодого человека, явившегося в Пушкарев переулок с черной сумкой на плече. Поздно уже, спать пора.

– Привет!

– Привет!

Черенки, покуривающие «травку» у ворот дома, парня знали, покивали, но с вопросами приставать не стали; на Болоте так не принято: захочет, – сам расскажет, почему не появлялся две недели, а не захочет – не расскажет. Илья, несмотря на то что русский, считался в доме своим – комнату снимал, а старый Оглыев не любил, когда к его жильцам без дела лезли. Да и Илью

уважал: студент как-никак, головой себе дорогу в люди прокладывает, в общем, правильный парень.

– Али!

Один из черенков подошел к Илье.

– Да?

– Передай отцу. – Молодой человек протянул сыну хозяина конверт. – За эту неделю и за следующую.

– ОК.

Комнату у Оглыева Дементьев снял еще до того, как поступил в Университет и нашел работу у Корнелиуса, в первый свой день в Анклаве. Комната была дешевая, одна из самых плохих в доме, скудно обставленная и с грязными стенами. Удобства в коридоре. Холодильник то работал, то не работал. Одним словом, для бедного студента подходяще.

Вот только бедный студент чаще всего ночевал у Корнелиуса, а о том, что снимает комнату, предпочитал не распространяться.

А Оглыеву он говорил, что поселился в университетском кампусе.

А зачем ему в таком случае комната, старик не спрашивал. Любознательные на Болоте долго не живут. Нужна, значит, нужна. Оглыев знал, что жилец отличный машинист – пару раз Илья помог старику разобраться с управляющими домом программами, – и догадывался, для чего ему плохая комната с мощным сетевым каналом. Но предпочитал молчать.

Номер «балалайки» Карбида Дементьев разузнал вскоре после разговора с Пэт, подобная информация не относилась к числу секретных, а потому на поиск в сети потребовалось всего десять минут. Теперь же следовало определить, что скрывается в черепушке байкера, что, собственно, предстоит взломать. Программа-разведчик, построенная на стандартных алгоритмах, отправилась к Карбиду вместе со звонком.

– Да! Кто это? – Голос грубый и недовольный. – … Молчишь, сука? Найду…

Илья оборвал связь. Достаточно. Разведчик проскочил и начал работу. А на обещание байкера найти и что-то там сделать Дементьев не обратил внимания: сквозь защиту, которую выстраивали стоящие в «раллере» программы, не всякий машинист пройдет, чего уж говорить о каком-то самокатчике?

Молодой человек закурил и открыл в отдельном окне учебник по истории: в конце недели ожидался зачет. За подготовкой к нему и пролетели пятнадцать минут, потребовавшиеся программе-разведчику для оценки ситуации, составления отчета, вложения его в следующий звонок Карбида и самоликвидации. С кем разговаривал байкер, было не важно, как

только он набрал номер, раскрылся сетевой шлюз, и отчет выскользнул наружу. Его появление «раллер» приветствовал мелодичным перезвоном, заставившим Илью закрыть учебник и потянуться.

– Ну и что у тебя есть? – Дементьев быстро просмотрел данные. – Хреновина у тебя, дорогой Карбид, такая хреновина, что даже говорить стыдно.

Как Илья и ожидал, ничего экстраординарного в голове байкера не нашлось: стандартное железо, стандартные программы. Много пиратских копий – это вызывало у ломщика презрительную усмешку. Короче, ничего сложного, что дополнительно подтвердило быстрое завершение работы разведчика. Будь Карбид умнее, поставил бы дорогую защиту, Илье пришлось бы повозиться подольше.

Впрочем, Дементьев и так не бездельничал.

На составление следующего пакета программ Илья потратил около шести часов, поскольку практически все писал по памяти. Причем не из «балалайки», а из своей, человеческой памяти, ибо даже обрывки составляемых алгоритмов могли привлечь внимание безов и указать, что скромный студент-первокурсник знает и умеет значительно больше, чем должен. Каждый из таких обрывков – это допрос в «Пирамидоме», а сложенные в один пакет – Африка, рудники, арендуемые СБА у «Всемирной Рудной Компании». Ворвись сейчас в комнату безы, и все – жизнь закончилась. Из Африки не бегут, из Африки не возвращаются. Но Дементьев работал спокойно, был уверен в принятых мерах безопасности. Не спеша составил нужный пакет, оптимизировал его, существенно уменьшив объем файлов, добавил несколько блоков, вновь оптимизировал, и так до тех пор, пока не убедился, что полученные программы смогут без труда проскочить в байкерскую «балалайку».

На этот раз требовался более длинный звонок Карбиду, но Илья все спланировал заранее.

– Внимание, вам звонят из информационного центра СБА, вы говорите с роботом, проводящим выборочную проверку чипов…

Даже самые отмороженные уголовники не рисковали прерывать связь с «Пирамидомом» и послушно отвечали на задаваемые вопросы.

Карбид не стал исключением. Он вежливо побеседовал с «роботом», а тем временем в его голову вполз подготовленный Ильей пакет.

А еще через три часа спящего Дементьева разбудил звонок: освоившаяся в байкерской голове программа сообщала, что готова организовать скрытый канал связи.

* * *

анклав: Москва

территория: Сити

«Пирамидом»

сделал дело – берись за следующее

Возвращение Щеглова в Москву сопровождалось не меньшими мерами предосторожности, чем отбытие в Эдинбург. Тепло попрощавшись с «коллегами», «резервный пилот» взял такси и направился в Царское Село, не в самый дорогой из его районов, разумеется. По дороге Мишенька убедился, что слежки за ним нет, если не считать едущую на двух машинах группу прикрытия, и заключил, что путешествие прошло успешно. Переоделся Щеглов в одной из квартир СБА, затем спустился в подземный гараж, где его ждали оперативники отдела прямых переговоров, и отправился на доклад к Мертвому.

Ответ шотландца – оригинальную открытку – Мишенька получил еще в полете. И, понимая, что Кауфман ждет именно эту информацию, начал с нее:

– Господин Макферсон отнесся к нашему предложению более чем благожелательно. Он готов к сотрудничеству.

Максимилиан удовлетворенно хмыкнул:

– Как долго его пришлось уговаривать?

Но смысл вопроса был другим: твое мнение, Щеглов, о шотландце? Доверять можно?

– Я абсолютно уверен в искренности нашего общего друга, доктор Кауфман, – ответил Мишенька. – Господин Макферсон оценил ситуацию предельно серьезно, взял время на размышление и, я уверен, потратил его с пользой. У меня нет сомнений в том, что господин Макферсон принял наше предложение, а не затеял, с подачи господина Моратти, некую контригру.

Щеглов умел работать с людьми, оценивал их быстро и очень точно, практически никогда не ошибался, поэтому Мертвый поручил непростые переговоры с Макферсоном именно ему.

– Насколько неуправляемым он станет после избрания?

Мишенька тонко улыбнулся.

Кандидатура шотландца была выбрана не просто так. Кауфман тщательно изучил директоров СБА, пытаясь найти оптимального кандидата на должность президента, и Шон, при всех своих недостатках, показался ему наиболее перспективным. Однако теперь Мертвый хотел услышать, как среагировал Макферсон на лестное и неожиданное предложение. Хотел услышать впечатления Щеглова, видевшего глаза Шона, говорившего с ним и наверняка составившего собственное мнение о кандидате. Совпало ли оно с портретом, нарисованным до встречи?

– Господин Макферсон не герой, доктор Кауфман. Он хитрый, самолюбивый, но его стержень из железа, а не титана. В ситуации «потерять все или подчиниться» он уступит. Даже если успех вскружит ему голову, одного визита будет вполне достаточно, чтобы напомнить господину Макферсону об обязательствах перед друзьями.

– Окончательный вывод?

– Господин Макферсон – член нашей команды.

– Отлично. – Мертвый улыбнулся. – Теперь поговорим о текущих делах.

Мишенька не был дома три дня. Он только что вернулся из командировки, в ходе которой спал всего несколько часов, упражнялся в управлении сверхзвуковым самолетом и проводил сложные переговоры. Щеглову требовался отдых, но Мертвый рассудил иначе. Значит, у него были на то веские основания.

– Я слушаю, доктор Кауфман.

– Человек Моратти неплохо поработал. У нас довольно напряженная ситуация в Аравии, и я подозреваю, что будет еще сложнее.

– Я читал новости, доктор Кауфман, и совершенно с вами согласен, – кивнул Мишенька. – Они не остановятся на достигнутом. – Помолчал. – Я должен заняться этой проблемой?

– Нет. Бунт оставим Слоновски. А ты должен подумать, когда и как на меня будет совершено покушение.

– Мы должны совершить на вас покушение? – уточнил Щеглов.

– Нет. Ты должен предотвратить покушение на меня.

– Есть информация?

– Моратти понимает, что, даже потеряв должность, я останусь влиятельным человеком. Боюсь, он сделал правильные выводы из истории с Петрой, понял, что не имеет власти в Анклаве, и хочет прижать меня по-настоящему. То есть – убрать. И ты должен подумать, когда и как он это сделает.

* * *

анклав: Москва

территория: Болото

клуб «99,99»

со странными людьми лучше не связываться

Днем ночные заведения напоминают аквариумы со спящими рыбками: антураж присутствует, пузырьки поднимаются к поверхности, заставляя подрагивать водоросли, но блеска нет. Нет жизни. Официанты вяло снуют между столиками, заказы исполняются неспешно, охранники дремлют, редкие посетители наслаждаются тишиной. Днем рестораны ночных заведений – места уединенные, покойные, наиболее подходящие для серьезных разговоров.

– Он избил вас палкой? – переспросил Петруха.

– Да, – мрачно ответил Тимоха. – Он избил нас палкой.

– С тобой же была куча канторщиков!

– Заткнись! – посоветовал старший Бобры.

Петруха покачал головой.

Тимоха на весь Анклав славился невероятной физической силой. Заслуженно славился. Мощь старшего брата потрясала воображение: он с легкостью рвал цепи и гнул ломики. Причем сила была дана ему от природы: никаких трансплантатов Тимохе не вживляли, никакими стимуляторами мышцы не накачивали. Таким уродился. На Болоте слагали легенды о здоровом как бык канторщике, передавали истории о драках, в которых он одерживал победы над превосходящими силами, и о его умении одним ударом проламывать корпус мобиля. Непобедимость Тимохи казалось такой же естественной, как ежедневный восход солнца на востоке.

И вот он рассказывает, как был избит. Одним-единственным человеком.

– В это трудно поверить, – протянул Митроха.

– Тебе! – хмыкнул Тимоха. – А каково мне? У него руки как железные, ей-ей не вру. Он меня на болевой взял, я чую, руки – мертвые.

– Протезы, что ли?

– А кто его знает? Только меня не обманешь. Я смерть чую.

Старший Бобры выпил водки и налил еще. С ним не спорили, знали, что чутья у Тимохи не меньше силы.

Петруха почесал в затылке, Митроха цокнул языком, а Николай Николаевич уставился на экран карманного коммуникатора, решил посмотреть скачанную из «балалайки» Тимохи запись драки. Ее уже изучали и обсуждали, не нашли ничего интересного: изображение смазанное, расплывчатое, даже мощным компьютером не вытянешь, но Николай Николаевич вернулся к ней. Просмотрел. Запустил снова. Вздохнул. Почесал кончик носа.

Наконец Тимоха, опрокинувший за это время еще пару стаканов, не выдержал:

– Чего нашел-то?

Николай Николаевич убрал коммуникатор в карман, взял вилку, задумчиво поковырял в тарелке и негромко произнес:

– Знаешь, брат, я думаю, что дрался ты не с человеком.

– Ну, что же, кормят здесь на самом деле неплохо, – резюмировал Хосе, доедая десерт. – Обед удался.

– А все остальное? – поинтересовалась Ника.

– А все остальное здесь начинается после десяти вечера, – рассмеялся мужчина. – Я о «Девятках» давно слышал, говорят, клуб что надо.

– Сегодня погуляем здесь?

– Если захочешь, дорогая.

Хосе потянулся и поцеловал обнаженное плечо молоденькой наложницы. Лика спокойно глотнула вина и покосилась на сидящего за соседним столиком Мартина. Тот сделал вид, что поглощен едой.

Работа сопровождающего предполагает общение с самыми разными людьми, и Кошелеву доводилось видеть всякое. Встречались ему и садисты, и наркоманы, любители экзотики и откровенные извращенцы. Встречались и подонки вроде Хосе. Мартин понимал, что не знает о подлинных взаимоотношениях в семье Родригес, что не может судить… но все равно судил. Пытался укрыться за маской, напоминал себе о профессиональной этике и правилах поведения с клиентами, но хватало увещеваний ненадолго. Проблема заключалась в том, что Лика Мартину нравилась. Красивая, опытная, в самом расцвете… Кошелев против воли представлял ее в своих объятиях. Скрипел зубами. Понимал, какими неприятностями грозит ему потеря контроля. Приходил в себя… а потом вновь начинал думать о Лике.

– Пойду посмотрю, что у них на втором этаже, – с улыбкой

бросил Хосе и выразительно посмотрел на Нику.

– Я с тобой, – поняла намек наложница. – Лика, не скучай.

Мартин вздохнул.

Лика прошипела что-то невнятное и вновь потянулась к вину.

– Что будем решать, братья?

– Он же сказал, что ошибся, – несмело протянул Петруха. – Чего ему врать?

Петруха понимал, что старший Бобры ни за что на свете не произнесет столь трусливые слова, не признает, что надо отступить. А отступать надо. Николай Николаевич сказал, что даже прятки не способны двигаться с такой скоростью, как тот мужик. И не улыбается младший Бобры, не шутит, помалкивает, а это тоже показатель плохой. Сказал, что думал, и заткнулся. Вот и пришлось Петрухе озвучивать на родственном совете неприятное решение.

– Мы ему ничего не должны, он нам ничего не должен. На том и порешим.

– Нехорошо, – протянул Тимоха. – Позор на нас ляжет.

Средний брат понимал, что старший не мог этого не сказать, а потому высказал заранее заготовленные аргументы:

– Да перед кем он нас опозорил? Кто видел?

Петруха хотел еще выразиться в том смысле, что нам и сильнее на ноги наступали, но прикусил язык. И так ситуация хреновая, зачем вспоминать всякие мерзости?

– А мозаичнику скажем, что разобрались с мужиком типа по понятиям, – поддержал речь Николай Николаевич. – И закроем тему.

– В общем, отмажемся.

Старший тяжело вздохнул:

– Все согласны?

– Согласен, – буркнул Петруха.

– Согласен, – буркнул Николай Николаевич.

Тимоха почесал в затылке, выждал пару мгновений и вдруг сообразил, что не хватает еще одного родственного отклика. Поглощенные проблемами Бобры упустили из виду, что четвертый брат исчез из-за столика.

– Митроха где?

– За коктейлем пошел, – припомнил Николай Николаевич.

– А чего ему самому бегать?

– Захотелось.

– Другого ему захотелось, – усмехнулся Петруха. – Вон он, у бара. Метелку какую-то клеит.

– Бояться меня не надо, – щедро улыбнулся Митроха, продемонстрировав два ряда золотых фикс. – Я тута хозяин. А хозяевам положено быть к гостям этими… гостеприимными.

– Вы владелец клуба? – уточнила Лика.

– Я делаю так, что клуб работает, – пояснил Бобры. – Обеспечиваю.

– Как интересно!

– Еще бы тебе неинтересно, – пробурчал Митроха, и его рука скользнула на талию женщины.

Лика улыбнулась и не стала протестовать. Напротив, повернулась немного, чтобы канторщик смог оценить ее обнаженные до бедер ноги.

– Позволь угостить тебя…

– Лика.

– А я – Митроха. Люблю знакомиться с девчонками… в худшем смысле этого слова.

– А это как? – игриво осведомилась Лика.

Канторщик потянулся и принялся нашептывать ей что-то на ухо.

Кошелев угрюмо вздохнул. Ну что же, раз так, значит – так. Конечно, ему хотелось оказаться на месте Митрохи, хотелось обнимать Лику, а потом отвести ее наверх, в комнаты, но… «Ты работаешь на нее, Мартин, тебе не светит».

Он допил сок, отставил опустевший бокал, огляделся и увидел, что мужики, оккупировавшие угловой столик, подают ему знаки.

«Черт!»

Но делать нечего, надо идти. Мартин покосился на Лику, которую продолжал лапать плечистый канторщик, поднялся и подошел к его дружкам.

– Знаешь нас?

– Разумеется.

Старший Бобры важно кивнул и приказал:

– «Балалайку» покажи.

Кошелев без разговоров повернулся затылком, и Петруха, доставший из кармана куртки сканер, считал чип.

– Все нормально. Охранник из фирмы.

– Как звать? – поинтересовался Николай Николаевич.

– Мартин.

– Скажи, Мартин, – обратился Тимоха к Кошелеву, – что за лохов ты привел?

– Туристы из Союза, – коротко ответил телохранитель.

– Богатые?

– Не нищие.

– Что за метелка?

– Жена мужика.

– Жена! – присвистнул старший Бобры. – А с кем он наверх подался?

– С наложницей.

– Круто, – оценил Петруха. – Не зря говорят, что муж хорош только в постели с чужой бабой!

Мартин молча пожал плечами.

Бобры переглянулись и дружно заржали.

* * *

анклав: Москва

территория: Федеральный Центр

комплекс «Лубянка»

умников никто не любит

Она не запаниковала.

Все в порядке. Она заставляла себя успокаиваться, но против воли вспыхивала:

«Чертов сыщик!!!»

И руки против воли сжимались в кулаки.

«Хитрый мерзавец!»

После истории с Фадеевым Эмиру проверяли не один раз. Всех интересовало, что на самом деле произошло с Железным Ромом. Как его достали? Кто достал? А самое главное – куда делась Петра? Дознаватели СБА ограничились стандартным допросом, провели его сухо и вежливо, записали ответы, ушли и больше не появлялись. Ну, последили за Эмирой два месяца, но разве это серьезно? Так, для порядка. Родные ребята из ОКР оказались менее доверчивыми. Мало того, что вопросов они задали не в пример больше, так еще и на детектор лжи таскали. К счастью, обманывать устаревшую машинку капитан Го умела. Хотели даже «сыворотку правды» колоть, но передумали. Поверили. Приходило к Эмире еще несколько человек, нюхачей частных, нанятых заинтересованными корпорациями, но с ними Го знала, как поступать: с некоторыми поговорила, некоторых

выгнала. На какое-то время затаилась, работала как обычно, к деньгам, что оставил Фадеев, не прикасалась, к Петре не приближалась. И лишь когда убедилась, что от нее действительно отстали, стала понемногу поднимать голову. Издалека проверила Петру, поняла, что у девчонки все нормально. Подготовила надежное укрытие, где в случае необходимости можно отсидеться. Приказала себе не прикасаться к деньгам без острой необходимости…

И не сдержалась.

Проклятый карнавал заставил Эмиру забыть об осторожности. Захотелось праздника, захотелось окунуться в атмосферу беззаботного веселья, захотелось блистать, быть яркой, желанной, захотелось сводить с ума…

На чем и погорела.

Расходы на карнавальный костюм оказались значительно большими, чем она ожидала. Впрочем, у Го были средства, был счет, на который поступали гонорары за частные контракты, и руководство об этих деньгах знало. Суммы, что лежала на счете, с лихвой хватило бы на подготовку к карнавалу, но, на свою беду, Эмира решила сохранить все в тайне и не пользовалась чистыми деньгами.

Теперь не отмоешься.

Теперь надо думать, как поступить с чересчур умным нюхачом?

А вариантов, если честно, не так уж и много.

Попросить перевод из Анклава, сбежать… Нет, не подойдет, такие вопросы за час не решаются, потребуется время, не меньше двух месяцев. Да и найдет ее Банум. Расскажет о своих подозрениях Кравцову и отыщет Эмиру хоть на полярной станции. Отыщет и заставит рассказать правду.

Скрыться от всех. Уйти из казармы и раствориться в Анклаве. Даже в том случае, если Фадеев соврал и через три года она не получит обещанные акции на миллиарды юаней, оставленных им миллионов хватит на безбедную жизнь. Этот вариант Эмира решила приберечь на самый крайний случай: все равно будут искать, и непонятно, сможет ли она надежно укрыться от преследователей.

Принять предложение Банума. Сохранить двадцать миллионов и забыть о Петре, не думать о том, для чего ее ищут. Надеяться на то, что люди, у которых она живет, сумеют отбиться от Банума. А если не сумеют – напиться и выбросить все из головы. Самый лучший вариант, самый правильный, самый оптимальный. Вот только капитан Го знала, что не сможет им воспользоваться. Знала, что сочувствует Петре, сочувствует

искренне, всей душой. И Фадеев это знал, сумел, старый интриган, разобраться в Эмире, прочел в ее глазах тщательно скрываемую боль. Потому и выбрал в качестве дополнительного телохранителя для внучки.

– Ты был уродом, но умным уродом, – прошептала Го.

Оставался последний вариант. Самый откровенный, опасный, вызывающий. Вариант, который может ее раскрыть. Единственно возможный вариант.

Руководство сквозь пальцы смотрело на то, что спецназовцы не гнушаются подрабатывать на стороне. Генерал Кравцов понимал, что искушений в Анклаве много, а возможностей добыть наличные – еще больше. Окаэровцы воспринимали назначение в Москву как шанс обеспечить старость, и препятствовать им было бессмысленно. Главное, чтобы не оставляли следов и не забывали делиться. Правила игры придумали задолго до Кравцова, и он не собирался их менять.

В беседе один на один Эмира назвала генералу сумму заказа, его долю и получила неофициальное добро на выполнение контракта. Подробности не приводились: такие мелочи Кравцова не интересовали. Явившись в казарму, Го отозвала в сторону четырех ребят, с которыми служила еще до перевода в Анклав, и без лишних разговоров перешла к делу:

– Есть возможность неплохо заработать.

– Кто клиент?

– Верхолаз из Сити.

– Что случилось?

– Кто-то из конкурентов натравил на него слишком умного частного сыщика. Парень отыскал ценную информацию, но передавать ее заказчикам не стал, решил шантажировать нашего клиента. Согласитесь, такое мало кому понравится.

Спецназовцы одновременно усмехнулись.

– Контракт мне предложил очень надежный источник, так что вероятность подставы близка к нулю.

– Сколько?

– Шестьдесят тысяч юаней. Мне двадцать, вам по десять.

Бойцы знали, что Эмира их не обманывает. Сумма, разумеется, несколько выше, но о доле генерала Го всегда умалчивала, а то, что оставалось исполнителям, делила по совести. Ну а к тому, что командирская часть больше, спецназовцы относились с пониманием: Эмира договаривается, Эмира обещает, с Эмиры, случись чего, и будут спрашивать.

– Мы согласны, – выражая общее мнение, сказал Димка Шифер. – Когда работаем?

* * *

анклав: Москва

территория: Урус

доходный дом Гиндыева

не всегда следует делиться подозрениями

К удивлению Урзака, работа отняла меньше времени, чем он рассчитывал. Несмотря на то что в исходной выборке оказались две сотни имен, Банум управился за несколько часов.

Начал Урзак с того, что оставил в списке только девушек, которые до поступления в Университет не жили в Анклаве. Дочки переведенных в Москву каперов, дочки чиновников из государств, талантливые девочки, найденные скаутами Университета в российских школах, – все, кто впервые появился в Анклаве несколько месяцев назад. У них не было подруг и знакомых, способных сказать Бануму: да, я помню, как она играла в песочнице, как мы заканчивали школу, как бегали на первое свидание. Жизнь этих девчонок Урзак мог проследить только по сети, а знающий человек без труда подтасует факты, сваленные в информационную помойку.

Затем Банум удалил первокурсниц, приглашенных в Университет скаутами, счастливиц, получивших уникальный шанс на образование и карьеру. В большинстве своем они происходили из небогатых семей и, несмотря на выплачиваемую Университетом стипендию, вынуждены были искать дополнительный заработок, нанимаясь на мелкие должности в научные лаборатории, кафешки и библиотеки. Хасим прекрасно понимал, что выросшая в роскоши Петра ни за что не согласится на подобное прикрытие. С другой стороны, у некоторых счастливиц вскоре появлялись богатые покровители из числа каперов, что избавляло их от необходимости работать, но и этот вариант, по мнению Урзака, Петра тоже бы отвергла. Из гордости.

Проведя первые выборки, Банум полез в сеть проверять оставшихся кандидаток. Нудная и кропотливая работа, требующая не столько внимания, сколько времени. Базы данных роддомов и школ, параллельная информация о жизни: участие в спортивных состязаниях, приводы в полицию, следы на

форумах… Урзака интересовали подтверждения того, что он имеет дело с реальным, а не виртуальным человеком: рылся в архивах, искал информацию на сайтах друзей и знакомых объекта, вскрывал почтовые ящики и проверял движение электронных денег.

И его усилия были вознаграждены. После нескольких часов напряженной работы список подозрительных лиц, в котором утром насчитывалось несколько сотен фамилий, съежился до пяти имен:

Сандра Форман, дочь Аарона Формана, главного инженера одного из предприятий «Фарма1», до поступления в Московский Университет девушка училась в закрытой школе Анклава Франкфурт.

Катарина Джонс, дочь Джейкоба Д. Джонса, начальника юридического управления филиала «Всемирной Рудной Компании», приехавшая в Москву из закрытой школы Анклава Рио.

Патриция Грязнова, дочь богатейшего антиквара Кирилла Грязнова, которая воспитывалась в закрытой школе Анклава Цюрих.

И две девушки из русской элиты: Гульнар Ханеева, дочь важного, но очень и очень засекреченного чиновника из Санкт-Петербурга, и Софья Зарипова, папа которой, если верить почерпнутой из сети информации, считался в России видным ученым.

Об этих пяти девушках Урзак смог отыскать только общие сведения, сухие строчки с минимальным шлейфом сопутствующей информации.

Форман, Джонс, Грязнова, Ханеева и Зарипова. Возможно, все они благовоспитанные и скромные девочки, милые домашние дети, абсолютно послушные воле родителей и именно поэтому не оставившие никаких следов в сети. Но также возможно, что жизнь одной из них создана умелыми машинистами, имеющими доступ к базам данных.

Урзак скачал информацию на «балалайку», выключил «раллер», некоторое время молча сидел, обдумывая дальнейшие шаги, а когда собрался подняться с кресла, из чемоданчика послышался перезвон незарегистрированного коммуникатора.

– Да!

– Как идут дела?

Банум с пониманием отнесся к лаконичности Моратти: действительно, даже когда говоришь по защищенному сдвоенным шифрованием каналу, незачем тратить время на всякие там «Здравствуй» или «Добрый день». И сам тоже не стал здороваться.

– Проверяю.

– Успехи есть?

«Обрадовать или нет?»

Правда заключалась в том, что Урзак до сих пор не решил, как именно он будет использовать президента СБА. И будет ли использовать его вообще. Если судьбой Петры на самом деле занимается Чудовище, то ситуацию придется обсуждать на другом уровне: с Ляо или с европейскими шейхами. С теми, кто правильно понимает слово Традиция. Моратти к избранным не относился.

– Я жду звонка от некой женщины, – сухо произнес Банум.

Ник понял, что речь идет о капитане Го.

– Она все-таки в деле?

– У меня есть основания для подозрений. Но, возможно, я ошибаюсь.

– А Университет?

– Просматриваю базу данных. Пока безрезультатно.

– Удачи.

Урзак отключил коммуникатор, вернул его в портфель и подошел к окну.

Море голов, блестящие на солнце крыши мобилей. А если распахнуть створки – шум и гомон, жужжание двигателей и запах дешевой пищи.

Город.

Анклав.

Логово Чудовища.

* * *

анклав: Москва

территория: Болото

«Шельман, Шельман и Грязнов. Колониальные товары

и антиквариат»

приятно сделать одолжение хорошему человеку

В этот день Илья так и не попал в Университет, не успел. Закончив работать с «балалайкой» Карбида, Дементьев дождался,

когда байкер, оседлав свой мотоцикл, подключится к нему через психопровод, и перебросил основной пакет программ в бортовой компьютер байка, решив, таким образом, основную задачу. Больше голова Карбида Илью не интересовала: бортовой компьютер обладал устройством беспроводной связи, и отныне Дементьев мог связываться с ним напрямую. Убедившись в этом, молодой человек приказал программам в «балалайке» байкера самоуничтожиться, стер из «раллера» все следы запрещенных занятий и направился на Сретенку: дом Оглыева находился в паре кварталов от особняка Грязнова. Встречи с Пэт Илья не опасался, с помощью Корнелиуса он выяснил, что вечер девушка проведет в молодежном клубе – у нее была запланирована вечеринка с университетскими подругами, а потому Дементьев смело подошел к дверям особняка и…

И немного растерялся.

Еще за несколько шагов Илья обратил внимание на ухоженный вид дома, на чисто вымытые оконные стекла и стены без признаков граффити. На аккуратно подметенный тротуар. На два подстриженных куста в каменных кадках у крыльца. Отметил, но и только – Дементьеву доводилось видеть богатые дома. Однако хозяева удивили молодого человека тем, что выдерживали стиль до самого конца: рядом с деревянной дверью не нашлось места для кнопки звонка или интеркома. Не было даже глазка. Только бронзовая ручка, отполированная прикосновениями сотен рук, и некое кованое украшение в верхней части двери. Илье потребовалось почти полминуты, чтобы понять предназначение второго устройства. После этого он, несколько смущенный собственной недогадливостью, постучал в дверной молоток.

Открыли гостю не скоро. Дементьев успел подумать, что его не услышали или хозяев нет дома. Он протянул руку, чтобы повторить попытку, но дверь распахнулась, и молодой человек увидел невысокого, бритого наголо мужчину в узорчатой рубахе с широкими рукавами и темных шароварах. Все открытые взгляду участки его тела, кроме лица, были покрыты черными татуировками, сложным переплетением рун и символов, и не оставалось сомнений в том, что они продолжались и под одеждой.

Илья снова замер, тупо разглядывая экстравагантного коротышку. Несмотря на предупреждение Корнелиуса – «слуга Кирилла выглядит странно, однако на самом деле он милейший человек», – встреча с симпатягой лицом к лицу повергла молодого человека в кратковременный шок.

– На-азначено?

Необычный голос и странная манера растягивать некоторые гласные не добили Дементьева – наоборот, заставили опомниться:

– Я хочу видеть господина Грязнова.

– На-азначено?

– У меня очень важное личное дело, – как можно внушительнее произнес Илья, но по глазам слуги понял, что сейчас ему предложат прийти в другой раз, и торопливо добавил: – Я работаю на Корнелиуса Ежова.

– А-а… – Замечание пришлось как нельзя кстати, оно заставило Олово задуматься. – А-а…

– У меня очень важное дело к господину Грязнову, – повторил Илья, надеясь, что теперь слуга отнесется к заявлению с должным вниманием.

Молодой человек не ошибся. Обдумав все как следует, Олово пропустил гостя в холл, закрыл дверь и, бросив: «Жда-ать здесь», удалился. Вернулся через пару минут, обронил: «За-а мной» – и провел Дементьева в хозяйский кабинет.

Внутреннее убранство особняка многократно усиливало первое впечатление. Резные деревянные панели на стенах, зеркала в бронзовых рамах, тяжелые портьеры… Одна из половиц скрипит! Илья провалился в уют этого дома. Старого дома. Настоящего.

Едва ли не впервые в жизни он понял, что дом – это не место, где спят. Не место, где прячутся. Дом – это продолжение человека. Его отражение.

Увидел то, чего оказался лишен.

Грязнов не стал подниматься навстречу нежданному гостю, остался сидеть в кресле во главе стола. Молча окинул взглядом неказистую фигуру молодого человека, перебрал несколько черных бусин четок, кивнул Олово – слуга тут же покинул кабинет – и небрежным жестом разрешил Дементьеву присесть. Илья подчинился, скромно пристроился на краешке стула, положив возле ног сумку с «раллером».

– Вы хотели меня видеть.

Кирилл не спрашивал, он констатировал факт.

Прозвучала простая фраза, но Илья вдруг почувствовал себя школяром, осмелившимся потревожить малым делом видного профессора. Четырьмя простыми словами Грязнов умудрился донести до посетителя, что…

…удивлен несвоевременным визитом;

…только имя старого друга раскрыло перед молодым нахалом двери в особняк;

…крайне занят, но из вежливости уделит ему время;

…злоупотреблять хорошим отношением не следует.

И где-то в глубине души настоящий Дементьев, тот, которого знали под именем Чайка, подумал, что ему нечасто приходилось встречаться со столь сильными людьми.

– Меня зовут Илья, Илья Дементьев… я работаю на Корнелиуса Ежова.

– И что за *очень важное дело* привело вас ко мне?

Антиквар встретил посетителя одетым в махровый халат, на его волосах блестели капельки воды, и пахло от Кирилла влажной свежестью и дорогим парфюмом.

«Наверняка он не считал, сколько воды потратил, плескался в свое удовольствие…»

Илья выдавил улыбку:

– Прежде всего хочу сказать, что я хороший машинист.

– Корнелиус не настолько рассеян, чтобы брать на работу абы кого, – кивнул Грязнов. – Уверен, у вас отличные профессиональные навыки.

– Я учусь в Университете и… знаком с вашей дочерью.

– Надеюсь, вы пришли не для того, чтобы просить ее руки?

Замешательство удалось Илье блестяще.

– Нет!

– Я пошутил, – рассмеялся Кирилл.

Но глаза остались холодными.

– А… Я… – Молодой человек сглотнул и бросился в омут с головой: – Вам известно, что к Пэт пристают свамперы?

Теперь паузу взял Грязнов.

– Мне-то известно. Но откуда вы об этом знаете?

– Пэт сказала.

– Вы настолько близки?

– Нет, просто знакомы… – Дементьев помялся. – Пэт спросила, не смогу ли я помочь ей во время гонки.

Несколько мгновений антиквар обдумывал услышанное, а затем, поняв суть, снова рассмеялся:

– Молодец, дочка! – И деловито поинтересовался: – Это возможно?

– К сожалению, нет. – И, увидев, как угасает интерес в глазах Грязнова, торопливо продолжил: – Нельзя помочь Пэт, но можно навредить ее сопернику.

– Каким образом? – быстро спросил антиквар.

– Несмотря на то что перед стартом они снимут «балалайки», бортовые компьютеры мотоциклов продолжат работу.

– Это я понимаю, – кивнул Кирилл.

– Если взять под контроль компьютер, то в нужный момент можно отдать ему приказ… к примеру – резко затормозить. Или,

наоборот, прибавить скорость. Последствия могут быть самыми непредсказуемыми.

– А следы?

– Одновременно с приказом запустится программа самоуничтожения, которая сотрет из памяти компьютера все следы постороннего вмешательства.

– Хитрый замысел, – оценил Грязнов. – Но нечестный.

– Поэтому я не рассказал о нем Пэт, – признался Илья. – Она бы не согласилась с моим предложением.

Антиквар улыбнулся. Помолчал, перебирая четки и глядя Дементьеву в глаза. Илья сумел выдержать пристальный взгляд.

– Если я правильно понял, – продолжил разговор Кирилл, – нужно, чтобы кто-то добрался до мотоцикла Карбида и поковырялся в нем, обеспечив тебе доступ к компьютеру. Так?

Он мягко и плавно перешел на «ты», но молодой человек не возражал.

– Не так, – качнул головой Илья. – Я уже влез в бортовой компьютер.

– Каким образом?

– Через «балалайку» Карбида.

– Ты вскрыл чип? – недоверчиво прищурился Грязнов.

– Да.

– Разве это возможно?

– Я сумел. – Дементьев скромно опустил глаза.

На этот раз пауза продлилась дольше. Кирилл что-то обдумывал, невидяще глядя на молодого гостя, Илья помалкивал.

– Ты говорил, что учишься на первом курсе.

– Совершенно верно.

– И вам преподают теорию взлома «балалаек»?

Дементьев улыбнулся шутке, почесал нос и, глядя прямо в глаза Грязнова, неожиданно веско и жестко произнес:

– Я вырос в Петербурге, в детском доме. Я учился у Марка Танаевского, а потом меня распределили на «химию». Я вытащил «невынимайку» и бежал из России. Я сдал вступительные экзамены лучше всех. Я хороший машинист, а стану еще лучше. Я ведь учусь.

– Корнелиус рассказывал о тебе, – так же веско и жестко ответил Грязнов. – Он тебя проверял, и вроде все сходится. Но ни Корнелиус, ни я не понимаем, почему ты до сих пор не заключил контракт с какой-нибудь корпорацией?

– Придет время – подпишу.

– Не слишком ли самонадеянно?

– Я знаю себе цену!

– Зачем пришел ко мне?

– Вам Корнелиус рассказывал обо мне, а мне – о вас, – усмехнулся Илья. – Вы всем московским верхолазам друг…

– Ну, это преувеличение…

– Вы сильный человек, Кирилл, и я хотел бы оказаться в числе ваших друзей.

– До моих друзей тебе далеко, – после непродолжительного молчания сказал Грязнов.

Дементьев попытался что-то возразить, объяснить, но не успел.

– Тем не менее мне нравится твой настрой. И твоя честность. – Короткая пауза. – И твоя бесчестность нравится. Ты правильно сделал, что не рассказал Пэт о найденном решении. Она бы не поняла. Она хорошая девочка, но иногда становится излишне романтичной. Возможно, когда у нее появятся дети, она поймет, что ради них родители способны на все, в том числе на подлость. Но пока ей об этом говорить не следует. Ты согласен?

– Я уже забыл о нашем разговоре, – отозвался Дементьев. – Помню только некоторые технические детали.

Грязнов покачал головой, перебрал несколько бусин. Улыбнулся:

– А ты интересный человек, Илья. Надо будет нам поговорить как-нибудь.

– С удовольствием.

– Но не сейчас, – мягко отрезал Грязнов. – Сейчас у меня важное дело.

Лежащий на столе коммуникатор запиликал, сообщая о пришедшем сообщении. Кирилл взял приборчик в руку, прочитал текст, и взгляд его стал рассеянным.

– Илья, судя по всему, гонка состоится сегодня ночью. Пэт сказала, что будет на вечеринке, но я ей не верю. Так что приготовься.

– Хорошо.

Дементьев взял с пола сумку с «раллером» и поднялся на ноги.

– До свидания, Кирилл.

– Всего хорошего.

Грязнов был настолько поглощен полученным сообщением, что забыл о приличиях. Он принялся стаскивать халат до того, как Илья закрыл за собой дверь.

* * *

анклав: Москва

территория: Болото

клуб «Ракетный Ускоритель»

совместный труд способствует взаимопониманию

Дрогас знал, что его ищут аравийцы. Не догадывался – знал. Ушлые арабы решили, что достаточно попользовались провокатором, и теперь хотят сдать его безам. С самого своего появления в Москве Стефан не ночевал дважды подряд в одном месте, кружил между тремя квартирами, а теперь отказался и от них, ушел в другие логова, которыми до сих пор не пользовался. А вот встречу с Карбидом Дрогас назначил в том же клубе, что в прошлый раз. И не потому что доверял байкеру, нет. Просто ни один профессиональный сыщик не в состоянии предсказать подобный ход.

– Сегодня ты один, – заметил Дрогас, опускаясь за стол. – Что приятель? Заболел?

– Сказал, что тебе можно верить, – усмехнулся Карбид. – И отпустил меня одного.

– Тем лучше.

Байкер повертел в руке бокал с пивом:

– Тебе не нравится Рус?

– Я не оценивал его с сексуальной точки зрения, – холодно пошутил Стефан. – А с профессиональной скажу так: я ему не доверяю.

– А зря, – пробурчал Карбид. – Ночью мы работали вместе.

– Значит, я ошибся, – пожал плечами Дрогас. – И давай закроем тему?

– Давай.

Мужчины выпили и замолчали.

Карбид грыз соленые орешки. Стефан непринужденно оглядывался. Пару раз задержал взгляд на экране коммуникатора, настроенного на музыкальный канал.

– Хорошо тут. Весело. Спокойно.

Начинать разговор первым он не собирался. Хотя прекрасно знал, для чего его позвал Карбид: поговорить о будущем. И пришел на встречу, а не расплатился за ночную услугу с безликого счета – верные люди еще никому не мешали.

– Скажи, – решился наконец байкер, – у тебя бывают только такие дела?

– В смысле? Какие «такие»?

– Ну… вроде тех, чем мы занимались?

– Не только такие, – спокойно ответил Дрогас. – Предвосхищая твой вопрос: нет, я не террорист. Я специализируюсь на выполнении особых поручений.

– Для кого?

– Повтори свой вопрос и подумай, насколько глупо он звучит.

Карбид смутился:

– Извини.

– Ничего страшного. – Стефан едва не рассмеялся. Но сдержался, разумеется, зачем показывать агенту, как ты на самом деле к нему относишься? – Почему ты задаешь вопросы?

– Ну… юани не бывают лишними, – пробубнил байкер.

– Хочешь сказать, что я и впредь могу на тебя рассчитывать?

– Да, – выдохнул Карбид.

– Приятно слышать, – не стал скрывать Дрогас. – Откровенно говоря, порой мне бывает нужна помощь верных ребят, способных на серьезные дела. Но я должен им доверять, понимаешь?

Ответить Карбид не успел. Демонстрируемый концерт неожиданно прервался экстренным выпуском новостей, и Стефан повернулся к экрану коммуникатора:

– Срочное сообщение из Аравии! Массовые отравления! Как только что стало известно, сотни людей практически одновременно обратились за помощью к врачам! Есть смертельные случаи! Люди теряют сознание прямо на улице! – Было видно, что диктор читает наспех составленное сообщение, составители которого не очень-то заботились о гладкости текста. – Жители Аравии уверены, что во всем виноваты индусы. Раздаются призывы к отмщению. Безы попытались закрыть для расследования фабрики пищевого производства, однако две из них уже горят… На территории проходят стихийные митинги…

– Отличная работа, Карбид, – похвалил байкера Стефан. Посмотрел на часы: – И гадость вовремя сработала, не подвели химики.

Конец рабочего дня. Впереди целая ночь.

Веселая ночь.

Карбид хмыкнул и напомнил:

– Благодарность в карман не положишь.

– Правильное замечание. – Дрогас положил на стол пластиковую карточку. – Вот вторая часть.

Глава 5
Люди на Луне
Пилот

Сборка корабля «Дии Чуань» – основы одноименного проекта, основы самой амбициозной космической программы в истории человечества – заняла полтора года. Только сборка – заключительный этап постройки, осуществляемый на орбите Земли. Готовые модули «Дии Чуань» доставлялись грузовыми кораблями, стыковались с главным отсеком, так называемой базой, подключались к ее источнику питания и проходили полную проверку всех устройств. Несколько раз приходилось менять отказавшее оборудование. Один модуль погиб: из-за сбоя в системе управления автоматический грузовой корабль не смог состыковаться с «Дии Чуань», сошел с орбиты и сгорел. Дважды выходил из строя главный компьютер «Дии Чуань», и если в первый раз все закончилось шестичасовой нервотрепкой, то второй сбой привел к гибели двух монтажников. Корабль окропился первой кровью. Впрочем, останавливать работу из-за такой ерунды никто не собирался. Народная республика была полна решимости довести задуманное до конца и не жалела средств. Потерян модуль? В рекордно короткие сроки обкатали и запустили на орбиту резервное изделие. Вышло из строя оборудование? Дополнительный старт, и монтажники устанавливают новое. Погибли люди? «Их имена навсегда останутся в Зале памяти тайконавтов!» Траурная церемония на родине героев, пожизненная пенсия вдовам, и новый отряд летит на орбиту.

Поднебесники рвались на Луну.

В едином порыве. На одном дыхании. Плечом к плечу.

На ночное светило одинаково горящими глазами смотрели Председатель и крестьянин, инженер и сантехник, летчик и домохозяйка, житель Шанхая и обитатель Сан-Франциско. Не было для китайцев важнее темы, чем «Дии Чуань», и каждый из них считал дни до заявленной даты старта. И каждый чувствовал себя частью огромной, могучей державы, способной утереть нос соседям по шарику. И каждого переполняла гордость. И каждый верил, что его народ способен на все.

Ибо над первым на Луне поселением поднимется китайский флаг.

Фань Чи не пожалел, что из всех претендентов выбрал майора

Безуглова. Молчаливый русский действовал предельно профессионально и грамотно, а самое главное – гораздо лучше второго пилота, китайца. Именно Безуглов осуществил старт «Дии Чуань» к Луне, он управлял кораблем во время последнего витка, и он обеспечил безукоризненный выход на траекторию полета. И то, как русский воспринял его похвалу, понравилось Чи: без зазнайства и самодовольной улыбки. Безуглов выслушал слова командира с достоинством, а ответил очень коротко, по всему чувствовалось, что варвар хорошо понимает свое место.

Несмотря на то что перед полетом с командой плотно работали опытные психологи, достичь полного взаимопонимания между членами экипажа не удалось. Говоря откровенно, это было невозможно. Бортинженер, второй пилот и врач практически не общались с Безугловым. Они не грубили, не провоцировали его, не отравляли жизнь мелкими каверзами – на этот счет с каждым из них очень жестко поговорил Фань. Они просто не замечали русского в неслужебной обстановке. Безуглов был чужаком. И пусть его выбрал лично командир, пусть его присутствие согласовано на самом высоком уровне – это не делало его ближе. Скорее наоборот. Второй пилот понимал, что, не будь русского, у него был бы шанс принять участие в первой высадке. Бортинженер понимал, что спуститься на Луну могут и трое, и, не будь жесткой межправительственной договоренности: один русский – один китаец, он бы мог оказаться в числе счастливчиков. Врач… врач просто не понимал, почему вынужден делить жизненное пространство корабля с варваром. Психологи могли хоть наизнанку вывернуться: сосульки на горящих поленьях не образуются. И чем ближе становилась Луна, чем более и более веселым становился командир Фань, тем холоднее вели себя с Безугловым другие поднебесники.

Внеслужебные отношения с русским поддерживал только Фань, который всячески подчеркивал, что относится ко всем членам экипажа одинаково.

«Зависть плохое чувство, – обронил как-то Чи. – Ты ступишь на Луну раньше».

«Разве это важно? Программа пребывания рассчитана на месяц…»

«Дии Чуань» должен был не просто оставить на Луне оборудование. Предполагалось заложить базу, собрать несколько временных строений на поверхности, установить источник энергии, предполагалось даже оборудовать небольшое герметичное помещение, в котором можно было бы находиться без скафандра. Проектом «Дии Чуань» Китай собирался продемонстрировать всему миру, что пришел на Луну навсегда.

«Каждый из них побывает на спутнике».

«Ничто не сравнится с прелестью первого весеннего цветка».

«Я в порядке, – после паузы произнес Безуглов. – Я все понимаю. Я выдержу».

«Ты был отверженным среди своих, – спокойно сказал Фань. – Тебе не привыкать».

«Поэтому вы меня выбрали?»

«Ты действительно отличный пилот, майор».

И русский понял, что командир экипажа честен.

«Спасибо. – Безуглов помялся: – Можно вопрос?»

«Конечно».

«Станция на Луне – это только начало?»

«Хочешь знать, насколько широки наши замыслы?»

«Да».

«Очень широки, – не стал скрывать Фань. – Мы собираемся идти вперед, далеко вперед. Как можно дальше. Очень скоро на нашей планете станет тесно. Сто, двести лет – и нам придется воевать за каждый клочок земли, за чистую воду, за остатки природных ресурсов. Проигравших в войне не будет, ибо ее смысл – уничтожение тех, кто тратит природные ресурсы и занимает место под солнцем. А значит, и победителей не будет, потому что терпящая поражение сторона использует любое доступное ей оружие. Хотя бы ради возмездия. Понимая это, Председатель хочет подстегнуть общество, заставить соперничать не в захвате нефтяных вышек, а в новых технологиях. Нужен дух соперничества, нужно перестать толстеть и продолжить расти вверх. Если старые идеи не позволяют выйти на следующий уровень развития, необходимо отыскать новые. Нужно заставить все страны выкладываться. Нужно дать людям мечту. И тогда, возможно, у нас что-то получится».

Так мог говорить патриот не только своей страны, но всего мира. Теперь Безуглов смотрел на китайцев и их амбициозный проект совсем другими глазами.

«Вы верите, что сможете заставить другие государства бежать в том же направлении?»

«Им некуда будет деваться, – улыбнулся китаец. – Американцы и европейцы не смогут позволить себе отстать от нас. Население не поймет, если по Луне будут разгуливать одни желтопузые, вспомнят о национальной гордости и потребуют доказать, что они не хуже. Правительства увеличат финансирование на науку, начнется гонка технологий. И рано или поздно будет найдено золотое решение, которое спасет нашу цивилизацию. Другого пути избежать войны Председатель не видит».

«Он великий человек», – тихо сказал Безуглов.

«Великий, – серьезно кивнул Фань. – Но, к сожалению, слишком старый».

Последние слова командира русский пропустил мимо ушей. Он был слишком поглощен своими мыслями.

«Вы верите, что ученые… что золотое решение будет найдено?»

«Верю».

«И мы полетим к звездам!» – Глаза Безуглова вспыхнули.

«Да! – Китайцу нравился задор пилота. – Обязательно полетим!»

Тем временем экспедиция вступала в следующий этап: достигнув Луны, «Дии Чуань» вышел на заданную орбиту и… перестал существовать. С этого момента корабль превратился в станцию «Шэньюэ», базу китайской экспансии на спутник. Двум членам экипажа первого корабля предстояло провести на станции ближайшие три месяца, занимаясь экспериментами, изучением поверхности и подготовкой к визиту следующей экспедиции. Трое возвращались на Землю на небольшом корабле «Куайчэ», являвшемся до сих пор одним из модулей «Дии Чуань».

Официальное открытие орбитальной лунной станции в Народной республике отметили небольшим торжеством. Но именно небольшим. Хвастливые сообщения в мировых СМИ должны были подготовить общество к куда более важному известию со спутника: к информации о высадке на Луну первого тайконавта. К кульминации проекта «Дии Чуань», к окончательному подтверждению факта, что Народная республика не просто сверхдержава, а первая среди них.

И факт подтвердился.

Ранним лунным утром управляемый майором Безугловым аппарат «Фэйлун» опустился на заранее выбранную площадку в районе Океана Бурь. Возбужденный сверх всякой меры, Фань не стал дожидаться, пока осядет поднятая при посадке пыль. Со всей возможной при этих обстоятельствах прытью полковник открыл шлюз, спустился на поверхность спутника, отошел на несколько шагов от аппарата и, остановившись, вскинул вверх руки:

– Китай!

Ему ответил рев миллиардов соплеменников.

И вопли агентств новостей.

– Только что тайконавт Фань Чи стал первым китайцем, высадившимся…

– Китайские тайконавты достигли спутника Земли…

– На Луну высадились китайцы…

– Народная республика продемонстрировала всему миру…

– На прямой связи с тайконавтами находится Председатель…

Безуглов, снимавший командира экипажа на камеру, услышал негромкий старческий голос:

– Полковник…

– Приказ партии выполнен! – браво доложил Фань. – Мы достигли поверхности Луны!

– Как самочувствие?

– Отлично!

– Продолжайте выполнение задания!

– Есть!

Председатель отключился, но связь с Землей не прекратилась. По сценарию, разработанному пропагандистами Народной республики, началась пресс-конференция для журналистов ведущих мировых СМИ. Безуглов ждал традиционно пустых вопросов об окружающей обстановке, впечатлениях и самочувствии, но распорядитель пресс-конференции оплошал, и первым к микрофону прорвался представитель CNN:

– Полковник, находясь на орбите, вы видели посадочные ступени «Аполлонов»?

Фань улыбнулся и дипломатично покачал головой:

– Луна большая, мистер, а «Аполлоны» маленькие.

– Их могло занести лунной пылью! – бросил кто-то из китайских журналистов.

Поднебесники расхохотались. Американца отодвинули от микрофона. Безуглов вздохнул и продолжил съемку.

* * *

анклав: Москва

территория: Аравия

тепло и ясно

приятный осенний вечер склоняет к размышлениям и созерцанию…

Первые жертвы отравления появились в середине дня, однако несколько единичных случаев не смогли привлечь всеобщего внимания. Что странного в том, что человеку стало плохо в метро? Что кто-то потерял сознание на работе? Что старая

женщина заснула и никак не проснется? Доставленные в разные больницы Анклава, получившие разные диагнозы и разное лечение, эти люди растворились в статистике многомиллионного мегаполиса. Большинство из них умерли, но сделать вскрытие никому не успели.

Взрыв произошел ближе к вечеру, когда люди возвращались с работы. Массовые обмороки на улицах и в метро, жалобы на резкие боли в животе, мгновенно поднимающаяся температура… Меньше чем за час в больницы было доставлено свыше трех сотен пострадавших. Еще через полчаса их количество перевалило за тысячу. Люди умирали.

На улицах стали собираться толпы.

Довольно быстро выяснилось, что пострадали исключительно жители Аравии, ни на одной другой территории Анклава случаев отравления не зафиксировано, а если они и были, то жертвами опять же становились арабы. Одновременно с сообщениями информационных агентств начали приходить послания с анонимных серверов, рассылка которых охватывала едва ли не все население Аравии:

«Нас травят!»

«Фабрика № 4 отравлена индусами!»

«Кришна мстит!»

СБА, надо отдать ей должное, среагировала на появление провокационных сообщений стремительно. Менее чем за полчаса безам удалось заблокировать работу всех серверов, однако посеянные зерна успели дать всходы: возглавившие толпы горлопаны повели разъяренных людей на фабрики.

– Что за дерьмо, Абдурахман? Где Альфред?

Халид Рыбак, глава одной из самых мощных кантор Аравии, не стеснялся в выражениях. Обычно этот достойный человек разговаривал со стариком гораздо вежливее, с уважением к сединам и авторитету Абдурахмана, но иногда люди забывают о хорошем воспитании под влиянием обстоятельств.

– Где эта свинья?!

– Я не знаю, Халид, – честно ответил старик.

Абдурахман старался говорить как можно увереннее, тверже, но получалось не очень. Он уже знал о массовых отравлениях, о толпах погромщиков, что осадили фабрики, и о недовольстве этой ситуацией лидеров Аравии. Теперь один из них, едва ли не самый могущественный, лично приехал в лавку. Не к добру. Ох, не к добру!

– Его «балалайка» и коммуникатор не отвечают.

– Он должен был приехать к тебе, – угрюмо напомнил Халид.

– Не приехал, – развел руками Абдурахман.

– А ты должен был сдать его безам.

Старик опустил взгляд:

– Проклятый гяур оказался хитрее нас.

– Тебя, – уточнил Рыбак.

Абдурахман вздрогнул и покорно согласился:

– Меня.

Он понял, что назначен виноватым. Аравийские канторы хорошо заработали на организованных хитроумным Альфредом беспорядках. Интересы индусских бандитов были здорово ущемлены, арабам достался приличный кусок, и они, не жадничая, вовремя приняли решение остановиться. Если бы Альфред оказался у безов, СБА закрыла бы глаза на помощь, которую ему оказали канторы, и все были бы довольны. Если бы… Но гяур оказался умнее. Скрылся. А его прощальный подарок способен взорвать Аравию…

«Нет, – поправил себя Абдурахман, – его прощальный подарок взорвал Аравию. А отвечать придется мне».

И понял, что не боится. Совсем не боится. Нет смысла трястись от страха, когда все уже решено. Не следует цепляться за соломинку, которой нет. Сильному человеку не должно быть стыдно за последние минуты жизни.

– Есть надежда, что Альфред приедет к тебе?

– Нет.

Абдурахман повернулся к Халиду спиной, подошел к столику и спокойно налил себе чашку чая.

– Великолепный аромат, – негромко произнес он, сделав небольшой глоток. – Чудесный.

Рыбак не стал мешать старику. Терпеливо ждал. Абдурахман допил чай, уселся в кресло и закрыл глаза. И только после этого Халид прострелил ему голову.

Помолчал. Убрал оружие и вытащил подавший голос коммуникатор:

– Алло!

– Халид, что у тебя?

Сегодня все забыли о хороших манерах. Разве в какой-нибудь другой день Гасан Горец позволил бы себе говорить с Рыбаком таким тоном? Конечно нет. Но Халид понимал обстоятельства и не обратил внимания на невежливость коллеги.

– Гяура не найти, он скрылся. Я думаю, это он все устроил.

– Я не сомневаюсь в этом, Халид. – Горец выдержал недлинную паузу. – Нас ждет разговор с безами.

– Если Мертвый захочет разговаривать, – мрачно хмыкнул Рыбак.

Гасан снова помолчал, после чего осторожно произнес:

– Люди поджигают дома, Халид. Они никого не слушают.

– Значит, не надо с ними говорить, – решил Рыбак. – Пусть все идет, как идет.

И посмотрел на мертвого старика.

Разгромленные фабрики раззадорили толпу. Раздразнили.

Чувство локтя. Запах крови. Пьянящее, возбуждающее ощущение вседозволенности. Примерные отцы семейств и уличная шпана, мелкие лавочники и бандиты, подростки и солидные мужчины – акция Дрогаса заставила выйти на улицы всю Аравию. И праведный гнев, с которым они начинали поход, давно превратился в беспросветную злобу. Она затуманила головы. Она заставляла переворачивать мобили, громить витрины и поджигать лавки. Она шептала: «Во всем виноваты индусы!»

И не только она.

Предлагая «не говорить» с разъяренными соплеменниками, Халид вовсе не имел в виду «не вмешиваться». С экономической точки зрения было выгоднее направить ярость толпы за пределы родной территории, а потому десятки канторщиков призывали людей идти на Кришну. На перекрестках появились грузовики с оружием. На стенах появились свежие надписи: «Кашмир!». Запустили слухи, что СБА подтвердила факт отравления продукции фабрики. Нашлись люди, которые видели индусов неподалеку от пищевых производств…

Примерно через три часа после вспышки отравлений на границе между Аравией и Кришной раздались первые выстрелы.

* * *

анклав: Москва

территория: Сити

«Пирамидом»

грамотное планирование еще никому не мешало

Машинисты СБА обеспечили связь с «балалайкой» командира патруля, и теперь настенный экран коммуникатора показывал то, что видел капитан: затянутые дымом улицы, несколько горящих

витрин и одинокие фигуры бунтовщиков, перебегающих от подъезда к подъезду, от мобиля к мобилю. Иногда слышались выстрелы, и тогда картинка резко ныряла вниз, демонстрируя присутствующим тыльную сторону борта бронетранспортера и грязные ботинки капитана.

– В нас пока не стреляют, но, думаю, это временно. – Несмотря на обстоятельства, без говорил спокойно и твердо. – Толпа остановилась ниже по улице, узнали, что мы подогнали бронетранспортер, и решают, что делать.

– Есть вероятность, что они пойдут в атаку? – осведомился Мертвый.

– Не сомневаюсь в этом, господин директор.

– Сколько у вас людей?

– Два взвода.

– Почему так мало?

Капитан замялся.

– Есть потери, господин директор. Восемь раненых и трое убитых. Утрачена связь с двумя мобильными группами.

– Сколько человек пропало?

– Двенадцать, господин директор.

У Мертвого заходили желваки.

Кауфман заслуженно считался человеком жестким, способным без колебаний отправить любого из подчиненных на смерть. Он не искал жалости и снисхождения, но и сам не был мягким. При этом все соглашались с тем, что Мертвый никогда не рискует понапрасну. Если требовалось отправить безов в горящий тоннель, значит, это действительно требовалось, значит, от этого самоубийственного броска зависели чьи-то жизни. И безы шли. В огонь, в воду, под пули шли. Не сомневались.

А вот неоправданные потери приводили Кауфмана в бешенство.

– Как долго вы сможете удерживать Загородное шоссе?

– Если не будет серьезного штурма – примерно час.

А если пойдет толпа, то два взвода безов она снесет, не заметив.

– Продержитесь, – попросил Мертвый. – Продержитесь, капитан. Подкрепление придет в самое ближайшее время. Помните, беспорядки не должны перекинуться на Болото.

– Я постараюсь, господин директор. Можете на меня рассчитывать.

Капитан знал, что проявленный героизм Кауфман не забудет и о карьере можно не беспокоиться. Если, конечно, останешься в живых.

Мертвый отключил коммуникатор и холодно посмотрел на

Слоновски:

– Доклад.

Грег буквально выпрыгнул из кресла и стремительно подошел к висящему на стене монитору. Картинка на экране сменилась: вместо вида аравийских улиц на нем возникла карта Анклава.

– Массовые беспорядки прокатились по всей Аравии, но характер выступлений неодинаков. Поскольку подавляющее большинство пострадавших проживало в северных районах, здесь и начался настоящий бунт: толпы на улицах, погромы, уличные бои. Южная половина пока ограничивается сборищами и воплями.

– Там работают провокаторы?

– Стараются работать, – уточнил Слоновски. – Мои люди, находящиеся в Аравии под прикрытием, уже устранили около двух десятков пропагандистов. Пока работаем без сбоев, ликвидации прошли тихо.

Горлопан, активно ораторствующий перед толпой соплеменников, сразу же попадал на заметку к рассеянным по территории оперативникам, и стоило ему хотя бы на мгновение оказаться в одиночестве: свернуть за угол, отойти в туалет, сесть в лифт, как рядом сразу же появлялся неприметный человек с пистолетом или ножом. Работали сотрудники отдела прямых переговоров профессионально, тела старались прятать или вывозить, чтобы не обижать аборигенов и не давать им новых поводов для возмущения.

– Живым кого-нибудь взяли?

– Двух первых. В их показаниях не было ничего интересного: шестерки, отрабатывающие приличный гонорар, пришедший с анонимного счета.

Убедившись, что на улицах работают мелкие сошки, оперативники Слоновски начали их попросту истреблять.

– Агитация в наших интересах ведется?

– Все духовные лидеры Аравии призывают людей успокоиться и разойтись по домам. К сожалению, на севере к ним мало кто прислушивается.

Мертвый недовольно засопел, но сдержался:

– Чем отравили людей?

– Анализы еще не закончены, шеф. Предварительный вывод: в пищу добавили производную одной старой биологической разработки. Облегченная версия боевого препарата. К сожалению, у нас нет возможности поработать непосредственно на фабрике, она разрушена, но вскрытие тел показало…

– Все! Я понял. – Кауфман побарабанил пальцами по столешнице. – Пожар гасить тебе, Слоновски, план есть?

Грег не мог возглавить подавление мятежа официально – не по чину. Командовать будет Сергей Зарубин, начальник Управления общественной безопасности, но именно Слоновски разработал план операции, и ему предстояло контролировать ее выполнение.

На карте Москвы появились значки, изображающие подразделения СБА.

– Поскольку между Аравией и Кришной уже начались бои, я предлагаю не заниматься их прекращением. Побережем силы. Главная задача: не дать конфликту выйти за пределы этих территорий, соответственно… – Слоновски взялся за указку. – Аравийцы могут вырваться на Болото по трем направлениям: Загородное шоссе, Варшавское шоссе и набережная. Наибольшее опасение вызывает Загородное шоссе, но в течение тридцати минут на помощь нашим подойдет тяжелая техника. Уверен, мы сможем создать хорошую затычку.

– Китайцы сказали, что не потерпят чужаков на своей территории, – буркнул Кауфман. – Триада подтянула бойцов на границу с Аравией, но поднебесники поклялись, что будут только защищаться.

– Таким образом, за этот фланг мы можем быть спокойны, – повеселел Грег. – К тому же там Южный Рукав, через который аравийцы вряд ли пойдут.

Загрязненные, переполненные отходами территории, которые в Москве называли Рукавами, пользовались дурной репутацией. Все знали, что большинство историй о мутантах и потекших контейнерах с бактериологическим оружием, которые рассказывали о Рукавах, – выдумка, но все равно старались лишний раз на них не забредать.

– Что с Занзибаром?

Еще одна не очень спокойная территория, заселенная выходцами из Америк и Африки, примыкала к южным районам бунтующей зоны. Лидеры Католического Вуду плотно контролировали своих подданных, однако аравийские события могли подтолкнуть негров к активным выступлениям.

– У меня есть мысли на их счет, – спокойно ответил Слоновски.

– Хорошо, – кивнул Кауфман. – Оставим негров. Гораздо больше меня интересует, как ты собираешься разбираться с арабами.

– В первую очередь надо отсечь буйных, – произнес Грег, и указка вновь скользнула по экрану. – Балаклава делит Аравию на две части, выведем на проспект тяжелую технику, выставим блокпосты, а потом развернемся на север и пойдем брать под

контроль горящие районы.

– Южан разозлить не боишься?

– Риск есть, – признал Слоновски. – Но если мы выведем на Балаклаву действительно мощную группировку, ее вид успокоит арабов. В Аравии живут вменяемые люди, это не Урус. Здесь демонстрация поможет.

Кауфман понял, что имел в виду Грег. Случись заварушка в диком Урусе, Слоновски ни за что не предложил бы отправить безов в самый центр восставшей территории – все бы закончилось бойней, причем не в пользу СБА. Но Аравия район цивилизованный, здесь бунтуют редко, у большинства жителей есть работа и дети, будущее которых им небезразлично, и вид тяжелой техники, скорее всего, их успокоит.

– До тех пор пока это будет возможно, старайся обойтись без крови, – нехотя приказал Мертвый.

Потеря пятнадцати человек вывела Кауфмана из себя, и если бы директора не сковывала необходимость учитывать фактор Моратти, Слоновски получил бы куда более жестокий приказ.

– Мы должны показать, что даже в чрезвычайных обстоятельствах безы действуют предельно корректно.

– Понял.

– И направь спасательные команды на поиски наших ребят!

– Конечно, шеф! – Грег кивнул и вышел из кабинета.

Пару мгновений Кауфман задумчиво разглядывал карту Анклава, а затем посмотрел на скромно сидящего у стены Мишеньку:

– Отравление фабрики – сильный ход. Приятно иметь дело с решительными людьми.

– Профессионал, – скупо похвалил противника Щеглов. – Думаю, это работа Дрогаса, лучшего специалиста у Моратти нет.

– И он же займется покушением?

– Сомневаюсь. – Мишенька снял очки, вытащил из кармана пиджака платок и принялся неспешно протирать стекла. – Одновременно вести столь сложные проекты тяжело и опасно. Стефан профессионал, он бы не стал рисковать.

– Значит, есть еще одна группа?

– Да.

– О которой мы ничего не знаем.

– Я работаю над этим, доктор Кауфман. – Щеглов вернул очки на место и невозмутимо улыбнулся. – Я уже понял, где они нанесут удар. Там, на месте, и вычислим группу.

– Не забывай, что речь идет о покушении на меня, – хмуро напомнил Мертвый.

– Данное обстоятельство заставляет меня быть предельно

собранным.

Директор филиала хмыкнул и беззлобно велел:

– Хватит упражняться в остроумии.

– Извините, доктор Кауфман.

Мертвый свел перед собой укрытые черными перчатками руки и переплел пальцы.

– Мишенька, тебе придется отвлечься на аравийские события.

– Как скажете, доктор Кауфман.

– Во-первых, нужно подготовить результаты расследования на фабрике № 4.

Щеглов невозмутимо кивнул. Он не стал напоминать шефу, что подозрительное производство сгорело дотла. Если надо найти доказательства, значит, он их найдет.

– Мы не знаем, как будут развиваться события, – пояснил свою мысль Мертвый, – поэтому следует приготовить принципиально разные результаты расследования. Первый: найти виновных на стороне, из другого Анклава или вообще из государства.

– Может, каких-нибудь террористов? – осведомился Мишенька. – Антиглобалистов, антифашистов, религиозных фанатиков? Выбор есть.

– Как вариант – сойдет, – согласился Кауфман. – Но если в отравлении фабрики окажутся виноватыми террористы, то следует позаботиться о том, чтобы это были не самые известные из них. Что-нибудь скромное, малозаметное… но, безусловно, гордое. В общем, не усложнять.

– О террористах должны забыть через пару дней, – понял задачу Щеглов.

– Совершенно верно.

– Сделаем.

И Мишенька, и Максимилиан не сомневались, что для атаки на фабрику Дрогас нанял кого-то из местных. Канторщиков или придурков из радикальных организаций – Анклавы принципиально аполитичны, но объединений различного толка в них достаточно. Вот только объявлять об этом населению безам не хотелось: лишние сложности в непростых внутрианклавных взаимоотношениях ни к чему. Проще назначить виноватыми иностранцев.

– Я подберу подходящие кандидатуры.

– Второй вариант: найди какую-нибудь техническую неисправность, или сбой в работе компьютера, или испорченное сырье… ну, не знаю… Короче, докажи, что эта чертова отрава попала в продукты на этапе производства абсолютно случайно.

– Случайно?

– Никакого злого умысла.

– Понял. – Мишенька почесал кончик носа и поинтересовался: – А если получится так, что я найду настоящих виновников происшедшего?

– А ты не находи, – пробурчал Кауфман.

– А если они сами объявятся?

– Не задавай глупых вопросов, – со вздохом попросил Мертвый. – Если найдешь настоящих виновников, то сообщишь Слоновски, и он все уладит. Мне эти идиоты не нужны.

Щеглов молча кивнул.

– Но прежде чем это сделаешь, тебе придется еще кое с кем поговорить…

* * *

анклав: Москва

территория: Болото

доходный дом Оглыева

мир открывается внимательным и наблюдательным

Поговорив с Грязновым, Илья не стал возвращаться к Корнелиусу – бессмысленно, раз гонка запланирована на эту ночь. Выйдя из особняка, Дементьев завернул в ближайшее бистро, плотно поужинал, прикупил сигаретку с марихуаной и литр холодного кофе, после чего вернулся в дом Оглыева, включил «раллер» и раскурил косяк.

Илья не был наркоманом в том смысле, который вкладывают в это слово обычные люди. У него не сформировалась зависимость ни от травки, ни даже от «синдина», частенько применяемого в «прошлой жизни», – крепкий молодой организм справлялся с отравой, тем более что Дементьев старался ею не злоупотреблять. Сигарета потребовалась Илье, чтобы погасить возбуждение, всегда охватывающее молодого человека перед сложными или интересными взломами. Путешествие по миру Цифры захватывало Илью, заставляло дрожать от предвкушения красивой игры со сложными функциями, трепетать от азарта, рассчитывая алгоритмы и составляя запрещенные программы. Дрожать, трепетать, возбуждаться… Но в холодном мире Цифры

эмоции могли привести к непоправимой ошибке, к поражению, потому Дементьеву приходилось перед работой сбрасывать накопившееся напряжение.

Отдав должное сигарете, Илья лениво пробежал по клавиатуре пальцами правой руки, связал «раллер» с «балалайкой», скачал из чипа запись разговора с Грязновым и вызвал на экран последние кадры, те, на которых антиквар снимал халат. Дементьев стоял в нескольких метрах от Грязнова, освещение в кабинете не было ярким, обнаженную руку антиквара молодой человек видел мельком, но этих мгновений хватило, чтобы обратить внимание на странные шрамы, украшавшие плечо Кирилла. Не будь у Дементьева свободного времени, он, скорее всего, выбросил бы увиденное из головы, но Илье предстояло провести несколько часов в ожидании. Готовиться к занятиям в Университете не хотелось, так же как и болтаться по сети, и небольшая шарада, подброшенная Грязновым, пришлась кстати.

Илья выбрал кадр наилучшего качества, увеличил плечо антиквара до максимума и внимательно разглядел два старых шрама. Маленькие участки поврежденной кожи… Пулевые ранения? Сначала Дементьев подумал именно так, но, рассмотрев шрамы получше, понял, что ошибся – не похоже. Порезы? Вряд ли… Ожоги? Минут двадцать расслабленный Илья неспешно перебирал варианты, фантазировал и размышлял, где и при каких обстоятельствах Грязнов мог обзавестись столь странными украшениями. Не придумав ничего подходящего, молодой человек отправил файл приятелю – первокурснику медицинского факультета, а сам принялся за кофе.

Вызов от будущего хирурга пришел через четверть часа.

– Тебе повезло, что я как раз сижу в библиотеке, – ворчливо начал медик.

– Мне повезло, что ты не пьяный, – пошутил Дементьев.

– С тебя бутылка, – немедленно нашелся приятель. – Вопросик, знаешь ли, с подвохом. Пришлось повозиться.

– Пятнадцать минут?

– Мое время дорого! – Медик рассмеялся. – Короче, Илья, откуда у тебя эта фотография?

– Э-э… – Дементьев понял, что со шрамами что-то не так, и лихорадочно прокрутил в голове возможные варианты ответа: – Ты ведь знаешь, что я сирота…

– Угу.

– Роюсь в архивах, пытаюсь найти хоть какие-то сведения о родителях… и наткнулся на этот файл. Стало интересно… – Илья помолчал. – Что это за шрамы?

– Я только что разглядывал такие же в истории медицины, – ответил будущий хирург. – Это шрамы от прививок.

– От чего?

– От прививок. Очень старая технология, которую использовали лет сто назад. Нынешние уколы такого эффекта не дают…

Медик продолжил рассказ о старых, «варварских» способах прививок от оспы и других болезней, но Илья его не слышал. Он уставился на фотографию Кирилла Грязнова и едва слышно прошептал:

– Сто лет? Сто лет?

* * *

анклав: Москва

территория: Царское Село

жилой комплекс «Девять Башен»

истина в людях – не в Цифре

Потратить время на сон? Отдохнуть, ожидая звонка Эмиры Го? Возможно, окажись на месте Урзака обычный человек, он бы поступил именно так. Но Бануму не требовалось много времени на отдых. Хорошая еда, контрастный душ, двадцатиминутная медитация, и Хасим полностью восстановил потраченные силы. А двух часов сна в сутки ему вполне хватало для нормального самочувствия. Поэтому, закончив изучение личных дел первокурсниц, Урзак оделся и направился в западную часть Москвы, где проживали четыре из пяти подозрительных девушек.

Как и любая корпоративная территория, Царское Село разительно отличалось от других районов Анклава, даже от столь цивилизованных, как Аравия. Улицы Царского Села убирали каждый день, владельцы магазинов и лавок следили за чистотой витрин и фасадов, повсюду клумбы и аккуратно подстриженные газоны, а включающиеся с наступлением темноты фонари наполняли территорию жизнерадостным светом. Не зазывающе-крикливым, как на Болоте, не угрожающим полумраком, как в Урусе, не скудным, экономным, как в Шанхайчике, а именно

жизнерадостным, располагающим к неспешным вечерним прогулкам после удачного трудового дня. В парках и уличных кафе полно людей. Много улыбок, много детей. Очереди к аттракционам, шумят дискотеки, повсюду голоса, гул толпы, но скопление людей не вызывает раздражения. Настрой не тот. Да, нас много, мы толкаемся, натыкаемся друг на друга, с трудом находим свободный столик, но такова жизнь.

Безы в глаза не бросаются, но их тоже много. Синие мобили проезжают по улицам едва ли не каждые десять минут, в парках всадники, на перекрестках патрульные. Присматривают. Охраняют.

Разумеется, большинство улиц в Царском Селе были многоэтажными: что делать, в современном мегаполисе даже богатым не хватает места, но строили их продуманно, мостовые не нависали одна над другой, и даже с первого уровня можно было увидеть солнце. И не бояться, что кто-то опорожнит из окна мусорное ведро. А самые дорогие районы территории застраивались двух-трехэтажными особняками – особые зоны для верхолазов. Кованые ограды, декоративные деревья, вертолетные площадки и даже гольф-клуб, настоящий, занимающий такую площадь, на которой в Шанхайчике проживало около полумиллиона человек. Впрочем, путь Урзака лежал в другом направлении, не на вершину вершин, а в один из обычных районов Царского Села, заселенный богатеями рангом пониже.

Дом, в котором обитало семейство Форман, располагался в северной части территории, на Лодочной улице. Тридцатиэтажная высотка, окруженная густым сквером, стояла почти у самого водохранилища, чуть в стороне от мостовых, а компанию ей составляли еще восемь таких же домов. Комплекс «Девять Башен», группа кондоминиумов для каперов «почти высокого уровня».

– Хороший район, – вздохнул таксист.

– Неплохой, – согласился Урзак.

Он расплатился, вышел из мобиля и закурил, дожидаясь, пока такси не исчезнет из поля зрения. Затем подошел к калитке ограды и приложил к считывающему устройству жетон СБА. Светодиод на приборчике моргнул зеленым, с тихим шуршанием заработали электромоторы, и калитка открылась – безы имели право доступа практически в любое здание на территории Царского Села. Но не в квартиры: в частное помещение сотрудники СБА могли войти исключительно с согласия хозяев.

Консьерж отсутствовал. Незачем тратить деньги, если по улице без конца проезжает патрульный мобиль. Дополнительная охрана – для верхолазов, каперы попроще довольствовались

общественной безопасностью, которая в Царском Селе была на высоте.

Урзак поднялся на нужный этаж и позвонил в квартиру.

– Кто там?

Голос женский, настороженный: обычно гости сообщают о себе от калитки, а не оказываются под самой дверью. И палец хозяйки дома наверняка дрожит возле тревожной кнопки.

– СБА, – веско произнес Урзак, демонстрируя жетон в объектив камеры. – Мне нужно с вами поговорить.

– О чем? – поинтересовалась женщина.

– О вашей дочери.

– Ее нет дома.

Это Банум знал: судя по записям в базе данных Университета, Сандра предпочитала жить в кампусе. А еще Хасиму было известно, что муж хозяйки, Аарон Форман, пребывает в краткосрочной командировке во Франкфурте. Видимо, именно этим обстоятельством и объяснялась нервозность женщины.

– Сандры нет дома.

«Хорошо, что она не видит трость. Иначе ни за что бы не поверила, что я – без».

– Так даже лучше, госпожа Форман. Я бы не хотел, чтобы девушка присутствовала при нашем разговоре.

Хозяйка квартиры задумалась:

– Что она натворила?

– Пока ничего. К счастью. И, я надеюсь, ничего не натворит. Если мы сможем ей помочь.

Урзак умел быть очень убедительным. Госпожа Форман вздохнула и приняла решение:

– Повернитесь, пожалуйста, затылком.

– Пожалуйста.

Банум с готовностью исполнил приказ, развернул голову так, чтобы встроенный в камеру сканер считал метку СБА с его «балалайки».

– Все в порядке?

– Да, проходите.

Дверь распахнулась.

Сначала ты видишь фигуру человека, его лицо, одежду. Ты способен различить цвет волос, форму носа и губ. Ты чувствуешь запах его тела и уникальный тембр голоса.

Ты видишь человека.

А потом остаются только глаза. Не взгляд – глаза. Черные точечки зрачков, окруженные цветной мозаикой. Самая короткая дорога в чужую душу.

Ты растворяешься в них без остатка. Ныряешь с головой, подобно подводной лодке, уходящей от глубинных бомб, и так же, как эта лодка, точно знаешь, что должен делать. Но не сразу, нет. Сначала будет холод и иглы разбитых зеркал. Радужная оболочка превращается в калейдоскоп и увлекает тебя на танец, засасывает, пытаясь разорвать на куски и вышвырнуть наружу. Пытаясь отбиться от незваного гостя. Но ты умеешь притворяться своим. Частички тебя, разорванного, смешиваются с мозаикой чужих глаз. Ты меняешь цвет, согреваешься и плывешь в медленном вальсе, убивая хаос враждебного танца. Чужая душа откликается на твою музыку, мрак, прячущийся за зеркалами глаз, исчезает, и перед тобой появляется дорога.

Ты – подводная лодка, совершившая ловкий маневр и сумевшая оказаться под килем неприятельского корабля. Глубинные бомбы упали на дно, не причинив вреда, а ты скоро нанесешь разящий удар.

Ты снова победил.

Урзак поправил галстук и посмотрел на спящую на диване женщину.

Пустышка.

Элен Форман действительно рожала свою дочь Сандру и даже выкормила ее грудью – большая редкость в современном мире. Память женщины хранила тысячи подробностей из жизни девушки, начиная с ее появления на свет и до нынешнего дня. Настоящая память, не «балалаечная». Банум знал, что ее тоже можно изменить, наполнить выдуманной информацией, заставить человека искренне верить в то, чего никогда не было, однако проверка показала, что в голове Элен никто не копался. Ошибка исключалась: Сандра Форман та, за кого себя выдает.

Что ж, никто не обещал, что первое же посещение станет удачным.

Женщина перевернулась на другой бок и что-то невнятно пробормотала. Затем всхлипнула. Снова заворочалась и уткнулась лицом в подушку. Ей снились кошмары – вторжение в душу никогда не проходит бесследно. Однако, когда Элен проснется, она ничего не вспомнит. Совсем ничего. Ни содержания кошмаров, ни визита Банума. Ничего. Зато ей гарантирована головная боль в течение трех часов после пробуждения. Тупая, ноющая боль, которую не снимут никакие таблетки.

Хасим подумал, достал из бара бутылку любимого вина Элен, вскрыл, вылил почти все содержимое в раковину на кухне, чуть-чуть плеснул в бокал, вернулся в гостиную и поставил бутылку с

бокалом на столик у дивана. Это объяснит причину головной боли.

– Доброй ночи, Элен!

Оставив свет включенным, Урзак вышел в коридор, потянулся к дверному замку, и в этот момент подал голос коммуникатор.

– Слушаю.

– Это я.

Эмира Го. Голос грустный, чувствуется напряжение и… злость. Что вполне объяснимо: офицера ОКР не каждый день прижимают к стене.

– Я вас узнал.

– Мы можем встретиться?

– Для чего? Расскажите все, что знаете, прямо сейчас и больше никогда меня не увидите.

– Нужны гарантии, – угрюмо ответила Эмира. – Придется убедить меня, что вам можно доверять.

– Хорошо, – улыбнулся Урзак. – Куда я должен подъехать?

Закончив разговор, Банум вернул коммуникатор в карман и задумчиво почесал подбородок.

Его умение читать людей плохо работало во время удаленных разговоров. Голос изрядно изменен цифровой обработкой, глаз не видно, жестов не видно, остаются только слова… А слова врут. И в результате неясно, насколько честна капитан Го? Поняла ли, что проиграла, или попытается вырваться из плотных и совсем не дружеских объятий? Впрочем, Урзак был готов к любому развитию событий, знал, что справится с чем угодно, и, что бы ни решила Эмира, ей не уйти.

Если только…

Могла ли капитан Го найти настоящих союзников? Есть ли у нее выход на Чудовище? Не получилось ли так, что она от отчаяния обратилась за помощью к тем, за кем должна присматривать? К людям, оберегающим Петру? И если Чудовище действительно заинтересовано в девчонке, то на встречу с Банумом могут прийти весьма серьезные противники.

Погруженный в размышления, Хасим вышел в коридор, захлопнул дверь квартиры и медленно направился к лифту. Но дороги он не видел. Перед его глазами вставали образы замеченных слуг Чудовища: здоровяка из Аравии и пилота-сверхзвуковика. Уверенные в себе, молодые, сильные.

И далеко не самые опасные…

* * *

анклав: Москва

территория: Урус

ресторан «Шашлычок Сююкишвили»

иногда следует напомнить, кто в доме хозяин

– Будем на месте через семь минут, – доложил водитель.

– Хорошо, – рассеянно кивнул Щеглов. – Мы должны немного опоздать.

Он сидел на заднем диванчике бронированного ГАЗа «Тайга» и просматривал поступающие в «балалайку» отчеты. Информация отображалась на глазном наноэкране, а потому взгляд Мишеньки казался остекленевшим.

«23:17. Аравийцам удалось прорваться к Новочеремушкинской и закрепиться на ней. Многочисленные жертвы среди мирного населения Кришны…»

«23:21. Большая группа аравийцев попала в организованную индусами засаду. На Перекопской идет ожесточенная перестрелка…»

– С дирижабля сообщают, что на место встречи прибыл последний объект. Все в сборе. Ждут нас.

– Замечательно. – Мишенька посмотрел на часы: урусские бандиты, на переговоры с которыми он ехал, собрались на двенадцать минут раньше назначенного времени. Хороший признак. – Не торопись.

– Понял.

Водитель переговорил с коллегами из других машин, кортеж сбросил скорость, и теперь машины не летели по улицам, а просто быстро ехали. Но неприязненных взглядов, которыми провожали автомобили безов жители Уруса, меньше не стало. Четыре бронированных джипа, вертолет огневой поддержки сверху, завывание сирен, механический голос, безапелляционно требующий от обычных водителей убраться с пути, – кому понравится такое хамство? Никому. Собственно, Щеглова и самого раздражала чрезмерная пышность кортежа, но делать нечего – появиться на встрече без театрального сопровождения он не мог. Причем наличие свиты не обуславливалось мерами безопасности. Шесть безов в «саранче», конечно, сила, да и «Пчела», случись чего, прикроет, вот только в глубине враждебной территории это не имело никакого значения:

продержаться до подхода помощи не получится. Кортеж и внушительная свита требовались исключительно из вежливости, лидеры Уруса смотрели на мир особым, дикарским взглядом и воспринимали подобную показуху как проявление уважения.

События в Аравии заставили оживиться все территории Анклава. О беспорядках без конца говорили в новостных и аналитических программах, их обсуждали на улицах и на работе, в кругу друзей и со случайными попутчиками в метро. Головорезы и считающие себя таковыми направлялись в Аравию или планировали этот шаг. Честные граждане прикидывали, как будут защищать дома и лавки в случае, если чума стихийного бунта перекинется на их улицы. Одним словом, Анклав гудел, подобно растревоженному улью.

Кровь и огонь – сильные возбудители, их запах способен затуманить любую голову, и Мертвый делал все, чтобы удержать конфликт от распространения.

С Шанхайчиком, населенным выходцами из Китая, было проще всего. Власть на этой территории находилась в крепких и цепких руках Триады, лидеры которой предпочитали с СБА не ссориться. Не очень длинный разговор между Кауфманом и господином Пу, наполненный не столько деловыми подробностями, сколько вежливыми оборотами да цветистой восточной лестью, привел к тому, что Мертвый выбросил Шанхайчик из головы. Господин Пу пообещал, что его сородичи поведут себя тихо, а на слово лидера Триады можно было полагаться.

Негры требовали большего внимания. В исповедующем Католическое Вуду Занзибаре к соседям-мусульманам относились без восторга и с радостью бы приняли участие в резне. К тому же их духовные лидеры, блистательные монсеньеры, не вызывали никакого доверия в качестве переговорщиков. Высокомерные колдуны-священники не держали слова, а потому пришлось прибегнуть к демонстрации силы. На основных магистралях, ведущих в Занзибар, выставили блокпосты, усиленные тяжелой техникой, а в небе над территорией постоянно барражировали два вертолета огневой поддержки. К счастью, в курчавых головах занзибарцев еще жили воспоминания о седьмом квартале, который Мертвый подверг показательному сносу два года назад, и о трех тысячах трупов, ставших результатом той строительной акции, и память эта позволяла безам надеяться, что негры удержатся от волнений.

Территория Сашими в очередной раз подтвердила репутацию самого спокойного района Анклава. Самураи отнеслись к бунту с

холодной отстраненностью, впрочем, с тех пор, как острова стали Восточной провинцией Поднебесной, восприятие окружающего у японцев притупилось.

Болото угрожающе булькало, но, так же как и в случае с Шанхайчиком, его лидеров больше заботила безопасность собственной территории, нежели возможность погреть руки на огне бунта.

А вот с Урусом было сложнее. На этой территории, готовой вспыхнуть по любому поводу, а то и без оного, аравийские события восприняли с большим энтузиазмом. Агрессивные настроения подогревал тот факт, что пострадали мусульмане, и вскоре после известия о массовых отравлениях по всему Урусу начали собираться возмущенные толпы. Дальше призывов и воплей дело пока не заходило: небольшое количество канторщиков и банды черенков, отправившиеся поддержать братьев по вере по собственной инициативе, не в счет: в любом обществе есть сорвиголовы. Главное, что основная масса молчала. Но насколько хватит благоразумия? Не окажется ли это молчание затишьем перед бурей? Мертвый и без аналитиков понимал, что территория – пороховая бочка. Удержать ее демонстрацией силы нереально, такие шаги действовали на горячих урусских парней, как красная тряпка на быка. Приходилось договариваться.

Местом встречи Мишенька определил кабачок «Шашлычок Сююкишвили», небольшой ресторанчик на Омарском проспекте, хозяин которого славился на весь Урус лакейской угодливостью. Заведение вплотную примыкало к недавно разгромленной базе Звиада Зузинидзе, и в выборе Щеглова содержался легкий намек канторщикам, напоминание о том, на что способна СБА, если разозлить Кауфмана. Мрачные физиономии бандитов показали, что скрытое послание Мишеньки до них дошло.

Появление Щеглова лидеры Уруса также оценили по достоинству: субтильного сложения без вошел в зал в сопровождении двух бойцов в «саранче», заставив урусцев вести переговоры под дулами «ревунов».

Впрочем, тон Мишенька выбрал весьма и весьма вежливый:

– Господа, доктор Кауфман просил передать, что высоко ценит вашу готовность к сотрудничеству. Анклав оказался в сложном положении…

– Может, это Мертвый оказался в положении? – перебил Щеглова Оле Махинатор, мелкий и туповатый канторщик, яркий представитель отмороженного крыла урусского криминального мира. – С него верхолазы за бардак спросят, а не с нас!

Мишенька тонко улыбнулся.

Он понимал, что остальные уголовники, а в ресторан прибыли главы всех урусских кантор, спешить не станут. Надо говорить с тем, кто открыл рот.

– Вы правы, уважаемый Оле: спросят с доктора Кауфмана. Но спросят потом, когда все закончится, а до этого момента еще предстоит дожить.

– Ты мне угрожаешь? – осведомился Махинатор, но развивать свою мысль не стал, покосился на Нурсултана Тагиева, наиболее авторитетного деятеля Уруса.

– Я пытаюсь сказать, что сейчас, хотите вы того или нет, мы плывем в одной лодке, – спокойно ответил Мишенька. – По крайней мере, доктор Кауфман рассматривает наши взаимоотношения именно в этом ключе. И если кто-то будет мешать грести…

– Не стоит продолжать, – мягко произнес Тагиев. – Поверь, мы достаточно изучили твоего шефа и знаем, чего от него можно ждать. Но и ты должен понять: в Аравии живут братья по вере. Люди возмущены, и гарантировать мы ничего не можем. Народ недоволен.

– Народ всегда недоволен, – пожал плечами Мишенька.

Нурсултан обратился к нему недостаточно уважительно, не назвал по имени, но Щеглов решил, что не следует заострять внимание на такой ерунде. Пока не следует. А вот простоватый Махинатор воспринял такое обращение Тагиева как знак и вновь возбудился:

– Народ недоволен? Запомни, без, ты про тварей из Кришны будешь так говорить, понял? И о косоглазых будешь так говорить! И о черных! А за наших братьев базарь с уважением!

Мишенька кивнул и деликатно улыбнулся.

– Сколько мы вам говорили, чтобы вы этих уродов из Кришны держали в узде?! – никак не успокаивался Оле. – Сколько говорили? Сколько? И что? А теперь поздно! Наши братья умирают десятками! Сотнями умирают…

– Мы узнаем, кто отравил фабрику, – спокойно произнес Мишенька, в упор глядя на Тагиева. – И накажем.

– Следов не осталось.

– Мы узнаем, – уверенно повторил Щеглов. – Вы умный человек, Нурсултан, вы понимаете, что беспорядки, пусть даже крупные, но ограниченные одной-двумя территориями, не способны доставить хлопоты. Мы удержим ситуацию и обойдемся без лишних жертв. Но если начнутся серьезные проблемы, в Анклаве будет введено военное положение. Тогда пощады не ждите.

– Думай, что говоришь, – очень тихо попросил Тагиев.

Но именно попросил.

Мишенька отхлебнул чаю из пиалы. Помолчал.

– Вы знаете наши принципы, Нурсултан, доктор Кауфман относится к криминальным организациям как к неизбежному злу, искоренить которое невозможно. Сложившаяся в Анклаве система нас более-менее устраивает. Территории поделены, войны вспыхивают редко, население в целом довольно, жизнь течет тихо и скучно. Однако участие в массовых волнениях, подобных нынешним… или бездействие… мы ведь знаем, насколько велик ваш авторитет среди простых людей… Так вот, участие или бездействие покажут нам, что та или иная кантора не удовлетворена порядком, установившимся в Анклаве. Подчеркиваю: не своим местом в упомянутом порядке, а именно самим порядком, а также людьми, которые… ничего не имеют против него. Как вы думаете, долго мы будем терпеть подобных бузотеров?

Заявление уже доводилось до сведения канторщиков, пришло время освежить их память.

Мертвый действительно был терпелив, полагая, что лучше сохранить статус-кво, чем искать себе лишнюю головную боль в виде нового витка гангстерских войн, которые обязательно вызовут недовольство общества. Однако, если Кауфман решал, что какие-то бандиты зарвались, кантора переставала существовать. Зарваться можно было разными способами: вести чересчур агрессивную политику в отношении коллег, постоянно устраивая шумные войны; принять участие в крупном деле, вызвавшем общественный резонанс; или отказаться от оказания помощи СБА. И сейчас Щеглов намекал, что если урусские канторы не согласятся с приказом – фактически с приказом! – Мертвого и не примут всех мер для удержания соплеменников от бунта, Кауфман переведет их в разряд зарвавшихся. Возможно, наказание будет отложено, но укрыться от расправы не удастся – Мертвый злопамятен.

В свою очередь Тагиев и его дружки понимали, что их позиции сильны. Урус беспокоен по определению, Урус пользуется дурной репутацией, в Урусе едва ли ни каждый мужчина вооружен и в случае необходимости поддержит родную кантору. Случись столкновение, тяжело придется обеим сторонам, крови будет много, уличные бои затянутся, а пресса завопит как оглашенная. Но Мертвый упрям, его не остановят ни потери, ни приказы из Цюриха, ни крики прессы, ни возмущение общественности. К тому же, если Урус действительно полыхнет, в Цюрихе могут закрыть глаза на действия Кауфмана, и тогда резня получится страшной…

И еще бандиты знали, что крови Мертвый не боится.

И признавали, что сидящий в нем зверь – им не чета. Зверь, прячущийся под маской директора московского филиала СБА, сожрет их и не подавится.

– Что мы скажем людям? – негромко проворчал Тагиев. – Они действительно недовольны.

– В первую очередь заставьте заткнуться агитаторов, – холодно посоветовал Мишенька. – Потом организуйте сбор средств в помощь пострадавшим. Когда люди начинают считать деньги, их не тянет идти на войну.

– Тебе легко говорить… – начал было Махинатор.

– Заткнись, – жестко приказал Нурсултан.

Оле съежился.

Мишенька не изменился в лице, но в душе улыбнулся: все идет как надо, на своих в Урусе цыкали редко, тем более при чужаках.

* * *

анклав: Москва

территория: Болото

мастерская Рустама Лакри

главное – договориться об условиях, а потом хоть в петлю

Было немного за полночь, когда Пэт и Матильда, оставив веселящихся однокурсниц, покинули клуб и подошли к стоянке, на которой их дожидался «Плуто». По дороге девушки практически не разговаривали. Молча получили в гардеробе вещи, молча натянули их, застегнулись, молча вышли на улицу. Темные одежды делали подруг похожими: короткие куртки, брюки, высокие ботинки. Конечно, наметанный взгляд даже в полутьме безошибочно определял, что Пэт облачена в дорогую настоящую кожу, а Мата – в искусственную, но большинство прохожих в такие мелочи не вникали.

Остановившись у мотоцикла, Пэт взяла в руки оба шлема и внимательно посмотрела на подругу:

– Ты уверена, что хочешь поехать со мной?

– А ты уверена, что справишься? – с вызовом отозвалась Мата.

– Трассу, которую я придумала, Карбид не пройдет, – с легкой улыбкой ответила Пэт. – Я уверена.

– А я уверена в том, что еду с тобой!

Матильда потянулась, собираясь вырвать у подруги свой шлем, но Пэт сделала шаг назад.

– Отдай! – насупилась Мата.

– Спасибо, – тихо сказала Пэт.

Матильда опустила глаза и так же тихо ответила:

– Не за что.

Когда пришел вызов на «балалайку», Дементьев, в одежде и обуви, лежал поверх покрывала на кровати и бездумно пялился в потолок. В этой позе он провел несколько последних часов. Иногда курил обычные сигареты, без наркотика. Иногда пил холодный кофе. Пару раз подходил к окну и утыкался лбом в холодное стекло. Но большую часть времени провел на кровати, разглядывая потрескавшуюся побелку потолка.

«Сто лет… Ошибка? Наверное, ошибка…»

Дементьев изо всех сил старался убедить себя в том, что произошло недоразумение. Фотография шрамов нечеткая, приятель неопытен, нашел первое подходящее объяснение и не стал рыть дальше… Да и вообще! Где это видано? Сто лет!

«Может, ему трансплантировали руку? Или кожу? Идиотизм!»

Молодой человек старался отвлечься, но не получалось. Мысли его постоянно возвращались к полученной от медика информации, к загадке, на которую он не мог найти ответ, и вызов от Олово пришел как нельзя кстати. Еще бы чуть-чуть, и измученный размышлениями Дементьев не смог бы даже новостной сайт взломать, не говоря уже о более сложной работе.

– Илья?

– Да.

– В течение часа.

Связь прервалась, но Дементьев понял, что ему сказали. Девчонка отправилась к свамперам. Скоро гонка.

Илья не спеша поднялся с кровати, допил оставшийся в кружке кофе, уселся за стол и вывел «раллер» из ждущего режима.

– Что ж, Карбид, давай посмотрим, как там твоя тачка…

– Отлично!

– Сам вижу! – Карбид внимательно смотрел на экран компьютера, на котором отображалась окрашенная в зеленый цвет схема мотоцикла.

– Все системы работают штатно, – продолжил Рус. – Ходовую

я только вчера смотрел, так что зверюга как новенькая.

– Спасибо, брат. – Карбид провел рукой по бензобаку мотоцикла.

«Красавец!»

И вдруг понял, что в мастерской стало тихо. Гомонящие свамперы умолкли. Ни смеха, ни разговоров. Что-то случилось.

Карбид медленно поднял голову, посмотрел на гостий и растянул губы в улыбке:

– Никак задавака пожаловала?

Байкеры рассмеялись. Но без особого веселья, настороженно, ожидая, чем ответит странная девица. Все помнили слова вожака, все знали его отношение к Пэт и понимали, что на этой встрече решится многое. Оставшуюся у дверей Матильду почти не заметили.

Пэт неторопливо подошла к Карбиду, стянула перчатки и с четко дозированным высокомерием оглядела байкера с ног до головы.

– Привет.

Стоящего за его спиной Руса девушка проигнорировала.

– Решила принять мое предложение?

– Думаю об этом.

– И что надумала?

Девушка сделала еще один шаг и тихо, так, чтобы ее слышал только Карбид, произнесла:

– Хочется?

Ее слова не расслышали, но по изменившемуся лицу вожака байкеры поняли, что нахалка вновь сказала что-то дерзкое. Карбид вспыхнул, сжал кулаки… Но Рус взял его за плечо:

– Не спеши, брат, пусть говорит. Ты свое возьмешь.

– Возьмет, – согласилась Пэт. – Если догонит.

Свамперы не сразу поняли, что имеет в виду девушка. Кого догонит? Кто убегает? От кого? Карбид тоже замешкался, и это позволило Пэт объявить свои условия.

– Слушайте все! – громко, на всю мастерскую, провозгласила девушка. – Вы мешаете мне кататься, потому что считаете себя лучше. Хорошо! Пусть так. Если кто-нибудь из вас докажет, что он круче меня, я приму предложение.

– Какое из них? – подал голос Дрон.

– Разве их было несколько?

– Вдруг тебя обгонит не один из нас, а несколько?

Парни, поняв, куда клонит Дрон, рассмеялись.

– Да, красавица, уточни!

– Что получит победитель?

– Все! – отрезала Пэт. – Включая мой мотоцикл!

– А тебя?

– И меня!

– А ты выдержишь?

– Не тормози, – прошептал Рус. – Ты видишь, куда она клонит? Заведет вагон, устроит свалку и…

– Стоп! – заорал опомнившийся Карбид. – Гоняться будем по правилам, один на один.

Пэт вскинула подбородок:

– Понравилась… идея?

Байкер помолчал, буравя девушку взглядом, затем почесал нос и заставил себя улыбнуться.

– Едем один на один. Ты и я. Если победишь, мы оставляем тебя в покое. Все слышали?! – Он оглядел свамперов. – Если она победит, мы оставляем ее в покое!

Вновь повернулся к девушке:

– А проиграешь – я заберу твой мотоцикл. – Выдержал паузу. – И трахну тебя. И еще пятеро парней трахнут. По жребию.

Рус приятно улыбнулся и бросил взгляд на Матильду, та закусила губу.

– Согласна?

– Есть условия.

– Никаких условий!

Но девушка не обратила на его слова никакого внимания.

– Где мы будем гоняться? – осведомилась она так громко, чтобы ее услышали во всех уголках мастерской.

– По верхнему уровню Третьего кольца. Стандартная дистанция: три километра…

– Нет, милый, – рассмеялась Пэт, – если хочешь меня трахнуть, придется приложить гораздо больше усилий.

– Я не собираюсь менять правила!

– Боишься?

Байкеры вновь загалдели. Они не понимали, чего добивается наглая сучка. Почему ей не нравится состязание в скорости?

– Я ставлю на кон очень много, гораздо больше тебя, а потому имею право выбрать трассу. Или ты соглашаешься, или сдаешься прямо сейчас.

– Что за трасса? – неохотно спросил Карбид.

Пэт достала из кармана коммуникатор и подключила его к настенному монитору. На экране появилась схема Болота.

– Стартуем со второго уровня Маяка…

– Там полно мобилей!

– Тем интереснее. Первый чек-пойнт на Смоленке. Дальше поворот и уходим на набережную. Вторая точка на пересечении с Третьим кольцом. Выходим на его последний уровень, на

четвертый, здесь будет твой любимый скоростной участок, Карбид, можно сказать, финишная прямая. По кольцу гоним до пересечения с Ленинским. Все.

– Верхний уровень недостроен, – тихо проговорил байкер.

– Я знаю, – улыбнулась девушка. – Вот здесь… – ее палец уперся в карту, – разрыв. Тридцать метров. Я согласна, чтобы твои парни установили там трамплин.

– А если я откажусь ставить трамплин?

– Будем прыгать без него.

– А если…

Он не договорил. Понял, что теряет лицо. Замолчал, не спуская глаз с Пэт.

– Я предложила, – жестко произнесла девушка. – Если тебе эта дорога не по зубам, так и скажи.

– Я согласен, – очень уверенно заявил Карбид. – Давай файл с маршрутом.

– Файла нет. – Пэт снова улыбнулась. – Поедем без «балалаек», Карбид. Только ты и я.

В мастерской стало очень тихо.

– Без «балалаек»?

– А трахать меня ты собирался виртуально? Или по-настоящему?

Свамперы неуверенно засмеялись, но тут же притихли под бешеным взглядом вожака.

– Ладно, – угрюмо произнес Карбид. – Поедем без «балалаек».

– Все слышали?! – Пэт обратилась к байкерам. – Условия все помнят?! При всех говорю: я согласна!

Байкеры зашумели.

– Все, сучка, теперь ты моя, – прошипел Карбид.

– Не будь наивным, мальчик, – так же негромко ответила Пэт. – Наслаждайся последними минутами жизни.

– Молодец, девчонка, – одобрил Филя Таратута, внимательно прислушиваясь к происходящему в мастерской. – In pugna non numerus multum, sed fortitude eorum vincit.[6]

– Бешена-ая, – недовольно протянул Олово.

И, высказавшись, покосился на соседний ангар. Не в первый раз покосился, что-то в этом строении смущало маленького слугу, но увлеченный подслушиванием Филя не заметил интереса напарника. Таратута отключился от микрофона, посмотрел на Олово и усмехнулся:

– Ты у нас тоже не самый спокойный.

– Я-а не бешеный. Я-а бы не поеха-ал.

– И чем ты хвастаешься? – Филя включил двигатель мобиля. –

Едем на старт?

– На финиш, – решил Олово. – На-а старте на-ам делать нечего.

– На финиш так на финиш. – Машина медленно покатилась по улице. – Скажи, Олово, почему ты до сих пор не научился водить мобили?

– Omne nimium nocet,[7] – неожиданно ответил маленький слуга.

Таратута поперхнулся:

– Ты откуда это взял?

– Мастер на-аучил, – улыбнулся Олово, гордый тем, что наконец-то использовал давно зазубренную фразу. – Чтобы с тобой говорить.

– Ну, Кирилл, – пробормотал Филя. – Я тебе это припомню…

* * *

анклав: Москва

территория: Аравия

территория: Кришна

тихой осенней ночью слышен шорох каждого опадающего листа

Как и рассчитывал Грег, появление на Балаклаве внушительной группировки СБА не привело к массовым волнениям в южной части Аравии. Точнее, сначала народ заворчал, начали появляться небольшие толпы недовольных, требующих от безов убраться восвояси, кто-то даже ложился на мостовую, пытаясь остановить продвижение техники. Но по мере появления новых подразделений пыл южан угасал.

Тридцать «Буранов», скоростных шестиколесных бронетранспортеров, обтекаемая форма которых делала их похожими на сухопутные вертолеты. Десять тяжелых Т200, танков, являющихся гордостью «Науком». Триста безов в «саранче», сотня в «пингвинах», больше тысячи в обычном снаряжении. Джипы, грузовики, мотоциклы… Оружие на машинах расчехлено и заряжено, куда ни кинь взгляд – орудийные и пулеметные стволы, ракетные установки,

приветливо поблескивающие острыми боеголовками, огнеметы и гранатометы. Помня приказ Мертвого, Слоновски вывел на Балаклаву и «Пугачи» – защищенные титапластовой броней автомобили с водометами, – однако на фоне колоссального для Анклава скопления тяжелой боевой техники их присутствие осталось почти незамеченным. Люди видели то, что хотели видеть, – орудия смерти, и реагировали именно так, как хотелось Грегу.

Для усиления эффекта Слоновски приказал отрезать уличные видеокамеры от общей сети и наложил запрет на доступ журналистов в «зону локализации конфликта». Смысла в этих распоряжениях было немного: любой человек, поставивший в «балалайку» бесплатную программу прямой трансляции, мог подключиться к новостному каналу и качать в эфир все, что видит. Журналисты, разумеется, слетались в Аравию, как мухи на мед, но они могли обойтись без профессионального оборудования, прикинуться обычными зеваками. Однако Грег рассчитывал на психологический эффект распоряжения, и вновь не ошибся. Услышав, что СБА ограничивает поступление информации из охваченных беспорядками районов, люди сделали вывод, что шутить безы не собираются.

Последним же штрихом стало шоу, устроенное на площади Ясира Арафата. Еще до того, как ее заняли подразделения СБА, местные жители соорудили импровизированную баррикаду, перекрыв ведущую на север Азовскую улицу. Сначала безы не обратили на преграду внимания – продвижению по Балаклаве она не мешала. Но после того как проспект оказался в их руках, безы подцепили к «Бурану» стоящий в баррикаде троллейбус со спущенными шинами и выволокли его на центр площади. А затем двое облаченных в «саранчу» безов расстреляли машину из штатных «ревунов». Одиннадцатимиллиметровые снаряды, вылетающие из ствола с частотой две тысячи выстрелов в минуту, заставили несчастный троллейбус взмыть в воздух. Почти сорок секунд безы огнем поддерживали его полет, после чего, не опуская на землю, направили машину к ближайшему дому и обрушили возле стены. Демонстрацию провели лучшие стрелки отдела прямых переговоров, а транслировали шоу практически все ленты новостей.

И всего через десять минут после представления наблюдатели сообщили, что в южной части Аравии исчезли последние вызывающие опасение толпы. Люди поняли нехитрое послание.

– Девятый! Девятый! Паша, доложи обстановку!

Убедившись, что Балаклавская группировка начала продвижение в северные районы Аравии, оттесняя или разоружая встреченных по дороге бунтовщиков, Слоновски пересел в вертолет и направился осматривать самые горячие зоны конфликта. Уличные видеокамеры в районах столкновений практически не действовали: или уничтожены, или отключены, следить за происходящим приходилось с дирижаблей и по старинке, направляя в глубь территории разведчиков, но Грег и без них знал, что увидит.

Дым. Языки пламени из окон. Перебегающих по улицам людей.

Уличное освещение практически отсутствовало, целые кварталы Кришны и Аравии погрузились в кромешную тьму, но для работы наноскопа освещение не требуется. Вниз, на город, Слоновски смотрел нечасто, в основном на экран прибора. Оценивал концентрацию бунтовщиков, ход боевых действий, прикидывал, размышлял. Отметил, что в некоторых районах продолжаются массовые драки без применения огнестрельного оружия, проследил, чтобы «пугачи» в первую очередь направлялись на эти участки. Несколько раз ругнулся, когда пилот неожиданно и резко уводил машину в сторону.

Вертолеты в этом конфликте СБА еще не теряла, но осведомители доложили, что у бунтовщиков есть переносные зенитные комплексы, так что летчики не забывали об осторожности.

В целом Грег остался доволен увиденным. Картина беспорядков соответствовала прогнозам, составленным экспертами СБА, предпринятые шаги давали запланированный результат, и все это позволяло надеяться, что конфликт будет локализован в течение трех-четырех часов. С этого оптимистического заявления Слоновски и начал разговор с Мертвым.

– Уверен?

– Если не случится чего-то экстраординарного, к утру в Анклаве будет тихо.

– Мне не нужны сюрпризы.

– Да, шеф.

– И поменьше трупов, Слоновски, – напомнил Кауфман.

– Слушаюсь.

Но пока на границе территорий продолжались ожесточенные бои. А если быть точнее, то в Кришне. Первый натиск позволил арабам довольно далеко продвинуться на территорию противника, и, хотя опомнившиеся индусы сумели организовать

оборону, вышибить аравийцев им пока не удавалось. В занятых районах шли погромы и грабежи. Некоторые новостные сайты, невзирая на закон об этической цензуре, выкладывали в общий доступ жуткие материалы, и не оставалось сомнений в том, что утром корпорации и общественные организации Анклава поднимут вой. На СБА посыплются шишки, но, с другой стороны, обнародованные подробности заставят общество с пониманием отнестись к применению силы. Даже к чрезмерному.

Политика.

Грег в эти нюансы особо не вникал. У него хватало проблем.

Поговорив с Мертвым, Слоновски облетел бунтующие территории вдоль их границ с Болотом и удостоверился, что выставленные кордоны справляются со своими задачами.

После этого Грег оценил продвижение Балаклавской группировки, обругал для порядка командиров подразделений, но на самом деле остался доволен увиденным. Безы шли быстро и аккуратно. Невосполнимых потерь до сих пор не было, только раненые. В зачищенных районах никаких признаков беспорядков. Одним словом, лучше не придумаешь.

Балаклавский отряд неотвратимо приближался к зоне серьезных боев. Слоновски, выждав некоторое время, приказал заливать горячие кварталы «молоком», и через полчаса первые контейнеры с газом упали на Кришну. Еще час густой белый туман заполнял многоуровневые районы, вползая в каждую щель, каждую квартиру, каждый подвал. И когда передовые отряды балаклавцев вышли к районам боев, о шедших недавно сражениях напоминали лишь изредка вспыхивающие перестрелки: вести полноценные уличные сражения в условиях тумана проблематично.

Начался завершающий этап подавления бунта.

* * *

анклав: Москва

территория: Болото

ночные улицы

ночные забавы

– Чисто! – Дрон посмотрел на экран наноскопа, перешел к «Плуто», и через пару секунд последовал второй вывод: – Чисто.

«Балалайка» Пэт у Матильды, «балалайка» Карбида у Руса. Вшитые в бортовые компьютеры программы безопасной езды отключены. Никаких ограничений, только ездоки, машины и дорога.

– Настоящая гонка, – задумчиво усмехнулся Рус.

– Без правил, – подчеркнул Карбид, хищно глядя на надевающую шлем девушку.

– Убьешь ее? – очень тихо спросил Рус.

– Наверное, да, – после короткой паузы ответил лидер байкеров. – Она заслужила.

Лакри молча кивнул.

– Последний раз напоминаю условия! – громко объявил Дрон. – Пэт стартует на десять секунд раньше Карбида. Это ее единственное преимущество. Изменять маршрут запрещено. Бортовые компьютеры будут писать путь, и тот из гонщиков, кто отклонится от трассы, будет признан проигравшим! Все ясно?!

Свамперы ответили нестройными криками. Гонщики промолчали.

– Приготовиться к старту!

Двигатели мотоциклов взревели.

– Началось, – услышал Дементьев бесстрастный голос.

– Я знаю.

Илья открыл на экране «раллера» несколько окон: текущее состояние систем мотоцикла, получаемая со спутника схема продвижения по маршруту – две красные точки в переплетении московских улиц, вид из установленной под передними фарами камеры и самое главное – работающие программы бортового компьютера. Не отображение задействованных приложений, а сама основа, бесчисленные строки цифр и символов, прямой доступ в электронный мозг мотоцикла.

– Не торопись, – напомнил голос. – Выбери подходящий момент.

– Не надо меня учить, – огрызнулся ломщик.

Карбид оказался действительно классным гонщиком. По крайней мере, сложный стартовый участок, на котором Пэт рассчитывала выиграть как минимум полминуты, байкер проскочил уверенно. Второй уровень Маяка в это время суток был заполнен значительно меньше первого, но мобилей все равно хватало. Девушка надеялась на свою ловкость, ожидала, что привыкший к скоростным гонкам Карбид отстанет, но ошиблась.

В мастерстве маневрирования по оживленным улицам байкер ей не уступил, много времени не потерял, и, когда гонщики добрались до более-менее свободной Смоленки, отставание Карбида было таким же, как на старте.

Лидер свамперов шел по маршруту очень расчетливо. Сомнения, что овладели им после предложения Пэт состязаться без «балалаек», рассеялись, уступив место холодной сосредоточенности. Карбид изменился, сумел отбросить личное отношение к девушке, и теперь по трассе шел не оскорбленный самец, обуянный жаждой мести, а опытный, привыкший побеждать гонщик, спокойный и на сто процентов уверенный в себе.

На вираже, который им пришлось совершить на Смоленке, Пэт байкеру не уступила, сумела удержать дистанцию. А вырвавшись на весьма свободную набережную, подумала, что теперь придется полагаться только на мощь «Плуто». Теоретически «Судзуки» обладал лучшими характеристиками по сравнению с «Ямахой» байкера, однако, бросив взгляд в зеркало заднего вида, девушка заметила, что Карбид начал сокращать дистанцию.

И вспомнились слова Руса:

«Я сам собрал свой мотоцикл».

«А ведь «Науком» предлагал Лакри пожизненный контракт…»

«Не приложил ли Рус руки к мотоциклу своего друга?»

И, словно подтверждая ее догадку, Карбид сократил отставание еще на пару метров.

«Главное, не запаниковать!»

Подержанный «Рено Арба», излюбленный мобиль небогатых обитателей Анклава, аккуратно остановился у тротуара. Филя погасил фары, вздохнул и поинтересовался:

– Здесь?

– Приедут сюда-а, – коротко подтвердил Олово.

– Я не об этом, – поморщился Таратута. – Хватит тебе времени, чтобы добраться до них?

Группа свамперов, ожидавших прибытия гонщиков, расположилась метрах в ста от мобиля.

– Успеешь?

Олово выразительно посмотрел на Филю, но промолчал.

– Извини, извини, – примирительно произнес Таратута. – Я пошутил.

Кирилл не изменил свое мнение о Русе: он верил, что на слово Лакри можно полагаться. Но вот остальные байкеры не вызывали у Грязнова доверия. Говорить: «Да, мы согласны с

условиями» – это одно, но как поведут они себя после гибели вожака – большой вопрос. Удержит их Рус – хорошо. Не удержит – на сцену выйдет маленький Олово, которому Кирилл разрешил перебить в случае необходимости хоть всех свамперов. Кроме Лакри.

– Жда-ать, – буркнул Олово, удобнее устраиваясь в кресле.

Но Филя не унимался:

– Ты уверен, что Пэт доберется до финиша?

– Мастер ска-азал – доедет.

– А если придурок ее срубит? Accidit in puncto, quod non contigit in anno.[8]

Олово задумался.

– Карбид участвовал в гонках без правил.

– Тогда-а он пожалеет, что родился на-а свет, – хмуро пообещал Олово.

И в его устах затасканная фраза прозвучала так, что даже видевший многое Таратута поежился. Он знал, как умеет мстить Олово.

В первый раз Карбид догнал девушку еще на набережной. «Повис на колесе», выжидая подходящий для атаки момент, и уже не отставал. Он на самом деле был классным гонщиком.

Пэт поняла, что Карбид не удовлетворится простой победой. Обогнать бросившую вызов нахалку и приехать к финишу первым? Отнять дорогущий мотоцикл и изнасиловать? Нет. Наказание должно быть по-настоящему суровым. Или убить, или искалечить – ничего другого лидер свамперов уже не хотел. Девушка это поняла. Не подслушала разговор Карбида с Русом, а именно поняла. И поймала себя на мысли, что сама на месте байкера действовала бы точно так же. По набережной мчались не гонщики, а звери, хорошо изучившие законы выживания.

«Еще чуть-чуть, и он ударит!»

Пэт отчаянно маневрировала, пытаясь не позволить Карбиду обойти себя. Однажды ей почти удалось прижать его к бетонному ограждению дороги, но опытный свампер сумел уклониться. Потерял несколько метров, но вскоре вновь нагнал девушку. Теперь он держался осторожнее, увидел, что Пэт достойный соперник, но от своих намерений не отказался.

Еще одна попытка обгона.

В последний момент девушке удалось преградить «Ямахе» путь. Колеса мотоциклов едва не соприкоснулись, Пэт отчаянно прибавила газ, выжимая из машины все, на что она способна…

И с трудом удержалась в седле, получив болезненный удар в плечо.

К огромному своему сожалению, Карбид не мог использовать против девушки богатый арсенал оружия, предназначенного для гонок без правил. О разномастных цепях и дубинках, эффектных и эффективных, пришлось забыть – не получилось взять с собой незаметно. Оставалось полагаться на припрятанный кастет да «духовушку» – короткую трубку, снаряженную шестью металлическими шариками. Сжатый воздух выстреливал нехитрые снаряды с такой скоростью, что они могли сбить седока с мотоцикла. К сожалению, обращался с «духовушкой» Карбид далеко не мастерски, первые три шарика в Пэт не попали, зато четвертый едва не заставил девушку потерять управление. «Судзуки» резко вильнул в сторону, байкер даже услышал крик, который издала Пэт, ухмыльнулся, вновь направил на девушку трубку…

Пэт спас попавшийся на дороге мобиль. Резкий удар в плечо, вид Карбида, готовящегося к следующему выстрелу, боль и страх… Девушка была на грани паники. Задрожавшие руки едва удерживали мотоцикл, и следующий выпад байкера должен был стать последним. Но…

На пути появился ярко-желтый мобиль, изогнутый с претензией на спортивный стиль. Легкий поворот руля, и Пэт оказалась справа от машины. Карбид выругался, начал перестраиваться и вдруг понял, насколько сильно повезло девчонке: впереди показался выезд на верхний уровень Третьего кольца. Обогнать желтого урода байкер не успевал, пришлось сбрасывать скорость, пропускать мобиль, уходить правее и вновь нагонять умчавшуюся нахалку.

Как именно он уберет Карбида, Илья продумал заранее.

Катастрофа должна выглядеть убедительно, не оставлять сомнений в том, что произошла или случайно, или по вине самого байкера, а самое главное – обязательно привести к смерти Карбида. Любые другие варианты Грязнов отмел, и Дементьев в принципе был с ним согласен: проблему следует решать раз и навсегда.

Тщательно изучив маршрут, Илья выбрал для аварии прыжок через недостроенную секцию Третьего кольца, и теперь, глядя, насколько уверенно ведет гонку Карбид, Дементьев похвалил себя за предусмотрительность. Действительно, врежься «Ямаха» во встречный мобиль – свамперы не поверили бы в случайность произошедшего. А приземление после длинного прыжка – момент неприятный даже для опытного мотоциклиста. И никто не станет

докапываться, почему Карбид не удержал машину: испугался, рука дрогнула, нервы не выдержали… или кто-то невидимый, перехватив управление мотоциклом, вывернул руль.

– Ты, главное, до прыжка дотяни, – попросил Илья Пэт, глядя на движущуюся по карте красную точку. – И ни о чем не беспокойся.

И вздрогнул, увидев замигавший в правом верхнем углу экрана сигнал тревоги: к его соединению с чужим мотоциклом проявил интерес сетевой робот.

Карбид успел нагнать девчонку до разрыва дороги. Даже поравняться успел – Пэт не маневрировала, но вот предпринимать какие-либо действия не стал. Понял, почему девчонка не мешала – пора готовиться к прыжку, и мысленно согласился: пора. Сбить проклятую сучку можно и после, от разрыва до финиша – три километра пустынной трассы, времени хватит.

А пока…

Сто метров до прыжка. Скорость двести семнадцать.

Теперь не до шуток, слишком серьезную выбрала Пэт преграду. Сконцентрироваться. Склониться над рулем еще ниже, слиться с машиной, оставаться холодным и расчетливым.

И молиться.

Семьдесят метров до прыжка. Скорость двести сорок четыре.

У Карбида сузились глаза. Впервые за десять лет он прыгал без «балалайки», да еще на такое расстояние. Но уверенность его не покидала. И никаких мыслей о Пэт.

Сосредоточиться.

Пятьдесят метров до прыжка. Скорость двести пятьдесят девять.

А вот Пэт о противнике не забыла.

Сорок метров до прыжка. Скорость двести семьдесят.

Она сама удивилась, что способна на такое. Даже не удивилась – изумилась. Но потом. Когда все закончилось и осталось в памяти. Когда оказалась в безопасности. А тогда, на трассе…

Подаренный Олово нож Пэт вытащила сразу после старта. Держала в руке, дожидаясь удобного момента – гибкий клинок не мешал управлять мотоциклом. И никак не решалась использовать. Все время что-то мешало. А за несколько мгновений до прыжка девушку словно ударило – сейчас! И никаких сомнений, никакой боязни. Железобетонная уверенность в своих силах, в том, что у нее все получится.

Невозможная, нечеловеческая уверенность.

«Плуто» вильнул. На долю секунды отклонился от курса; мотоциклы, только что разделенные целой полосой, сблизились, и Пэт резанула Карбида по руке. Острейшее лезвие прошло сквозь жесткую куртку и погрузилось в мышцы.

Миг.

Крик. Который Пэт не услышала.

Она тут же склонилась над рулем.

А в следующее мгновение мотоциклы уже взлетели.

Один по правильной траектории. Другой – по корявой.

Илья уважительно присвистнул и выставил вверх большой палец:

«Молодец!»

Однако тратить время на восхищение безбашенной девчонкой Дементьев не мог: сетевой робот доложил об активности ломщика, и по следу пошли машинисты СБА.

«Вот и делай после этого добрые дела…»

Илья умел защищаться от поиска. Программы, большинство из которых он написал сам, сбивали преследователей, не позволяя им отыскать точку входа в сеть, но… Всегда существует проклятое «но». В компьютерах безов стояли «поплавки» – недоступные обычному человеку суперпроцессоры, тягаться с которыми «железо» «раллера» было не способно. Дементьев, до последнего дожидавшийся прыжка, и так подарил охотникам слишком много времени, а потому, едва Илья понял, что Карбид не жилец, он сразу же оборвал соединение.

«Успел?»

К финишу Пэт не поехала. Зачем? Свамперы поставили на мотоциклы гонщиков маяки и знали, что Карбид не сумел перепрыгнуть разрыв. Сто против одного, что они уже мчатся на место происшествия.

Девушка добралась до ближайшей развязки, спустилась на нижний уровень Третьего кольца и подъехала к горящей «Ямахе». Остановилась, сняла шлем, пару мгновений просто сидела, приходя в себя после напряженной гонки, а затем подошла к лежащему неподалеку от мотоцикла Карбиду. Изуродованное тело не вызвало у Пэт особых эмоций. Ей доводилось видеть мертвых.

Ей даже доводилось убивать.

Она наклонилась, убедилась, что нанесенная ею рана скрыта полученными при падении травмами, и попробовала отыскать пульс на шее байкера. Не нашла и вернулась к «Плуто».

Когда подъехали свамперы, девушка сидела на мотоцикле и курила. Спокойно.

И так же спокойно смотрела на обычную в таких случаях суету: «Ищите пульс!», «Шлем! Шлем снимите!», «Врача…».

И так же спокойно выдержала взгляды байкеров.

– Почему он упал? – угрюмо спросил Рус.

– Не знаю.

Она постаралась не переиграть. Ни высокомерия, ни презрения в голосе. Только усталость.

– Может, испугался?

Свамперы заворчали, но негромко. Не очень уверенно. Никто не оспаривал право Пэт сделать такой вывод, потому что она прыгала вместе с Карбидом.

И только Дрон не удержался:

– Карбид ничего не боялся!

– Прыгать без «балалайки» не так уж и легко, – тихо, но отчетливо произнесла девушка.

– Тебе не было страшно? – негромко поинтересовался Рус, внимательно глядя на Пэт.

– Нет.

– Почему?

– Потому что мне не нужна «балалайка». – А вот теперь в голосе девушки появилось… не высокомерие, нет, осознание собственного превосходства. Осознание своей силы. – Я лучше любого компьютера.

Рус удивленно поднял брови:

– Да?

– Да! – Пэт вскинула подбородок. – Потому что я – человек!

* * *

анклав: Москва

территория: Сити

«Подсолнух»

благородство волков – тоже благородство

Этой ночью в Анклаве бодрствовало значительно больше людей, нежели обычно. Безы и бунтовщики, мирные жители,

выгнанные из своих домов, и репортеры новостных каналов… И даже несколько верхолазов, которым, казалось бы, по чину положено проводить ночные часы под теплыми одеялами, невзирая ни на какие события, отказались от отдыха и поспешили на срочное совещание.

В гигантских размеров кабинете президента «Науком» собрались трое. Хозяин, Игорь Александрович Холодов, крупный, широкий в кости мужчина лет шестидесяти. Геннадий Старович, директор Финансового департамента «Науком». И Максимилиан Кауфман. Три человека, три равноправных лидера Московского клуба – тайной организации московских верхолазов, сумевшей подмять под себя уже четыре транснациональные корпорации.

– Макс, не сочти, что мы тебя упрекаем, – нехотя пробормотал Холодов, принимаясь за очередную чашку кофе, – или сомневаемся в твоей компетентности, но… – президент «Науком» покачал головой, – аравийские события вызвали слишком большой резонанс. Тебя ждут неприятности.

– Я знаю, – спокойно ответил Мертвый.

Он единственный отказался от чая, кофе или вина. Сидел в кресле, похожий на нахохлившуюся птицу, и односложно отвечал на вопросы друзей. Не оставалось сомнений в том, что настроение у директора московского филиала СБА самое что ни на есть паршивое. Впрочем, как и у Холодова со Старовичем.

– Вечером мне звонили главы почти всех представительств, – продолжил президент «Науком». – Верхолазы беспокоятся.

– Меня обвиняли?

– Открыто – нет. Но намекали, что ты не справляешься.

– Это Моратти, – усмехнулся Кауфман. – Хорошо, что ему не пришло в голову обвинить меня в организации беспорядков.

– Только не говори, что это твоих рук дело, – пробормотал Старович.

– Не скажу даже вам, – отрезал Мертвый. – Мне еще надо отмыться от обвинений в некомпетентности.

– То есть ты на самом деле проспал Аравию?

– С некоторой точки зрения да. – Заметив, как вытянулись лица друзей, Кауфман вздохнул и развил свою мысль: – Я предполагал, что Моратти попытается скомпрометировать меня, доказать, что я не соответствую занимаемой должности. Если все верхолазы потребуют моей крови, даже ваша защита не спасет – придется уходить. Разумеется, директором станет наш человек, но Моратти затянет процесс его вступления в должность, наводнит филиал комиссиями, и его люди успеют обнюхать каждый отдел, каждого сотрудника, выведать все наши секреты. А если не выведать, то как следует подпортить нам жизнь. Моратти

понял, что не контролирует московский филиал, и пошел ва-банк.

– Ты знал, что в Анклаве работают провокаторы?

– Предполагал.

– И не мешал им?

– Я их искал…

– Но недостаточно активно, – продемонстрировал проницательность Холодов. – Ведь так?

– Так, – кивнул Кауфман.

– Но почему? – искренне изумился Старович.

Финансовый директор, привыкший к продуманным и надежным схемам, не мог понять, что заставило Мертвого вести себя столь неосмотрительно.

– Потому что до определенного момента их действия меня устраивали, – довольно жестко произнес Кауфман.

– Что значит «устраивали»? Мы говорим о беспорядках! О бунте! Это плохо со всех точек зрения.

– С моей точки зрения все, о чем ты говоришь, вполне нормально.

– Макс, ты совсем свихнулся?

Ни один человек в мире, исключая Старовича и Холодова, не посмел бы говорить с Мертвым подобным тоном и использовать подобные выражения. Мстительность Кауфмана давно вошла в поговорку, а уж такие слова он мог расценить как высочайшее оскорбление. Однако финансовому директору «Науком» дозволялось многое.

– Гена, – устало проронил Мертвый, – твои дети сейчас в Аравии?

– Нет.

– Там горят твои дома? Твои мобили?

– Нет.

– В таком случае расслабься и не пытайся судить о вещах, которых не понимаешь.

– Макс, думаю, ты должен объяснить Гене свои мотивы, – примирительным тоном произнес Холодов. – Ты же видишь, что он нервничает.

И отхлебнул кофе.

– Хорошо, – вздохнул Мертвый и демонстративно взглянул на золотые наручные часы.

Кауфман, единственный из присутствующих, не был подключен к сети, не вживил себе «балалайку», а потому был вынужден пользоваться суррогатами: часами, коммуникатором.

– Если тебя свалят, у нас возникнут серьезные проблемы, – пробурчал Старович.

Ему было немного стыдно за проявленную несдержанность.

– Любой Анклав – это пороховая бочка, – негромко начал Кауфман. – Подавляющая масса жителей мечтает ворваться в зону корпораций и разграбить ее. Там чистая вода и чистая еда, роскошные женщины и большие деньги. Там, в корпоративных зонах, в представлении большинства жителей Анклава, течет настоящая жизнь. И они, не задумываясь, убьют за нее. Убьют ради шанса войти в элиту.

– Но это невозможно!

– История знает немало примеров удачных революций. Восставшая чернь сносила правящую элиту и формировала новую власть. Разумеется, собственно чернь использовалась в качестве пушечного мяса и после кровавого пира возвращалась в исходное состояние…

– Вот именно! Неужели они не понимают, что дорогу наверх следует прокладывать способностями и талантом, а не трупами? – Старович помолчал, подумал и сам себя поправил: – Не только трупами.

– Гена, ты действительно думаешь, что все люди на Земле такие же умные, как ты?

– А во время беспорядков вообще никто не думает, – подал голос Холодов. – Некогда. Надо убивать.

– Мы не можем предотвратить бунты – недовольство своим положением естественно, – продолжил Мертвый. – Но мы можем управлять ситуацией, стравливать людей между собой. Аравию с Кришной. Урус с Шанхайчиком. В результате нападения на корпоративные территории происходят значительно реже, чем должны бы.

– Но при этом гораздо ожесточеннее, – заметил Холодов.

– Что дает нам право использовать при подавлении бунта любые средства, – с улыбкой закончил Кауфман. – А это, в свою очередь, приводит к уменьшению потерь среди безов.

– Жестоко, – после короткой паузы пробормотал Старович.

Главный казначей оружейной корпорации не страдал наивностью. Умный, циничный, блестящий профессионал, действиями которого восхищались лучшие финансисты мира, он был достаточно жесток, но в своей области. В битвах котировок и сражениях долгосрочных обязательств ему не находилось равных, на этих полях Старович считался Александром Великим, гениальным завоевателем, не знающим жалости к побежденным. Однако в вопросах настоящей войны Геннадий не был силен. Нельзя сказать, что высказывания Мертвого стали для Старовича откровением, но впечатление они произвели.

– Небольшой, грамотно спланированный и правильно проведенный бунт является необходимой частью повседневной

жизни Анклава. – Кауфман помолчал. – Аравия подошла к черте. Если бы я помешал людям Моратти раскачать ее, то потерял бы время и через пару недель получил бы массовые беспорядки минимум на четырех территориях и атаку на зону корпораций.

– А что ты имеешь сейчас?

– Я недооценил парня, который занимался организацией бунта, – признал Мертвый. – Я рассчитывал, что вчера ситуация полностью нормализуется, но отравление пищевой фабрики спутало карты.

– И это все?

– А что я еще могу сказать? – огрызнулся Кауфман. – Что постараюсь вернуть жизнь Анклава в нормальное русло? Постараюсь. Что постараюсь обойтись без лишних жертв? Постараюсь. Я знаю, какой ор стоит на новостных каналах…

– Я как раз вывел несколько заголовков, – пробурчал Холодов. – Уверен, тебе будет интересно.

Мертвый поморщился, но послушно уставился в настенный монитор.

«Москва в огне!» «Кауфман привел Анклав в тупик!» «Массовые жертвы!» «Уличные бои в Аравии!» Фотографии, видеоролики, тексты «аналитических» статей, интервью с беженцами…

– И это только ночные выпуски, – вздохнул Старович. – Представляете, что ждет нас утром?

– Меня ждет, – угрюмо уточнил Мертвый. – Меня, не нас.

– Если Моратти поднимет вопрос о твоем несоответствии…

– Когда Моратти поднимет вопрос о моем несоответствии, – поправил Кауфман Холодова.

– Хорошо, что ты это понимаешь, – кивнул тот. – Так вот, когда Моратти поднимет вопрос о твоем несоответствии, нам придется тяжело. Массовые отравления – это серьезно.

– Уверен, утром и Европейский Союз, и Индия выразят протест, – добавил Старович. – Подольют масла в огонь.

Формально государства не имели права вмешиваться во внутренние дела независимых Анклавов. На практике же они не упускали случая вступиться за сородичей. Понимали, что близость с диаспорами укрепляет их влияние на корпорации.

– Мы отобьемся? – угрюмо спросил Кауфман.

«Вашего влияния хватит, чтобы прикрыть меня?»

– Не уверен, – честно ответил Холодов.

– Ты крепко подставился, – буркнул Старович.

Они не бросали друга в беде, а реально оценивали сложившуюся ситуацию. Понимали, что если Кауфман уйдет, Московский клуб затрещит по швам, и старались найти выход из

непростого положения.

– К счастью, у нас есть время, – грустно усмехнулся Старович. – Эмоции схлынут, верхолазы успокоятся, и мы, вполне возможно, сумеем тебя отбить.

За три месяца до выборов президент СБА терял возможность снимать высших офицеров службы с занимаемых постов. Правило придумывалось для того, чтобы директора филиалов не опасались идти на выборы сами или поддерживать неугодных действующему президенту кандидатов. Для москвичей эта лазейка стала последней надеждой на благополучный исход дела.

– Не забудь об особых случаях, – напомнил Мертвый другой пункт статьи. – Например, если в Анклаве действует военное положение.

– В Москве оно не действует!

– Если беспорядки охватят четыре территории, меня заставят его ввести.

– Так прекрати беспорядки! – с неожиданной яростью прорычал Холодов и ударил кулаком по столу. – Прекрати!

– Я стараюсь, – сухо ответил Кауфман.

Президент «Науком» отвернулся, немного помолчал и буркнул:

– Извини.

– Ничего страшного, – очень спокойно произнес Мертвый. – Я все понимаю.

– Честно говоря, Макс, я не думал, что Моратти обыграет тебя на твоем поле.

– Я не ожидал, что он пойдет на такую провокацию. Массовые отравления… Не ожидал. От Моратти – не ожидал. Не был готов.

– Круто для штабной крысы?

– Очень круто, – признал Кауфман. – Он меня сделал.

– А ты на его поле сыграть не хочешь?

– Уже играю. – Мертвый скупо улыбнулся. – Есть вероятность, что на конференции мы устроим Нику большой и неприятный сюрприз.

– Битва гигантов, – подытожил Старович. – Кого ты купил?

– Макферсона.

– Молодец, – одобрил Холодов. – Первая приятная новость за день.

– Если мы свалим Моратти, – прищурился Старович, – то решим все свои проблемы. Но если Ник устоит…

В кармане Кауфмана зазвонил коммуникатор.

– Я отвечу, – буркнул Максимилиан. – Я разрешил выходить на связь только в крайних случаях.

Верхолазы кивнули. Мертвый достал плоскую коробочку,

нажал на кнопку ответа и приложил к уху:

– Да. – Пауза. – Я понял. Перезвоню.

Убрал коммуникатор в карман и негромко произнес:

– Аравийцы прорвались на Болото.

Старович крякнул. На лице Холодова не дрогнул ни один мускул. Он выждал пару мгновений, понял, что Кауфман не будет продолжать, и спокойно, так, словно ничего не произошло, закончил:

– Если Ник Моратти устоит, нам придется открыть карты. Мы не можем остановиться. И не можем никого потерять. Или все вместе вперед, или все вместе в никуда.

* * *

анклав: Москва

территория: Болото

главное в карусели войны – не потерять голову

Слоновски разработал неплохой план, возможно и не идеальный, но вполне действенный. Исполнители тоже не подкачали: московские безы славились дисциплинированностью и умением точно следовать полученным инструкциям. Балаклавская группировка продвигалась на север строго по графику. Блокпосты, отделяющие Аравию от Болота, держались, вертолетчики залили «молоко» именно в те районы, в какие требовал Грег. Ошибок не было. На первый взгляд. В действительности же именно в работе летчиков и заключалось одно из слабых мест плана. Зона боев между Аравией и Кришной оказалась слишком большой, и Слоновски пришлось использовать практически весь газ, что находился в арсенале СБА. Оставшихся на складах запасов не хватило бы и на пару кварталов.

Вторая ошибка заключалась в недооценке бунтовщиков. В прошлом Грегу уже доводилось гасить беспорядки в Аравии, и он прекрасно знал, что жители ее менее агрессивны, чем, к примеру, обитатели Уруса. Изначально расчеты подтвердились: демонстрации на проспекте оказалось достаточно, чтобы утихомирить южан, Балаклавская группировка продвигалась по Аравии без особых проблем… Однако при первом же соприкосновении с воюющими отрядами северян ситуация кардинально поменялась. Почувствовавшие кровь аравийцы,

многие из которых потеряли в результате отравления фабрики родных и близких, оказали безам яростное сопротивление. И это несмотря на то, что разлитое «молоко» мешало вести полноценный огневой бой и разрывало связь между отрядами; что приободрившиеся индусы теснили арабов с запада, а балаклавцы с востока и юга; что над улицами постоянно барражировали вертолеты, а по всем доступным каналам связи неслись призывы сложить оружие и Мертвый обещал сдавшимся полную неприкосновенность. У аравийцев было два выхода: прекратить бессмысленную бойню или…

Вопреки всем расчетам Слоновски, большинство северян выбрало «или». И около двух часов ночи отряды бунтовщиков прорвали блокпосты СБА и вышли на Болото.

– Митроха, подъем! – Удар, который последовал за громогласным воплем, едва не снес дверь спальни с петель.

– Что?! Где?! – Бобры вылетел в гостиную, на ходу натягивая штаны. – Чего орете?

– На юге буза, братишка, – коротко сообщил Петруха. – Аравия прорвалась.

Стоящий рядом с ним старший кивнул, подтверждая сообщение. Оба брата были одеты и при оружии.

– А нам какого Кришны суетиться? – не понял Митроха. – Пусть у Рауля башню сносит, это его территория.

– Хмурый маляву прислал, – объяснил Тимоха. – Помощи просит. Боится, что арабы его владения разграбят.

– Правильно боится, – хмыкнул Митроха.

У среднего Бобры с Хмурым были свои счеты, личные, связанные с одной симпатичной метелкой из «Мозаики», а потому обрушившиеся на недруга проблемы Митроху порадовали. Но старший брат уже принял решение:

– Короче, Рауля мы поддержим, – безапелляционным тоном заявил Тимоха. – Во-первых, он башляет, во-вторых, дело правильное: нефига арабам на Болоте гадить. Чтобы через пять минут был внизу. Хватит метелку тискать!

Тимоха вышел в коридор, Петруха, состроив брату ехидную рожу, – следом, Митроха, негромко ругаясь, вернулся в спальню и принялся торопливо рыться в шкафу. На пол полетели комбинезон из кевлайкры, куртка, бронежилет, боевой пояс, ботинки… Привлеченная грохотом Лика оторвала от подушки голову и сонно посмотрела на любовника.

– Далеко собрался?

– На войну, – недовольно ответил Митроха, застегивая комбинезон. – Аравию мочить, чтоб их Мертвый погрыз…

– Ух ты! – Женщина резко поднялась с кровати. – Бунт на Болото перекинулся?

– Хрен тебе, – пробубнил Бобры. – Не позволим! Всех перебьем на…

У Лики заблестели глаза.

– Митроха, возьми меня с собой!

– Сдурела, что ли? Спи давай, я к завтраку вернусь.

Бобры распахнул оружейный ящик, вытащил «дыродел», заправил его в кобуру, потянулся за «дрелью»…

– Это тебе хрен! – Вскочившая с кровати Лика спешно натянула трусики и лифчик, нырнула в шкаф и схватила первый попавшийся комбинезон. – Я тоже хочу!

– Чего ты хочешь, дура?

– Убивать!

Митроха ошарашенно уставился на возбужденную женщину:

– Сбрендила, метелка? Быстро в койку и баиньки!

Лика жестко посмотрела канторщику в глаза и отчетливо произнесла:

– Прямо сейчас мой законный муж спит с наложницей, которая младше меня на пятнадцать лет, и ему плевать, что ты драл меня всю ночь. Ему на это плевать, понимаешь? Плевать! Так что не удивляйся тому, что мне очень хочется кого-нибудь убить.

– Точно чокнутая, – пробормотал Митроха.

Было бы неправильно утверждать, что жители прилегающих к Аравии кварталов Болота не готовились к прорыву. Еще как готовились! Несмотря на заявления безов и выставленные кордоны. Несмотря на оптимистичные репортажи о ходе подавления беспорядков. Несмотря на личные гарантии Кауфмана.

Люди чувствовали, что легко подавить арабов у СБА не получится, и принимали собственные меры безопасности. Кто-то уезжал в более спокойные районы, кто-то запирался в доме, приготовив оружие и солидный запас патронов, кто-то прикидывал, из чего лучше строить баррикаду. Почти все окна закрыты ставнями, двери заперты, редким прохожим советуют убираться, угрожают оружием, пропускают только своих. Южные кварталы Болота превратились в осажденную крепость задолго до того, как разъяренные толпы аравийцев снесли блокпосты. Жизнь в Анклаве приучила людей готовиться к худшему, рассчитывать на себя, не надеяться, что кто-то поможет спасти твою лавку или квартиру, доверять только своим и у них искать поддержки. А потому, пропустив на север отступающих безов, обитатели Болота

встретили бунтовщиков ураганным огнем.

– Слоновски, что у тебя?!

Учитывая обстоятельства, Кауфману следовало рвать и метать, брызгать слюной и угрожать провинившемуся офицеру немедленной расправой. И он бы наверняка так себя вел, если бы в занятных историях об интеллектуальной ограниченности директора московского филиала СБА присутствовала хотя бы толика правды. Мертвый был суров с напортачившими подчиненными, порою – жесток, но только по делу, только после тщательного разбора полетов. И разумеется, ему хватало ума и выдержки не устраивать истерики в разгар кризиса.

– Докладывай.

– Если бы не местные, Болото бы уже горело, – честно признал Грег. – Они задержали аравийцев, сбили темп и дали мне возможность перегруппироваться.

Именно так: «мне», а не «нам». Слоновски нес полную ответственность за подавление бунта и не собирался ею ни с кем делиться.

– Новый рубеж пройдет по Орджоникидзе и Серпуховской. Сейчас я подтягиваю туда резервы. Думаю, минут через сорок пойдем зачищать Болото.

– Будешь выдавливать их в Аравию?

– На балаклавцев, – уточнил Слоновски. – Я приказал им остановиться и отправить всех, кого можно, на линию Третьего кольца. Возьмем прорвавшихся в тиски.

Он не стал уточнять, что ни с севера, ни с юга водометов не будет. Грег не собирался разгонять тех, кто вышел за пределы Кришны и Аравии. Он устал.

– Удержи Болото, Слоновски, – буркнул Кауфман. – Если оно полыхнет, весь Анклав займется.

– Я понял, шеф, – кивнул Грег. – Клянусь, больше плохих новостей не будет.

– Слышали новость, братья? Наши уже на Болоте!

– Да какие они наши? Размазня аравийская!

– Может, и размазня, но безов снесли, как щенков! В самый центр рвутся!

Заявление Саида вызвало у черенков интерес. Даже лидер банды, Вагиз, оторвал голову от диванной подушки и посмотрел на принесшего весть парня:

– Точно?

– По всем новостям долдонят!

– А-а…

Черенки оттягивались в подвале старого дома, великодушно переданного банде самим Султаном Сулейманом, главарем держащей эти кварталы Болота канторы. Вагиз доводился Султану троюродным племянником, вот тот и пошел навстречу родственнику. Помещение волчата отделали как положено: и комнаты с кроватями были, и зал с тренажерами, и даже для танцулек место нашлось. Бара не хватало – Сулейман, как истинный мусульманин, за потреблением спиртного следил строго, зато на травку глаза закрывал, в общем, жить можно. Вагиз как раз раскурился в приятной компании двух податливых метелок, вот и прозевал интересное сообщение: «балалайку» в эти моменты вожак отключал, и теперь пытался выяснить подробности:

– Далеко арабы прошли?

– Говорят, чуть ли не Шаболовку уже взяли! А на Болоте паника! Ага! Все безы на прорыв ушли. И канторщики русские подтянулись – территории защищать…

– И канторщики, значит… – После курева Вагиз соображал медленно, но главные новости не упустил: – И безы, и канторщики… Интересно… – В глазах черенка зажегся нехороший огонек. – Паника, говоришь…

– Есть другая пушка?

Пэт увидела, как Рус вытащил из искусно запрятанной в мотоцикл кобуры пистолет, проверил обойму и, поколебавшись, сунул оружие за пояс.

– Есть?

– Тебе какая разница?

– Если есть – дай!

– Зачем?

– А ты как думаешь? – огрызнулась девушка. – Дай!

– Иди к черту!

– Мы в одной лодке, дубина!

Рус хрюкнул, но промолчал: знал, что Пэт права. Не о себе девчонка говорит, а о всем вагоне. Все байкеры в одной лодке. Которая очень сильно раскачивается.

Разгоряченные гонкой, ошарашенные смертью Карбида, свамперы на какое-то время перестали следить за происходящим вокруг. Новости большого мира потеряли актуальность, все обсуждали гибель вожака, что делать с Пэт, перспективы Руса как нового лидера… и пропустили приходящие по новостным каналам сообщения. Кто-то, правда, заикнулся, мол, беспорядки перекинулись… но его заткнули. Не до тебя! Какие, к чертовой матери, беспорядки?! А когда вагон выкатил на Донской, было

уже поздно.

На пересечении с Орджоникидзе байкеры уткнулись в наспех построенные безами баррикады. Хотели проскочить, кричали, что свои, что мирные, но в ответ – выстрелы. На Орджоникидзе окопались те, кто вырвался из блокпостов, из того ада, что устроили разъяренные аравийцы. Потерявшие друзей, легкораненые, контуженые, еще не получившие обещанного подкрепления, злые как собаки, безы открывали огонь по любому подозрительному скоплению людей.

Байкеры отступили, решив вернуться на Третье кольцо и уйти из опасной зоны по нему, но не тут-то было. Проехав с полкилометра по Донскому, они напоролись на толпу арабов. К счастью, не успев приблизиться к ней на расстояние выстрела. Развернулись, рванули направо…

И вновь уперлись в баррикаду.

И попали под перекрестный огонь защищающих свои дома жителей Болота.

Удар, направленный в голову, пришелся по касательной – Илья успел уклониться, поэтому ободранный дубинкой висок болел не очень сильно. Так, горел немного, но это ерунда. Больше беспокоила спина, точнее, левая лопатка, которую, кажется, успели резануть ножом. Или под которую успели сунуть нож. Или… Впрочем, и об этой ране Дементьев перестал задумываться едва ли не сразу, как почувствовал боль. Некогда было.

Илья бежал, прижимая к груди сумку с «раллером», а в голове его билась одна-единственная мысль:

«ИДИОТ!»

Нужно было добираться к Корнелиусу на такси. Брать тачку и ехать, не терять время. Но Дементьев решил перестраховаться, сбить вероятных преследователей со следа. Если машинисты СБА засекли точку входа в сеть, к Оглыеву обязательно придут. И шанс, что придут очень скоро, велик: по случаю беспорядков безы перешли на расписание военного положения, хоть и не объявили его, и на сигнал о работе ломщика среагируют быстро. Почему? Потому, что бунт – это не только стрельба на улицах. Бунт – это информация, это панические слухи и страшные подробности, ложь и правда, призванные подлить масла в огонь. Илья был достаточно опытен и понимал, что за аравийскими беспорядками обязательно кто-то стоит. И этот кто-то наверняка хочет, чтобы бои продлились как можно дольше, в идеальном случае – перекинулись на другие территории Анклава, а значит, его ломщики поведут свою войну, и за ними начнется охота. А разбираться, для чего ты ломал сеть, безы не станут.

Эти соображения и заставили Илью принять дополнительные меры безопасности. В самом Оглыеве Дементьев был уверен, если к старику придут – отбрешется, скажет, мол, сдал комнату случайному человеку, а для чего, почему – не знаю. Потом, конечно, потребует вернуть должок, но это потом, в будущем, до которого еще дожить надо. А если взять тачку рядом с домом, то можно влипнуть: таксистов безы сразу проверят. Вот и решил Дементьев отправиться к Корнелиусу на метро. Пешком добрался до станции, спустился под землю, без происшествий доехал до Таганки…

А едва вышел из вестибюля, как получил по физиономии: на площади буянили обкурившиеся черенки.

В одно мгновение улица превратилась в ад. Свамперы увидели баррикаду, поняли, что не пройти, остановились, не зная, что делать, – ведь по Донскому уже маршировали аравийцы, замешкались… И попали под перекрестный огонь. Из-за полуоткрытых ставен, из-за углов, из-за баррикады – отовсюду изрыгающие свинец стволы. Несколько байкеров упали, несколько успели вырваться на Донской, откололись от вагона, но большинство бросились под защиту мобилей и мусорных баков, прижались к стенам, упали на асфальт, укрываясь за мотоциклами. Пэт с Матильдой, Лакри с Ларой, Кимура, Дрон и еще с пяток мотоциклистов сумели забиться в узенький проход между домами. Вот там-то Пэт и увидела, как Рус потянулся за оружием.

– Дай мне пушку! Я умею с ней обращаться!

– Заткнись! – Это Лара. Обожгла взглядом, прижалась к другу.

Лакри же помолчал, затем кивнул и раскрыл седельную сумку, в которую перед гонкой положил пистолет Карбида.

– Не надо, – неожиданно заявила Матильда.

– Почему?

– Начнем стрелять – не отобьемся.

– От кого?

– От кого угодно! Их всех больше! Безов, местных, аравийцев… Вы со всеми воевать будете?

– Не воевать, – бросила Пэт. – Не воевать! Защищаться!

– Ввяжемся в бой – ляжем, – буркнул Кимура. – Нас мало.

– Белобрысая права, – согласился Рус.

– Меня зовут Матильда, – обиделась девушка.

Но Рус, похоже, не расслышал. К седельной сумке он больше не тянулся, задумчиво посмотрел по сторонам:

– Уходить надо, а не драться.

– Как уходить? – зло спросил Дрон. – Не видишь, что делается?

С Донского донеслись вопли и стрельба: аравийцы приближались.

– Машины надо бросать, – выдавил Рус. – Без машин дворами уйдем…

Свамперы побледнели. Перспектива потерять мотоциклы страшила их куда больше, чем риск оказаться под пулями.

– Рус, ты серьезно?

– Шутит он! – выкрикнула Пэт. – Шутит.

Лакри посмотрел на девушку:

– Что ты задумала?

– На Донской возвращаться нельзя – значит, поедем по этой улице.

Дрон громко выругался: он надеялся, что девке пришла в голову стоящая мысль, а услышал…

– Через баррикаду? – тихо спросил Рус.

– По второму уровню, – уверенно ответила Пэт. – Этого от нас не ждут.

Свамперы притихли, подняли головы, посмотрели на нависающие над головами металлические тротуары. Только они, только пешеходные дорожки…

– Не пройдем, – протянул кто-то.

– Я попробую, – отрезала девушка. – Вы – как хотите. Матильда!

Мата вздрогнула, но послушно уселась за спиной подруги. На улице вновь раздались выстрелы. Очереди. Грохот разрывающихся гранат. Судя по всему, к баррикаде вышел передовой отряд аравийцев.

– Как мы поднимемся наверх?

– Пандус видишь?

– А ворота перед ним видишь?

– Снесем!

– Она ведь отмороженная, – развел руками Дрон. – Точно отмороженная.

Рус покачал головой и вдруг улыбнулся:

– Да!

– Почему они не высовываются? – возбужденно прокричала Лика. – Почему не идут в атаку?

Секунд пять Митроха не мог понять, что имеет в виду женщина, а когда сообразил, зашелся в гомерическом хохоте.

– Ой, не могу! «Почему не идут?» Ой, умора!

– Чего я такого сказала?

– А ты сама подумай, метелка, почему они не идут. Ты бы пошла?

Лика опомнилась.

Под правой рукой пышет жаром «молоток» – крупнокалиберный пулемет, выпущенный на заводах «Науком». Машинка надежная, а самое главное – чудовищно убойная. Станковый аналог знаменитого штурмового «ревуна». Слева и справа еще по такому же стволу, торчат из наспех построенной баррикады, ищут цели. А впереди улица, открытая, уходящая к Донскому, и все до ужаса похоже на виртуальный тир. Вот только трупы, которые валяются на асфальте, самые что ни на есть настоящие, безжалостно разорванные одиннадцатимиллиметровыми снарядами тела. Несколько человек из передовой группы аравийцев, пытавшейся прорваться на мотоциклах, и больше трех десятков из толпы, что хлынула минуты две назад. Хлынула, да захлебнулась в бешеном огне.

Митроха почесал шею и обернулся к защитникам баррикады:

– Поняли, как воевать надо?!

Его канторщики весело заулыбались. Бобры имел все основания для высокомерия: именно братья добыли «молотки», благодаря которым удалось с такой легкостью отбить натиск арабов.

– Теперь не сунутся!

– Как не сунутся? – разочарованно протянула Лика. – А пострелять?

– Забудь!

Митроха снова заржал, но сразу же испуганно пригнулся: над его головой взревели двигатели.

К счастью, сносить ворота не пришлось. Не потребовалось рисковать машиной и седоком. Кимура вскрыл замок, и байкеры на руках потащили мотоциклы на второй уровень. Ставили на ржавые решетки настила, смотрели, как податливо они прогибаются, качали головами, негромко ругались, но не отступали. Понимали, что другого выхода нет. И косились на Пэт, которой, как автору идеи, предстояло ехать первой. Впрочем, во главе колонны все равно пришлось бы встать или ей, или Русу – только их мощные машины могли снести возможные преграды.

Последний байкер поднял мотоцикл в тот самый момент, когда на баррикаду пошли аравийцы. Раздавшаяся за этим бешеная пальба и крики умирающих поколебали решимость свамперов: ну как идти на хорошо защищенный рубеж? Кто-то крикнул, что лучше отсидеться, что баррикада прикроет. Рус хотел ответить, но не успел. В закуток нырнула пара арабов.

Заметили свамперов, не задумываясь врезали из автоматов. Отсидеться?!

Пэт дала по газам. Матильда завизжала.

И все осталось позади.

Размышления, сомнения, страх.

Глупая рефлексия.

Только скорость, рев двигателя и летящие в лицо пули. Висящий в пяти метрах от земли тротуар ходит ходуном, бьется под колесами, словно издыхающая в конвульсиях змея, норовит изогнуться в самый неподходящий момент. А ты не можешь сбросить скорость, потому что стреляют со всех сторон; потому что надо сбить выскочившего на дорогу идиота; потому что у него в руках автомат, а ты хочешь жить. Потому что…

В последний поворот Пэт не вписалась. Сшибла ограждение и полетела в пустоту. Полетела под оглушительный визг Матильды. И сама закричала. Не от страха – от обиды, от злости на себя за то, что не справилась. Но даже зайдясь в крике, сумела удержать «Плуто». Машинально. На инстинктах. А когда тряхнуло, но потянуло вперед… когда мотоцикл проехал, не встречая препятствий несколько метров и под колесами не дрожали ржавые решетки, а мягко шуршал асфальт… когда Пэт притормозила и поняла, что не стреляют… тогда она поставила ногу на землю и устало попросила Матильду:

– Заткнись.

Они проскочили.

Дом Корнелиуса стоял метрах в восьмистах от выхода из метро. Обычным шагом за пять минут дойдешь. А если бегом, то еще быстрее. Но это в обычный день. Когда не бесятся вокруг озверевшие черенки, когда не надо огибать горящие витрины и мобили и ты не спотыкаешься о лежащие на асфальте тела.

Илья себя не переоценивал, знал, что гораздо крепче, чем кажется на первый взгляд, сильнее, быстрее, но понимал, что проигрывает молодым волчатам. Тем не менее он побежал, понадеялся, что черенки бузят только у станции, что на площади станет легче, что сможет затеряться в толпе.

Зря понадеялся. Таганка, обычно оживленная, битком забитая людьми и мобилями, вымерла. В том числе – буквально. Черенки не стреляли, хотя оружие у них наверняка было, орудовали дубинками и обрезками труб, кастетами и ножами. Молодость требует простых решений. Волчатам нравится запах крови, хруст ломающихся костей, чавкающий звук, что издает пинаемый ногами человек.

И молодости очень не нравится, когда кто-то отказывается

разделить с нею наслаждение.

Потому за Ильей бросились аж четверо черенков. Не поленились. И мчались весело, улюлюкали, ржали: знали, что никуда добыча не денется.

А Дементьев бежал, чувствуя, как колет в боку и начинает плыть перед глазами, и старался не терять из виду дом Корнелиуса, маяк на берегу насилия. Тихую гавань.

«Почему черенки не тронули «Фабрику домашних любимцев»?

Боятся связываться с храмовником? Или… Прятки! К Корнелиусу наверняка пришли прятки! А воинов Храма даже маньяки стороной обходят.

И тут до Ильи дошло, что надо было позвонить Ежову из метро и попросить встретить.

«Господи, какой же я идиот!»

Дементьев открыл рот, собрался назвать номер Корнелиуса, но не успел.

Ноги запутались в брошенной цепи. Сумка с «раллером» вылетела из рук и полетела в одну сторону, а сам Илья – в другую.

– Попался!

Дементьев прикатился прямо под ноги черенку.

– Добегался, сука? Ой!

Оглушенный Илья ухватил врага за колени и повалил на землю. Он понял, что не уйти, и решил прихватить с собой хотя бы одного ублюдка. Все лучше, чем покорно ждать смерти или трусливо молить о пощаде.

Удар, еще удар.

– А-а!!

Черенок не сопротивлялся, только орал. Звал приятелей, которые со всех ног мчались к месту схватки.

– А-а!

Впавший в бешенство Илья безжалостно молотил кулаками податливое тело. Молотил что было сил. А потом нащупал под одеждой ублюдка пистолет, вытащил его, не колеблясь, снял с предохранителя и открыл огонь…

Болото Слоновски удержал.

Рискнул, вывел на улицы весь резерв, снял часть безов с охраны корпоративных территорий, велел не тратить время на водометы… и удержал.

Подкрепление, подошедшее к Аравии, а также активная поддержка местных позволили остановить толпы на линии Орджоникидзе – Серпуховская. Остановили. А затем начали

медленно вытеснять арабов обратно на родные улицы, в «молоко», под пули Балаклавской группировки. Летучие подразделения носились по Болоту и безжалостно расправлялись со всеми, кто неосмотрительно решил, что территория бунтует. Таганку успокоили за десять минут. Смоленку, на которой тоже возникли беспорядки, за двадцать. Количество погибших не афишировалось, но по неофициальным данным счет трупам шел на десятки.

Урус и Занзибар так и не полыхнули.

А к Оглыеву никто не пришел.

Лакри проводил Пэт и Матильду до самого дома. Доехал до Сухаревки, а когда настало время прощаться, слез с мотоцикла, снял шлем и подошел.

– Ты спасла нас.

Так он говорил спасибо.

Пэт внимательно посмотрела на Руса, кивнула и улыбнулась:

– Я немного помяла «Плуто».

Так она сказала пожалуйста.

– Заезжай в мастерскую, когда хочешь.

Так он согласился стать ей другом.

* * *

анклав: Москва

территория: Болото

ночная Поварская

не лучшее место, не лучшее время

Услышав, что беспорядки перекинулись на Болото, Эмира едва не застонала от разочарования: тщательно разработанный план летел к чертям. Она догадывалась, что не отличающийся особой смелостью губернатор Московии потребует от генерала Кравцова ввести на территории Федерального Центра чрезвычайное положение, а значит, придется сидеть в казарме и ждать, когда СБА отобьется. Или не отобьется. И подходящий момент для устранения Банума будет упущен.

Как выяснилось, расстраивалась капитан Го напрасно. Кравцов действительно получил истеричный приказ «принять все возможные меры к защите территории». Однако, будучи опытным военным и здравомыслящим человеком, генерал имел собственное мнение относительно аравийских перспектив и не видел причин, которые могли бы помешать Эмире и трем ее бойцам отлучиться на пару часов. А беспорядки… Они выполнению контракта не помешают. Даже наоборот: охватившая Болото нервозность уже привела к вспышкам насилия, и смерть одного человека, событие ординарное и в обычное-то время, останется незамеченной.

Го назначила встречу в клубе «Глобус», весьма сомнительном заведении, расположенном на первом уровне Поварской. «Глобус» не был притоном в полном смысле этого слова – в нем отсутствовали номера с почасовой оплатой, однако давным-давно, едва ли не со дня открытия, клуб облюбовали ночные бабочки, сговорчивые и недорогие обитательницы окрестных кварталов – идеальное предложение для работяг, рыночных торговцев и мелких жуликов – обычных завсегдатаев «Глобуса».

Тем не менее выбор Эмиры не насторожил Урзака. Он уже понял, что понятие «сомнительное» с легкостью подходит к любому заведению Болота, и с этой точки зрения «Глобус» был далеко не худшим местом встречи.

Банум добрался до Поварской на такси, однако остановиться приказал на перекрестке, не доехав до клуба с полсотни метров. Оглядываться не стал, расплатился, выбрался из мобиля и медленно, тяжело опираясь на трость, направился к ярко освещенному подъезду «Глобуса». Урзак знал, что настоящему профессионалу безразлично, подъедет он к заведению или подойдет прогулочным шагом; профессионал готов к любому развитию событий. А вот сам Банум не любил искать врагов в спешке, предпочитал заранее узнавать, с кем придется иметь дело.

Снайпер Димка Шифер сидел на втором этаже, прямо напротив главного входа в клуб. Его окно располагалось под мостовой второго яруса и открывало настолько удачный вид на ярко освещенный пятачок тротуара, что Димке даже не потребовалось переводить стрельбовой комплекс «балалайки» в ночной режим. И оружие он выбрал соответствующее, не длинноствольную «Узала», способную накрыть цель с двух километров, а компактную, полуавтоматическую «ульку», разработанную знаменитым Андреем Улановым и принятую на

вооружение спецподразделениями многих стран. Стрелять предстояло с сорока метров максимум, а на таком расстоянии точности «ульки» было вполне достаточно.

Еще два бойца, Яша Ножницы и Марта, заняли позиции непосредственно у «Глобуса», им предстояло удостовериться, что Шифер сделал свое дело как надо, а в случае ошибки снайпера закончить за него работу.

Сама Эмира стояла у ограждения мостовой второго уровня, чуть выше Димки, держа в поле зрения всю территорию. И периодически ощупывала лежащую в кармане куртки гранату с зарядом напалстера, способную дотла выжечь зону диаметром десять метров. Эмира планировала избавиться от Урзака любой ценой, пусть даже для этого придется пожертвовать Яшей и Мартой.

Го приняла решение и собиралась выполнить его во что бы то ни стало.

Увидев Банума, Эмира холодно улыбнулась – «наконец-то!» – и негромко произнесла:

– Цель движется по тротуару. Ориентир – трость.

Как ни странно, в «балалайке» Го не осталось четких изображений Хасима – видимо, барахлила программа видео, и наводить стрелков Эмире пришлось вручную.

– Вижу цель, – отозвался Шифер. – Готовность.

– Готовность, – подтвердили Яша и Марта.

– Огонь.

Мощный глушитель полностью съел звук выстрела, девятимиллиметровая пуля полетела в голову Банума, но… За мгновение до того, как палец снайпера надавил на спусковой крючок, Урзак чуть отклонил корпус, и пуля раздробила колено стоящей у стены женщины.

Раздался оглушительный визг.

Небольшая толпа, что лениво роилась у «Глобуса», пришла в движение. Кто-то кричал, кто-то бежал, кто-то падал, кто-то вытаскивал оружие. Привыкшие ко всяким неожиданностям жители Болота среагировали молниеносно. Миг – и начался подлинный бедлам.

– Димка, стреляй!

– Я его не вижу!

– Яша! Марта!

– Выполняем…

Нельзя сказать, что Урзак впал в бешенство. Это состояние деструктивно, оно мешает правильно оценивать ситуацию и предпринимать верные шаги. Вспылить – да, вспылил, особенно

когда вдруг подумал, что стреляла в него сама Эмира. Маленькая паскуда, решившая избавиться от проблем столь примитивным способом.

Захотелось ее наказать. Не убить, конечно, но причинить настоящую боль, такую, чтобы крепко проняло. Чтоб запомнила на всю жизнь, если Урзак решит ей ее оставить. Такую, чтобы тряслась от страха, вспоминая эту ночь.

Разозленный Банум бросился к подъезду дома напротив.

Что оказалось для Эмиры полной неожиданностью. Го рассчитывала, что Хасим попытается спрятаться, укрыться в «Глобусе», какого черта его понесло в другую сторону?

Уж не собирается ли он…

Додумать мысль Эмира не успела.

– Контакт! – доложил Яша.

– Контакт! – подтвердила Марта.

«Все, Банум, до свидания!»

Их было двое: мужчина справа, женщина слева. Профессионалы, спокойно и деловито прорвавшиеся к нему через толпу. Профессионалы с короткоствольными пистолетами, прекрасно подходящими для ближнего боя, и ножами. А где-то сверху – снайпер. А еще выше – четвертый, у которого в кармане настолько разрушительное оружие, что он до сих пор сомневается, стоит ли его применять…

«Стоит! Точнее – стоило. Потому что сейчас уже поздно, боец, слишком поздно. Считай, что сомнения привели тебя в могилу…»

Урзак влетел в подъезд, захлопнул за собой дверь, но тут же остановился, ожидая преследователей.

– Яша! Марта!

Ладонь, в которой уютно устроилась граната, вспотела. А спокойствие привычного к боевым столкновениям офицера постепенно сменялось… Страхом?

– Яша! Марта!

Картинки с их «балалаек» перестали поступать Эмире четыре и семь секунд назад соответственно.

– Яша! Марта!

Последние кадры смазаны: приближающаяся тень. Очень размытая. Очень неясная. Го уже знала, кто оставляет на видео столь невнятные следы.

Но не хотела верить, что проиграла.

– Яша! Марта!

– Капитан, что мне делать?

Это Шифер. Он ничего не знает, но по голосу Эмиры догадывается, что все пошло наперекосяк.

– Уходи! Немедленно… – Она вдруг вспомнила, что в подъезде Урзак. – Через окно, Димка! Прыгай в окно!

Поздно.

Размытая тень перед снайпером, сдавленный крик, тишина.

И голос в «балалайке»:

– Решила поиграть со мной, маленькая дрянь?

Эмире доводилось и воевать, и убивать. Она видела последствия работы карателей из Грозной дивизии МВД, зачищавшей в свое время Рязань, и бывала в оренбургских деревнях, только что оставленных омарцами. Она была уверена, что готова ко всему.

Но этот голос пробрал капитана до костей.

Ледяной. Замогильный. Голос из самого Ада.

– Сейчас поиграем, сука.

Эмира в ужасе бросилась прочь.

Банум намеренно использовал свой «особый» голос. К сожалению, цифровая передача ослабила воздействие, не хватило мощи на то, чтобы дикий страх парализовал наглую девицу, но и достигнутым эффектом Урзак остался доволен: эмоции перепуганной Эмиры вспыхнули фонтаном, лучше любого маяка указав Хасиму, где искать добычу.

– Теперь не уйдешь!

«Как? Почему? Что происходит?»

Будь у нее возможность, Эмира с удовольствием поразмышляла бы над этими вопросами, поломала бы голову, пытаясь объяснить происходящее. Но возможности не было. На бегу особо не поразмышляешь, да и мысли путались, особенно после того, как…

Она увидела, что Банум взбирается по пожарной лестнице. Какое-то время он бежал по нижней мостовой, ухитрился обогнать девушку и теперь поднимался наверх. Бросать гранату бессмысленно: улетит вниз, на землю, взорвется, не причинив ему вреда. Эмира выхватила пистолет и открыла огонь. Метров с десяти. Можно сказать – в упор.

Она не могла промахнуться.

Не могла!

Она промахнулась.

Го так и не поняла, куда разлетелась обойма. Куда угодно, но только не в Хасима. И если бы не последняя пуля, он бы уже стоял перед ней. Но заключительный выстрел дал Эмире шанс:

пуля снесла один из крепежей старой лестницы, и старая конструкция не выдержала, обвалилась, прихватив с собой Банума.

А бросить следом гранату Го не сообразила. Подвели инстинкты. Побежала дальше, на ходу перезаряжая пистолет, и только шагов через пятьдесят поняла, какую совершила глупость.

И одновременно услышала за спиной шаги.

Хасим приближался.

Неотвратимо.

Остановиться и принять бой?

«Я не могу его убить!!»

Перепуганная Эмира перепрыгнула через ограждение и полетела куда-то вниз…

– Что мы здесь делаем? – недовольно поинтересовался Филя. – А вдруг наша девочка в беде? Слышишь, что на Болоте творится?

– Не слышу, – односложно ответил Олово.

Он не носил «балалайку», а потому был лишен возможности просматривать и прослушивать новостные каналы.

– Так послушай!

Таратута попытался включить приемник, но слуга перехватил его руку:

– Не на-адо.

– Девчонка наверняка в беде!

– Нет.

– Почему ты так думаешь?

– Я зна-аю.

– Asinus Buridani,[9] – чуть слышно пробормотал Филя и вернулся к своему вопросу: – Что мы здесь делаем?

Убедившись, что байкеры не собираются винить Пэт в гибели вожака, Олово посмотрел на часы и приказал Таратуте спешно ехать на Поварскую. Зачем – не объяснил. Впрочем, Филя давно привык к лаконичности маленького слуги. Думая, что дело действительно срочное, он гнал как сумасшедший, домчался до улицы минут за десять… и вот уже с полчаса они с Олово сидели в мобиле, разглядывая пустынную Поварскую.

– Что мы здесь делаем?

– Ма-амаша Да-аша ска-азала, что надо за-авернуть сюда.

– Просто завернуть?

– Да.

– Зачем?

Олово помолчал, после чего повторил:

– На-адо.

– И долго мы будем сюда заворачивать?

Ответить Олово не успел. Послышался короткий вскрик, и на стоящий позади мобиль упал человек.

Учитывая обстоятельства, приземление имело смысл считать успешным. Эмира не видела, куда летит, да и плевать ей было на такие мелочи, она просто прыгнула. И крыша мобиля оказалась весьма подходящим вариантом. Грохот, возмущенный вой сигнализации, еще один прыжок вперед, теперь на землю, пара шагов, чтобы погасить скорость…

И снова бег. Безумный бег. Укрыться в темных переулках. Раствориться в них. Спрятаться. Эмира знала одно: это ее последняя надежда. Если не получится, если проклятый Хасим ее догонит, она взорвет гранату.

Точка.

Эмира побежала. Но шагов через тридцать навыки военного сумели пробиться сквозь паническую пустоту в ее голове.

«За мной никто не бежит!»

Странно? Еще как.

И Го рискнула. Свернула за угол, остановилась и осторожно высунулась, стараясь разглядеть, что происходит позади…

Банум спрыгнул со второго уровня столь элегантно, словно не с пятиметровой высоты летел, а со стула сошел. Расставил ноги на ширину плеч, оперся на трость и на мгновение замер, стоя посреди улицы. Затем поднял голову, увидел спину девушки, усмехнулся и сделал шаг следом.

И остановился.

Дорогу ему преградила невысокая фигура.

Кто это мог быть? Канторщик? Без? Эмира не знала. Но была уверена, что он сейчас умрет.

И ошиблась.

Мгновение Банум и невысокий смельчак неподвижно стояли друг напротив друга. А затем произошло то, во что девушка еще долго отказывалась поверить.

Урзак прыгнул. Но не вперед – назад. Спиной. Отскочил метров на пять или шесть. Или переместился? Или ей показалось? Эмира могла бы решить, что ошиблась, что ей почудилось, возможно… если бы не смельчак. Он тоже отпрыгнул. И тоже спиной. И тоже не меньше, чем на пять метров. Только что невысокая фигура находилась под фонарем, и вот она едва ли не рядом. Ибо ни тот, ни другой не остановились: увидели друг друга, прыгнули и побежали в разные стороны.

«Побежали! Невысокий одним своим появлением заставил Банума бежать!!»

Додумать Го не успела. Незнакомец оказался рядом – «как он узнал, что я здесь?!» – схватил девушку за плечо и втолкнул в подъехавший мобиль. Ошарашенная Эмира не сопротивлялась.

– Ты почему его не убил?

Олово не ответил.

Таратута бросил на слугу быстрый взгляд и вздрогнул.

И без того субтильный Олово сжался в комочек. В маленький, трясущийся комочек. В дрожащих руках стиснуты боевые ножи, стиснуты так, что побелели костяшки пальцев, – совсем непрофессиональная хватка. Взгляд пустой, словно у человека, пережившего чудовищное потрясение. А еще…

Еще Таратута мог бы поклясться, что у Олово стучат зубы.

Глава 6
Люди на Земле
Читающая Время

– Руны помогают во многих случаях, – негромко произнесла старуха, привычно встряхивая мешочек. – Это тебе не на костях гадать. Руны откроют, что будет завтра, расскажут о человеке, подскажут правильный путь и даже к Высшим Силам позволят обратиться. Главное – правильно их читать.

– Знать значение каждой руны? – спросила девочка, внимательно наблюдая за трясущимся мешочком.

– Знать мало, – ответила предсказательница. – Надо чувствовать.

В помещении, где за грубым деревянным столом сидели старуха и девочка, царил полумрак. Комната с низеньким потолком – старуха легко доставала до него, вытянув вверх руку, – освещалась единственной свечой, воткнутой в медный подсвечник. Пахло травами – сухие пучки висели на стенах – и приготовленными на ужин вареными овощами.

– Возьми руну, – велела предсказательница, раскрыв мешочек.

Девочка протянула руку, достала костяную пластинку и положила ее на стол.

– Говори.

– Перт.

– От судьбы не уйдешь, – улыбнулась старуха.

– Я и не собираюсь, – буркнула девочка. – Потому и осталась у тебя.

Улыбка предсказательницы стала шире.

На самом деле осиротевшая девчонка прибилась к добродушной деревенской ведунье два года назад на ярмарке. Эльзе только-только исполнилось тринадцать, ее фигура стала приобретать женственные очертания, и предсказать ее судьбу можно было безо всяких рун: потеря невинности в пьяном угаре ярмарочного трактира или в лесу, в компании бродяг, служба на постоялом дворе, пока ее будут хотеть хозяин и гости, а потом – снова на улицу. Потасканной, расплывшейся, окончательно утратившей всякую надежду. В принципе, ученица старухе не требовалась, но девочка поразила ее тем, что раз за разом вытаскивала из мешочка руну Перт.

– Тебе предначертано познать тайное, Эльза.

– Я иду по этой дороге, – отозвалась девочка. – Я учусь.

– К сожалению, этого мало. – Предсказательница вздохнула. – Ты замечательная ученица, Эльза, ты уже превзошла меня в знании трав и приготовлении снадобий. Ты можешь объяснить любое сочетание рун. Ты предсказываешь будущее…

– Как ты?

– Нет, – тихо ответила старуха. – Я его вижу. – Она снова вздохнула, внимательно и немного грустно глядя на ученицу. – Для тебя будущее – ночь, ты ориентируешься в ней по звездам, по рунам.

– А ты?

Эльза задавала этот вопрос не в первый раз и всегда слышала в ответ одно и то же:

– Мне хватает света звезд, чтобы видеть во тьме, а не ориентироваться в ней.

Услышала и в какой уже раз спросила:

– А я смогу видеть во тьме грядущего?

– Не знаю, – честно ответила предсказательница. – Научиться этому невозможно. Но я думаю, что руна Перт не просто так озаряет твой путь – чувство придет. – Качнула головой, кашлянула. – Надеюсь, я увижу рождение великой ведуньи.

Деревенские рассказывали Эльзе, что когда-то Мамаша Марта отличалась особенной, редкой для этих мест красотой. Когда-то на нее заглядывались все парни округи и даже сын бургомистра. Когда-то. Сейчас в полутемной комнате сидела сгорбленная женщина, с серыми волосами и смуглой морщинистой кожей. Время от времени прорицательнице отказывали ноги, иногда она заходилась в кашле и долго, очень долго не могла остановиться. Но ум старухи оставался острым как бритва, а память – твердой и цепкой, будто у молодого купца.

– Ты умираешь, – едва слышно произнесла девочка.

Она не боялась потерять покровительницу – деревенские знали, что Мамаша Марта воспитала достойную преемницу, и выказывали юной Эльзе то же уважение, что и старухе. Девочка страшилась потерять близкого человека.

– Каждый когда-нибудь умрет, – спокойно отозвалась предсказательница.

Ученица поерзала на лавке.

– А это страшно – знать, что скоро умрешь?

– Зависит от человека, – очень серьезно ответила старуха. – Каждый знает, что совершил в жизни, и догадывается, что его ожидает. Кто-то трясется от страха, а кто-то остается спокоен.

– Я о другом… – Эльза перевела взгляд на огонек свечи. – Покинуть мир, с его рассветами… с туманом над речкой… с

запахом травы… – Девочка вновь посмотрела на предсказательницу: – Неужели нельзя обмануть смерть?

– Нет.

– Но ты говорила, что с помощью рун можно задать вопрос Высшим Силам.

– Говорила.

– Тогда почему не спросить, как избежать смерти?

Старуха удивленно покачала головой:

– Ты боишься смерти?

– Да, – призналась Эльза. – Очень.

– Но ведь ты еще молода. Твои ровесники не задумываются о таких вещах.

– Меня ведет руна Перт, – через силу улыбнулась девочка.

– Скажи правду, – мягким тоном, но в то же время очень твердо велела предсказательница.

Эльза знала, что старуха не отступит. Тихонько вздохнула:

– Помнишь, в прошлом году медведь поломал Карла?

– Да.

– Его принесли в деревню живым, и ты дала ему отвар, чтобы ушла боль.

– Я помню.

– А он все равно кричал. Сильно кричал. Я думаю, оттого, что видел стоящую у кровати смерть. Он кричал от страха. – Девочка жестко посмотрела на Мамашу Марту, а потом задрала рукав кофты на правом предплечье и продемонстрировала предсказательнице старый шрам. – Я знаю, что такое боль. Ее можно перетерпеть. И страх тоже. Но взгляд смерти хуже боли и страха. – Помолчала, медленно оправляя одежду. – Я права?

– Ужас, – тихо сказала старуха. – Ее взгляд навевает ужас.

Эльза вздрогнула:

– Ты видела смерть? Видела ее взгляд?

– Руны тебе не помогут. – Старуха проигнорировала вопрос ученицы, но та не возражала – поняла, что услышит откровение. – Там, за чертой, они перестают быть указующими звездами. Просто символы, горящие в вечном мраке. Они светят только себе. Они провожают… но тебе безразлично.

– Ты была за чертой? – жадно спросила Эльза. – Ты вернулась? Ты обманула смерть?

– Я не вернулась. Я умерла. – В безжизненных, остановившихся глазах старой прорицательницы отразился огонек свечи. – Из-за черты нет возврата, девочка. Но я знаю того, кто оттуда пришел.

– Как пришел? Вернулся?

– Бывают мгновения, когда ничто, лежащее за чертой вечного забвения, становится способным рожать. Очень редко бывает.

Когда воют от натуги силы самого основания. Когда дрожит Вселенная. Когда встречаются Верхние и Нижние миры. Когда навсегда уходит Традиция… В наивысший момент невероятной катастрофы бесплодные боги извергают из себя нечто. Нечто из ничего. Чудовище. Тварь, способную устрашить смерть и прорваться сквозь черту, нарушив ход времени и порядок вещей.

– Дьявол? – прошептала девочка.

И вновь Мамаша Марта не услышала вопрос.

– Я помню, как смерть, эта старая шлюха, привыкшая наводить на людей ужас, упала на колени, боясь взглянуть на Чудовище. А оно взяло ее за шкирку, вот так, и ткнуло носом в Пса. В полудохлого Пса. Но Пес тот был силен. Видела бы ты, как долго стоял он возле черты, как цеплялся за мир, как царапал ногтями мрак, как боролся, не желая уходить… Чудовище указало на Пса и велело смерти отступить. И смерть отступила, потому что в миг, когда нет ни Порядка, ни Хаоса, власть имеет тот, кто рожден за чертой Забвения.

Лицо старухи превратилось в мертвую маску. Она продолжала говорить, несмотря на то что единственная ее слушательница, Эльза, давно стучала зубами от страха.

– Мое тело не было столь же сильным, как тело Пса. Оно исчезло за чертой, и даже рожденный в забвении не мог вернуть его. Но среди мерцающих рун еще витал мой дух, мой сильный дух, и Чудовище успело схватить его. И наложить заклятие, одно из тех, что было забыто со времен Сотворения мира. – Мамаша Марта посмотрела на свои узловатые пальцы. – Я умираю и обретаю жизнь в другом теле. Чья-то душа уступает мне место.

Старуха пришла в себя. Улыбнулась перепуганной ученице, поднялась, с трудом доковыляла до полки, сняла с нее кувшин и сделала большой глоток молока.

– Не бойся, Эльза, я вернусь в мир не в твоем теле, а во младенце, который откроет глаза в миг моей смерти.

– Я не боюсь, – неуверенно пробормотала девочка.

С одной стороны, она жалела, что завела этот странный разговор. С другой – пытливый ум начинающей предсказательницы требовал разъяснений некоторых подробностей.

– Скажи, Чудовище, о котором ты рассказывала, это дьявол?

– Дьявол? – Мамаша Марта покачала головой: – Нет, дьявол – это из другой Традиции.

Непонятно, но сойдет, пока удовлетворимся полученным ответом.

– А как могло ничто родить? И боги… Ты ведь сама сказала, что они бесплодны.

– Вспомни, как трудно умирала Анжела, – велела старуха.

– У нее пошла черная кровь из горла.

– Так вот, Чудовище – это черная кровь, которая пошла из горла умирающих богов.

* * *

анклав: Москва

территория: Урус

доходный дом Гиндыева

только мертвые свободны от сомнений

– А-а!!

Он рывком поднялся и сел на кровати. Дыхание тяжелое, прерывистое. Взгляд никак не может сфокусироваться, бессмысленно блуждает по комнате, не различая предметов, не видя окон и дверей. И дело не в том, что он только проснулся и еще не пришел в себя. Существовала иная причина.

Для блуждающего взгляда.

Для пота на лбу, на спине, на груди.

Для очень плохого настроения.

Сквозь мутную пелену проступили иконки. Три неотвеченных вызова, шесть пришедших в «балалайку» сообщений…

Не сейчас.

Урзак чуть скосил глаза, посмотрел на сдвинутый в правый нижний угол наноэкрана таймер. Прикинул.

Он спал три часа – значительно больше, чем обычно. Ничего особенного: организм Банума сам определял, сколько времени требуется на отдых. Странность заключалась в другом: впервые за много-много лет сон не принес облегчения.

– Я испугался, – угрюмо пробормотал Хасим. – Черт меня подери, я испугался!

Урзака разбудил не кошмар, не видение ужасных картин. Такая ерунда его не беспокоила: Хасиму давно ничего не снилось. Ему ОЧЕНЬ давно ничего не снилось. Эмоции – вот что вырвало Банума из объятий Морфея. Не образы, но чувства, ощущения.

Плохие ощущения, неприятные.

Урзак слез с кровати, добрался до холодильника, вытащил пластиковую бутылку и жадно припал к горлышку. Холодная вода

потекла по подбородку, по обнаженной груди, ручейками заструилась по ногам. Опустошив одну бутылку, Урзак вскрыл следующую, сделал два больших глотка и, не выпуская ее из рук, вернулся в комнату.

– Да уж, здорово я изменился, если испугался собаки…

Хасим попытался улыбнуться, но лишь скривил губы. Провел рукой по гладко выбритой голове, прикоснулся подушечками пальцев к холодному разъему на затылке.

– Годы сделали меня мягким.

Он знал, что это ложь, что не изменился ни на йоту, что по-прежнему силен и жесток. Но иногда необходимо соврать себе. Чтобы разозлиться.

И прогнать страх.

Банум был уверен в себе, несмотря на то что его уже не хранила аура Избранного, аура Выбравшего Путь.

Неизвестность. Она заставляла вздрагивать душу Хасима.

Непонимание.

– Хорошо, допустим, Чудовище – последний ублюдок издыхающих богов… – пробормотал он. – Но Гончий Пес? Почему выжил он? Почему не умер?

Не новичка видел Урзак на Поварской, не воспитанного Чудовищем бойца, но матерого Пса, помнящего Последний Храм. Одного из тех, кто безропотно умирал в Чертоге Меча.

Умирал, но не умер.

Почему?

И появился проклятый коротышка слишком внезапно. Скрывал свое присутствие до самого последнего момента. От него скрывал! От Урзака!

А значит, Пес невероятно силен.

И можно только догадываться, какую мощь набрал его хозяин.

– Тем интереснее будет схватка…

Необходимо уничтожить цепляющихся за жизнь тварей раз и навсегда. Ибо Путь выбран. Правильный Путь. Единственно возможный. Традиция рухнула, уступив место другим, более молодым, более живучим. Древние боги предлагали другой Путь – войну. Суровую войну за выживание. Семь лет они уверяли Избранного, что он должен выбрать Путь Крови. Обещали помощь. Урзак отказался. Он был Избранным, он знал, что произойдет, если позволить богам вмешаться в войны людей. Урзак сделал выбор. Он знал, что его боги мертвы. Но…

– Почему не сдох Пес? Почему не сдохла Читающая Время?! Почему?!!

Хасим посмотрел на свои механические руки. Вспомнил

встречу с Ляо, рассказ об оживших рунах. Вспомнил свое искусно спрятанное смущение тем фактом, что он этого не почувствовал.

– Что еще прошло мимо меня?

Страх порождает сомнения.

«Откуда у Чудовища такая сила?»

И злой крик:

– Я! Я впитал всю мощь Традиции!

И бутылка полетела в угол, упала, вода потекла на пол, словно кровь из разорванной артерии.

Урзак заметался по комнате.

– Они не могут! Не могут! Я Избранный…

Стальные руки сдавили попавшуюся на глаза ложку, скрутили винтом, смяли в шарик.

Механические руки…

«Я уже не Избранный!»

Но это не важно. Не осталось тех, кто избирал. Никого не осталось. Ничего. Рухнул Последний Храм, унеся Традицию в небытие.

– В таком случае откуда у Чудовища столько сил?

Банум сумел справиться с паникой. Поднял бутылку, допил остатки воды, вернулся в кресло, задумался.

Позвонить Ляо? Но что это даст? Если бы китайцы могли справиться с Чудовищем, они бы не стали унижаться, не обратились бы к нему за помощью. Нет, Ляо растерян, если не сказать – в ужасе. Он надеется, что Урзак справится.

А Урзак…

Банум усмехнулся.

А Урзак размышляет над тем, что благоразумнее всего из Москвы уехать. Чудовище не станет преследовать, оно знает правила. При первой встрече положение равное, но отступивший начинает проигрывать, в следующий раз у Чудовища будет преимущество. Не в силе. Появится преимущество на другом уровне боя. На том уровне, который отражается в горящих глазах, в поющей во время битвы душе, в крике победителя…

Нет, отступать нельзя.

Надо драться. Драться и победить.

– Он тоже испугался, – пробормотал Банум, вспоминая поведение Пса. – Он не ожидал увидеть меня. Это точно. Если бы ждал – напал. А он сбежал. Я чуял его страх.

Сквозь собственный ужас.

«Не слишком ли много случайных встреч? Сначала мелкие слуги, теперь Пес. Ловушка?»

Но страх Пса был искренним. Неподдельным. А значит, встреча – случайной.

«Хорошо, что эта дура Го улепетывала, не оглядываясь. Небось до сих пор не может прийти в себя от радости…»

И сразу же выбросил Эмиру из головы. Вспомнил о Петре.

«Предположим, что встреча с Псом не была случайной. Предположим, Эмира вышла на того, кто прячет Петру, – на Чудовище, – и попросила подстраховать. Чудовище послало Пса. Не ожидая, что тот наткнется на меня. Что мне дает это предположение?»

– Что…

Урзак вскочил на ноги.

– Вот оно!

Элементы московской мозаики неожиданно сложились, совпали, образовали законченный рисунок. Разгадка оказалась настолько простой, что Хасиму стало стыдно за то, что он так долго не мог к ней прийти.

Петру Кронцл сделали ключевой фигурой в играх корпораций, именно на «Фадеев Групп» москвичи замыкают свои активы. Девушке предстоит стать одной из главных фигур приближающейся эры новой энергии. Она обретет власть над всей планетой. Не силой оружия: такой подход давно в прошлом. Силой ума, денег и технологий. Новая эра – новый порядок. Девчонку пестует Чудовище, значит…

– Она Избранная.

Тварь мечтает возродить Традицию. А с такой властью эти планы могут стать реальностью.

«Но знает ли Петра об уготованной ей судьбе? Ее похитили, вырвали из привычной жизни, убили ее любимого деда… Что она чувствует?»

Нужна встреча. Обязательно. Лицом к лицу. Нужно взглянуть на Избранную. Нужно…

– Ты – слабое место Чудовища, – прошептал Урзак. – Ты поможешь мне победить. А потом умрешь.

* * *

анклав: Москва

территория: Сити

«Дядя Степа»

не каждый способен принять философию хищника

Как и предсказывал Старович, ответ перед московскими верхолазами пришлось держать очень скоро. Значительно раньше, нежели рассчитывал Мертвый.

Приглашение на неофициальную встречу с лидерами Анклава поступило Кауфману ранним утром. Времени на подготовку директору филиала СБА оставили в обрез, меньше двух часов, подразумевалось, что он приедет и молча выслушает накопившиеся у верхолазов претензии. Но разноса не получилось. Слоновски шефа не подвел, жесткие его меры дали результат, и Мертвому было о чем говорить. Не оправдываться, не защищаться, а спокойно докладывать. С отчета о положении дел он и начал, даже не позволив верхолазам приступить к выражению неудовольствия.

– …таким образом, вспышки насилия наблюдаются только в Аравии и Кришне, в районах, где окружены боевики, принимавшие участие в ночных беспорядках. При этом многие мятежники бросают оружие и выходят из блокированных кварталов под видом мирных жителей. Мы не препятствуем. – Кауфман помолчал. – События вчерашнего вечера и ночи возникли стихийно, под влиянием эмоций. Аравия – одна из самых цивилизованных территорий Анклава…

– Вот именно! – перебил Макса Леон Дюгарри, глава московского представительства марсельского «WCG». – Вы умудрились поджечь самый мирный район Москвы!

– «Самый мирный» район бунтовал всего пять лет назад, – огрызнулся Мертвый. – Помните, как в те дни аравийцы и урусы одновременно полезли на Шанхайчик?

– Пять лет было тихо!

– Блестящий аргумент!

– Максимилиан, держите себя в руках, – мрачно попросил Холодов.

Встреча проходила в небольшом конференц-зале «Дяди Степы», лучшего отеля Анклава, и ни один из ее участников не чувствовал себя хозяином. Но президент самой мощной русской корпорации являлся неофициальным лидером московского сообщества верхолазов и с молчаливого согласия присутствующих принял обязанности председательствующего.

– Извините, Леон, – буркнул Мертвый. – Хочу только заметить, что Аравию я не поджигал.

– Я неудачно выразился, – кивнул марселец.

– Но бунт вы прошляпили, господин Кауфман!

Это Эндрю Базаревич, директор филиала «Боинга». Престарелый донжуан с изящными тоненькими усиками. Ходили слухи, что потерянную с возрастом природную смоль волос

Базаревича не могут восстановить даже наны, шевелюру приходилось по старинке красить.

– Вы несете личную ответственность за беспорядки!

– Корпоративные территории не пострадали, – напомнил Мертвый.

Эндрю желал развить тему, четче донести свое отношение к происходящему, жестче высказать Кауфману претензии. Любой верхолаз – превосходный оратор. Умению хорошо говорить их учат с детства, оно оттачивается на бесконечных совещаниях, переговорах, конференциях и заседаниях акционеров. Однако любому человеку необходимо дышать, прерывать речь, чтобы наполнить легкие воздухом, и Мертвый превосходно умел вклиниваться в вынужденные паузы.

– Мои сотрудники действовали предельно аккуратно. Лишних жертв нет.

– Лишних жертв?! – взорвался Дюгарри.

Но Кауфман не позволил Леону продолжить:

– Под лишними жертвами я подразумеваю законопослушных граждан, пострадавших в результате действий СБА. Мы провели серьезную работу по предупреждению населения. Информация о том, где идут боевые действия, распространялась в режиме реального времени по всем лентам новостей, и…

– Но жертвы все равно были!

– Это естественно во время беспорядков!

– Какое наказание понесут ваши подчиненные, виновные в гибели мирных граждан? – Базаревич подался вперед.

В конференц-зале собрались почти полтора десятка верхолазов, и ни одного из них не задела откровенная глупость вопроса. Даже Холодов не спешил на помощь, впрочем, у него для этого были основания.

– Никакого! – отрезал Мертвый. – Во время подавления мятежа сотрудники СБА имеют право на неограниченное применение оружия!

– Раньше вы не были столь откровенны, Максимилиан, – заметил Клаус Шеллинг, директор филиала «Евроспейс».

– Был, – прищурился Кауфман. – Но вы не обращали на мою откровенность никакого внимания. – И сразу же, не дав Шеллингу возразить, принялся сыпать цифрами: – Во время бунта в Урусе от рук безов погибло шестьдесят четыре мирных жителя. При подавлении беспорядков в Занзибаре убито сто одиннадцать…

– Для чего вы это говорите?!

– Раньше вы никак не реагировали на гибель граждан, – пожал плечами Макс. – Я обеспечивал порядок в Анклаве и оберегал корпоративные территории так, как считал нужным.

Разве в моих обязанностях что-то изменилось?

Верхолазы переглянулись. Холодов едва заметно улыбнулся. Мертвый не просто отбился от нападок, он придавил наседающих бонз, загнал их в угол. Теперь им придется либо признать правомерность действий СБА и поддерживать Кауфмана в противостоянии с Моратти, либо открывать карты и рассказывать об истинных причинах своего неудовольствия.

– В чем-то вы правы, Максимилиан, – медленно произнес Дюгарри. – Изменилось.

– Мои обязанности?

– Нет, – пробурчал Клаус, – общее положение дел.

Возможно, Дюгарри и Шеллинг корили себя за несдержанность, но прекратить разговор они уже не могли. Иначе Кауфман выйдет победителем, и большинство верхолазов, мягко пожурив директора за излишнюю резкость, выступят за сохранение должности за Максом. В конце концов, московские корпоративные территории не подвергались атакам очень давно, гораздо дольше, чем в других Анклавах.

– Мы не можем отмахиваться от претензий, которые предъявляют государства, – выдавил из себя Дюгарри.

Нет, можем. Точнее, могли.

На заре становления Анклавов корпорации действительно вели себя крайне осмотрительно. Без холуйства, разумеется, но к мнению политиков прислушивались. Однако по мере того как независимые территории набирали экономическую мощь, тон взаимоотношений менялся. Корпорации позволяли себе конфликтовать с отдельными государствами и даже целыми континентами, корпорации требовали уважения и добивались его.

Теперь, судя по всему, старые времена возвращались.

– Жестокость, проявленная при подавлении беспорядков в Аравии, населенной преимущественно европейцами, вызвала неудовольствие Исламского Союза. Официально Эль-Париж еще не высказался, эмиры выбирают подходящие формулировки, но до нас доходят слухи, что они крайне злы.

– А рынок Союза важен для Анклавов, – поддакнул Шеллинг.

– Кажется, в ходе подавления бунта ни один квартал Эль-Парижа не пострадал, – с деланым удивлением отозвался Мертвый.

Верхолазы встретили его слова легкими смешками, даже Холодов позволил себе улыбку.

– Я буду благодарен, если вы воздержитесь впредь от подобных шуток. – Дюгарри буравил Кауфмана взглядом. – Аравийцы – граждане Анклава. Но Исламский Союз не намерен закрывать глаза на притеснения, которым подвергаются

этнические европейцы.

– Некоторые видные политики замечают, что если бы бунт вспыхнул на другой территории, вы бы действовали менее жестко.

Когда это, интересно, они успели заметить? В Союзе раннее утро.

– Корпоративные территории не бунтуют, – усмехнулся Мертвый. – А в любом другом районе мои действия были бы точно такими же. СБА создана для охраны интересов корпораций, а массовые беспорядки несут им прямую угрозу.

Собравшиеся закивали: прав чертов Кауфман, прав! Молодец!

– Для меня не имеет значения, кто именно бунтует: поднебесники, урусы, аравийцы или негры. Пока есть возможность, я их успокаиваю. Потом я их убиваю.

– Вы совершенно напрасно делите людей на каперов и остальных, – мягко улыбнулся Дюгарри. – Это подход даже не вчерашнего, а позавчерашнего дня. Аравийцы, урусы, китайцы… Они такие же граждане Анклава, как и каперы. С такими же правами. И относиться к ним надо точно так же.

– Государствам не нравится, что в Анклавах сложилась чуть ли не кастовая система, – подал голос Шеллинг.

– Кто же в этом виноват? – поинтересовался Кауфман. И тут же перешел в атаку: – Клаус, вам напомнить, каков процент этнических европейцев среди служащих «Евроспейс»? Два! Остальные ваши сотрудники ночуют в Царском Селе.

– Это ничего не значит! Мы должны соблюдать права всех граждан Анклава!

– А кто защитит вас от ТАКИХ граждан Анклава?

Шеллинг с ненавистью посмотрел на Мертвого. Дюгарри отвернулся. И только Базаревич нашел в себе силы спросить:

– Вы действительно не понимаете, что мы хотим сказать, Максимилиан?

Кауфман опустил голову, помолчал и негромко ответил:

– Понимаю, Эндрю. – И совсем тихо, для себя: – В том-то и дело, что понимаю…

– Все очевидно, доктор Кауфман: европейские корпорации близки к Моратти, наверняка он просил своих друзей надавить на нас, – спокойно прокомментировал встречу Мишенька, когда они с Мертвым заняли места в салоне вертолета. – К счастью, действия Грега отняли у них главный козырь, а вы сумели…

– У них изменилось настроение, – угрюмо произнес Кауфман, глядя на проносящиеся внизу постройки Сити. От «Дяди Степы» до «Пирамидома» минут десять на мобиле, но Мертвый предпочел

воспользоваться вертолетом, не пожелал тратить время. – У них изменилось настроение.

– Что вы имеете в виду?

– Я готов поверить, что Дюгарри выполняет заказ Моратти, понимаю мотивы Базаревича: с североамериканцами мы не дружим. Но… ты обратил внимание, как вели себя остальные?

В конференц-зал Щеглова не допустили, во встрече участвовали исключительно первые лица. Но кто-то должен был обеспечивать безопасность совещания, сидеть в особой, уставленной хитрыми приборами комнате и следить за тем, чтобы ни одно верхолазное слово не просочилось наружу. Этим кем-то и стал Мишенька. Правда, в технике он ни черта не смыслил, зато с удовольствием послушал интересную беседу.

– Некоторых верхолазов обеспокоило сообщение о неудовольствии Союза.

– Вот именно. – Мертвый вздохнул. – Все на свете: любая цивилизация, любое общество, любая команда – все существует до тех пор, пока готово драться. За себя, за своих детей, за их будущее, за место под солнцем. Анклавы выстояли… да что я говорю? Анклавы в принципе стали возможны только потому, что их строили безжалостные волки. Первые верхолазы бросили вызов миру и победили. А эти готовы отдать большую часть всего, что у них есть. Их можно запугать.

– Они не знают того, что известно нам, – заметил Мишенька. – Они не видят перспективы и готовы воспользоваться любым приемлемым выходом из тупика.

– Их отцы и деды рисковали своими жизнями и своими миллиардами.

– Значит, их отцам и дедам этот выход из тупика казался приемлемым, – хладнокровно ответил Щеглов.

– Я с тобой не согласен, – после паузы заявил Мертвый, – но спорить сейчас не стану.

– Как скажете, доктор Кауфман.

Вертолет опустился на выдвинувшуюся из чрева «Пирамидома» площадку. Лопасти замерли, сложились в одну линию, вытянувшись к хвосту машины, и металлическая платформа плавно поехала внутрь здания.

– Мне надо отлучиться, – проворчал Мертвый. – Командуй, пока меня не будет.

– Да, доктор Кауфман.

* * *

анклав: Москва

территория: Аравия

лавка Абдурахмана

досадно, когда тебе мешают

Беспорядки не проходят бесследно. Подобно лесному пожару, неистово полыхавшему накануне, они оставляют головешки и пепел, черные остовы деревьев и запах гари, тлеющие угли и даже целые очаги, готовые взметнуться к небу столбом яркого пламени. Лесной пожар забывается не скоро, оставленные им раны рубцуются годами, а то и десятилетиями, но когда основной очаг потушен, появляться в выжженной зоне более-менее безопасно.

Балаклавская группировка, за исключением подразделений, занимающихся залитыми «молоком» кварталами, распалась на мелкие отряды. Не было больше общего фронта, мощной волной идущего с юга на север. Убедившись, что главная цель достигнута, Слоновски вывел основную часть безов за пределы Аравии, оставив лишь усиленные блокпосты в ключевых точках территории. Появились патрули, правда, на бронетранспортерах. Причем вышедшие на улицу безы получили приказ вести себя по возможности обыденно. Не надзирать за только что горевшей территорией сквозь прицел автомата, а приглядывать, обязательно разбирать мелкие жалобы, реагировать на нарушения общественного порядка… В общем, всеми силами демонстрировать, что жизнь вошла в нормальное русло. А для точного выполнения задуманного в состав патрульных групп включали людей из отдела прямых переговоров или спецназа – у них нервы крепче, на провокацию не поведутся.

– Уважаемые жители Москвы! Я обращаюсь к вам не как директор СБА, но как один из вас. Как гражданин Анклава…

В Аравии уцелело совсем мало уличных экранов. Те, что располагались на высоте второго-третьего уровня, были уничтожены практически полностью, и муниципалитет еще не приступил к их восстановлению. От остальных осталось меньше трети, но это лучше, чем ничего.

– Каждый из нас должен надолго запомнить события последних дней, а самое главное – признаться самому себе в том, что был не прав. Хоть в чем-то – не прав. Потому что, когда горят

улицы Анклава, правых и виноватых нет, есть только люди, взявшие в руки оружие…

Неповрежденные мониторы, по которым транслировали выступление Мертвого, располагались на четвертом-пятом уровне, их динамики не доносили слова Кауфмана до нижних ярусов мостовых, но особой необходимости в этом не было. Речь передавалась по всем каналам сети, не только по новостным – по всем. Программы прерывались, и голос Мертвого звучал едва ли не в каждой «балалайке» Анклава. Но вокруг экранов все равно собирались толпы людей. Молча смотрели на изображение Кауфмана, переглядывались, иногда перешептывались.

– Расследование событий будет направлено на выявление зачинщиков. И только на это. Мы хотим знать, кому и для чего потребовалось столкнуть между собой традиционно дружественные Аравию и Кришну. Мы обязательно узнаем, что произошло на фабрике пищевого производства. Мы узнаем и расскажем вам…

Директор филиала СБА не мог сказать открыто: все рядовые погромщики амнистированы. Но слушатели прекрасно поняли подлинный смысл слов. Поняли и вздохнули с облегчением.

– Я уверен, что честные жители Аравии и Кришны окажут посильную помощь бригадам дознавателей СБА. Искренняя поддержка охарактеризует человека наилучшим образом…

Кауфман не изменил себе: даже в весьма проникновенную речь он распорядился вставить угрозу. Сначала пряник – амнистия, затем кнут – легкий намек на то, каким образом будут выявляться зачинщики.

Слоновски улыбнулся: «Так и надо!» – и отключил «балалайку» от новостного канала. В принципе, речь шефа Грега интересовала мало – чего там слушать? Но он находился в Аравии и хотел знать, как реагирует народ на те или иные слова Мертвого. Люди, за которыми Слоновски наблюдал через окно бронетранспортера, реагировали именно так, как хотелось безу. Люди останавливали петушившихся юнцов, швырявших в экраны камни, и внимательно слушали Кауфмана.

Люди навоевались.

При свете дня они посмотрели на сожженные дома – свои дома! – посмотрели на сожженные мобили – свои мобили! – узнали, кто из соседей не вернулся – на его месте мог оказаться я! – и решили, что пора остановиться. Трогать их сейчас никто не будет. Даже зачинщиков. Дознаватели проанализируют видеоматериалы, послушают безов, допросят тех, кого уже арестовали, после чего отправятся на территорию. Поговорят с людьми, зададут вопросы, сделают вид, что поверили ответам, и

уйдут. А через неделю-другую, когда ночные события сотрутся из памяти под натиском будней, а те, кто призывал к погромам и командовал боевыми отрядами, выползут из нор, начнутся аресты. Безы возьмут всех, кого захотят, вот только всеобщего возмущения это уже не вызовет.

Именно так действовал московский филиал СБА после бунтов. Но иногда приходилось отступать от инструкций Мертвого. Слоновски отправился в Аравию с конкретной целью: жестко допросить Абдурахмана и вышибить из него сведения о провокаторе Моратти. Вышибить любым способом, если заартачится – увезти в «Пирамидом» и вывернуть наизнанку. Грег был очень зол на старика.

К большому огорчению Слоновски, выяснилось, что Абдурахман вызвал неудовольствие не только у него.

Богатая лавка выгорела дотла. Витрины, в которых еще вчера красовались уложенные талантливым дизайнером ковры, открывали взору прохожего черные внутренности главного зала. Дверь нараспашку. По помещению потерянно блуждают два молодых араба. Ищут? Что? Скорее просто не знают, что делать.

И ни одного сочувственного взгляда. Никто не помогает разбирать руины. Все отвернулись.

Такое поведение соседей подсказало Грегу, что дело нечисто. Пострадай лавка во время беспорядков, вокруг скопились бы люди: родственники, друзья, знакомые, соседи. Женщины бы причитали. Мужчины – помогали. Сейчас подобные картины можно было наблюдать по всей Аравии. А у лавки Абдурахмана – никого. Только два парня бродят по пепелищу. Словно кто-то объявил старика отверженным.

«Кажется, я опоздал».

Слоновски выбрался из бронетранспортера и хмуро огляделся. Его появление не осталось незамеченным, местные косились, а то и останавливались, откровенно изучая беза, однако тут же отводили взгляды, встретившись глазами со здоровяком.

– Вокруг чисто, – сообщил оставшийся в «Буране» оператор.

В бронетранспортере стоял мощный наноскоп, позволяющий детально просматривать окрестности. К счастью, местные не горели желанием связываться с десятком вооруженных безов.

Слоновски сплюнул, вошел в лавку и кивнул молодым людям:

– Салам.

– Салам, – буркнул тот, что помладше.

«Внук, – вспомнил Грег. – Кажется, Ибрагим? Или Аслан?»

– Могу я поговорить с уважаемым Абдурахманом? – вежливо осведомился без.

– Дедушка погиб, – скупо ответил парень и отвернулся.

– Примите мои соболезнования.

В ответ промолчали. Все ясно.

Слоновски медленно вернулся к «Бурану», на ходу вызвал коммуникатор Кауфмана, поморщился, увидев, что вызов переадресован на Щеглова, но тем не менее доложил:

– Старика грохнули. Я не смогу выйти на человека Моратти.

– Ничего страшного, Грег, прорвемся, – спокойно произнес Мишенька. – Бывало и хуже. – Помолчал. – Возвращайся в «Пирамидом».

– Зачем? – Слоновски не нравилось, когда Щеглов отдавал ему приказы. Умом понимал, что Мишенька не трогает его без санкции Мертвого, но поделать с собой ничего не мог – не нравилось, и все. Слоновски, как хорошая собака, был предан одному хозяину.

– Тебе нужно отдохнуть. Ночью ты должен быть свежим, как огурец.

«Ах да, карнавал!»

Но Грег продолжал ершиться:

– А что, у шефа совещание?

– Вроде того, – усмехнулся Щеглов. – Возвращайся и ложись спать. Я позвоню.

* * *

анклав: Москва

территория: Болото

«Шельман, Шельман и Грязнов. Колониальные товары и антиквариат»

неожиданные встречи могут положить начало дружбе

Этот разговор трудно было назвать разносом, разбором полетов, поркой: слишком уж спокойно звучал голос Грязнова. Кирилл не переходил на повышенные тона, излагал мысли без спешки, мягко, прилагал максимум усилий, чтобы Олово понял каждое его слово. Со стороны могло показаться, что он не ругает слугу, а дает ему очередные указания. Однако поникшие плечи, низко опущенная голова и тяжелые вздохи, которые время от

времени позволял себе Олово, показывали, что происходит именно разнос.

– Времени у меня мало, поэтому подведу итог, – произнес Кирилл, жестко глядя на слугу. Глаза Грязнова, в отличие от интонаций, были холодны как лед. – Оставив Пэт, ты поступил опрометчиво. Я недоволен.

И замолчал. Олово понял, что ему впервые с начала разговора дается право на ответное слово, и выдавил:

– Ма-амаша Да-аша сказала, что на-адо заглянуть на-а Пова-арскую.

– Даша может ошибиться! А Патриция осталась без прикрытия и едва спаслась.

– Она-а молодец, – подумав, выдал слуга, всем своим видом показывая, что ему ОЧЕНЬ стыдно.

Грязнов хмыкнул, покачал головой, сделал глоток апельсинового сока и продолжил:

– Не спорю: твои действия оказались полезны. – Теперь смягчился и взгляд антиквара. – Плохо, что ты не выбрал оптимальный вариант. Следовало посоветоваться со мной…

– Вы были недоступны, мастер.

– Тебе известно, кому следует звонить в этом случае.

Олово вновь замолчал.

– Ладно, – после короткой паузы сказал Кирилл, – оставим. Поговорим о том, кого ты встретил.

– Избранный, – сразу же откликнулся слуга. – А-ауры нет. Но я-а его помню.

В глазах Олово сверкнуло бешенство. Дикая ненависть – родная сестра той, что пылала когда-то в умирающем Чертоге Меча. Только сейчас она не была бессильной. Сейчас ее густо приправляла беспощадная ярость готового к бою воина.

– Мастер, вы отда-адите мне схва-атку?

Кирилл не стал спешить с ответом. Он допил сок, поставил бокал на столик, взял в руку черные четки и медленно перебрал несколько бусин, задумчиво разглядывая слугу.

– Я рад, что ты не затеял бой.

И снова пауза. Ожидание ответной реплики. Грязнов ни о чем не спрашивал. Но хотел услышать ответ.

Олово отвел взгляд:

– Я-а испуга-ался.

У него была возможность промолчать, но слуга ею не воспользовался. Он не считал возможным лгать мастеру. Или недоговаривать.

– В этом нет ничего постыдного, – негромко произнес Кирилл. – Урзак силен.

– Нет, – качнул головой Олово. – Он почувствова-ал меня, лишь увидев.

– А ты?

– Тоже.

Грязнов перебрал еще несколько бусин, опустил голову, посмотрел на брелок – драконью голову, улыбнулся:

– Он знает. – Вновь помолчал. – Жаль, что наша встреча не случилась позже. Был бы шанс…

Кирилл оборвал фразу. Прикрыл глаза. Вздохнул:

– Нет, это из области фантастики. Выбравший Путь не свернет. Стало быть, или он, или мы.

Олово кивнул. Понял, что последней репликой Грязнов завершил разговор, взял со столика пустой бокал, но из кабинета не вышел, замялся около кресла.

– Что-то еще? – осведомился Кирилл.

– Мастер, а-а что та-акое атеизм?

Брови Грязнова удивленно поползли вверх. Полминуты он с веселым изумлением таращился на слугу, после чего, удержавшись от соблазна поинтересоваться, откуда кроткий Олово приволок в дом сей термин, ответил:

– Если не вдаваться в философские и теологические тонкости, то атеизм – это вера в то, что нас с тобой не существует.

Слуга зашевелил губами, повторяя про себя слова Кирилла, затем обычно малоподвижное лицо его отразило целую гамму противоречивых чувств, после чего Олово предельно кратко охарактеризовал многовековое течение:

– Дурь!

– Дурь – это наркотики, – заметил Грязнов. – Что же касается атеизма, то мы еще вернемся в этому вопросу. Потом. Сейчас я хочу видеть Эмиру.

Открыв глаза и увидев незнакомую обстановку, Эмира сразу же вспомнила, где находится.

«Это ваша комната», – предупредительно произнес толстяк.

«Я не собираюсь оставаться у вас!»

«Разумеется, мадам, это просто ваша комната на случай, если вы решите немного отдохнуть…»

Хорошо, что провожать ее пошел именно он, вежливый и обходительный Таратута, а не маленький боец со странным именем Олово. В компании нормального человека Эмира чувствовала себя спокойнее.

Собирая материалы на Грязнова, Го, разумеется, обратила внимание на его экзотического слугу, но особо не

заинтересовалась. Ну, татуировки, ну, странная речь, что в этом особенного? Мода на необычных слуг существовала среди богачей с тех самых пор, как появились трансеры. У кого-то за детьми приглядывали люди с обликом эльфа или добродушного гнома, Чебурашки или современного анимационного героя – разноцветного Силапиламера. Кому-то накрывал на стол «Авраам Линкольн» или ящероподобный сейч из космического сериала «Крейсер Буш». Чьи-то горничные копировали кинозвезд различных эпох или первых леди современного мира – вкусы у людей разные. Операции конструкторов и пластиков стоили недешево, но мода есть мода, и богачи охотно выкладывали деньги ради удовольствия ущипнуть за попку Марлен Дитрих или отдать приказ «настоящей инопланетной твари». Жалованье таких слуг значительно превышало обычное, в контракте обязательно оговаривалось, что работодатель оплачивает возвращение человеческого облика, а потому недостатка желающих лечь под нож хирурга не наблюдалось.

Эмира сочла, что на Грязнова работает обыкновенный трансер, внешний вид которого соответствует вкусу антиквара. Однако ночные события заставили Го посмотреть на малыша совсем другими глазами. Прыжок на шесть метров – с места! спиной вперед! – впечатлил чернобурку. На такое даже прятки не способны.

И если бы комнату ей показывал Олово, чернобурка вряд ли бы уснула.

Хотя…

Эмира стремительно поднялась с постели.

«Я ведь не собиралась спать!»

Она потребовала, чтобы пришел Грязнов. Таратута ответил, что хозяин крайне занят, и предложил вина. Го отказалась. Таратута покинул комнату, а она…

«Я села в кресло. Я точно помню, что села в кресло!»

Дальше провал.

«Интересно, кто меня раздел?»

Эмира не отличалась стыдливостью – служба в действующей армии быстро избавляет от подобной ерунды, к тому же она знала, что ей нечего стыдиться – сложению девушки могли позавидовать многие звезды экрана, Эмире просто стало интересно.

«Таратута? Олово? Сам Грязнов? Или они попросили Петру?»

Аккуратно сложенная одежда обнаружилась неподалеку, на стуле. Эмира машинально потянулась к трусикам и вдруг замерла. Увидела, что рядом с ее костюмом, женским, но не женственным, лежит кое-что еще: шелковая ночная сорочка,

черный пеньюар, не игривый, но вполне сексуальный, и белое кимоно. А у стены – старинное трюмо, полочка которого уставлена склянками «только для женщин». А кровать… Го обернулась. Вспомнила. Постельное белье наполнено легким ароматом роз, любимым запахом Эмиры.

«Это ваша комната», – предупредительно произнес толстяк.

«Откуда они знают?»

Го подошла к зеркалу, оглядела себя – на память о вчерашних приключениях остались только ссадины, – взяла щетку для волос и причесалась. Свои заколки оставила, погрузила в густые кудри красивейший черепаховый гребень, любезно предложенный хозяевами. Потерла виски капелькой «Багдадской Розы», самыми модными духами сезона. Подумала еще и выбрала белое кимоно. Завязала поясок, вернулась к трюмо, против воли улыбнулась. Довольно улыбнулась. Ей понравилось то, что она увидела.

Потому и на вежливый стук в дверь девушка среагировала с улыбкой:

– Войдите.

В проеме возник Олово. Поклонился.

– За-автрак, мадам.

Им накрыли в столовой, обставленной, как и все остальные помещения особняка, в старинном стиле. Гардины, деревянные панели на стенах, резная мебель, картины… Меню полностью соответствовало слухам о богатстве Грязнова: каша на молоке, яйца, бекон, сыр, тосты, джем, грейпфрут, свежий апельсиновый сок, кофе, какао. Все продукты натуральные, никакой химии, никакой сои, никаких уродцев с модифицированными генами. Кирилл заботился о своем здоровье.

При появлении Эмиры хозяин дома поднялся с удобного полукресла и сделал несколько шагов навстречу. Свободная хлопковая рубашка, такие же брюки. И то и другое – белое.

«Как он узнал, что я выберу кимоно?»

К некоторому удивлению девушки, Грязнов не стал тратить время на представление. Молча отвесил легкий поклон, придвинул стул, а после того как Олово покинул столовую, светским тоном сообщил:

– К сожалению, Петра не сможет присоединиться к нам. Отсыпается после насыщенной событиями ночи.

И положил на колени белоснежную салфетку.

Эмира умела держать удар, а потому ответила не менее светски:

– Я полагала, вашу дочь зовут Патриция.

Кирилл улыбнулся и, перед тем как приступить к омлету,

произнес:

– Железный Ром был моим старым другом. Он доверял мне. Но ни за что не оставил бы Петру без дополнительной страховки. Я не виню его за это.

– Не совсем понимаю, о чем вы говорите. Какая страховка?

– Как ни странно, других явных кандидатов на эту роль у Романа не было. Ситуация развивалась так, что ему не оставили времени и… и отрезали от надежных друзей, – продолжил Грязнов, нимало не смущаясь тем, что говорит с набитым ртом. – Вы идеально подходили на роль невидимого стража по многим параметрам. Именно поэтому никто не поверил, что Фадеев выбрал вас. Все искали доверенных лиц среди шотландцев. Но Урзак редко ошибается.

– Кто такой Урзак? – тихо спросила Эмира, догадываясь, что услышит в ответ.

– Вы его знаете под именем Хасим Банум.

Чернобурка медленно допила кофе – за это время Кирилл успел расправиться с половинкой грейпфрута, – вытерла салфеткой губы и предложила:

– Давай на «ты»?

– Давай, – легко согласился Грязнов.

– Кто такой Урзак и почему он ищет Петру?

– В первую очередь Урзак ищет меня, – любезно ответил антиквар. – Получилось так, что мы давно не дружим.

– Выходит, мои проблемы и возможные неприятности Петры – из-за тебя?

– С определенной точки зрения – да, – медленно и очень серьезно произнес Кирилл. – Выбери Роман иного хранителя, жизнь Петры оказалась бы спокойнее. – Теперь он выдержал многозначительную паузу. – Но Урзак стал бы искать Петру в любом случае, а я – единственный, кто способен ее защитить.

– Единственный? – прищурилась Эмира.

– Порой судьбы сплетаются в причудливый узор, чтобы создать картину немыслимой красоты и величия. Однако чувствовать линии, которые изменят ход истории, дано не всякому. Из тех, кто владеет этим искусством, я – единственный друг Петры.

– Да ты, оказывается, предсказатель… – Она хотела развить мысль, отпустить шутку, но вдруг вспомнила прыжок Банума. И раздумала смеяться. Сначала надо кое-что прояснить: – Твой слуга, Олово, он генавр?

Кирилл не ответил. Смотрел девушке в глаза и молчал. Перебирал черные четки, украшенные брелоком в форме головы дракона.

– Трансер?

Тишина.

– Что ему пересадили? Или он прятка? Кто он?

Грязнов молчал. А Эмира вдруг окончательно осознала, что никто из перечисленных не смог бы повторить шестиметровый прыжок с места спиной вперед. Она знала. Офицеру ОКР положено знать возможности лучших бойцов современности. Трансеры, генавры, прятки… Щуплый Олово превзошел всех. Во всяком случае, в прыжках.

– Новый вид? Последняя разработка Мутабор?

Антиквар позволил себе легкую улыбку. Немного грустную.

– Кто он, Кирилл? – очень тихо спросила Эмира.

– Мой человек, – просто ответил Грязнов. – Мой Пес…

* * *

анклав: Москва

территория: неизвестна

приятно менять облик с первыми лучами солнца

Дрогас избавился от прежнего облика, подобно змее, сбросившей старую кожу.

Краем уха Стефан слышал, что в некоторых культах эту процедуру считали сакральной, чуть ли не очищением от груза прошлых грехов и началом нового пути. Некий смысл в подобном отношении присутствовал, но Дрогас ничего сверхъестественного в смене облика не находил. Для него сбрасывать кожу было такой же обыденностью, как и для змеи.

В сущности, он и был змеей – опасной, безжалостной, хладнокровной.

Для начала избавился от старого комплекта «балалаек». Пять чипов, которые использовал Стефан последнюю неделю, отправились в стеклянную банку с концентрированной кислотой. Прилагаемые к ним документы сгорели в пепельнице, а цюрихские машинисты, получившие условный сигнал, уже чистили базы данных. Пять личин Дрогаса исчезли без следа.

Затем Стефан занялся лицом. Перед отъездом в Москву над ним поработали пластики СБА, внеся в облик Дрогаса несколько дополнительных штрихов: изменили форму носа и губ, чуть подправили уши, добавили морщин и даже парочку едва

заметных шрамов – люди хорошо реагируют на такие «неприметные» приметы, они бросаются в глаза, запоминаются. Внесенные пластиками изменения легко убирались при помощи нехитрого косметического набора. Волосы Дрогас состриг, что было его единственной приметой на удачу – уходить бритым наголо, – и настроил наноэкран на подлинный цвет глаз – серо-стальной. Двадцать минут, и Стефан увидел в зеркале привычное лицо. Настоящее лицо.

Изменилось все, теперь Стефана не узнает никто из тех, с кем он общался в Москве. Змея сбросила кожу.

– Положение в Аравии стабилизировалось. Спецоперация по поиску боевиков продолжается только в кварталах, залитых «молоком», на всей остальной территории вот уже несколько часов вспышки насилия не фиксируются. Улицы контролируют патрули СБА. Редкие случаи мародерства решительно пресекаются…

Мертвый все-таки молодец, его профессионализм внушал уважение. Справиться с разъяренной толпой всего за одну ночь – это дорогого стоит. А ведь на улицы вышли не сотни людей – тысячи. Когда подобное случилось в Марселе, филиалу СБА потребовалось трое суток, чтобы локализовать мятеж. Марсельский директор приятельствовал с Моратти, и Дрогасу по приказу президента пришлось участвовать в подавлении бунта. Он знал эту работу не понаслышке и мог уверенно судить о квалификации Кауфмана и его помощников: молодцы. Действовали быстро, но без спешки, уверенно и продуманно. Где надо – давили, где надо – угрожали, где надо – не стеснялись быть жестокими. Крови не боялись, но и лишнего себе не позволяли. Профессионалы. Образец для любого филиала СБА.

Аравию с Кришной успокоили и другие территории удержали. Дрогас не без оснований рассчитывал, что полыхнут Урус с Занзибаром, что бунт перекинется на Болото. Не полыхнули, не перекинулся – Мертвый не допустил. Жаль, что Кауфман не в команде Моратти, – столь мощных директоров в СБА немного.

Стефан улыбнулся. Не с издевкой – с уважением, но при этом – с некоторым превосходством.

«Мертвый, ты молодец, ты хорош, но я лучше! Я тебя обыграл. И Моратти тебя обыграл».

Профессионал Дрогас оценил уровень директора московского филиала СБА, признал его необычайно высоким. Но решать судьбу строптивого Кауфмана будут не профессионалы службы, а верхолазы, самоуверенные толстосумы, гении бизнеса и финансов, но полные нули в области безопасности. Они не оценят

скорость и уверенность, с которыми Мертвый подавил бунт. Зато сам факт беспорядков в их головах застрянет. «Как он допустил?!» И сладкоголосому Моратти не составит особого труда убедить верхолазов в низкой квалификации недруга.

К своему шефу Стефан относился с искренним уважением. Может, и не выдающийся специалист, зато прекрасный политик, блестящий оратор и хитрая лиса, способная провернуть подковерную интригу любой сложности. И ничего удивительного в том, что именно Моратти, а не профессионал вроде Дрогаса или Кауфмана руководил СБА. Президент не обязан лично заниматься подавлением мятежей или обеспечением безопасности верхолазов. Его дело организовать людей, которые справятся с этими задачами.

Кстати, о президенте…

Услышав сигнал коммуникатора, Стефан сразу понял, что звонит Моратти.

– Как у тебя дела?

Не поздоровался, не сказал, кто звонит. Имени не назвал. Все правильно. Пусть сдвоенное шифрование, которое использовалось в незарегистрированных коммуникаторах, даже теоретически невскрываемо – это не аргумент против традиционной осторожности.

– А вы не знаете?

– Ты молодец.

По голосу Дрогас понял, что Ник улыбается. Однако почувствовал, что настроение Моратти тем не менее не радужное.

– Только я молодец?

Президент понял, о чем спрашивает Стефан.

– По большому счету – да.

– У остальных проблемы? – насторожился Дрогас.

– Топчутся на месте.

– Я могу помочь?

Несколько долгих секунд Моратти боролся с искушением. Направить своего лучшего помощника на другое задание? Нацелить на поиск Петры Кронцл, параллельно с переставшим внушать доверие Банумом? Но сдержался:

– Нет. Уходи.

– Если дело действительно застопорилось, я буду полезен.

Дрогас любил свою работу.

– Нет, – повторил Моратти. – Для тебя есть задание не легче.

– Могу я узнать, какое?

– Похоже, мы переоценили лояльность одного нашего друга…

Закончив разговор со Стефаном, президент некоторое время

просто сидел в кресле, глядя на потемневший экран коммуникатора, а затем, уже в третий раз, запустил недавно полученное сообщение:

«Ник, думаю, ты должен узнать о моей встрече с Шоном…»

Письмо пришло от шотландского верхолаза, корпорация которого давно и прочно села на иглу неофициальных финансовых поступлений из Народной республики. Вот только Макферсон, в отличие от Моратти, об этих обстоятельствах осведомлен не был.

Досмотрев сообщение до конца, Ник стер его, покачал головой и набрал номер Ляо:

– Вы меня узнали?

– Разумеется, мой друг.

– Мне нужна ваша помощь… друг.

* * *

анклав: Сиэтл

территория: Гейтс-парк

отель «Нирвана Hilton»

бывают встречи, которые не могут не состояться

Сделанное москвичами предложение было из разряда тех, что требовали немедленных действий. Время на раскачку отсутствовало, оставшиеся до выборов недели следовало потратить на встречи и переговоры – не просто заручиться поддержкой союзников, а донести до них свою решимость всерьез побороться за кресло президента СБА. Но не до всех: информация не должна дойти до Моратти. Одним словом, рассиживаться некогда, и, слушая Мишеньку, Шон Макферсон прекрасно понимал, какой объем работы ему предстоит выполнить. Ему предложили не синекуру, не роль болванчика, послушно ожидающего, когда москвичи посадят его на царство. Нет. Макферсон знал, что русские не способны обеспечить нужный результат, иначе бы не предложили союз. Отнять у Моратти корону можно только объединившись, и потому договор заключался на паритетных началах.

«А что будет дальше – посмотрим».

В глубине души Шон побаивался Кауфмана. Мертвый резок и жесток, способен на любую подлость и чертовски умен. Его бойцы превосходно обучены, и часть из них – Макферсон был реалистом – служит не СБА, не закону, а лично Кауфману. У каждого высшего офицера были преданные люди, но история с Фадеевым показала, что Мертвый опирается не на команду, а на целую гвардию. И полностью контролирует свой филиал.

Но это только одна сторона медали.

Слабость Кауфмана стала прямым следствием его силы. Увлекшись созданием мощного боевого ядра и превращая московский филиал в подчиненную лично себе структуру, Мертвый сознательно отгораживался от внешнего мира. Он сформировал образ недалекого служаки, туповатого солдафона, что являлось хорошей защитой от лишнего внимания Цюриха – чего можно ожидать от человека с мировоззрением фельдфебеля? Теперь же репутация играла против Кауфмана: его слово значит для верхолазов значительно меньше, чем слово Моратти или Макферсона. Не уступая в уме и профессионализме, директор московского филиала проигрывал в имидже.

«Ты не смог подмять Моратти. Значит, не сможешь подмять меня. Помоги мне взять Цюрих, сейчас это главное, а наши взаимоотношения обсудим позже…»

Именно так Макферсон определил для себя смысл заключенного соглашения.

А определив, с энтузиазмом взялся за дело.

В первую очередь переговорил с эдинбургскими верхолазами – с теми, кому безоговорочно доверял, кого знал много лет. Осторожно прощупал их настроения, намекнул, что поддержка его кандидатуры может иметь гораздо более интересные последствия, чем считалось изначально, кому-то открыто заявил, что намерен вести свою игру.

«Что скажете?»

Ответы были не менее осторожны, чем вопросы, но в целом благожелательны. Шотландцы не видели причин, которые бы помешали посадить в Цюрих своего человека. Впрочем, в поддержке Эдинбурга Шон не сомневался. И среди континентальных европейцев были надежные люди: в том же Франкфурте Моратти недолюбливали. Однако этого было мало. Представитель Мертвого четко сказал, что необходимо перетащить на свою сторону богатые и влиятельные североамериканские корпорации. В последнее время они выражали глухое недовольство деятельностью Моратти, и их поддержка фактически гарантировала победу на выборах. К москвичам североамериканцы относились прохладно, а на союз с

Макферсоном могли пойти. Требовалось совсем немного – встретиться и поговорить.

Поездка в Северную Америку, учитывая приближающуюся конференцию, не должна была вызвать у главы СБА никаких подозрений. Тем не менее рисковать Шон не стал и благоразумно сообщил о ней Моратти, аргументировав свое решение тем, что в Америку зачастили представители де ла Круса, кандидата от Анклава Рио, креатуры Мертвого. Президент, знающий, что его близость к азиатам не нравится североамериканцам, милостиво санкционировал визит, и Макферсон со спокойной душой отбыл в Сиэтл.

Директор филиала СБА – человек, мягко говоря, занятой. Его день расписан по минутам, а то и по секундам. Его отпуск редко затягивается дольше чем на неделю. О своих обязанностях он не имеет права забыть даже во сне. Верхолазы, руководящие мощными корпорациями, в своей загруженности не уступали высшим офицерам СБА и так же хорошо знали цену времени. А посему стремительный визит Шона Макферсона в Анклав Сиэтл не предполагал ни одной лишней встречи и ни одной потраченной впустую минуты. Только дело.

Из рейсового «страта» «Боинг Star 90» Шон пересел в вертолет и уже через пятнадцать минут входил в свои апартаменты роскошного «Нирвана Hilton», самого престижного отеля Сиэтла. Полчаса на туалет: после стратосферного перелета нет ничего лучше освежающего душа. Затем двадцать минут на легкий ленч, и взбодрившийся Шон вышел в гостиную апартаментов. Еще через мгновение заготовленная улыбка стала значительно шире и естественней: на встречу собрались все, кого хотел видеть Макферсон.

Восемь человек. Доусон и Райт из Долины, Хаммер и Перес из Хьюстона, Вашингтон и Спок из Бостона и двое хозяев – Бернстайн и Уилсон. Представители всех североамериканских Анклавов, а значит – всех корпораций. До последнего момента Шон сомневался в техасцах – ходили слухи, что южане повздорили с бостонцами. Однако собрались все – значит, интерес к его визиту колоссальный.

Теперь главное – не ошибиться.

– Скотч, Шонни?

Это Уилсон. На правах щедрого хозяина выполняет обязанности бармена.

– Не откажусь.

Когда еще миллиардер смешает тебе виски с содовой?

– Как долетел?

– Отлично!

– Шотландия еще хранит Англию?

– А как же!

Несколько коротких реплик, пара улыбок, один глоток из бокала – и Макферсон добрался до своего кресла. По дороге не бросающимся в глаза жестом ослабил узел галстука и расстегнул верхнюю пуговицу сорочки – верхолазы оделись неофициально, всем своим видом показывая, что собрались на встречу со старым другом. Уселся поудобнее.

И сразу взял быка за рога:

– Ник тащит нас в пропасть.

– Правильно, – одобрил Бернстайн. – Не будем ходить вокруг да около. Руби сплеча.

И усмехнулся. Но темные глаза холодны.

– О какой пропасти идет речь? – осведомился Перес.

– Надеюсь, он не заложил Китаю активы СБА?

Доусон славился остроумием, и семеро его коллег по нелегкой работе верхолаза с удовольствием посмеялись над шуткой.

– Моратти поддается давлению государств. – Макферсон помолчал. – Особенно – Китая.

– Поднебесникам трудно не поддаться, – обронил Райт.

Его серьезный тон стал знаком для остальных: начался настоящий разговор.

– Я думаю, во всем надо знать меру, – продолжил шотландец. – Экономический потенциал Индии, Исламского Союза или Штатов не уступает китайскому, но эти государства не ведут себя столь же нагло. Связь Моратти с поднебесниками несет прямую угрозу всем нам. Я не хочу, чтобы директором СБА в Эдинбурге стал какой-нибудь Хо Ши Мин.

– Хо Ши Мин был вьетнамцем, – обронил Бернстайн. – Но это к делу не относится.

– Мы тебя поняли, Шон, – кивнул Хаммер. – Твои заявления даже доказательств особых не требуют. Мы видим, что происходит.

– К сожалению, Ник нас разочаровал, – добавил Уилсон. – Жаль только, что курс на Пекин он взял незадолго до конференции.

– А следующей может и не случиться…

– Отсюда вопрос: хотите ли вы изменить ситуацию?

Макферсон услышал то, что хотел услышать, и теперь уверенно направил разговор в интересующее его русло.

– Поставив тебя во главе СБА?

Прямой вопрос – прямой ответ.

– Да, – четко ответил шотландец, глядя прямо в глаза Вашингтона.

– Для начала мы должны услышать твою программу. Хотя бы ключевые положения.

– Я верю в независимость Анклавов!

Верхолазы переглянулись.

– Шон, давай обойдемся без лозунгов, – с улыбкой предложил Хаммер. – Независимость Анклавов постепенно превращается в дым.

– В том числе благодаря Моратти!

– Ник вовремя почувствовал тенденцию.

– Несколько раньше нас, – пробубнил Бернстайн и поморщился.

– В сущности, Моратти движется в правильном направлении, – не стал скрывать Хаммер. – Время раздельного существования прошло. Анклавы сыграли свою роль.

– Если бы произошел рывок, мы бы уже давно объединились с государствами, – откровенно признал Райт. – Проблема в том, что у нас нет общей цели.

– Тем не менее процесс пошел, – заметил Спок.

– Это диктуется развитием общества.

Чувствовалось, что американцы провели за обсуждением ситуации не один час и теперь понимали друг друга с полуслова. Макферсону, который не хотел раскрывать детали разговора с Мишенькой, оставалось играть роль примерного ученика, с которым профессора делятся обрывками знаний.

– Проблема в том, что Моратти направлен на Восток, – объяснил Уилсон. – А Китай – это серьезно. Ты был достаточно корректен и сравнил потенциал Поднебесной со Штатами и европейцами, но сам наверняка понимаешь, что это чушь. Китай ушел вперед. Он пока не обогнал Анклавы в технологиях, но его производственные мощности уже позволяют решить задачу практически любой сложности.

– Если поднебесники получат полный доступ к научным разработкам корпораций, мы не сможем их остановить. – Бернстайн.

– А если они совершат рывок, нам останется только признать верховенство Председателя и переименоваться в мандаринов. – Хаммер.

– Теперь ты понимаешь, чего мы хотим? – Вашингтон.

– СБА должна направить Анклавы на Запад, – пробормотал шотландец.

– Верно, Шон, все верно. Анклавы – детище западной цивилизации, и они должны вернуться домой.

– До нашей встречи мы считали, что единственный реальный конкурент Моратти – де ла Крус, приятель Мертвого. – Уилсон вернулся к бару. – Еще скотч, Шонни?

– Благодарю, достаточно. – Макферсон так и не допил первый бокал.

– Как знаешь.

– Сам понимаешь, поддерживать русских мы не станем ни при каких обстоятельствах, – произнес Бернстайн. – Планировали вправить мозги Нику, но твое предложение кажется нам более перспективным.

– Мы давно следим за твоими успехами. – Райт.

– Ты тот, кто нам нужен. – Хаммер.

– Мы сможем договориться. – Спок.

Шон сам поразился той легкости, с которой он достиг главной цели визита. Похоже, они просто не могли не встретиться.

«Время пришло…»

Разумеется, впереди еще несколько часов переговоров и обсуждений. Разумеется, американцы выставят условия. Разумеется, он будет торговаться. Но принципиальное согласие получено. Победа.

Макферсон одним глотком допил скотч, поставил бокал на стол и поинтересовался:

– Рывок, о котором вы говорили. Что имеется в виду?

Надо дать понять верхолазам, что перед ними чистой воды без, офицер, далекий от сложного анализа мировых тенденций. Так им будет легче.

«Перенимаешь ухватки Мертвого?»

– Возможности современной науки исчерпаны, – жестко ответил Уилсон.

– Именно поэтому мы с большим интересом следили за действиями Железного Рома, – добавил Перес. – Новая энергия смогла бы подстегнуть общество… Увы.

– Жаль, что все свелось к заурядной биржевой игре, позволившей русским подмять под себя «Фадеев Групп». – Вашингтон внимательно посмотрел на Макферсона.

– А уж как мне жаль, – ничуть не играя, пробурчал Шон. Он никогда не скрывал своей дружбы с Железным Ромом.

– Думаешь, мы оплачиваем фундаментальные разработки от хорошей жизни? – Доусон.

– Нам нужно нечто новое. – Спок.

– Нечто такое, что позволит нам изменить будущее и сплотить общество. – Бернстайн.

– Это идеальный способ безболезненно слить Анклавы и

государства. – Райт.

– Иначе будет война. – Уилсон.

– Если человека прижать к стенке, он начинает вести себя агрессивно. – Хаммер. – А сейчас у стены вся наша цивилизация.

* * *

анклав: Москва

территория: Болото

путешествуя по странам и городам, мы открываем для себя много интересного

На Болоте обращение Кауфмана передавали значительно реже, чем в Аравии, Кришне или Урусе. Разумеется, программы общедоступных каналов прерывались с той же частотой, но передачу по уличным экранам ограничили тремя повторами. Большего не требовалось. Беспорядки едва затронули территорию, бурную реакцию не вызвали, локальные столкновения были мгновенно подавлены, пострадавшие подсчитывали убытки, отбившиеся от арабского вторжения канторщики надували щеки, а большая часть населения, позабыв о ночных событиях, увлеченно готовилась к знаменитому Балу Королевы Осени. Решительность, с которой действовали безы, ясно показала тертым болотникам, что Мертвый не допустит разрастания конфликта, а раз так, то нечего отвлекаться на ерунду. Ведь впереди – сулящий огромные барыши карнавал.

И потому приехавший на Болото Урзак с трудом избавился от ощущения, что попал в другой город. Урус, вторая по значимости мусульманская территория Анклава, продолжал бурлить. Не кипел, но и не успокаивался. На улицах собирались небольшие группы людей, живо обсуждающих аравийские события, в чайханах, кальянных и закусочных слушали ветеранов ночных баталий и жадно внимали выпускам новостей. Аравийский бунт оставался для жителей Уруса главной темой.

А на Болоте если и вспоминали о беспорядках, то преимущественно в веселых тонах:

– Здорово Бобры вчера черным врезали!

– Не Бобры, а Рауль Хмурый.

– Точно тебе говорю – Бобры! Крутые ребята…

Это двое парней у бочки с соевым супом: продавец и клиент.

Обмениваются впечатлениями так громко, что проходящий мимо Хасим слышит каждое слово.

– Будут сегодня героями на карнавале ходить…

Бочка с бурлящим варевом осталась позади, а голоса вокруг не умолкали. В плотной толпе не спрятаться от чужих разговоров:

– Два магазина спалили, сволочи, добрались, паскуды, когда безы отступили.

– Дерьмо.

– Мне в том году предлагали ресторан в Аравии открыть – хорошо, что не повелся…

Двое мужчин в новомодных белых рубашках навыпуск и черных брюках. Только вылезли из блестящего «Форд Мамба 12Z» и уверенно рассекают поток, направляясь к дверям дорогого кафе. Деловые. На Сухаревке таких много – престижный район.

– Европейский Исламский Союз готовит ноту протеста… – вклинивается бубнящий последние новости уличный монитор.

– Сегодня отобьешь убытки, на карнавале…

– …платье новое купила, дура. Я ей говорю: не позорься! Кто на тебя позарится…

– …храмовник на Таганке. Черенки хотели дом спалить, а оттуда прятки. Восьмерых положили!

– А безы?

– Что они пряткам сделают? С Мутабором даже Мертвый не связывается…

– …афишу сорвали. Так их канторщики отметелили…

– И правильно – нечего карнавалу мешать…

Именно к этой теме – к Балу Королевы Осени – сводились в конечном итоге болотные разговоры. Долгожданное событие затмило все. К Балу готовились владельцы заведений и безы, воры и проститутки, попрошайки и законопослушные граждане. Прихорашивались и завозили спиртное, чистили оружие и проводили последние репетиции шоу-программ, облизывались в предвкушении и принимали таблетки от головной боли.

Карнавал длился два дня и три ночи, но самыми значимыми считались открытие и заключительный Бал, первая и последняя ночи, собирающие максимальное количество участников.

– Приходите в «Кобру и Гадюку»! Только у нас…

– Бесплатные закуски всю ночь!

– Лучшие девочки и мальчики!

– Самая надежная охрана!

Реклама лезла отовсюду. Визжала из уличных мониторов и ласково нашептывала в «балалайку», пестрела на стенах и лезла в руки яркими буклетами. Чума беспорядков ушла, не могла не уйти: срыв карнавала Кауфману бы не простили. Пришло время

пира.

– Знаменитые танцоры ушу из Пекина!

– Самый богатый выбор разрешенных наркотиков!

– Новейшие трансеры-проститутки! Премьерный выход! Девственницы!!

Секс и шоу, алкоголь и химия. Снова секс. Во время Бала становились доступными богатые каперские метелки, чистенькие и умелые. В водовороте карнавала, в мельтешении масок… В любом углу, не стесняясь посторонних глаз. Или на виду, под хохот мимолетных приятелей, обливающих вас вином…

Пир после чумы.

Пир вместо чумы.

«Даже в независимых Анклавах, где жизнь сковывают минимум запретов и правил, приходится вводить праздники абсолютной свободы. Дни, когда забываются сословные различия…»

Окружающий мир наконец-то пробил оборону Урзака, мрачная сосредоточенность уступила место мыслям, не относящимся к делам. Банум даже шаг замедлил.

«Отрешаясь от запретов, они превращаются в животных или прикасаются к мечте? Попадают в Эдем, где все равны и свободны…»

Любая Традиция несет комплекс запретов, ограничивающих свободу адептов. Во благо? Безусловно. Но что есть карнавал? Способ выпустить пар или Истина, весело хихикающая в безумных ночах и намекающая ревнителям Традиций, что там, за чертой, их игры и запреты не имеют смысла?

Мысли посторонние… Не запретные – для Урзака давно уже не существовало запретов, – просто посторонние. Но любопытные. Было бы интересно поразмышлять над ситуацией, сидя у камина. Почитать, что писали на эту тему теоретики различных Традиций, сравнить.

А вслед за мыслями нахлынули чувства. Мир вокруг неожиданно перестал быть потоком сухой информации. Обрел душу. И она посмотрела на Урзака блестящими глазами идущих навстречу девчонок, звоном разбившегося где-то стекла, запахом жарящихся лепешек. И Банум остановился, удивленный столь неожиданно накатившими ощущениями, медленно отошел к стене, не желая стоять на пути потока пешеходов, огляделся…

И понял, что послужило толчком к столь странному состоянию.

Сухаревка.

Нигде больше, ни в одном другом Анклаве, Урзаку не доводилось видеть подобной улицы.

В самом центре плотно заселенной территории, но одноуровневая. Дома многоэтажные, но ни пешеходных дорожек, ни бетонных ярусов мостовых над ней нет. Привычный гомон, обыденный шум, тысячи людей… И взгляд спотыкается на сосредоточенно работающем чеканщике. Результаты его труда выставлены тут же: подносы, кувшины, кубки. А рядом другая посуда – глиняная, расписана яркими птицами, словно сошедшими со страниц детских сказок. И свистулька. Тоже глиняная. Урзак не удержался – подошел, взял в руку. Как сомнамбула подошел, с трудом контролируя себя. Тихонько дунул.

Настоящая.

Вот деревянные куклы, марионетки, истории приключений которых дети придумывают сами. А вот тряпичные. Такие неуклюжие на фоне штампованных на конвейере пластмассовых красавиц и такие теплые, мягкие. Не авторские работы для верхолазов – Банум понял это по ценам, – игрушки, хранящие тепло человеческих рук, которые мог купить любой обитатель Болота.

Здесь шили одежду и обувь. Делали ковры. Украшения. Безделушки. Играли уличные музыканты, не на электронных пианолах, пронзающих толпу не хуже очереди из «дрели», а на настоящих, казалось давно забытых инструментах. Урзак услышал домру. Но не подошел – хватило свистульки. Хватило, чтобы понять, в каком необычном месте он оказался.

Заурядные лавки и магазины, предлагающие программы и гаджеты всех мастей, органично вписывались в Сухаревку, не нарушая ее нереальный облик.

Прошлое соединилось с будущим. Не исчезло под натиском прогресса, не отступило, а мирно уживалось с ним, способное предложить бесценные для современного мира вещи: душу и память.

«И именно здесь живет Патриция Грязнова. – Урзак сумел совладать с эмоциями. Взял себя в руки. Вернулся к делам. – Случайность? Какая, к чертовой матери, случайность?!»

Улица прошлого не могла возникнуть сама. Чувствовалась чья-то рука. Чувствовалась воля, запретившая строительство многоуровневых мостовых и высотных башен. Кто-то хочет жить в Анклаве, но не терпит архитектуру мегаполиса. И Банум догадывался, кто это может быть.

Но при этом не ощущал присутствия врага.

«Ты силен… Тем лучше. Пришло время взглянуть на твое логово…»

Особняк антиквара Грязнова должен был появиться вот-вот,

через пару домов. Урзак решительно двинулся вперед, сделал несколько шагов, и…

Два потрясения подряд?!

Первый этаж следующего дома занимало заведение, вполне уместное для Сухаревки: «Салон Мамаши Даши. Предсказание будущего и коррекция судьбы». На тротуаре перед витриной заведения установлен полосатый тент, в тени которого сидела полная женщина в цветастом платье и идиотской шляпке с лентой и бумажными цветами.

Женщина увлеченно таращилась в экран коммуникатора – судя по всему, переживала совместно с героями романтического сериала очередную трагедию, потягивала лимонад и жевала печенье. Почувствовав пристальный взгляд Хасима, женщина подняла голову и огляделась. Цветы и ленты пришли в движение.

Но Урзак опередил толстую предсказательницу буквально на секунду. Метнулся за угол и прижался спиной к стене, судорожно сжимая и разжимая кулаки. Сердце его билось часто-часто – казалось, готовится вырваться наружу. Глаза широко раскрылись, взгляд остановился, ни искорки мысли, только оторопь, только изумление. Банум шевелил губами, и если кто-нибудь смог бы разобрать тихий шепот, то услыхал бы:

– Мадам Усоцкая? Мадам Усоцкая?

* * *

анклав: Москва

территория: Болото

«Шельман, Шельман и Грязнов. Колониальные товары и антиквариат»

что может быть лучше разговора по душам?

В последние несколько месяцев Пэт не доводилось просыпаться в хорошем настроении. Впрочем, не пребывала она и в депрессии, не испытывала по утрам щемящей тоски, просто просыпалась и «на автомате» погружалась в обыденность: почистить зубы, умыться, позавтракать, отправиться в Университет. Даже покупка красавца «Плуто» не подарила девушке радостного утра, ибо его приобретение случилось

незатейливо: она потребовала, Грязнов немного поворчал, но уступил. Целый день умчавшаяся кататься Пэт была счастлива, как ребенок, однако по возвращении домой сознательно сдержала эмоции, не показала Кириллу своей радости. Сдержала. Не показала. И следующее утро стало таким же обыденным, как предыдущие.

Пэт признавалась себе, что скучает по почти забытому ощущению – прекрасному утреннему настроению. Когда, открыв глаза, ты улыбаешься. Не кому-то или чему-то, а просто так. Когда чувствуешь себя бодрой и отдохнувшей независимо от того, сколько времени спала. Когда весело потягиваешься, предвкушая отличный денек.

Когда тебе хорошо непонятно почему.

Потом, через пару мгновений, когда растворится в дыхании очарование сна, ты вспомнишь, почему все вокруг кажется добрым и светлым: приятный сон или хорошая книга на ночь, предстоящее свидание или долгожданный подарок… Ты возвращаешься в реальный мир.

А в первые мгновения ты просто наслаждаешься замечательным настроением.

Победа в гонке? Счастливое избавление от толпы погромщиков и засевших за баррикадой стрелков? Глаза Руса? Руса – друга? Предстоящий карнавал? Все эти события – и уже случившиеся, и только ожидающиеся, и подарили девушке радостное чувство.

Напевая популярную песенку, Пэт выскользнула из-под одеяла и неожиданно для самой себя сделала пару танцевальных па.

Грязнов появился в столовой, когда Пэт заканчивала завтрак. Своего рода десерт к кофе. Впрочем, настроения он девушке не испортил.

– Не возражаешь?

– Нет.

Кирилл опустился в полукресло, положил на стол карманный коммуникатор, по экрану которого беззвучно бежали новости, провел ладонью по короткому ежику волос и произнес:

– У меня много дел сегодня, так что, пожалуй, это наша единственная возможность поговорить.

– А ты хочешь?

– Да.

– О чем?

Пэт никогда не грубила антиквару, но предпочитала держать его на расстоянии.

– Мне нравится разговаривать с тобой, – сказал Грязнов после паузы. – Я испытываю довольно странные чувства… незнакомые… и они мне нравятся. – Он выглядел несколько смущенным. – Я не могу объяснить… наверно, это приходит с возрастом.

Девушка поймала себя на мысли, что верит: видела, что Кирилл тянется к ней.

«Одинокий стареющий мужчина…»

– Кстати, почему у тебя нет детей?

Вопрос прозвучал не грубо, но и не мягко. Коряво прозвучал. Но антиквар решил не обижаться.

– В каком-то смысле они у меня есть, – медленно ответил Кирилл. – Люди, которые разделяют мои идеи, принципы. Люди, которые продолжат мое дело.

– А кровь?

– Это важно? – поднял брови Грязнов.

Черт, а вот этого она не ожидала, не собиралась вступать в серьезный разговор. Пэт собралась с мыслями.

– Важно. – И пояснила: – Мой Дед был богатейшим человеком в мире. Но я знаю, что сложись его судьба иначе, он бы достиг высот в других областях: стал бы великим воином или политиком, великим художником или писателем, великим инженером или великим преступником. Не важно. Он был сильным и умным, он умел добиваться своей цели, несмотря ни на что. И я горжусь, что в моих жилах течет его кровь.

– Кровь – это важно, – согласился Кирилл. Помолчал, перебирая четки, улыбнулся: – Ты поэтому мне не доверяешь? Коробит, что вынуждена называть отцом чужого человека?

И с удовлетворением отметил, что девушка не отвела взгляд.

– Ты прав – из-за этого.

На некоторое время в столовой повисла неловкая тишина.

– Я понимаю, что тебе пришлось пережить, – глухо произнес Грязнов. – И… поверь, сделаю все, чтобы твоя жизнь наладилась.

– А почему ты это делаешь? – неожиданно спросила Пэт. – Почему прячешь меня? Почему рискуешь? Что пообещал тебе Дед? Акции?

Несколько месяцев назад, получив последнее послание Фадеева одновременно с известием о его смерти, измученная похищением и последовавшими за ним страшными приключениями, Петра не задумалась над этим вопросом. Сказал Железный Ром: оставайся у Кирилла, она осталась. Но время шло, раны рубцевались, и теперь ей захотелось узнать, что заставило Грязнова пойти на риск, влезть в игру, которую вели самые крутые верхолазы. Деньги? Вряд ли. Владелец процветающей антикварной фирмы, имеющей филиалы во всех Анклавах, мягко

говоря, не бедствовал. К тому же девушке было известно, что Кирилл занимает пост регионального менеджера могущественного Консорциума – всемирной сети контрабандистов, – что делало разговор о деньгах бессмысленным. Консорциум оперировал суммами, сравнимыми с оборотами крупнейших корпораций. Возможность войти в круг верхолазов? Тоже нет. Грязнов не скрывал, что в свое время отказался стать полноправным компаньоном Фадеева. Тогда что?

Вопрос мучил девушку уже несколько недель, и она не упустила возможность задать его.

– Почему?

– Твой Дед был моим другом. – Кирилл слегка пожал широкими плечами, всем своим видом показывая, что этого объяснения вполне достаточно.

– Не обидишься, если я не поверю?

– Не обижусь, – улыбнулся Грязнов, – но и рассказывать сейчас ничего не буду.

Пэт одним глотком допила кофе и скомкала салфетку.

– В таком случае я…

– Один вопрос! – Голос Кирилла заставил девушку вернуться в кресло. – Как завершилась твоя встреча со свамперами?

– Олово не рассказал?

– Мне бы хотелось узнать, добилась ли ты своей цели?

Пэт кивнула:

– Мы стали друзьями.

– Поздравляю.

– Спасибо.

– Подробностями поделишься?

– Карбид погиб, – усмехнулась девушка. – Не прошел трассу.

– Сложный маршрут?

– Очень! – с некоторым вызовом ответила Пэт.

Она думала, что Кирилл скажет что-нибудь вроде: «надо быть осторожнее», но ошиблась. Грязнов лишь одобрительно кивнул.

– Мы ехали без «балалаек»!

– Твоя идея?

– Да.

Дракончик, украшающий четки, дернулся, словно прислушиваясь к словам Пэт. Кирилл задумчиво потер нос.

– Сложный маршрут. «Балалайки» вынуты. Карбид погиб, а ты нет. Почему?

– Потому что я лучше, – отрезала девушка.

– Лучше Карбида?

– Что тебя не устраивает?

Грязнов улыбнулся:

– Быть лучше Карбида – не достижение. И хвастаясь этим, ты заработаешь авторитет разве что среди свамперов. Для моей дочери этого мало.

Увлекшись разговором, Петра забыла одернуть Кирилла, не выразила неудовольствие тем, что он назвал ее дочерью.

– А что приемлемо для тебя?

– То, что ты совершила, вполне подойдет, – медленно ответил антиквар, перебирая четки. – Однако я хочу, чтобы ты сделала правильный вывод. Ты должна понять, что совершила. Мы оба знаем, что Карбид был хорошим гонщиком, гораздо лучше тебя. Но он погиб, а ты нет. Почему?

– Мы ехали без «балалаек».

– И что?

– Он отвык кататься без чипа, – прищурилась Пэт. – Потерял уверенность в себе. Стал слабым.

– А ты?

– Я – человек, я лучше компьютера.

– Прекрасный ответ, – качнул головой Грязнов. – Ты – человек, дочь. Настоящий человек. И поэтому ты не нуждаешься в устройствах, за которые цепляются слабаки, чтобы почувствовать себя сильнее. Используй чип, но не забывай, что настоящая сила не в нем. «Балалайка» дарит только видимость могущества.

– Поэтому ты не подключен?

Антиквар улыбнулся.

– Я бы подключился, – не стал скрывать он. – Но здесь. – Кирилл прикоснулся пальцами ко лбу. – Здесь уже нет места для железа.

– Что это значит?

И едва не выругалась, услышав перезвон коммуникатора. Ей не хотелось заканчивать неожиданный разговор.

Грязнов посмотрел на экран:

– Извини. Очень важный звонок.

– Я понимаю. – Девушка поднялась из-за стола. – Продолжим потом?

– Конечно. – Кирилл взял коммуникатор в руку, но нажимать на кнопку ответа не спешил. – Пэт, твое платье…

«Ах да, Бал Королевы Осени!»

– Оно у Мамаши Даши. Вы ведь отправитесь вместе с Матильдой?

– Да.

– Значит, я не ошибся…

Он нажал на кнопку и поднес коммуникатор к уху. Девушка вышла из комнаты.

– Здравствуй, друг.

– Даже не знаю, стоит ли называть тебя другом, – ворчливо произнес Корнелиус. – Из-за твоих фокусов я потерял машиниста.

– Он сам выбрал свой путь, – спокойно ответил Грязнов.

– Ты знаешь, как тяжело я привыкаю к людям, – пробурчал Ежов. – А к этому мальчику я привык. Сможешь его вытащить?

– Постараюсь, – после паузы пообещал Кирилл.

– Не надо меня обманывать, друг, – вздохнул Корнелиус. – Я слышу ложь в твоем голосе.

– Он сам выбрал свой путь, – повторил антиквар. – И должен пройти его до конца.

– Он талантлив.

– Гениален, – поправил собеседника Грязнов. – И только поэтому до сих пор жив.

– Ты… – последние слова храмовника превратились в невнятное бормотание.

– Скажи, друг, скажи, что хотел.

– Ты жесток, Кирилл.

* * *

анклав: Москва

территория: Сити

«Пирамидом»

иногда приходится молчать, даже падая с обрыва

История не сохранила имени человека, который придумал концепцию штаб-квартиры московского филиала СБА, концепцию «Пирамидома». История перечисляла архитекторов и строителей, дизайнеров и подрядчиков – в общем всех, кто имел отношение к возведению дома. Но автор идеи остался неизвестен. Сам архитектор? Он всегда подчеркивал, что воплотил чей-то замысел. Чей?

А между тем штаб-квартира СБА выделялась даже в московском Сити, который не испытывал недостатка в оригинальных зданиях. Колоссальная пирамида, покоящаяся на внушительном основании, приковывала взгляды. Ее черные грани были абсолютно гладкими: антенны спрятаны под облицовку, вертолетные площадки выдвигались по мере надобности и сразу

же исчезали во чреве «Пирамидома». Никаких мостовых или пешеходных дорожек, ведущих к верхним уровням. Гладкие, черные грани.

В «Пирамидоме» находились не только штабные управления филиала. Целые этажи технических подразделений, царство машинистов. Арсенал. Казармы. И, конечно же, тюрьма, расположенная глубоко под землей. Других исправительных заведений в Анклаве не предусматривалось.

– Я хочу знать, в чем меня обвиняют!

– В убийстве, – небрежно ответил дознаватель.

Отмахнулся, словно от надоедливой мухи, даже взгляд от экрана коммуникатора не отвел. Знакомится с делом. Дементьев понимал, что работы у безов много, ночью арестованных свозили в «Пирамидом» фургонами, и надеялся, что это обстоятельство заставит дознавателя побыстрее освободить случайно задержанного… ЧТО он сказал?!

– В каком убийстве?

– В самом настоящем.

– Я защищался от погромщиков!

– Значит, вам не о чем беспокоиться.

– Я защищался! – Илья посмотрел на равнодушного беза и чуть тише продолжил: – Они напали на меня. Они громили Таганку…

– Увы, господин Дементьев, ваша версия не подтверждается. – Дознаватель отодвинул коммуникатор и посмотрел на Илью. Впервые с тех пор, как того привели в комнату для допросов. – А вот из пистолета, что у вас изъяли, застрелены три человека. Все – случайные прохожие, к несчастью оказавшиеся на площади…

– Я отнял пистолет у погромщика! Это он…

– Ваши отпечатки – последние. Трупы мирных граждан обнаружены неподалеку.

– Проверьте видеокамеры!

– Погромщики разбили их в первую очередь.

– «Балалайка»… – Дементьев осекся. Вспомнил, что не вставил чип, в спешке покидая дом Оглыева. – Просмотрите «балалайки» свидетелей.

– Смотрели, – кивнул дознаватель. – Записи четко указывают на вас как на убийцу.

– Не может быть!

– А свою «балалайку» вы вынули. Весьма странный поступок для честного человека.

«Сколько раз я стрелял? Два? Нет, больше…» – Илья плохо помнил схватку на Таганке.

– Полагаю, вы находились в состоянии аффекта, – почти участливо произнес без.

– Да! – ухватился за соломинку Дементьев.

– Но это не снимает с вас обвинения в убийстве.

– Почему?!

Дознаватель усмехнулся и откровенно сказал:

– Если бы ты пришил больше черенков, чем на тебя напало, мы бы закрыли глаза на превышение уровня необходимой самообороны. Но речь идет о мирных гражданах. Есть свидетели. Есть репортеры, которые освещают расследование. Нам не удастся замять дело…

– НЕТ!!

Без холодно улыбнулся, поднялся на ноги, медленно обошел стол, приблизился к Илье и неожиданно ударил его по лицу. Даже не ударил – скользнул острыми, наверняка имплантированными ногтями, оставив на щеке Дементьева три длинные царапины.

Илья не шелохнулся.

И не только потому, что был привязан к стулу. Он впал в самый настоящий ступор.

– Не следует меня перебивать, – мягко произнес дознаватель.

Оглушенный Дементьев не ответил.

Мир рушился. Мир, выстроенный с таким трудом, распадался на глазах. Теплый, уютный, перспективный мир.

Илья уходил от лучших полицейских мира, он обвел вокруг пальца китайцев, он сумел убедить всех в смерти Чайки – великого ломщика, много лет наводившего ужас на транснациональные корпорации, в своей смерти. Он совершил невозможное – спрятался в обществе доступной информации и тотальной слежки. И теперь теряет все.

Из-за каких-то ублюдков, решивших разгромить пару лавок.

– При тебе обнаружили «раллер», – произнес вернувшийся за стол дознаватель. – Твой?

Ему пришлось повторить вопрос, прежде чем слова дошли до сознания оглушенного Ильи.

– Твой?

– Разве их запретили?

– Нет, – согласился без, – не запретили. Но мне интересно, откуда у нищего студента из России такая дорогая игрушка?

– Купил по дешевке.

– У кого?

– На Болоте. У парня на рынке.

– «Раллер» чист, – не стал скрывать дознаватель. – Ни одной запрещенной программы. И его код не засветился ни в одной

сетевой ломке.

– Видите, я честный человек. – Илья нашел в себе силы улыбнуться.

– Или опытный.

– Честный!

– Но, к сожалению, убийца.

– Не смейте так говорить!

На этот раз дознаватель не стал бить Дементьева, хотя вновь подошел к нему. Постоял, разглядывая замершего в ожидании удара Илью, потом взял со стола упаковку влажных салфеток, вытащил верхнюю и аккуратно протер царапины на щеке арестованного.

– Пойми, парень, если ты ломщик, мы сможем договориться. – Тон стал добродушным. – Мы ищем организаторов бунта. Ты, судя по всему, мелкая сошка. Скажи, на кого работал, что делал, и я подумаю, как помочь снять с тебя обвинение в убийстве.

– Вы сфабриковали дело, – устало произнес Дементьев.

– Ты над моим предложением думай, – посоветовал без, – а не сочиняй всякую ерунду.

Дознаватель не понимал, почему ему запретили применять развязывающие язык препараты. Узнали бы все за минуты. Но приказ был четким: только силовое воздействие, и то очень аккуратное. Никакой химии. Боятся повредить ему голову? Похоже на то. Но почему? Что может быть ценного в голове мелкого ломщика? Тем не менее распоряжение пришло с самого верха, и нарушать его без не собирался.

– Ну что, говорить будешь?

– Не стал.

– Химию использовали? – уточнил Мишенька.

– Вы ведь запретили.

Щеглов кивнул. И тут же поинтересовался:

– По голове били?

– Только по лицу. – Дознаватель поерзал под неподвижным взглядом Мишеньки и уточнил: – Не сильно.

– Ему было больно?

– Конечно.

– Очень хорошо. Готовьте дело на… – Щеглов помолчал. – На три года Африки.

Дознаватель удивленно посмотрел на начальника. Не ожидал, что с мелким ломщиком обойдутся настолько круто. Рудники и каменоломни старинного образца. Каторга СБА, предназначенная для неисправимых. Для тех, кого корпорации не

желали больше видеть.

– Три года Африки?

Для нормального человека это означало смертный приговор.

– У вас не хватает материалов для обвинения?

Квадратные линзы очков блеснули безжизненным светом. Дознаватель знал, что глаза у Мишеньки серые, но сейчас их не было видно: они растворились в стекле.

Без сглотнул и, чувствуя, как стекает по спине струйка холодного пота, кивнул:

– Все в порядке, хватает. Я… – Кашлянул. – Я сделал запись убийства. Как вы говорили… и свидетели есть. Для суда вполне…

– Вот и замечательно. – Щеглов растянул губы в вежливой улыбке. – Будем считать, что дело закрыто.

* * *

анклав: Москва

территория: Болото

«Кантора братьев Бобры»

семейная жизнь требует терпения и взаимопонимания

– Надень ожерелье, красавица! – щедро предложил Митроха. – Клянусь, оно тебе пойдет.

– Какая прелесть!

Обнаженная Лика вскочила с кровати, схватила украшение, чмокнула канторщика в щеку и направилась к зеркалу.

– Мит, помоги застегнуть.

– С удовольствием.

Бобры пристроился сзади. Послышалось негромкое хихиканье женщины. Сидящий в кресле Хосе кисло поморщился.

Происходящее раздражало испанца. Его приняли не в гостиной, а в спальне. Причем если небритый канторщик все-таки соизволил прикрыть чресла, натянув шаровары, то Лика демонстративно осталась голой. Не стесняясь, трясла полными грудями и вертела задницей. Хороша супруга, нечего сказать. И ее воркование…

– Дорогой, это настоящие изумруды?

– Разумеется, – подтвердил Митроха.

– И сертификат от ювелирной фирмы есть? – поинтересовался Хосе.

Вопрос остался без ответа.

– Мне кажется, это старинная работа.

– Двадцатый век, милая.

– Осталось от бабушки? – съехидничал испанец.

– Ты мою бабушку не тронь, – рекомендательным тоном произнес Бобры. – Я ее помню – святая женщина.

– Я просто так спросил. Из интереса.

– Просто так в Анклавах даже кошки не родятся, понял? Только за деньги.

– Чего ты грубишь? – нахохлился Родригес.

– Хосе, – лениво произнесла Лика, не отводя глаз от своего отражения в зеркале. – Замолчи, пока ОН тебя не заткнул. Или ты не понимаешь, что здесь тебе Мартин не поможет?

Кошелев остался на первом этаже канторы, в холле, в компании боевиков. Да даже если бы он сидел за дверью, то вряд ли вступился бы. Не тот случай.

У Родригеса заходили желваки, но обиду он проглотил. Не ответил.

Зеленые камни превосходно смотрелись на смуглой коже испанки. Митроха поцеловал женщину в шею, погладил грудь – Лика чуть улыбнулась, – отошел от зеркала и плюхнулся в кресло. Зевнул. Почесал подбородок. Снова зевнул и потянулся:

– Непростая выдалась ночь.

Хосе, который отлично видел темные круги вокруг глаз Лики, промолчал. Митрохе понравилась покладистость собеседника. Канторщик заложил руки за голову и ухмыльнулся:

– Ты не думай, приятель, мы полночи другими делами занимались – арабов мочили… А, чтоб меня! Извини, забыл, что ты тоже араб.

И заржал над собственной шуткой.

– Я испанец, – хмуро сообщил Родригес.

– Да вы, европейцы, все на одно лицо.

Женщина вернулась на кровать и устроилась на подушках, приняв весьма соблазнительную позу.

– Лика молодец, – продолжил Бобры. – Из «молотка» шарашила – не всякий мужик так сможет.

– Не думал, что ты кровожадна, – заметил Хосе.

Госпожа Родригес улыбнулась и переменила положение бедер, открывая Митрохе более занимательный пейзаж. Господин Родригес изо всех сил делал вид, что происходящее его ничуть не задевает.

– Как вы считаете, Митроха, карнавал не отменят?

– Из-за чего? – удивился канторщик.

– Так ведь бунт.

– Ну, постреляли, ну и что? – Бобры в очередной раз зевнул. Родригесу, говоря откровенно, давно надоело разглядывать луженую глотку и золотые зубы канторщика, но, будучи человеком воспитанным, а главное, благоразумным, он воздержался от замечаний. – Пойми, Хосе, бунт, он ночью был. И вчера тоже. А карнавал – сегодня. Люди год ждали. Верхолазы тысячи юаней на костюмы потратили. Актеров со всего мира согнали, певички там, танцовщицы, проститутки. Все как положено сделали, вложились конкретно… Так что Мертвому башку снесут, если он хотя бы предложит отменить Бал. Думаешь, почему безы так оперативно действовали и даже нашу помощь приняли? У них приказ был: чтобы к утру о бунте помнили только репортеры.

– А как же безопасность?

– Обеспечат, – махнул рукой Митроха. – А потом, кто рискнет бузить? На карнавале столько народу деньги делает, что отморозков разных, типа террористов, или грохают заранее, или конкретно предупреждают: создадите проблемы – серьезно пожалеете.

– И всегда было тихо? – уточнил Хосе.

– Лет пятнадцать назад фанатики из Фронта Независимости Бургундии бомбу взорвали, – припомнил Бобры. – Так их всем обществом мочили. Мы, стало быть, тута, кого нашли. А Мертвый гонцов по всему миру слал. Нету с тех пор Фронта. Не осталось. – Гыгыкнул. – Пропала Бургундия на хрен.

– Радикально, – задумчиво протянул Родригес.

– А к чему ты этот разговор завел?

– Беспокоюсь, – пожал плечами испанец. – Бунт все-таки.

– Расслабься…

– Мит, милый, ты мне подаришь это ожерелье?

– Если заслужишь, – отозвался канторщик.

– Что я тебе, собачка, что ли? – надула губы Лика.

– Ты гораздо лучше, – не стал скрывать Митроха. – Я собачек не трахаю. – И выбрался из глубокого кресла. – Поболтайте тут, я скоро.

Едва за Бобры закрылась дверь, Хосе перестал сдерживаться. Гневно посмотрел на раскинувшуюся на кровати жену и процедил:

– Шлюха!

– Бабник!

– Тебе не кажется, что это уже слишком?

– Кто бы говорил!

– Ника наша наложница, – набычился Хосе. – Мы вместе обсуждали ее приглашение, и ты не была против.

– Тогда не была, – уточнила женщина.

– Тебе нравилось спать с ней, – напомнил Родригес.

– В последнее время она трахается только с тобой!

– Ревнуешь?

– Ты постоянно унижаешь меня!

– А ты? – прорычал испанец. – Думаешь, мне приятно знать, что тебя всю ночь имел грязный уголовник?! – Он вскочил на ноги, хотел приблизиться к жене, возможно, схватить ее за руку, но Лика стремительно отодвинулась от мужа в дальний угол кровати и прошипела:

– Закричу.

Хосе замер:

– Ты серьезно?

– Вернись в кресло.

Мужчина подчинился.

– Мы вернемся к этому разговору позже, – жестко произнесла Лика. – Сегодня праздник, и я хочу как следует повеселиться.

– С этим мордоворотом? – угрюмо спросил Хосе.

– Во всяком случае, он меня хочет.

– Потому что ты самая настоящая шлюха, и твое место в борделе «Трех обезьян», – жестко произнес Родригес, глядя прямо в глаза жены.

Митроха, наблюдающий за семейной ссорой через коммуникатор, в который шло изображение с установленной в спальне видеокамеры, довольно усмехнулся.

И не обратил внимания на странный жест Лики – услышав последние слова Хосе, она на мгновение поднесла к виску левую руку.

Так, словно у нее неожиданно заболела голова.

* * *

анклав: Москва

территория: Болото

мастерская Рустама Лакри

случается, что незваные гости гораздо лучше званых

Победа или поражение? Шаг вперед или в пропасть? Уцелеет вагон или распадется?

К чему приведет гибель Карбида?

Рус понимал, что вожак тянул ребят в никуда, как правильно сказала Пэт – под пули безов. Билет в один конец. Поэтому он не протестовал против безумного пари и приложил все силы, чтобы уговорить свамперов не винить девчонку в гибели лидера. Впрочем, это дело прошлое, время вспять не повернуть.

Но что дальше?

Как ни странно, Рус задался этим вопросом только после смерти Карбида. Не верил, что вожак проиграет? Не верил. И сейчас ломал голову над тем, что делать.

Большая часть свамперов видела в Лакри преемника, ему доверяли, его уважали, он стоял почти на равных с Карбидом, так что дело казалось решенным. Пара амбициозных уродов не в счет, если сразу обозначить свою власть и не позволить им посеять в байкерах сомнения, то шансов у них не останется.

В принципе, Рус уже приступил к укреплению позиций. Во-первых, изменил поведение. Убедившись, что Карбид мертв, Лакри сразу же начал отдавать распоряжения уверенным, откровенно лидерским тоном. Никто не протестовал, никто не оспаривал приказы. Во-вторых, взял под полный контроль финансы. Наличность вагона и так хранилась в мастерской, а вот из электронного банка Рус немедленно стер пароль Карбида – мало ли с кем он поделился этой информацией? Осталась сущая ерунда: собрать всех свамперов в мастерской, почтить память безвременно ушедшего друга и согласиться с предложением встать во главе вагона. Верный Кимура уже намекнул, что просьба обязательно поступит.

Однако сомнения не покидали Лакри. Он хотел возглавить свамперов, но не собирался вести вагон выбранной Карбидом дорогой. А предложить другой путь не мог: не был уверен, что справится. Всех денег свамперов едва хватало на аренду клуба. Затевать с этой суммой переустройство мастерской не имело смысла, но где взять недостающие средства, Лакри не представлял. Напоминать же Пэт о ее обещании Рус не хотел.

Как выяснилось, в этом не было необходимости.

– Боже, как все похоже на завод! – Железная дверь ангара протяжно заскрипела, пропуская в мастерскую полненького мужчину в блеклом плаще. – Живые есть?

В левой руке толстяк держал потертый портфель самого что ни на есть старинного вида: кожаный, с большими замками.

Рус погасил сварочный аппарат и холодно посмотрел на

гостя:

– Я тебя знаю?

– Nemo omnia potest scire,[10] – пробурчал в ответ толстяк.

Лакри поднял брови:

– Ты чего-то сказал?

– Не обращай внимания.

– Тогда пошел вон отсюда, – окрысился байкер. – Ты мне мешаешь.

– A nullo diligitur, cui neminem diligit.[11]

Рус не хотел драться, но гость начинал его доводить.

– Я…

– Называй меня Таратута. – Толстяк уселся на более-менее чистый табурет, вытер платком шею и сообщил: – Я насчет денег.

– Хочешь сказать, что я тебе должен?

– Пока нет. Но будешь.

– Не понял?

– У тебя вчера был разговор о кредите, – напомнил Таратута. – А сейчас у нас с тобой продолжение этого разговора.

Он положил портфель на колени и щелкнул замками.

– У меня тут несколько бумаг…

– Ты от отца Пэт? – догадался Рус.

– А ты не такой дурак, каким кажешься, – с рассеянной язвительностью пробормотал толстяк. Он был занят – рылся в бумагах. – Куда же я ее засунул?

– Хочешь, врежу тебе? – осведомился Лакри.

При этом Рус уже понимал, что вряд ли выполнит угрозу – несмотря на некоторое высокомерие, Таратута перестал вызывать враждебность.

– Заканчивай молоть чушь, – попросил Филя. – Давай, говори, сколько денег надо?

Толстяк понял, что проиграл портфелю сражение, оставил попытки найти нужную бумагу и поднял взгляд на Лакри.

– Сколько?

Рус помолчал.

– Почему ее отец дает мне кредит?

– Timeo Danaos et dona ferentes,[12] – вздохнул Таратута.

– Я жду ответа! – Байкер чуть повысил голос. – Почему?

– Потому что Пэт обещала.

– Ты сам сказал, что я не дурак.

Толстяк улыбнулся.

– Ладно, самокатчик, уел. – Покрутил головой. – Мы посмотрели твое досье и немного удивились…

– Все удивляются, – отрезал байкер. – Но денег в долг не дают.

– Вот это-то и странно. Ты ведь классный механик, Рус.

– Меня называли гением.

– Но ты всех послал.

– И вас могу послать.

– Веди себя прилично, – вновь улыбнулся Таратута. – Я и так знаю, что у тебя в башке полно тараканов. Не надо мне их демонстрировать.

– Ты так и не ответил. Что нужно Грязнову?

– Он решил подружиться с гениальным механиком.

– Для чего? – насторожился Рус.

– Не волнуйся, тебе не придется возиться с оружием.

«Тогда что им надо?» – Мысли Лакри кружились вокруг вещей простых и понятных.

– Я не стану перебивать номера на угнанных тачках!

– Сынок, ты бы поменьше на мопеде катался, а? – участливо посоветовал Филя. – А то ведь на глазах тупеешь. Неужели ты думаешь, что, прочитав твое досье и поняв, что ты из себя представляешь, мы бы пришли к тебе с копеечным бизнесом, вроде похищения мобилей? Ты лучше озаботься составлением бизнес-плана, подумай насчет процентов по кредиту и сроках возврата…

– Ты серьезно?

– Разумеется!

– Я байкер, а не бухгалтер!

– Pecunia est ancilla, si scis uti, si nescis domina.[13] Хочешь сделать мастерскую – вертись. И еще, подумай над тем, что мы не против войти в дело.

– В какое дело? – ошарашенно спросил Рус. – В мастерскую?

– Ха – в мастерскую! – Таратута презрительно оттопырил нижнюю губу. – В механический центр! У Грязнова обширные связи среди верхолазов, он будет направлять к тебе фанатов машин и мобилей. Многие верхолазы, знаешь ли, любят прокатиться с ветерком.

– Так ведь в Анклаве полно тюнинговых фирм, – пробубнил Лакри.

– И что тебе мешает открыть свою?

Байкер прищурился:

– Денег не было.

– Теперь есть.

* * *

анклав: Москва

территория: Федеральный Центр

комплекс «Лубянка»

у попавшего в капкан есть два выхода: отгрызть лапу себе или кому-нибудь еще

– Серьезный прокол, капитан Го, весьма серьезный. И последствия могут оказаться весьма неприятными.

Глаза у генерала Кравцова голубые, но сейчас они напоминают не веселое летнее небо, а ледяной холод, царящий в Заполярном Особом Военном Округе. Глаза профессионального охотника на людей, потомственного оказровца, зорко стоящего на страже интересов Президента России.

– Вы покинули расположение части в разгар беспорядков. Надеюсь, у вас есть объяснения?

– Проанализировав складывающуюся в Анклаве обстановку, я пришла к выводу, что безопасности Федерального Центра ничто не угрожает, – отчеканила Эмира. – Поэтому…

– Меня не интересуют ваши выводы! – Кравцов оборвал девушку довольно зло. – И спрашивал я о другом: почему вы самовольно оставили расположение части?

Это был странный разбор полетов. С одной стороны, обращение на «вы», по уставу вытянувшаяся Эмира и дословное цитирование нарушенных параграфов. С другой – Кравцов сразу дал понять, что разговор неофициальный. Резонно, учитывая, что долю он получил. Вот и думай, что у начальства на уме: то ли просто неудовольствие высказывает – все-таки три человека погибли, – то ли дело пахнет трибуналом.

– Отвечайте!

– Я заключила частный контракт на оказание силовой поддержки, – доложила Го.

– Почему вы покинули расположение части в разгар беспорядков?

– Контракт предусматривал четкое соблюдение сроков. А поскольку анализ…

– Это я слышал, – буркнул Кравцов. – Контракт исполнен?

В принципе, эти подробности генерала не касались, но Эмира уже поняла, что следует отвечать на все вопросы.

– Никак нет.

– Ты потеряла трех солдат и не сумела выполнить задание?

Кравцов на мгновение скинул заготовленную для разговора маску: в его голосе послышалось разочарование. Разочарование за

своих. Командиру было неприятно, что его подчиненные не справились. Эмире стало стыдно.

– Так точно, господин генерал.

– Позор. – И неожиданно улыбнулся: – Хотя, с другой стороны, твоя неудача нам на руку.

Дверь распахнулась – видимо, генерал послал вызов через «балалайку», – и в кабинет вошел Урзак.

– Добрый день, капитан Го.

Эмира вздрогнула. Пару мгновений Кравцов наслаждался произведенным эффектом, после чего поднялся на ноги:

– Вам есть о чем поговорить.

И вышел из кабинета.

Поскольку распоряжения «вольно» не последовало, капитан Го продолжала стоять, вытянувшись в струнку. Банум не протестовал. Он поставил напротив девушки стул, свободно расположился на нем, опершись правой рукой на трость, и медленно оглядел девушку. Черный китель ладно облегает фигуру, подчеркивает узкую талию. С левой стороны орденские колодки, пара нашивок за ранения. В левой руке фуражка с высокой тульей. Взгляд опустился ниже, несколько мгновений Урзак разглядывал ноги капитана, форменные брюки, начищенные до блеска ботинки. Затем кашлянул и негромко сказал:

– У меня большие связи, красавица.

Эмира промолчала.

– Но опасаться тебе ПОКА нечего: я уже не злюсь.

И вновь тишина.

– Я ожидал от тебя подобной глупости. Ты ведь чернобурка. Ты привыкла действовать, а не думать. – Банум повертел трость. – Кстати, можешь говорить абсолютно спокойно – нас не пишут.

– Неужели?

– Приказ содействовать мне Кравцов получил от директора ОКР. Нас не пишут. И кстати, можешь стоять вольно.

Эмира поколебалась, но потом все-таки расслабилась. Опустила левую руку. Опустила глаза.

– К чему этот цирк? – Она старалась, чтобы голос звучал равнодушно.

– Чтобы ты прониклась серьезностью происходящего, – объяснил Урзак. – Еще один неверный шаг, и все: трибунал или Заполярье. Время вышло.

Секунд десять Го обдумывала услышанное, после чего осведомилась:

– Сдашь Петру нашим?

– Нет, – покачал головой Банум. – За содействие ОКР

заплатят иначе.

– Тогда кому?

– Тебя это волнует?

– Да.

– Советую думать о себе. – Урзак усмехнулся. – Ты висишь на волоске.

– Я всю жизнь думала только о себе, – медленно произнесла Го.

– И плохо жила?

– Я хочу знать, что будет с девочкой.

«Не сдавайся сразу, – советовал Кирилл. – Но и не перегибай палку. Урзак не знает наверняка, договорились мы с тобой или нет. И проверять своими способами поостережется. Положится на чутье. Ты уж постарайся…»

Банум одобрительно крякнул:

– Черт побери, Железный Ром не ошибся в тебе.

– На вопрос ответишь?

Она буравила ненавистного нюхача взглядом. Точнее, старалась буравить – легче пробить мраморную глыбу, чем этого хладнокровного подонка.

– Не волнуйся, – спокойно сказал Хасим. – Петру не убьют. Она слишком важна для… Впрочем, подробности тебе знать необязательно, достаточно того, что я уже сказал: о девчонке будут заботиться другие люди. Не те, что сейчас.

– А если у вас не получится ее отнять? Или те люди, поняв, что проигрывают, решат избавиться от Петры?

Урзак нахмурился:

– Ты услышала все, что должна была. Начни, в конце концов, думать о себе.

Эмира хорошо понимала, что выхода у нее нет. Если Банум сумел надавить на Кравцова, то мелочь вроде капитана ОКР он проглотит и не заметит. Повод для ареста есть: самовольное оставление расположения части в условиях, приравненных к боевым. Читай – дезертирство. Затем допрос с применением новейшей химии, получение необходимой информации и… Что дальше? Каторга? Штрафная рота на китайской границе, в зоне Ядерного Креста? Заполярье?

Откровенно говоря, Эмира не понимала, почему Урзак не пошел по этому очень и очень простому пути.

– Ты избавишь меня от трибунала?

– Никакого преследования, красавица, абсолютно никакого! С генералом я договорюсь… – Банум хитро улыбнулся. – И даже не скажу ему о деньгах, оставленных тебе Фадеевым.

– Из-за чего такая мягкость?

– Ты немного поработаешь на меня. Поговоришь с Петрой, расскажешь ей кое-что.

– Что?

– Узнаешь.

С исполнителями не советуются, их инструктируют.

– И за карьеру не опасайся: мои рекомендации помогут тебе продвинуться по службе. – Урзак пристально посмотрел на девушку. – Возможно, мы еще станем друзьями. Так что рассказывай, красавица, не стесняйся.

Эмира вздохнула и тихо спросила:

– С чего начинать?

– С самого начала.

* * *

анклав: Москва

территория: Болото

«Салон Мамаши Даши. Предсказание будущего и коррекция судьбы»

ложка дегтя портит бочку меда

Странно все-таки устроены люди.

Еще вчера Пэт рисковала жизнью в безумной гонке, прорывалась через ощетинившуюся стволами баррикаду, уносилась от разъяренных аравийцев, нервно сжимала руль «Плуто», стискивала зубы и избавилась от напряжения, лишь оказавшись дома.

Вчера.

А сегодня – приподнятое настроение, веселые песенки в голове, смех по любому поводу и непреодолимое желание вертеться перед зеркалом.

– Мата, как ты думаешь, подобрать волосы или оставить хвост?

– Я подберу.

– А мне что делать? Мамаша, как вы думаете?

Слезы, боль, страх – все осталось в навсегда исчезнувшем вчера. Мы живы, мы дышим, и впереди у нас праздник. Разве не здорово?

– Думаю, Пэт, тебе тоже следует подобрать волосы, – посоветовала гадалка. – Я права, синьор Чезаре?

Модный стилист сначала затрещал по-итальянски, приплясывая вокруг девушек и размахивая руками, а затем, опомнившись, перешел на понятный язык:

– Си, синьора, вы абсолютно правы: подобранные волосы превратят наших очаровательных синьорин в настоящих принцесс…

Матильда и Пэт переглянулись и дружно залились звонким смехом.

В честь карнавала Кирилл сделал девчонкам поистине царский подарок: роскошные, сшитые на заказ бальные платья, дорогой стилист и старинные украшения, взятые из хранилищ антикварной фирмы. А помимо этого – туфли, перчатки, отделанные драгоценными камнями наномаски, лимузин и приглашения на Стрелку! Туда, где будут веселиться сливки общества.

Скромная Матильда была на седьмом небе от счастья. И даже привыкшая к богатой жизни Пэт признала, что Грязнов устроил им праздник на самом высоком уровне.

– Я чувствую себя Золушкой, – негромко сказала Матильда.

«А Кирилл в таком случае добрый фей», – едва не вырвалось у Пэт.

Говоря откровенно, она не понимала, ради чего Грязнов ТАК заботится о Матильде. «Из-за Мамаши Даши?» Но они никогда не были любовниками – в этом Пэт не сомневалась, – просто друзья. Хотя… Кирилл весьма серьезно относится к понятию дружба… «Или Матильда его внебрачная дочь?» Чушь; зная Грязнова, можно с уверенностью утверждать, что он бы не стал этого скрывать. «Кирилл имеет на нее виды?» Почему нет? Он мужик не старый, она девушка фигуристая, вон как груди из корсета выпирают… И эта мысль, и вид полуобнаженной подруги неожиданно вызвали в памяти вчерашнюю встречу с Русом, точнее, взгляды, что он бросал на Матильду.

До сих пор Пэт ни разу не приходило в голову обратиться к пластикам, однако Рус…

«Подумаешь, вонючий байкер!»

«Не вонючий! А очень даже симпатичный. И не дурак».

«Все равно! Никаких пластиков!»

Пэт посмотрела на свое отражение: стройная, гибкая, грациозная – куда там этой корове Матильде!

– Пэт, к моему платью подходят и алмазы, и рубины. Что выбрать?

Девушка обернулась к подруге, и в то же мгновение в уголке

глаза появилось уведомление о поступившем сообщении. Пэт машинально раскрыла письмо и скользнула взглядом по тексту. Вздрогнула. Не дойдя до конца, вернулась в начало сообщения. Прочитала заново. Сжала кулачок.

«Петра, тебе лгут. Хочешь узнать правду о смерти Романа Фадеева? Хочешь узнать правду о тех, кто рядом с тобой? Позвони по номеру, с которого пришло письмо…»

Буквы складывались в слова, слова – в предложения, текст наполнялся смыслом, от которого по телу поползли холодные мурашки.

Глава 7
Люди на Луне
Чудовище

Согласно планам первые тайконавты должны были пробыть на Луне двое суток. И не просто покрасоваться на спутнике, прогуливаясь вокруг «Фэйлун», а заняться серьезными делами, продемонстрировать всему миру, что Китай пришел на Луну надолго.

Сразу же после пресс-конференции Безуглов и Фань приступили к разметке площадки, на которой предполагалось воздвигнуть первое здание. Местонахождение будущего города выбрали заранее, еще полгода назад, после тщательного изучения полученных с автоматического корабля данных.

Специалисты, наблюдающие за действиями Безуглова и

Фаня, прекрасно понимали, что тайконавты занимаются ерундой. Руководитель экспедиции и первый пилот вряд ли обладали навыками, необходимыми для профессионального строительства, тем более в лунных условиях. Однако для миллиардов зрителей, завороженно смотрящих прямую трансляцию со спутника, кипучая деятельность тайконавтов имела сакральный смысл. На их глазах вершилась история.

Колонизация Луны началась!

Новый виток развития цивилизации!

Человек покоряет космос!

Завершив разметку территории и съемку поверхности, тайконавты вывели из трюма корабля луноход и совершили ритуальный объезд суверенных владений Народной республики, вызвав у миллиардов китайцев экстаз, а у европейских и североамериканских политиков – истерику. Город, состоящий пока из двух нераспакованных ящиков с аппаратурой и флагштока с красным знаменем Поднебесной, получил официальное название – Шоуду, а дата его основания вошла в историю.

После этого тайконавты вернулись на борт отдохнуть и пересидеть температурный максимум лунного дня.

«Многоразовый корабль „Фэйлун“, созданный выдающимися китайскими учеными, способен не только осуществлять доставку людей и грузов на поверхность Луны, но и служить базой для тайконавтов. Запас продовольствия, воды и воздуха рассчитан на пятнадцать суток. В случае необходимости „Фэйлун“ способен самостоятельно добраться до Земли. – Пропагандисты не

уточняли, с какой скоростью и с какой вероятностью. – Передовые технологии Народной республики позволяют нам уверенно смотреть в будущее и ставить вопрос о колонизации других планет Солнечной системы…»

Официальные заявления правительства КНР перемежались выступлениями ученых и круглыми столами экспертов, на которых живо обсуждались первые результаты экспедиции. Интерес к проекту, и без того заоблачный, поднялся до невиданных высот. Казалось, не осталось на планете человека, который не знал бы о великом прорыве тайконавтики и подвиге китайской научной мысли. Имя Фань Чи произносили в Канаде и в Гватемале, в Африке и в Индонезии, в России и в Австралии. Земля замерла, с нетерпением ожидая продолжения трансляции и гадая, что запланировали китайцы на следующий день. И лишь несколько человек знали, что предстоит увидеть публике.

А ожидала зрителей нештатная ситуация, трагедия, увенчанная гибелью человека – иначе кто поверит в реальность опасности? – но заканчивающаяся победой китайского духа над тяжелейшими обстоятельствами.

Разрабатывая сценарий высадки, поднебесники решили воспользоваться американским опытом постановочного шоу и не повторять ошибок СССР. В огромной державе, некогда бывшей северным соседом Народной республики, неудачи традиционно замалчивались, а потому выдающиеся достижения ее ученых выглядели серо и скучно. Буднично. Жизнь – всегда борьба, а борьба – всегда кровь. Не будет крови – никто должным образом не оценит подвиг китайцев, не поверит, что путь к звездам проходит через тернии.

Смерть врезается в память.

С кандидатурой героя, отдавшего жизнь ради очередной победы цивилизации, определились легко – Безуглов. Собственно, других вариантов не было. Ситуация – непредвиденные неполадки скафандра. Трагическая гибель русского пилота, которую планировалось показать в прямом эфире, выгодно оттенит героизм мужественных тайконавтов, ежесекундно рискующих жизнью во имя человечества. К тому же смерть северного варвара позволит решить деликатный вопрос, который обязательно поднимется после возвращения экспедиции на Землю: как делить славу с русскими? Народную республику и лично Председателя не устраивала роль России в качестве полноправного участника проекта. Высадка на Луну – выдающаяся победа тайконавтики, и точка. Никаких русских. Присутствие на поверхности спутника Безуглова… не замалчивали, разумеется, но и не заостряли на нем внимания, старательно выводя на первый план Фаня. Он давал

интервью, он позировал со строительным инструментом, он управлял луноходом. Безуглов же, как правило, держал видеокамеру. Однако все понимали, что на Земле его имя встанет в один ряд с именем китайца. Придется говорить, что русские внесли весомый вклад в высадку на Луну, что без их помощи проект «Дии Чуань» никогда бы не осуществился. А нет человека – нет проблемы. Траурный митинг, соболезнования, назначение вдове пожизненной пенсии и… забвение. Погиб майор Безуглов, вечная ему память. А где погиб, на Луне или нет, это никого не волнует. На Землю вернутся одни китайцы, и говорить будут только о них.

А самое главное, смерть русского помогала Фаню решить весьма нехарактерную для безлюдного спутника проблему – проблему лишних глаз и ушей.

Вернувшись на «Фэйлун», Безуглов и Фань много говорили. Сначала дали короткое интервью китайским журналистам, после которого последовали подробный разговор с бонзами из ЦК КПК и доклад в Центр Управления Полетами. Затем сеанс связи с находящейся на лунной орбите станцией «Шэньюэ», а потом, во время хитроумного космического ужина, – долгая беседа между собой. Они говорили, говорили и не могли остановиться. Безуглова и Фаня захлестывали эмоции. Они обменивались впечатлениями и смеялись, смотрели фрагменты трансляции и отрывки репортажей, вспоминали, сколько звезд на генеральских погонах и обсуждали, с кем из кинодив следует переспать в первую очередь.

Они были счастливы.

Они были героями.

И плевать на различия. В хрупкой скорлупке под названием «Фэйлун», в чужом мире, под всеми звездами Вселенной сидели не полковник китайской армии и подчиненный ему русский майор, а два мужика, только что совершившие немыслимый подвиг, остро сожалеющие об отсутствии спиртного и отпускающие сальные шутки.

И Фань неожиданно для себя расслабился настолько, что уснул первым.

А когда открыл глаза, то сразу понял, что остался один.

– Безуглов?

Тишина.

Мертвая, неземная тишина. Фань сел в разложенном для сна кресле и бросил взгляд на приборную панель: рубка корабля служила тайконавтам и рабочей зоной, и спальней. Других защищенных помещений, если не считать шлюзового отсека, на «Фэйлуне» не было, разве что грузовой трюм, но попасть в него можно было только снаружи.

– Петр!

Нет ответа.

Коммуникатор отключен, все каналы связи, включая аварийные, заблокированы.

Тишина.

Страшно? Нет, Фань не испытывал страха. И руки у него задрожали не от испуга, не от острого чувства одиночества, а от предчувствия совершенной ошибки. От смутного осознания, что упущен некий факт, способный поставить под удар выполнение главной задачи полета.

– Петр!!!

Фань с трудом – в отличие от пилота он плохо адаптировался к слабому лунному притяжению – доковылял до шлюзового отсека и заглянул в шкаф. Один из четырех отсеков пустовал, не хватало резервного скафандра Безуглова.

– Что за ерунда…

Вернулся в рубку и внимательно оглядел открывающийся из панорамного иллюминатора пейзаж, заметил цепочку следов, уходящую в сторону плато Аристарха, сжал кулаки:

– Мерзавец!

К счастью, Безуглов не знал пароль включения лунохода, иначе…

«У меня еще есть время! За ним!»

Вновь повернулся к шлюзу, сделал шаг. Опомнился.

«Почему меня не предупредили, что Петр покинул корабль?»

Фань включил коммуникатор, и сразу же услышал голос второго пилота:

– «Шэньюэ» вызывает «Фэйлун», «Шэньюэ» вызывает «Фэйлун», «Шэньюэ» вызывает…

– Здесь «Фэйлун»!

– Господин полковник, вы пропустили сеанс…

– Неполадки со связью, – отрывисто произнес Фань.

– Вас вызывала Земля. Пекин. Срочное сообщение.

– Я слушаю.

– Майор Безуглов рядом? – после короткой паузы осведомился второй пилот.

– Нет, – тоскливо ответил Фань, понимая, что сбываются самые худшие его предположения. – Он нас не слышит.

– С Земли сообщили, что вчера днем в Финском заливе нашли мертвое тело. Генетический анализ показал, что это Петр Безуглов.

Фань понял подчиненных не сразу.

– Безуглов?

– Так точно. Убит еще зимой.

– Как убит?

– Нож в глаз…

У Фаня перехватило дыхание.

– Убит?

– Так точно…

– Я не спрашивал, идиот!!!

«Убит? Безуглов убит? Убит Безуглов? Ножом?»

Фань посмотрел на кресло пилота. На цепочку следов, уходящую к плато Аристарха. На пустой отсек шкафа…

«Не хватает резервного скафандра…»

«Убит еще зимой…»

– Господин майор, из Пекина просят…

– Мне некогда! – Фань бросился к шлюзу.

Со станции сообщили, что следы беглого пилота ведут к плато Аристарха, но об этом Фань и сам знал. Полковника интересовало, где сейчас находится русский, как далеко от корабля? К сожалению, на этот вопрос ответа не было: несмотря на все усилия, находящимся на «Шэньюэ» членам экспедиции не удалось засечь беглеца. И в этом заключалась самая большая неприятность: наблюдатели не видели ни того, как Безуглов покинул «Фэйлун», ни его перемещений по поверхности, хотя пролетали над местом посадки корабля несколько раз. Возможно, русский, четко рассчитав время прохождения станции и отключив маяк скафандра, попросту прятался в расщелинах или за камнями, однако Фань решил предполагать худшее – к этому призывало обнаруженное в Финском заливе тело.

«Кто же ты такой, майор Безуглов? Чего ты добиваешься?»

Фань с удовольствием бы получил ответы из уст самого пилота, однако приказал подчиненным в случае обнаружения Безуглова открывать огонь без предупреждения. «Шэньюэ» несла две управляемые ракеты, испытание которых планировалось провести на обратной стороне спутника – чтобы не тревожить лишний раз общественное мнение, но Фань решил, что ситуация критическая, и уничтожение пилота гораздо важнее, чем встревоженные политики.

О том, сколько времени выиграл русский, полковник имел самое приблизительное представление. Бортовой компьютер сообщил, что шлюз открывали за два часа и двадцать шесть минут до его пробуждения, однако Фань не доверял отчету. Безуглов показал себя хорошим специалистом в области компьютерных систем и мог перепрограммировать бортовое устройство на неверный ответ.

«Два с половиной часа слишком мало. Безуглов взял резервный

скафандр потому, что основной не успел перезарядиться. Значит, он покинул корабль сразу после того, как я уснул. Но в этом случае у него уже должен заканчиваться воздух…»

Мысли путались, наскакивали одна на другую, сбивали с толку. Угроза провала основной лунной миссии ввергла обыкновенно хладнокровного Фаня в состояние, близкое к панике.

«Он не смог взять луноход, значит, я его догоню…»

«Почему он не вывел из строя систему жизнеобеспечения и не убил меня?»

«Как он рассчитывает вернуться? На моем корабле? Но кто ему позволит?»

«Что ему известно об основной цели экспедиции?»

«Кто он?»

Плато Аристарха приближалось. Массивное и величественное, оно вырастало на горизонте с неторопливостью поднимающегося над Землей солнца. Загадочное. Полное тайн.

Именно к нему были обращены надежды Поднебесной.

– Кем бы ты ни был, ты ничего не сможешь сделать, – прошептал Фань, глядя на оставленную Безугловым цепочку следов. – Это выше тебя.

Но смущала записка, найденная на приборной панели. Клочок бумаги, на котором было наспех нацарапано одно-единственное слово:

«Улетай».

– Господин полковник, с Земли запрашивают, когда можно продолжить трансляцию…

Фань не отказал себе в удовольствии: подробно объяснил подчиненным, куда им следует отправляться с такими вопросами. Но через некоторое время, слегка остыв, полковник вызвал станцию и распорядился:

– Передайте на Землю, что у меня нештатная ситуация номер ноль.

– Ноль? – удивленно переспросил пилот.

– Они поймут. И еще передайте, что пока я не справлюсь с ней, никакой трансляции не будет.

Луноход продолжал движение к плато Аристарха на максимальной скорости.

Второй день лунной экспедиции превратился в триллер.

Трансляция не возобновилась. Официальное заявление, которое сделал куратор проекта от ЦК КПК, изобиловало невнятными научными терминами и общими фразами. В целом речь сводилась к тому, что связь с высадившимися на Луну тайконавтами потеряна, однако сами они живы, здоровы и продолжают

запланированные эксперименты. Обращение было зачитано с подобающим ситуации трагизмом, однако содержало твердую уверенность в том, что тайконавтам удастся с честью пройти нелегкие испытания.

Европейские и американские политики довольно потирали руки. Некоторые из них не преминули намекнуть о постановочном характере возникших проблем. Однако этот бред потонул в голосах нормальных людей, обеспокоенных судьбой пары смельчаков.

Цепочка следов оборвалась примерно в километре от подножия плато Аристарха. Просто закончилась. Судя по оставшимся в лунной пыли отпечаткам, русский не бродил по этому месту, ничего не искал. Он просто сделал следующий шаг…

И не оставил следа.

Фань остановил луноход и настороженно огляделся.

– Мы не видим Безуглова, – сообщили со станции, которая как раз пролетала над головой китайца.

«Ничего удивительного…»

Фань догадывался, куда подевался проклятый оборотень. Но действовать не спешил.

В первую очередь Фань проверил запас дыхательной смеси – один баллон пуст, во втором осталось меньше половины, – после чего задумчиво посмотрел на две запасные емкости, что вез с собой на луноходе.

В свое время китайцы настояли на том, чтобы русские разработали скафандр, в котором можно было бы осуществить смену емкости вне корабля. Подразумевалось, что проводить операцию будет напарник тайконавта, однако, обладая определенной сноровкой, можно было заменить баллон самостоятельно. Пустая емкость отстегивалась, полная устанавливалась в специальное гнездо на борту машины, а затем, контролируя свои действия с помощью входящего в комплект скафандра зеркальца, следовало подойти к ней спиной и соединить разъемы с соответствующими разъемами на скафандре.

Фань улыбнулся.

«А что будешь делать ты, Безуглов? У тебя запасной емкости нет…»

Мысль немного подняла настроение.

Китаец еще раз оглядел место, на котором пропали следы русского. Внимательно оглядел, очень внимательно. И улыбнулся. Безуглов неспроста исчез именно здесь.

Фань чувствовал дыхание родной Традиции. Чувствовал сердцем, душой. Он прошептал несколько слов и начертал перед

собой иероглиф. Сосредоточился. Глубоко вздохнул. И вдруг понял, что очертания скал становятся нечеткими, смазанными. Расплывался перед глазами луноход. Погасли звезды, но тьма не наступила. И паника не пришла, ибо острый ум мастера подсказал, что цель достигнута. Он стоит на пороге.

– Передайте на Землю, что я приступаю к выполнению главной миссии, – хрипло приказал Фань, не задумавшись о том, услышат ли его.

И сделал шаг вперед.

И пошел, не оставляя за собой следов.

Воздух…

Конечно, на самом деле содержимое баллонов правильнее называть дыхательной смесью, но сейчас Петр плевать хотел на точные формулировки.

У него заканчивался воздух.

На экране забрала мигали красные иероглифы. Вот ведь странно: скафандр разработан и сделан русскими, а все управление – на китайском… Впрочем, и на это Петру было плевать. Он знал, о чем предупреждала красная надпись. Пусть бы она мигала на английском, или на фарси, или на хинди.

«Опасно низкий уровень дыхательной смеси!»

Вот что там было написано.

«Тебе осталось жить минут пятнадцать, парень…»

В переводе на русский.

Не помогла техника «экономного дыхания», которую он изучил много лет назад и которой превосходно владел. Нет, разумеется, помогла! Иначе он не продержался бы так долго, иначе сдох бы еще несколько часов назад. Но накатила усталость, вызванная бесконечным бегом по поверхности Луны, отработанная техника пошла к черту, и расход смеси стал таким же, как у обычного, загнанного до предела человека. И сейчас, когда перед глазами мигают красные, как знамя Поднебесной, иероглифы, не имеет значения тот факт, что он способен контролировать свое дыхание. Скоро нечего будет контролировать.

Примерно час назад он начал спотыкаться. Едва не потерял равновесие. Чуть было не напоролся на острый обломок скалы. Но заставил себя продолжить движение в прежнем темпе.

Он умел заставлять себя.

Он был сильным человеком. Даже здесь, в чужом мире, он был способен на многое, но, к сожалению, большую часть сил приходилось тратить на маскировку.

И у него заканчивался воздух.

И перед глазами плыли разноцветные круги, сквозь которые

мерцала убийственно красная надпись.

И подгибались ноги.

Хотелось лечь в пыль и закрыть глаза.

Он понял, что давно уже не бежит, а, шатаясь от усталости, упрямо бредет в никуда. Что губы искусаны в кровь. В ушах шумит…

И воздух почти закончился.

Потому что надпись не мерцает, а горит не переставая.

«Я проиграл…»

Он остановился и поднял голову.

И увидел дворец.

– Нежный, словно нарисованный тончайшей кистью гениального художника, – хрипло произнес Ляо. – Огромный, как десять императорских дворцов. Чарующий. Незабываемый.

Старик вновь переживал давний момент.

– Дворец окутывало золотистое сияние, и над ним не было видно ни одной звезды. Мне показалось, он занимает все плато.

А перед воротами, на небольшой полянке, росло высокое коричневое дерево, круглый год испускающее нежный аромат.

А неподалеку, на площадке, выложенной гладким отполированным камнем, на резной скамеечке сидел Лунный Заяц и толок в каменной ступке порошок бессмертия.

На глазах Ляо выступили слезы.

Полковник Фань Чи снял шлем, медленно приблизился к Лунному Зайцу и поклонился со всем почтением, положенным в данном случае.

– Ты проделал долгий путь, человек по имени Фань Чи, – заметил Заяц, не отрываясь от своих трудов. – Ради чего?

– Я хочу служить, – тихо ответил Фань. И огонь настоящей веры сверкнул в его глазах. И голос окреп: – Вечно!

– Вечность – тяжелая дорога, человек по имени Фань Чи, – произнес Лунный Заяц и посмотрел Фаню в глаза. – Гораздо тяжелее той, что ты прошел.

– Я принял решение и не отступлю! Мое время будет отдано Традиции!

– Ты упорен, человек по имени Фань Чи.

– Я вижу великую цель.

– Подойди, – велел Лунный Заяц.

Фань приблизился, и несколько крупинок, которые Лунный Заяц вытащил из каменной ступки, упали ему на язык.

– Тебя ждут большие испытания, человек по имени Фань Чи.

– Теперь я их пройду, господин, теперь я их пройду, – прошептал

Фань. – Но дозволь спросить…

– Ты хочешь взять немного порошка с собой?

Он умел читать мысли людей.

– Да, господин. Для достойного человека, который послал меня…

Лунный Заяц издал невнятный возглас. Фань поднял голову, проследил за взглядом бога и похолодел: к дворцу приближался русский.

Мертвенно-бледный. Шатающийся. Тяжело и жадно дышащий. С искусанными в кровь губами.

С горящими, словно у дракона, глазами.

Фань похолодел, но тут же устыдился и взял себя в руки. И даже рассмеялся.

– Ты опоздал, русский!

Но тот не ответил, даже не посмотрел в сторону Фаня. Он двигался к Лунному Зайцу, беззвучно шепча какие-то слова.

И лапа бога замерла, впервые за тысячи лет перестав толочь в каменной ступке порошок бессмертия.

И Фань почувствовал, что надвигается беда.

– Останови его, господин. Останови!

– Он убил Лунного Зайца. – Ляо помолчал и поправился: – Оно убило – Чудовище. А потом оно погубило коричневое дерево, которому боги повелели расти вечно. Мне показалось – простым прикосновением. Узкие листья дерева, прекрасные, словно вырезанные из тончайшего шелка, осыпались на вмиг пожелтевшую траву, изящный ствол стал черен, а нежное благоухание сменилось кислым запахом разложения.

– Да вы поэт, – негромко произнес Урзак.

Китаец провел рукой по гладкому подлокотнику кресла. Заурядный жест, однако Банум увидел, что Ляо нервничает. Прошедшие десятилетия не подернули старую историю дымкой равнодушия. Ляо по-прежнему переживал те события. Пылко. Эмоционально.

По-прежнему стоял посреди плато Аристарха, стремительно превращающегося в заурядную лунную поверхность.

– А потом рухнул дворец. Распался, как будто сложен был из детских кубиков. Растаял, словно кубики эти были сотканы из дыма. Исчез навсегда… – Голос китайца дрогнул, но он сумел справиться с минутной слабостью. – И над плато Аристарха вновь засияли звезды.

Чай давно остыл, но перемены не было – обслуге запретили входить в комнату до особого распоряжения, а сладкое китайское вино Урзак терпеть не мог. Он повертел в руке пустую чашку и

осведомился:

– Скажите, уважаемый Ляо, вы видели, как именно Чудовище убило Лунного Зайца?

– Зачем вам?

– Это важно.

– Все произошло быстро. А я… – Ляо отвел взгляд. – Я кричал.

– Вам было страшно?

– Мне было больно. Само присутствие Чудовища оказалось невыносимым. Тысячи острых копий пронзали меня снаружи и тысячи разрывали изнутри. Я кричал, поскольку думал, что умираю. – Ляо помолчал. – А потом стал кричать оттого, что вспомнил, что не могу умереть. И память о последнем мгновении Лунного Зайца будет жить со мной вечно. – Еще одна пауза. – Я был в ужасе.

– Понимаю, – кивнул Урзак.

И в его голосе мелькнуло нечто, похожее на сочувствие.

– Я не помню, как надел шлем и возвратился к луноходу. Не помню, сколько времени провел возле него. Возможно, я был без сознания. А когда очнулся, то оказался совсем один. – Китаец вновь провел ладонью по подлокотнику. – Я заменил второй баллон и вернулся на корабль.

Некоторое время собеседники молчали. Гость вежливо ждал продолжения рассказа или сообщения о его окончании. Ляо собирался с мыслями.

– Дальнейшее вам известно. Старый Председатель, чьи воля и вера питали проект «Дии Чуань», умер через четыре месяца. Все говорили, что он успел воплотить в жизнь свою сокровенную мечту, и только я знаю, как сильно он был разочарован. Я его подвел. Я его убил.

– Председатель был вашим отцом? – тихо спросил Урзак.

– Да. – Ляо посмотрел в окно. – Космическая программа Поднебесной заглохла. К тому же через некоторое время разразился Большой Нефтяной Голод, и всем стало не до будущего – выжить бы. Затем появились Анклавы, которые постепенно захватили первенство в космических исследованиях. Город Шоуду, который должен был стать главной земной базой в освоении Солнечной системы, состоит из шести бункеров. Лунная станция Анклавов в четыре раза больше.

Ляо умолк. Ему было трудно говорить: горький рассказ, горький финал.

– А что Безуглов? – поинтересовался Урзак.

– Исчез. Я до сих пор не знаю, удалось ли ему покинуть Луну, или он…

– Удалось, – перебил китайца Банум. – Смерть бога активизирует силы высшего уровня. Ведь это прямое вторжение в Верхний мир. Наступил миг без Порядка и без Хаоса. Чудовище, судя по всему, прекрасно ориентируется в этих материях и сумело воспользоваться моментом неопределенности, чтобы вернуться на Землю.

– Время и пространство перестают существовать, – прошептал китаец. – Нарушается ход вещей.

– Совершенно верно.

И оба собеседника подумали об одном и том же: как же убить тварь, способную выжить в нигде и никогда?

– Я долго размышлял над теми событиями, – продолжил Ляо, не позволяя тишине воцариться в комнате. – Щепотка порошка не только изменила мой организм, она передала мне частичку мудрости Лунного Зайца. Еще до полета я сильно продвинулся в исследованиях возможностей, которые дарит Традиция, я знал много. А после возвращения я перечитал множество старых трактатов. Я постиг их подлинный смысл.

– Вы обрели большую силу, господин Ляо.

– Это так, – согласно кивнул китаец. – Но есть несколько вопросов, которые до сих пор смущают меня. Надеюсь, вы не откажетесь помочь? В качестве ответной любезности?

– С удовольствием.

Ляо внимательно посмотрел на собеседника.

– Как получилось, что я обогнал Безуглова? Ведь я шел по его следам до самого плато.

– Вам казалось, что вы идете по его следам, – уточнил Урзак. – В действительности же все это время Безуглов бежал за вами.

– Бежал за мной?!

– Даже сейчас Чудовище сильнее. А тогда ему не составило труда заставить вас увидеть то, чего нет.

– Но зачем?

– Чужая Традиция, – пожал плечами Урзак. – Безуглов никогда бы не вышел к Лунному Зайцу в одиночку. Он бы скитался по плато Аристарха, пока не умер от удушья, но ничего бы не нашел. Как ничего бы не нашли на нем американцы, если бы добрались до Луны. Безуглову требовался проводник, требовался мастер вашей Традиции.

– Я сам привел Чудовище к Лунному Зайцу, – понял китаец. – Я сам…

– Вам не в чем себя упрекнуть, – серьезно произнес Банум. – Чудовище блестяще сыграло эту партию. – Он выдержал паузу. – С другой стороны, кто знает, куда бы отправился мир, получи

Поднебесная помощь Лунного Зайца. Вы прикоснулись к нитям, которые заставляют дергаться всю планету. Вам открыли переход к Верхнему миру. Вы нашли покладистое божество…

– Наше божество!

– Именно это я и имел в виду. – Хасим положил руки на трость и жестко посмотрел на китайца. – Верхний мир закрыт от нас, уважаемый Ляо. Мы можем обращаться к нему, можем просить, можем надеяться… Но времена, когда боги принимали участие в битвах людей, давно минули.

– Встреча с богом показала, что наша Традиция – истинная!

Старый Ляо выкрикнул фразу с горячностью мальчишки. И заслужил отеческую улыбку от человека, который выглядел значительно моложе китайца. Но выглядеть моложе не всегда означает быть моложе.

– Вмешательство Верхнего мира в дела людей могло привести к непредсказуемым последствиям. Чем бы ответили мусульмане? Католики Вуду? Индусы? А им есть чем ответить, уважаемый Ляо. Вы это знаете. На мой взгляд, Чудовище защищалось. И защищало весь Средний мир. Защищало от вас.

Указательный палец уперся в хозяина дома.

– Означают ли ваши слова, что вы отказываетесь от охоты? – мрачно поинтересовался китаец.

– Ни в коем случае, – улыбнулся Урзак. – Я твердо убежден, что тварь должна сдохнуть. Путь выбран. Традиция умерла. И ее последний осколок следует растворить в вечном забвении.

– Но разве вы не являетесь осколком?

– Нет, – Банум дружелюбно улыбнулся. – С того самого момента, как выбрал Путь.

– Хорошо… – Китаец склонил голову. – Тогда объясните, почему у Безуглова были чистые руки?

– Никаких знаков? – поднял брови Банум.

– Неужели вы думаете, что я бы пустил на свой корабль человека с чужими символами? Тем более с древними рунами? Сведений о вашей Традиции мало, но кое-какие записи сохранились, и мы относимся к ним со всей серьезностью.

Урзак неожиданно рассмеялся.

– Что такое? – нахмурился китаец.

– Не обижайтесь, господин Ляо, и прошу, извините меня, – попросил Банум. – Я просто подумал, как же вам повезло. Вы не только провели тварь к Лунному Зайцу, но и наблюдали окончательное становление Чудовища, обретение им статуса убийцы богов. В какой-то мере вы его отец.

– А руки?

– Нескрываемые знаки появились на них после смерти

лунного божества.

У него оставались силы, чтобы разоблачиться самому, но о нем позаботились.

Верный Пес снял шлем и отошел в сторону. Читающая Время отерла лоб и поднесла ко рту восстанавливающий отвар. Он сделал два глотка и сжал губы. Читающая Время поняла и встала рядом с Псом.

Они ждали.

Ему было трудно стоять, но он не желал демонстрировать слабость. Не сейчас. Не когда на него устремлены глаза слуг.

– Все в этом мире обратится в прах, – негромко произнес он. – Даже боги.

И медленно, одну за другой, стянул с рук перчатки.

Они удержались от удивленных вскриков. Не переглянулись. Одновременно опустились на колени.

– Боги этого не любят. Но им придется смириться.

И он позволил слугам поцеловать черные знаки на своих руках.

* * *

анклав: Москва

территория: Болото

деловой центр «Стрелка»

шумные мероприятия – прекрасное место для шумных событий

– Внимание! Выдвигаемся через десять минут! – Громкий голос Евгения Подберезкина, начальника личной охраны Кауфмана, прозвучал в голове каждого подчиненного ему офицера. – Пилоты!

– В порядке.

– Наблюдение!

– В воздухе чисто.

– Полная готовность!

Согласно штатному расписанию охрана директора филиала СБА должна была состоять из десяти человек. Смешно, учитывая количество и могущество врагов Мертвого. В прямом подчинении у Подберезкина находилось более сотни офицеров. Тридцать

постоянно сопровождают Кауфмана. В особых случаях, к которым относилось и предстоящее посещение Бала Королевы Осени, их число удваивалось. И это не считая группы технической поддержки и охранников внешнего периметра. В отряде служили отличные профессионалы с великолепной реакцией и блестящими боевыми качествами. Многие были генаврами, в том числе потомственными, их возможности, полученные благодаря сложнейшим операциям, превосходили способности обычного, даже очень хорошо подготовленного бойца. Работали в отряде и трансеры: обладатели невероятно острого зрения, сверхтонкого обоняния, модифицированных конечностей, а то и вовсе чуждых человеку органов, предназначенных для нанесения максимально возможного ущерба за минимально возможное время.

Отряд являл собой грозную боевую силу, однако Евгений прекрасно понимал, что несмотря на опыт и блестящую подготовку его людей, ключевую роль в обеспечении безопасности Кауфмана играли не они, а многочисленные глаза и уши СБА. Агенты отдела прямых переговоров и рядовые безы, получающие информацию от осведомителей, машинисты, перехватывающие и расшифровывающие подозрительные сообщения, аналитики, тщательно обрабатывающие информацию и способные сплести в единую сеть разрозненные ниточки. За последние десять лет состоялось всего два покушения на Мертвого. А другие шесть провалились потому, что еще на стадии подготовки каратели Кауфмана перебили исполнителей. Отряд Подберезкина был последним рубежом, последней линией обороны, на которую надеялись в тех случаях, когда отлаженная машина давала сбой.

Как сейчас, например.

Еще утром Щеглов сообщил Евгению неприятную новость: покушение будет, произойдет оно на карнавале, визит Кауфмана отменить нельзя, а вычислить убийц не получается. Учитывая события предыдущих дней, последнее заявление не вызвало у Подберезкина удивления – безам было чем заняться.

– Я отправлю на Стрелку весь отдел прямых переговоров, подтяну дополнительные патрули безов, но… это все, чем могу помочь. Кто нанесет удар, я не знаю. Даже представления не имею.

– Мужчина или женщина, – пожал плечами Евгений и улыбнулся. – Одно из двух.

– Не подведи.

Шесть минут до вылета. Мертвый вышел из кабинета и в сопровождении пяти телохранителей направился к вертолетной площадке, где под парами стояли две совершенно одинаковые

машины.

За перелет Подберезкин не опасался: во-первых, из «Пирамидома» одновременно вылетят три группы вертолетов, во-вторых, приземлится основная группа не на площадке Стрелки, а в Федеральном Центре, где Кауфман пересядет в бронированный лимузин и остаток пути проделает по улицам.

Да и не станут опытные киллеры рисковать, атакуя кортеж. На Балу у них появится возможность близко подобраться к Мертвому.

Очень близко.

– Потрясающе, – прошептал Мишель, делая шаг назад. – Потрясающе.

Чувствовалось, что кутюрье не лукавит – он действительно восхищался Эмирой, любовался ею по праву мастера, создавшего великолепное произведение искусства.

Розовое платье подчеркивало прекрасную фигуру девушки, оттеняло смуглую кожу. Подол пышной юбки приподнимался над полом всего на несколько сантиметров. Предельно открытый лиф оставлял простор мужскому воображению. Руки, плечи и шея обнажены. Верхняя часть лица скрыта элегантной маской, но чувственные губы намекали, что спрятанное вполне достойно всего остального.

Сверкали драгоценности.

Волосы отливали чернью ночи.

– Я достаточно циничный человек и понимаю, что имя Королевы Осени уже известно. Верхолазы выкладывают огромные суммы устроителям Бала, чтобы пропихнуть свою дочь или любовницу, – пробормотал кутюрье. – Но поверьте на слово: никто, кроме вас, недостоин титула.

– Спасибо, Мишель.

Эмира натянула перчатки. Посмотрела на себя в зеркало. Чуть скривила губы в грустной усмешке: столько надежд было связано с карнавалом…

И обернулась к вошедшему в комнату Урзаку:

– Я почти готова.

– Ни в коем случае не собирался тебя торопить, – негромко проговорил Банум. Помолчал. – Я восхищен.

Комплимент девушка оставила без ответа.

Как ни странно, Урзак предпочел облачиться в скромный наряд. Неброский костюм классического покроя. Белая сорочка. Галстук. Правда, деревянная трость и обилие металла в затылке выделяли Банума, но на карнавале они не будут бросаться в глаза.

«Не хочет привлекать к себе внимания, хорек…»

– Мне кажется, в твоем наряде не хватает маленькой детали, дорогая, – произнес Урзак, протягивая девушке пышную розу.

Поколебавшись, Эмира взяла цветок и машинально поднесла его к лицу, с наслаждением вдохнув нежный и чуть сладковатый аромат настоящего растения.

Даже в эпоху Цифры, в эпоху поголовного, в буквальном и в переносном смысле, применения «балалаек», в эпоху нанов и направленных гемодификаций, находились люди, которым было трудно представить, что все они, целиком, от пяток до макушки, состоят из болтающихся в цитоплазме ядер. Из клеток.

Низведение венца природы до животного уровня, представление человека в виде биоконструкции, собранной из мелких деталей, одинаково неприятно и атеисту, и честному католику. Трудно согласиться с тем, что технически каждый из нас, по сути, мало чем отличается от обезьяны. Как говорится, где же искра? А потому приличные люди старались не задумываться над клеточной теорией больше необходимого. Ну, существует она, помогает врачам и биологам в работе, ну и ладно. А мы будем считать, что почки, печень и мозг – это самостоятельные органы, состоящие из почек, печени и мозга.

И никаких клеток.

После вживления «балалайки» в голове остается не так много места, чтобы занимать его всякой ерундой.

Тем не менее клетки живут весьма яркой жизнью, пусть она и интересна исключительно специалистам. Клетки занимаются своими нужными, но невидимыми невооруженному глазу делами, рождаются, трудятся и умирают. Умирают ежесекундно, уступая места новым, таким же… или не таким.

Ибо некоторые специалисты давно научились приказывать клеткам возрождаться в измененном виде. И не просто возрождаться другими, занимая места нормальных клеток, а объединяться в ткани, создавать новые, несвойственные организму органы, используя соседние, «нормальные» клетки в качестве строительного материала.

А самое главное, этот хитрый процесс протекает незаметно в течение довольно продолжительного времени…

По случаю карнавала улицы Болота, и без того загруженные до предела, превратились в забитые мобилями тупики. Некоторые были перекрыты официально, на некоторых праздник бушевал стихийно, и на первый взгляд передвигаться по территории имело смысл либо на вертолете, либо на метро, либо пешком. Но

только на первый взгляд. Власти прекрасно знали о связанных с карнавалом проблемах и позаботились о том, чтобы лимузины дорогих гостей Бала Королевы Осени, а также машины неотложных служб могли если не проехать, то по крайней мере просочиться через веселящееся Болото. К восторгу девчонок (во всяком случае, Матильда действительно была в восторге), Кирилл организовал для них шикарный экипаж – длиннющий «Мерседес Хадж», хоть и мобиль, но все-таки лимузин. Да к тому же с VIP-пропуском. Так что до Стрелки Пэт и Мата добрались и с комфортом, и вовремя. И прошли по красной дорожке, предназначенной для знаменитых гостей основного мероприятия Бала Королевы Осени, наслаждаясь приветственными воплями толпы и вниманием репортеров.

И восторженно захлопали в ладоши, оказавшись в главном зале. И вооружились хрустальными бокалами с шампанским, поднесенными предупредительным лакеем.

– Это сон! – выдохнула Матильда.

– Ты посмотри, какие мужики! – Пэт одним глотком ополовинила бокал.

К большому удивлению Кости, его и еще трех офицеров отправили на Стрелку не из-за Мертвого, а…

«Ваша задача: обеспечить безопасность Патриции Грязновой и Матильды Шаровой. – Инструктировал безов лично Мишенька Щеглов, правая рука директора. Слоновски сидел рядом, хмуро кивал, но в разговор не вмешивался. – Что бы ни случилось на карнавале: перестрелка, нападение на доктора Кауфмана, взрыв ядерной бомбы – не обращаете внимания до тех пор, пока события не несут угрозы девушкам. Они – ваша цель».

Стрелкой в Анклаве называли небольшой пятачок земли, находящийся, как можно догадаться из названия, на стрелке Москвы-реки. На острие ее с давних пор возвышалась чудовищная статуя древнему историческому деятелю, которая придавала месту налет адской эстетики. Неуклюжий серый дом, оккупировавший основание Стрелки, вызывал не меньшее отвращение. Когда-то в этом здании селили палачей, потом большую их часть перебили, но призраки душегубов, по слухам, прочно обосновались внутри угрюмого строения. Надо ли говорить, что бывшая шоколадная фабрика, находящаяся аккурат между двумя монстрами, тоже получила свою долю мистических историй, и ее стены, сложенные из красного кирпича, казались частью загадочного замка.

Со временем любопытный пятачок превратился в главный деловой центр Болота, респектабельный и дорогой. Бизнесменов,

которые могли небрежно обронить: «Я поехал на Стрелку», уважали. Подобная фраза являлась показателем статуса.

Однако мистический налет никуда не делся, и именно благодаря ему организаторы Бала выбрали Стрелку в качестве основной площадки карнавала.

Безопасность на которой обеспечивалась на самом высоком уровне.

За четыре дня до мероприятия Стрелка закрывалась для посещений и подвергалась тщательной проверке. Безы просвечивали наноскопами стены и крышу, лазали в подземные коммуникации и просматривали системы подачи воды и воздуха. С утра дня открытия и до завершения Бала здание жило в режиме «крепость». Все входящие внутрь, включая гостей, проходили через пятиметровый коридор безопасности, в котором их просвечивали мощным наноскопом, вычисляя оружие или запрещенные гаджеты. В этом же коридоре каждый проходящий сдавал кровь. Результаты экспресс-анализа становились известны практически мгновенно, и дежурящие на выходе безы точно знали, пропускать человека или нет – организаторы не хотели, чтобы на праздник проник зараженный смертельным вирусом террорист-смертник или трансер с ядовитыми железами под когтями.

Другими словами, СБА принимала все возможные меры, чтобы верхолазы могли без помех насладиться праздником.

– И так всегда? – поинтересовалась Лика, разглядывая уколотый палец.

– Разумеется, – ответил Митроха. – На Стрелку цвет Анклава съезжается, вот безы и суетятся.

– Ты тоже – цвет?

– Ну… – канторщик неожиданно замялся. – Не из последних – точно. А потом, Бал для всех праздник.

– А я думала, мы идем на карнавал, – подняла брови женщина.

– Ну да, карнавал. – Бобры с легким удивлением посмотрел на подругу. – Так его все называют. А официально: Бал Королевы Осени. Я ведь тебе рассказывал.

– Точно… – Лика прикоснулась пальцами к виску. – Забыла… Конечно, Бал… У меня была сложная ночь…

– Устала?

– Немного. И голова болит…

– Тогда надо выпить!

Они уже миновали коридор безопасности, и Митроха схватил бокалы с шампанским у первого попавшегося лакея.

– За тебя, красавица!

– За знакомство, – невпопад отозвалась женщина.

Но следовать примеру спутника, присосавшегося к бокалу с дорогим вином, не торопилась. Достала из сумочки маленький пузырек, вытряхнула на ладонь несколько таблеток и проглотила их, запив шампанским.

Стоящий позади парочки Мартин Кошелев поджал губы.

Откровенно говоря, он не понимал, почему Родригес отправил его приглядывать за Ликой. Что с ней может произойти в самом охраняемом месте карнавала? Разве что Бобры… На это и намекал Хосе, давая поручение: «Я кабальеро, Мартин, и смогу позаботиться о Нике. А вот за женой нужно присмотреть, у нее появились неподходящие друзья…» Прозвучало обоснованно, однако подозрения у Кошелева остались. Что, скажите на милость, сделает с Ликой Митроха, кроме того, что он уже с ней сделал?

– Смотри, Лика, Мертвый прикатил.

– Где?

– Господа, директор московского филиала СБА…

– Без чинов, дружище, без чинов, – остановил провожающего его распорядителя Мертвый. – Иначе мы до самого утра будем выслушивать титулы друг друга.

Шутка повторялась каждый год, но все равно вызывала смех. Она становилась знаком, чертой, до которой надменные верхолазы, спесиво поглядывая друг на друга, негромко вели деловые разговоры, а после враз превращались в обыкновенных гуляк.

– Макс, консерватизм делает тебе честь!

Еще одна постоянная шутка. В отличие от верхолазов, дизайнеры и портные которых изворачивались, стараясь придумать к следующему празднику что-нибудь новое и необычное, Мертвый всегда появлялся на карнавале в одном и том же наряде – черном камзоле испанского инквизитора, украшенном золотой цепью с крупным медальоном.

– Я с трудом привыкаю к новой одежде.

– Зато тебя ни с кем не спутаешь!

– Шампанского?

– Какую красавицу ты удостоишь своим вниманием на этот раз?

Кауфман предпочитал искать любовниц на карнавале. Завязывал приятное знакомство, месяцев через восемь охладевал к пассии и осенью вновь начинал охоту, отдавая предпочтение девушкам, прошедшим в финал конкурса.

– Еще не решил.

– Обрати внимание…

– У нас все тихо, – доложили с главного входа. – Никто из гостей не отказался от проверки. Результаты отрицательные.

– Хорошо.

Подберезкин нахмурился: неужели аналитики ошиблись? Вряд ли. Щеглов не тот человек, чтобы паниковать понапрасну: если сказал, что удар нанесут на приеме, значит, так оно и будет. Но черт побери, каким образом они планируют ударить? Чем?

Неопределенность изматывала.

Десять человек в непосредственной близости от Кауфмана, еще сорок рассыпались по залу, плюс группа, переодетая в официантов, плюс снайперы в искусно спрятанных под потолком «гнездах», которые берут на мушку любого приближающегося к Мертвому человека.

Вот только профессиональному убийце для удара достаточно всего одного мгновения.

И охрана Кауфмана терялась в догадках, кто и когда собирается этот удар нанести…

Создавая новый орган, особенно используя для его строительства соседние «нормальные» клетки, сталкиваешься с определенными проблемами. Во-первых, ненужных частей в организме человека не так уж и много, некоторые даже уверяют, что таковых и вовсе нет. А посему, разрушая соседей, новый орган делает организм или его часть недееспособным, что может привести к фатальному результату. Во-вторых, следует позаботиться о месте, которое займет новый орган. Особенно это важно, если по соображениям секретности невозможно придать новообразованию облик нароста, опухоли или небольшого элегантного горбика. Конечно, в организме человека есть парные органы, те же легкие, например, однако в силу своего расположения они не очень удобны для использования, особенно в том случае, когда вновь созданная часть организма предназначена для внешнего использования…

А тем временем клетки-агенты, получившие мощную подпитку извне, существенно ускорили работу, стремительно завершая строительство экстравагантной биологической конструкции, увенчанной острым и тонким шипом, рядом с которым набухала ядом маленькая железа.

На этот раз темой карнавала стал куртуазный восемнадцатый век. Пышные декольтированные платья у женщин, шитые золотом камзолы у мужчин, настоящие парики и имитирующие их

прически. Блеск драгоценностей и струнные квартеты. Главный зал Стрелки украсили соответственно: позолота, лепнина, статуи вдоль стен, официанты в лакейских ливреях и имитирующие свечи светильники.

Разумеется, карнавал народный, тот, что бушевал на Болоте, заявленную тему поддерживал условно, однако в сердце праздника стиль выдерживался предельно тщательно.

– Осталось совсем немного времени до того момента, когда здесь, на Стрелке, будет названо имя Королевы Осени! – провозгласил церемониймейстер. – Каждая красавица, а их среди нас немало, может стать обладательницей этого высокого титула. Изображения прекрасных претенденток вы можете посмотреть на официальном сайте Бала Королевы Осени, а сейчас мы представляем…

На сцене появилась стайка жеманных девушек.

– Нашей среди них нет? – светски осведомился Урзак.

– Не видно, – в тон ему ответила Эмира.

– В таком случае, где она?

Банум впервые проявил беспокойство. До сих пор он вел себя так, словно прибыл на Стрелку веселиться. Острил. Пил шампанское. Даже станцевал с Эмирой вальс, продемонстрировав, что, несмотря на наличие трости, является превосходным танцором. Правда, вальсировал Хасим несколько старомодно, зато блестяще, и Го даже стало чуточку стыдно: десятка уроков, которые она взяла перед Балом, оказалось недостаточно, чтобы соответствовать партнеру.

Одним словом, Банум развлекался. И вот опомнился.

– Где вы договорились встретиться?

– На Стрелке, – пожала плечами девушка.

Ей доставлял удовольствие обеспокоенный вид спутника.

– Не шути со мной…

Будь у него свои люди в СБА, Урзак организовал бы за девчонкой постоянную слежку: машинистам Службы не составляло труда контролировать перемещения зарегистрированной «балалайки», если ее владелец не позаботился об установке защитной программы. Но московский филиал, в этом Банум не сомневался, с удовольствием бы проследил за его собственными перемещениями, а потому приходилось полагаться на связь, которую поддерживала с Петрой капитан Го.

– Кажется, я ее вижу.

– Сейчас отправлю еще одно письмо, – буркнула Эмира.

– Пусть подойдет к фонтану.

– Что с тобой? – нахмурилась Матильда, увидев изменившееся лицо подруги. – Тебе плохо?

– Да так, ерунда…

Увлекшаяся карнавалом Пэт совсем позабыла о предполагаемой встрече и теперь тоскливо оглядывала зал.

«Кто из них? Кто? И что ему нужно?»

Не вычислить. Не понять. Вокруг маски и полумаски, улыбающиеся рты, улыбающиеся глаза. Танцующие пары. Флиртующие. Веселые. Жизнерадостные.

«Я буду ждать тебя у фонтана Венеры. Я тебя узнаю. Я скажу: друзья никогда не лгут».

– Скоро приду. Веселись.

Матильда, которую взял за руку высокий молодец в прусском мундире, лишь проводила взглядом удаляющуюся подругу.

Фонтан сверкал невдалеке от главного входа. В его центре, в полном соответствии с названием, возвышалась Венера, точная копия той, что хранится в Эль-Париже. Вдоль бортика располагались скульптуры поменьше: наяды, нимфы, русалки… Полная эклектика.

– Танцуете?

– Отдыхаю. Мой кавалер отправился за коктейлем.

– Жаль!

Симпатичный паренек улыбнулся и растворился в толпе. Действительно, симпатичный. Наверное, сынок какого-нибудь верхолаза. Принц на белом мобиле.

Пэт остановилась, посмотрела на воду, вздохнула… и через мгновение рядом с ней появилась женщина в розовом.

– Друзья никогда не лгут, Петра.

Черные волосы, прекрасное платье, замечательная фигура. Лицо скрыто наномаской, но, судя по изящной линии подбородка и восхитительным губам, незнакомка настоящая красавица.

– Меня зовут Пэт.

– Разумеется, – согласилась женщина. – Как скажешь.

– Кто вы?

– Твой друг.

– Тот, который не лжет?

– Тот, о котором ты ничего не знала. Меня зовут Эмира Го, я капитан ОКР.

– Русская?

– Железный Ром поручил мне приглядывать за тобой.

Неожиданное заявление.

– Он доверял… – Пэт почти произнесла имя, но удержалась. Последние месяцы научили ее осторожности. – Он доверял тем, с

кем я сейчас. Он сам это сказал.

– Страховка еще никому не мешала. – Эмира вытащила из лифа сложенный лист бумаги. – Прочитай.

«Петра! Не удивляйся. Эмире Го можно верить, это друг…»

Почерк Деда. Подпись Деда. А в глубине замысловатого росчерка спрятано несколько лишних штрихов, складывающихся в незамысловатый символ – их тайный знак. Записка была подлинной.

– Я запасной вариант, – негромко произнесла Эмира. – На тот случай, если Кирилл не справится или у него возникнут проблемы.

– Они возникли?

– Ты спрашиваешь, почему я вышла на связь?

– Да.

Эмира вздохнула:

– Ну, в общем…

Аура агрессии, едва ощутимая поначалу, становилась все отчетливее. Ноздри щекотал запах еще не пролитой крови. В ушах хрипел предсмертный стон, которому только предстояло прозвучать.

На праздник торопится смерть.

Урзак улыбнулся, его это устраивало. У смерти есть родные сестры: паника и замешательство. Есть родной брат – страх. И все это семейство поможет в осуществлении задуманного.

Главное – правильно рассчитать время. Банум поправил галстук и направился к разговаривающим девушкам.

За спиной Эмиры появился высокий лысый мужчина в черном костюме. Он шел быстро, но при этом тяжело опирался на деревянную трость. Видимо, этот факт и привлек внимание Пэт еще до того, как девушка поняла, что мужчина идет к ним. Странное сочетание стремительного движения и трости, приводящее к забавной, чуть прыгающей походке. И сама трость. Анахронизм в мире, в котором конструкторы способны выправить любое повреждение. На Стрелке собрались богачи, в их среде модно быть здоровым и сильным, девушка знала об этом не понаслышке. И вдруг – трость.

А потом зал пронзил истошный женский вопль. Он прилетел из центра, оттуда, где группировались верхолазы.

И тут же загрохотали выстрелы.

И мужчина с прыгающей походкой оказался совсем рядом.

Появление неподалеку от Кауфмана одного из братьев Бобры

не вызвало у Подберезкина беспокойства. На то и карнавал, чтобы в одном зале терлись спинами верхолазы и инженеры с их заводов, высшие офицеры СБА и видные уголовники, богатые метелки из Царского Села и профессиональные жиголо, купцы и проститутки. Карнавал уравнивал в правах жителей Анклава. Или делал вид, что уравнивает. А поэтому Митрохе дозволялось прогуливаться неподалеку от главного беза Анклава, несмотря на то что коллеги канторщика группировались в северной части зала. Пусть прогуляется, покрасуется перед подружкой…

– Кто с Бобры?

– Туристка из Испании, – немедленно отозвались машинисты, работающие с базой данных на гостей Стрелки. – Чиста. В двух шагах позади – ее телохранитель из фирмы эскорт-услуг.

На самом раннем этапе создания объекта конструкторы предупредили заказчика, что срок жизни полученного создания ограничен сорока минутами. Обратный отсчет включался в момент окончательного формирования нового органа. Заказчик сказал, что времени вполне достаточно.

Брызги крови.

Первое, что увидел Подберезкин.

Брызги крови.

Сначала он решил, что в глаз испанки влетела пуля, однако в следующее мгновение Евгений понял, что ошибся.

Не в глаз, а из глаза!

Нечто длинное, гибкое и тонкое. Похожее на лиану или щупальце.

Оно вылетело из головы испанки и вцепилось в Кауфмана…

В Кауфмана!!!

Секундное замешательство, а потом…

Первыми среагировали снайперы. Три разрывные пули влетели женщине в грудь.

Опытный Митроха бросился под ближайший столик.

Ничего не понимающий телохранитель попытался закрыть испанку и получил девять пуль в спину. Снайперы увидели чужака рядом с противником и немедленно положили его.

Оглушительный визг.

На сцене бьются в истерике претендентки на высокий титул.

Большинство верхолазов, прогуливавшихся по центру зала, последовали примеру канторщика, лежат на полу.

Вокруг Кауфмана кольцо телохранителей. Стволы направлены в зал. Головы поднимать не стоит – выстрелят не

задумываясь.

На Стрелке воцарилась паника. Перепуганные богачи стараются быстрее покинуть ставшее опасным место.

Подберезкин оторвал от шеи Кауфмана щупальце и машинально вколол шефу «Препарат № 1» из разработанной кудесниками Мутабор аптечки экстренной помощи.

Эмира успела понять, что Пэт увидела за ее спиной нечто необычное.

Понять, но не среагировать.

Когда тело пронзила боль, Го вскрикнула и схватилась за окровавленный бок. Ноги ослабли, в голове помутилось, девушка присела на бортик фонтана, роняя в воду красные капли и испытывая жгучее желание лечь и уснуть.

Вокруг кричали.

И даже стреляли.

Но Эмира поняла, что не она стала причиной суматохи.

И сквозь застилающую глаза пелену она успела увидеть Урзака, уводящего Пэт к выходу.

«Он все-таки меня обманул…»

– Мерзавец…

Денисов исполнил долг до конца. Исполнил образцово.

Он не среагировал на крики и выстрелы в центре зала, на возникшую панику и даже на пришедшее в «балалайку» сообщение о покушении на Мертвого. Все это не несло непосредственной угрозы девушкам. А вот мужчина в черном, подхвативший возмущенную Патрицию под руку и потащивший ее к выходу, – нес. И Костя, не раздумывая, преградил ему дорогу.

– СБА!

И пропустил удар. Несмотря на блестящую реакцию и боевые навыки.

Мужчине в черном было плевать, что перед ним без. Он неуловимо быстро взмахнул свободной рукой, и Денисов упал на колени, рефлекторно пытаясь пережать разорванную сонную артерию. Второй бросившийся наперехват офицер (двое остальных прикрывали Матильду) упал, пронзенный тростью насквозь. А крики тех, кто стал свидетелем двойного убийства, потонули в шуме паники.

Банум выволок девушку на набережную и подтолкнул к стоящему у причала катеру:

– Быстрее!

Перепуганная, оглушенная увиденным, Пэт не знала, что делать. Сопротивляться? Только что незнакомец смел с дороги

двух здоровенных мужчин. Попытаться бежать? Но как?

Сил хватило только на вопросы:

– Кто вы? Что вам надо?

– Меня зовут Эмир Го, – жестко произнес Урзак, глядя девушке в глаза. – Капитан спецназа ОКР. Я пытаюсь спасти тебя, Петра.

– Тетя Даша! Тетя Даша! Я ее потеряла! – Голос Матильды срывался. – Я потеряла Пэт!

Гадалка издала невнятное восклицание.

– Тетя Даша!

– Как это произошло?

– Ее увел мужчина. Лысый. В черном. С палкой.

К счастью, Матильда не могла увидеть мертвенную бледность, вмиг выступившую на лице гадалки.

– С нею все будет в порядке, – прошептала Мамаша. – Слышишь? С Патрицией все будет в порядке. А ты уезжай! Немедленно возвращайся домой! Нет! Подожди! Женщина, с которой должна была говорить Пэт! Посмотри, где она? Она может помочь!

Растерянная Матильда огляделась.

Главный зал Стрелки практически опустел. Немногие оставшиеся гости, идиоты или обладатели крепких нервов, торопливо допивали дармовое шампанское. Суетились расстроенные устроители. Топтались безы. Кто-то смеялся, кого-то допрашивали – до девушки донеслись жесткие голоса. Все были заняты важными делами, и никто не обращал внимания на черноволосую женщину, устало сидящую на бортике фонтана Венеры.

Матильда медленно подошла к незнакомке и вздрогнула, увидев, что роскошное розовое платье безнадежно испорчено кровью.

– Вам нужна помощь!

– Уже нет, – едва слышно отозвалась женщина. – Слишком поздно…

– Нет! – Матильда присела на корточки и положила на рану правую руку. – Нет!! Ты не умрешь!

– Умер, – вздохнул врач. – У меня не было ни одного шанса.

– Что за яд? – поинтересовался Подберезкин.

– Основа натуральная, кураре, но формула существенно модифицирована. Смерть наступила через две секунды после поражения.

Мертвое тело Мертвого лежало в одном из подсобных

помещений. Тут же, на соседнем столе, покоилась его убийца. Испанку еще не вскрывали, этим займутся в «Пирамидоме», но предварительный осмотр врач провел и кое-какие выводы сделал.

– «Зомби-камикадзе».

Подберезкин знал, что означает этот термин. Мертвого атаковала идеальная, не оставляющая следов машина. Над женщиной, чей труп валялся на столе, поработали очень плотно. Сначала модификация личности, стирание памяти и полное психологическое перепрограммирование. Затем за работу взялись генные инженеры и конструкторы. В результате их усилий мозг несчастной превратился в бомбу с часовым механизмом. Ключ, которым могло стать определенное слово или сообщение в «балалайку», активизировал программу создания нового, смертоносного органа. Производство «зомби-камикадзе» занимало несколько месяцев, а потому их готовили впрок: хозяин-убийца давал созданию ложную память и оставлял жить рядом, на правах любовницы, любовника, делового партнера, а то и ребенка. Затем заключался контракт, «зомби-камикадзе» подвергался несложному перепрограммированию на объект устранения, и хозяину оставалось только подвести создание к цели.

– Бобры клянется, что ничего не знал, – пробормотал Подберезкин. – Думаю, не врет.

– Вы что-то сказали? – не расслышал врач.

– Да я о своем, – поморщился Евгений. – Говорю, что против нас действовали настоящие профессионалы.

– И если бы директор Кауфман приехал на карнавал, мы бы его потеряли.

– Верно, – кивнул Подберезкин. – Док, вы скажете журналистам, что шеф ранен, но с ним все в порядке?

– Разумеется.

– А мы пока займемся двойником… – Евгений повернулся к неудачливому заместителю Мертвого, но не удержался, вновь посмотрел на «зомби». – Как бы мне хотелось познакомиться с твоим хозяином…

– Ненавижу свою работу. – Хосе приветливо улыбнулся девушке за стойкой. – Карнавал начинается, а меня в командировку заслали!

– Не повезло, – посочувствовала девушка, отрывая корешок билета на сверхзвуковой самолет до Цюриха. Оценила богатую одежду пассажира и про себя поморщилась: «Я бы с удовольствием обменяла такую работу на все карнавалы мира…» – Посадка начнется через десять минут.

– До свидания, красавица, надеюсь, до встречи!

«Шутник!»

Родригес, точнее, в прошлом Родригес, сейчас он носил фамилию Амброзини, прошел в зал для пассажиров первого класса. «Балалайку» для отступления – настоящую «балалайку»! – ему предоставили заказчики. Приятно работать на серьезных людей. Ника уже покинула Москву, отправившись на «суперсобаке» во Франкфурт. Милая красавица Ника, такая пылкая…

Ее контракт – следующий.

* * *

анклав: Эдинбург

территория: Даун Таун

«Солнечная Игла»

иногда необычные действия приводят к заурядным результатам

С тех пор как Макферсон договорился с американцами, его дела пошли на лад. Шон даже не ожидал, что найдется столько людей, желающих видеть его на посту президента СБА. Поступали сообщения, проводились видеоконференции, приезжали гонцы из Анклавов. Как из тех, что следовали в кильватере американцев, так и из тех, что держались русских.

Взаимоисключающие договоренности с Мертвым и американцами не смущали Макферсона.

– Вы столкнетесь лбами, – улыбался про себя Шон. – Будете выяснять, кому из вас достанется моя дружба.

Шотландец считал, что поступил весьма ловко, одновременно заручившись на данном этапе поддержкой столь могущественных сил. А о том, что будет после выборов, Макферсон старался не думать: сначала надо победить. Лучше, конечно, принять сторону старых друзей – американцев, но Мертвый известный отморозок, кто знает, на что он пойдет, поняв, что теряет влияние? В общем, было над чем поломать голову, но Шон сознательно откладывал размышления на потом.

Надо победить.

А прежде – дожить до конференции.

Макферсон понимал, что стоит Моратти узнать о формировании за его спиной настоящего, нацеленного на победу пула, как он сразу же избавится от маски кабинетного интригана, чистоплюя, добивающегося своей цели исключительно путем переговоров. Должность президента СБА – лакомый кусок, особенно если учесть возню, начатую вокруг Анклавов. Человек, оказавшийся на этом посту, может обрести невиданную власть, и Моратти будет драться с первобытной жестокостью.

А потому, заключив договор с американцами, Шон позаботился о том, чтобы его охраняли только проверенные люди. Сотрудники, которых подозревали в чересчур тесных сношениях с Цюрихом, получили отпуска, отправились в командировки или попали на больничные койки. Разумеется, избавиться от всех президентских соглядатаев не удалось, но самого Макферсона окружали преданные лично ему профессионалы.

Как выяснилось – не зря…

– Объект практически не покидает офис, живет в апартаментах, примыкающих к кабинету. Собственная система подачи воздуха, четыре ступени очистки. Такая же история с водой. Пищу готовит личный повар, которого перевезли жить в казарму СБА. Свежие продукты не использует, только замороженные, которые завезли довольно давно. За приготовлением еды следят телохранители. – Донатас Мудлайнес, руководитель группы наблюдения, собиравшей сведения о крепости Макферсона, перевел дух и продолжил: – Помещения вокруг апартаментов блокированы либо в них живут люди Шотландца. Практически все его встречи отменены, он управляет филиалом через трех наиболее доверенных помощников.

– Можно их заразить?

– Перед входом в кабинет их просвечивают мощным наноскопом и берут анализ крови.

– Плохо.

– Окна усиленные, в случае необходимости закрываются титанпластовыми щитами.

– Нам бы все равно не позволили использовать боевой вертолет, – пробурчал Дрогас. – А пробить такие окна из ручного оружия нереально.

Мудлайнес согласно кивнул. Он чувствовал некую вину: впервые, за все годы работы со Стефаном, Донатас не смог найти брешь в обороне противника.

– Твой вывод?

– Активная и довольно шумная операция. Но и в этом случае вероятность успеха не более тридцати процентов.

– Нам запрещено шуметь, – вздохнул Дрогас. И почесал в затылке: – С кем спит Макферсон? Бабу к нему привозят?

– Привезли неделю назад. И с тех пор не выпускали.

– Дерьмо!

Стефан, не стесняясь, выругался и в два больших глотка опустошил чашку с холодным кофе – единственным напитком, который он позволял себе во время мозговых штурмов.

Основная проблема заключалась в том, что Моратти требовал устранить Шона чисто. И не просто чисто, а так, чтобы даже медики Мертвого или американцев ничего не обнаружили. Ник не хотел лишних проблем. Сама по себе задача была легко выполнима: в арсенале спецотделов СБА существовал целый ряд средств для подобных целей, от вирусов до нанов. Но как внедрить эту дрянь в столь хорошо укрывшийся объект? Воздух, вода, пища, контакт с зараженным человеком – все отпадало.

Тупик?

В принципе Дрогас еще в Цюрихе понял, что операция необычайно сложна, и запросил у Моратти санкцию на применение силы. Вместо ответа Ник прислал Стефану худощавого, скромно одетого китайца. Дрогас знал о новом помощнике всего две вещи: первое – его зовут Ван, второе – утром он прилетел на «страте» из Гонконга. У Стефана не было никакого желания общаться с поднебесником, однако, выслушав доклад Мудлайнеса и от души выругавшись, Дрогас решил поинтересоваться мнением желтопузого:

– Слышал?

– Да, – невозмутимо ответил китаец, до сих пор молча сидевший в углу.

– Что скажешь?

Ван помолчал, бесстрастно глядя на Стефана непроницаемо черными глазами, после чего спокойно произнес:

– Необходимость пройти в здание. – Его английский был ужасен, но Дрогас специально не сообщил китайцу, что в его «балалайку» зашит мощный переводчик и тот может говорить на родном языке. Пусть помучается. – Необходимость комната недалеко от. Комната, чтобы не мешали, и точно знать, где человек. Двадцать минут, я делать все.

Мудлайнес хмыкнул.

Стефан вздохнул и почесал подбородок. Предложение китайца звучало дико. Однако Моратти дважды повторил, что Ван – большой специалист, а Нику Дрогас доверял. Да и выхода другого, если честно, не было.

– Ладно, – решил Стефан и посмотрел на Мудлайнеса: – Донатас, готовь документы на вход в здание и подбери кабинет. Мы пойдем… – Дрогас обернулся к китайцу: – Мы пойдем вместе, понял?

Ван безразлично пожал плечами.

«Солнечная Игла», штаб-квартира эдинбургского филиала СБА, была едва ли не единственным зданием в деловой части Анклава, которое не носило вычурного названия с налетом средневековой романтики. Не «донжон», не «башня», не «цитадель» или «крепость» – просто «Игла». Высоченный дом, крыша которого терялась за облаками, полностью соответствовал этому нехитрому названию.

Меры безопасности в Эдинбурге принимались стандартные, обычные посетители допускались только на первый этаж, на котором располагалась приемная филиала, а для того, чтобы попасть выше, требовался пропуск или сопровождающий. Однако эту проблему Дрогас преодолел легко: Мудлайнес сделал для Вана «балалайку» беза, и они со Стефаном, оставив мобиль в подземном гараже, поднялись на нужный этаж. Кто будет проверять, почему два офицера заняли одно из помещений? Поговорить им надо. Чипы у Дрогаса и Вана были местные, эдинбургские, а комнату для них зарезервировали по всем правилам, о чем позаботился верный человек из машинистов.

Войдя в кабинет, Стефан вызвал на экран коммуникатора внутренний план «Иглы» и показал китайцу, как расположена их комната относительно апартаментов Макферсона. Ван потребовал уточнить расстояния до дециметров и больше десяти минут изучал различные проекции плана. Дрогас успел перекурить, поглазеть в окно и решить, что полагаться на желтопузого не следовало. Но стоило Стефану прийти к этому заключению, как Ван отлип от коммуникатора, вытащил из своей сумки старомодную баночку с тушью, тоненькую кисть и лист бумаги.

– Я делать.

Дрогас оторопел:

– Будешь перерисовывать план?

Китаец вежливо улыбнулся, показывая, что оценил шутку варвара, и неспешно изобразил на листе пару иероглифов.

– Ты меня ждать в кресло. Не ходить – опасно. Курить – да.

– А ты?

Ван не ответил.

Он вернул свои пожитки в сумку, взял лист с иероглифами в обе руки, прошептал несколько слов, приложил бумагу ко лбу, сделал шаг, и…

Исчез.

Шаг, которого не увидел Дрогас, привел Вана в спальню Макферсона.

Оказавшись в комнате, китаец на несколько секунд замер, напряженно прислушиваясь к спокойному дыханию спящих, затем извлек баночку с тушью, кисть, бесшумно подошел к двери и написал на ней иероглиф «тишина». Вернулся к кровати и осторожно, едва касаясь кистью кожи, по очереди изобразил на лбах Макферсона и его подруги иероглифы «спать».

Теперь ему никто не мог помешать.

Ван спрятал кисть и баночку в сумку, вытащил деревянный футляр, внутри которого были аккуратно разложены серебряные и золотые иглы, потер руки, сосредоточился, внимательно глядя на Шотландца, глубоко вздохнул и принялся осторожно втыкать иглы в тело Макферсона.

Двадцать минут показались Дрогасу вечностью.

Услышав приказ китайца, Стефан возмутился, хотел даже окрыситься на нахального поднебесника… Однако неожиданное исчезновение Вана вывело Дрогаса из равновесия. Некоторое время он неподвижно сидел в кресле, шепча: «Я не сплю. Я не сплю…» Затем закурил, с трудом вытащив дрожащими пальцами сигарету из пачки.

Затем сумел успокоиться.

Люди, которым доводилось общаться со Стефаном, отмечали феноменальную крепость его нервной системы, позволяющую Дрогасу сохранять хладнокровие в самых сложных ситуациях. Вот и сейчас, став свидетелем необыкновенного происшествия, Стефан опомнился достаточно быстро. Дрогас запретил себе думать над тем, свидетелем чего стал: колдовства, гипноза или применения новой техники, и просто ждал развития событий. Когда же Ван вновь появился в комнате – выплыл из воздуха в самом ее центре, – спокойно поинтересовался:

– Все в порядке?

Китаец с уважением посмотрел на Стефана, устало потер глаза и кивнул:

– Острая сердца нет.

«Острая сердечная недостаточность», понял Дрогас.

– Во сне умереть. Следа нет. Утром найти.

– Хорошо, – одобрил Стефан и выстрелил Вану в голову.

Пистолет он вытащил заранее и скрыл от китайца небрежно брошенным на подлокотник пиджаком. Убедившись, что не промахнулся, Дрогас поднялся с кресла, подошел и трижды

выстрелил Вану в грудь. Для верности. Мало ли на что способен растворяющийся в воздухе поднебесник?

К большому облегчению Стефана, собирать разбрызганные по комнате мозги и латать простреленное сердце желтопузый не умел.

Дрогас аккуратно обошел труп – о нем позаботятся доверенные люди, – убрал пистолет в кобуру, вытащил коммуникатор и набрал номер Моратти:

– Все в порядке.

– Уверен?

– Вану можно было доверять?

Моратти усмехнулся, услышав акцентированное «было», но ответил серьезно:

– Да.

– В таком случае – острая сердечная недостаточность. Наш друг умер во сне.

– Вот и хорошо, – рассмеялся Ник. – Одной проблемой меньше.

– Знаете, – негромко произнес Стефан, – я здесь такое видел… Не поверите.

– Поверю, – пообещал Моратти. – Возвращайся в Цюрих – поговорим.

* * *

анклав: Москва

территория: Болото

подземные очистные сооружения

electa una via, non datur recursus ad alteram[Избравшему один путь, не разрешается пойти по другому (лат.).

– Я видела отчеты, – сухо произнесла Пэт. – В Москве Деда сопровождала женщина. Капитан ОКР Эмира Го.

Путешествие на катере и дальнейший путь позволили девушке немного успокоиться. Незнакомец перестал вызывать у нее страх – если бы хотел убить, убил бы сразу, однако место, в котором они оказались, вызывало у Пэт неясную тревогу.

Эмир – пока девушка решила называть его так – привез ее в

старый коллектор, в одно из гигантских подземных сооружений, построенных во время стремительного – в разы – увеличения населения Анклава. Завел внутрь, заставил спуститься по грязной лестнице, и сейчас они находились на небольшой, скудно освещенной парой лампочек площадке, одна из сторон которой заканчивалась черным провалом, даже не ограниченным перилами. Дорога в никуда. Бетонный колодец уходил в глубь земли метров на сто, а диаметр его составлял не меньше тридцати. Внизу колоссальной трубы скапливалась зловонная масса, из-за которой пришлось вставить в ноздри специальные фильтры.

Место для разговора Эмир подобрал, мягко говоря, странное, но взявшая себя в руки Пэт твердо решила докопаться до правды и переборола гнетущее впечатление.

– Ты мне врешь.

– Это называется стереть, – грустно улыбнулся Урзак.

– Стереть? – не поняла девушка.

– Меня вычислили через неделю после смерти Романа, – вздохнул Хасим и пояснил: – У Мертвого отличные дознаватели. Затем Кауфман договорился с моим руководством… Не знаю, какую плату он предложил, но ОКР сдал меня с потрохами. Мне предложили договориться по-хорошему – я отказался. Меня попытались убрать – я сумел скрыться. Тогда они полностью переписали мое досье… – Банум прищурился. – Как ты могла принять разряженную курицу за боевого офицера?

Девушке стало чуточку стыдно.

– Я потерял руки на китайской границе, – веско сообщил Хасим. – И остался в строю. Я считался одним из лучших сотрудников ОКР. И я потерял все. Из-за тебя.

– Извини. – Однако сомнения оставались. – Но я не понимаю, для чего потребовалось менять тебя на женщину? Это кажется бессмысленным.

– Только на первый взгляд, – спокойно ответил Банум. – Я тоже терялся в догадках некоторое время, а потом вспомнил составленный СБА твой психологический портрет: женщине гораздо проще завоевать твое доверие.

Некоторое время Пэт размышляла, после чего мысленно поаплодировала психологам Службы.

– Как ты узнал о встрече на карнавале?

– Я ведь оставлен присматривать за тобой, – напомнил Хасим. – Даже после перехода в подполье у меня сохранились крепкие связи и в ОКР, и в СБА.

– И от убийц ты ушел, – задумчиво продолжила девушка. – А ведь наверняка к тебе послали опытных профессионалов… – Пэт

нашла в себе силы улыбнуться: – Ты супермен?

– Почти, – серьезно ответил Банум. – Видишь ли, Петра, служба в ОКР – это не все, чем я занимаюсь. Есть другие достоинства, узнав о которых Роман решил доверить твою безопасность именно мне.

– Какие?

Девушка устала, мечтала о кресле, диване, простой скамье, перевернутом ящике, в конце концов, но на площадке не было ничего подходящего. Приходилось стоять.

– Получилось так, что я знаю о богах больше обычных людей, – медленно произнес Урзак. – К сожалению, твои враги – тоже. И ты должна быть готова к тому, что сегодня возле этого вонючего колодца произойдет весьма необычное сражение…

– Может, объяснишь, наконец, что нам предстоит сделать? – хмуро осведомился Грег. – Ты ведь знаешь, я не люблю всю эту таинственность.

Слоновски испытывал странные чувства. С одной стороны, он был рад, что ему позволили отдохнуть – за последние дни он изрядно вымотался, и несколько часов гипносна в казарме безов позволили Грегу восстановить силы. С другой – оперативника раздражала по обыкновению невозмутимая физиономия дознавателя и то, что Щеглов не спешит вводить его в курс дела. Почему, спрашивается, он, начальник отдела прямых переговоров, болтается в «Пирамидоме», когда все его ребята прикрывают отправившегося на карнавал шефа?

– О докторе Кауфмане позаботится Женя, – бесстрастно произнес Мишенька, словно прочитав мысли Грега. Что, впрочем, было не так уж и сложно. – Для нас с тобой есть другая, более сложная задача.

– Какая? – быстро спросил Слоновски.

Щеглов улыбнулся, снял очки и принялся аккуратно протирать линзы специальной тряпочкой.

– Какая? – раздраженно повторил Грег.

– Скажи, ты обещал детям сходить с ними на карнавал? – неожиданно поинтересовался дознаватель.

Слоновски опешил.

– Обещал?

– Ну, да… – неуверенно протянул Грег. – Завтра. Шеф идет на праздник в первый и последний день. Я рассчитывал, что завтра у меня будет свободное время…

– Они ждут?

– Конечно!

«Черт! Неужели сорвется выходной?»

– И мои ждут, – после короткой паузы сообщил Мишенька. Странно, но его тон звучал очень мирно, очень по-домашнему. – Я тоже обещал им завтрашний день.

– При чем здесь это? – осведомился сбитый с толку Грег. – Почему ты заговорил о детях?

Щеглов закончил с очками и вернул их на нос. Помолчал, а затем, глядя в упор на Слоновски, очень веско и очень жестко сказал:

– Мы привыкли рисковать собой, своей жизнью, своим будущим. Только своим. К тому же мы знаем, что если с нами что-нибудь случится, о наших семьях позаботятся. Детям назначат солидную пенсию, помогут получить образование, и у них будет шанс сделать карьеру. Но сейчас вопрос стоит иначе. Если мы проиграем, они не пощадят никого: ни нас, ни наших детей. Идет война на взаимное уничтожение, и мы с тобой, Грег, так получилось, ее участники. Мы в списке тех, кому уготовано полное забвение. Полное. Нас не простят, Грег. Наше семя развеют по ветру. Тебя это устраивает?

Угрюмый Слоновски отрицательно мотнул головой. Слишком многое пришлось ему пережить ради того, чтобы подхватить на руки своего ребенка, прижать его к груди и рассмеяться, слыша агуканье малыша. Грег понимал, что Мишенька, прекрасно знающий его историю, не станет шутить на тему детей, а потому не колебался ни секунды:

– Нет.

Некоторое время мужчины смотрели друг на друга, а затем Щеглов своим обычным, холодным и несколько отстраненным тоном произнес:

– В ближайшее время доктор Кауфман расскажет тебе подробности того, о чем я только что говорил. – Помолчал. – Пока же возьми из арсенала «пингвин» и тщательно его проверь – сегодня вечером нас ждет серьезный бой.

– Поединок у выгребной ямы? У тебя извращенное чувство юмора.

– Ты заслужил такую смерть.

– Все мы чего-то заслужили. – Он помолчал. – Давно не виделись, Урзак.

– Никогда не виделись, – подчеркнул Банум.

– Ну… Это утверждение не совсем верно. – Кирилл посмотрел на девушку: – Ты в порядке?

Пэт промолчала. Неловким движением провела рукой по юбке бального платья. Отвернулась.

Банум усмехнулся. Антиквар нахмурился.

Грязнов появился в коллекторе как-то буднично. Пэт, ожидавшая после рассказа Банума едва ли не демонического пришествия, была слегка разочарована: ни клубов дыма, ни столбов пламени, ни материализации из воздуха. Кирилл даже не попытался подкрасться – просто пришел, и его шаги были слышны задолго до того, как он оказался на сумрачной площадке.

– Красивые руки, Урзак, правда, не живые.

– Это не помешает мне победить.

– Да, конечно, – пробормотал Грязнов. И снова обратился к девушке: – Патриция, пожалуйста, отойди от края колодца и встань у меня за спиной. Лысый человек опасен.

– Ты убил Деда, – тихо произнесла девушка.

– Серьезное обвинение, – усмехнулся Кирилл, переводя взгляд на врага: – Поздравляю, Урзак, ты не терял время даром.

– Я рассказал Петре правду.

– И, конечно же, начнешь бой прямо сейчас, не предоставив мне возможности опровергнуть ложь.

Банум сжал трость.

– К чему разговоры?

– К тому, что Патриция должна выслушать обе стороны.

– А она хочет?

– Ты убил Деда! – выкрикнула девушка. – Ты!

– Нет! – отрезал Кирилл.

– Кауфман сделал это по твоему приказу! – рявкнул Банум.

– Кто я такой, чтобы приказывать директору СБА? – удивился Грязнов.

– Хватит врать!

– Дед верил тебе!

– И правильно делал! – Кирилл бешено посмотрел на Пэт. – Ведь ты жива!

Девушка осеклась. Хасим попытался что-то сказать, но Грязнов не позволил себя перебить:

– Урзак рассказал тебе, почему у него механические руки? Даже не пересаженные – механические. Мертвые. Рассказал?

– Нет.

– Нет! – прорычал Банум.

– Он отрубил себе кисти, расправившись с теми, кто в него верил, с теми, для кого являлся Избранным. Кровь плохо сочетается с божественными знаками, да, Урзак?

– Старая история, и сейчас она не важна! Ты убил Фадеева!

– Важна, Урзак, важна… Ты ведь сказал Патриции, кто она на самом деле? Сказал?

Девушка вздрогнула.

– Это старая история, Патриция, в этом наш лысый друг

абсолютно прав. Старая история о смерти, забвении, о Последнем Храме и гибели Традиции. История о том, как однажды пред богами предстал Избранный.

Урзак гордо вскинул подбородок. Взгляд его стал ледяным, высокомерным.

– Да!

– Избранный определил для Традиции Путь. Путь Смерти… – Грязнов криво усмехнулся. – Я до сих пор не понимаю, почему боги стали говорить с таким кретином, как ты?

– Я – Избранный.

– Но ведь ты не понял главного, Урзак. Ты не понял, почему боги так легко согласились с твоим выбором.

– Им некуда было деваться!

– Смерти нет, Урзак. – Теперь улыбка Грязнова стала мягкой, отеческой. – Неужели ты не понял, что, погубив Традицию, ты бы возродил ее? Произошел бы переход, еще один переход, вечное колесо замкнулось бы в очередной раз и новорожденные боги…

– Они должны были умереть! – заорал Банум.

Но Пэт заметила, как сильно дрожит его рука. Мертвая рука.

– Все должны были умереть!! Традиции нет места в мире!!!

– Ты должен был умереть, Урзак! – Высокомерие Кирилла не уступало тому, что несколько раньше продемонстрировал Банум. – Таков был твой Путь, Избранный. Но ты струсил! Не поверил, что сможешь возродиться. А ведь зря не поверил…

– Замолчи!

– Ты отрубил руки, ибо знал, что знаки сожгут тебя. Ты обменял силу Избранного на право лить кровь и жить вечно. Ты надеялся вобрать в себя всю силу уничтоженной Традиции? Я рад тебя разочаровать, Урзак, сила – во мне.

– НЕТ! Я сильнее!

– Чтобы получить ее, мой трусливый избранный дружок, следовало совершить переход.

– Нет, – прошептал Банум. – Я…

– И тебе, Патриция, он не друг. Все его рассказы – ложь от первого до последнего слова. Просто ты, девочка, единственный в мире человек, который может меня убить. А знаешь почему? Потому, что…

В отличие от «саранчи» индивидуальный боевой комплекс «пингвин» относился к классу тяжелого вооружения. Снабженный мощной титанпластовой броней и автономным источником питания, от которого работали приводы движения, «пингвин» обеспечивал бойцу максимально возможную защиту. ИБК выдерживал пятьдесят попаданий из «ревуна» с расстояния

двадцать метров, был снабжен фильтрами очистки воздуха и резервным запасом дыхательной смеси на случай погружения в воду или мощной химической атаки. Управлялся «пингвин» через «балалайку» с помощью специально разработанной программы, мгновенно передающей на нужные приводы информацию о любом движении человека, и опытные бойцы показывали настоящие чудеса владения дополнительным, шестисоткилограммовым телом, демонстрируя чуть ли не танцевальные па.

Слоновски в силу занимаемой должности довольно давно не надевал «пингвин» для настоящего боя, однако навыков не растерял.

– Я готов, – сообщил Грег, выходя на вертолетную площадку из грузового лифта.

Несмотря на то что усилители микрофонов он выставил на минимальный уровень, голос прозвучал громко и гулко.

Мишенька с интересом осмотрел двух с половиной метровую громадину, удовлетворенно кивнул и осведомился:

– Оружие?

– Как договаривались: «ревун» и огнемет.

– Хорошо. – Щеглов махнул рукой на вертолет: – Полезай.

– А пилоты?

– У нас секретная миссия, поэтому за штурвалом буду я, – любезно ответил Мишенька. И улыбнулся: – Извини, если немного потрясет. Кстати, в твоей скорлупе есть пакетик?

Грег сморщился, но промолчал.

Урзак не позволил Грязнову договорить. Выставил трость, одним прыжком преодолел разделявшее их расстояние, намереваясь вонзить острый конец палки в грудь Кирилла, но тот успел сделать два шага назад, и налетающего Банума встретил Олово. Маленький воин выскользнул из темного угла площадки, до которого не доставал тусклый свет лампочек, и мастерски отбил выпад. Девушка вскрикнула. Урзак отскочил в сторону. Олово молча бросился следом. На несколько мгновений Пэт перестала воспринимать происходящее. Кто с кем сражается? Как? Мельтешение рук, размытые движения, перекошенные рты, хриплые возгласы, дикие взгляды…

Маленький Олово оказался настоящим зверем. В его выпадах было столько ярости, что девушка с трудом верила, что этот спущенный с цепи пес – корректный и немногословный слуга.

«Сколько же в нем зла…»

Банум отбивался с трудом. Зажатая в правой руке трость вращалась с бешеной скоростью, не позволяя Олово приблизиться и ударить ножом. Левой рукой Хасим совершал пассы – казалось,

он выхватывает из воздуха камни и бросает их во врага. Бросает, но не попадает, ибо находящийся за спиной слуги Грязнов – он тщательно следил за тем, чтобы между ним и Урзаком всегда находился Олово – жестикулировал не менее активно. Призрачные камни, едва заметные сгустки воздуха, переполненные, подобно шаровым молниям, энергией, сталкивались и погибали, не причиняя соперникам вреда.

«Я знаю о богах больше обычных людей. К сожалению, твои враги – тоже…»

Пэт не знала, кому верить. История, рассказанная Эмиром, казалась правдоподобной. «Им нужна была корпорация Фадеева. Мертвый давил на твоего Деда, а Грязнов, воспользовавшись положением старого друга, убедил Романа принять предложение…» Но Кирилл не стушевался, ответил. А Урзак не дал ему договорить…

Кто прав?

Точно девушка знала одно: только ей, Петре Кронцл, по силам убить Грязнова. Только ей. И слова эти перестали казаться пафосными, ибо пассы соперников сгущали воздух, порождали порывы холодного воздуха…

Лопнула одна из лампочек…

И в темноте дикая ярость Олово стала еще страшнее.

Отступающий под ударами Эмир…

Спокойствие Грязнова, бесстрастно ожидающего, когда слуга прикончит врага…

Слабый прав?

Урзак говорил, что ему будет трудно противостоять зверям. Особо упирал на то, что враги сильны, ведь им удалось справиться с почти всемогущим Дедом…

Слабый прав?

Или прав тот, кто готов рисковать своей жизнью, а не отсиживается за чужой спиной?

Слова и воспоминания, знания и догадки, чувства и расчет, этические нормы… все смешалось. Ничего не понятно. Кроме одного: хочу жить! Хочу, чтобы это закончилось! Схватка поглотила девушку, она стояла в нескольких шагах от противников, но уже не была сторонним наблюдателем.

Олово исхитрился нанести точный удар. Лезвие черного ножа достигло цели, и левая рука Банума повисла плетью. Кирилл шумно выдохнул и подался вперед. В его глазах сверкнула такая лютая ненависть, такая жажда крови, что Пэт решилась.

Под влиянием эмоций, под воздействием момента, потому, что в этот миг она боялась Грязнова больше всего на свете.

Страх заставил девушку выхватить полученный от Урзака

кинжал и воткнуть его Кириллу в спину. Не вонзить умело и ловко, а именно воткнуть. Коряво.

Страх.

И короткий вскрик.

Грязнов пошатнулся, повернул голову, мгновение смотрел на Пэт, ей показалось – удивленно, а затем, потеряв равновесие, исчез во тьме колодца.

– НЕТ!!

Вопль Олово заполнил пространство. Воспрянувший духом Урзак – странно, но его левая рука, только что безжизненная, вновь обрела силу – воспользовался замешательством слуги. Атаковал. Банум бросил в противника трость, на лету деревянная палка превратилась в змею и стремительно сдавила горло Олово. Вопль сжался в хрип. Вместо боли душевной – боль физическая. Змея жадно впилась в шею слуги. Олово захрипел и метнулся в спасительную тень.

Урзак попытался поймать его, но не успел. Схватил руками воздух, обнял темноту в месте, где только что двигался Олово. Выругался. А через пару секунд выругался еще грязнее, потому что под ноги ему с негромким стуком упала сломанная напополам трость.

Выпала из темноты.

– Ушел, сволочь…

Пэт нисколько не удивилась тому, что Олово умеет растворяться в темноте. Не удивилась, что деревянная палка обратилась в змею, а потом вновь в палку. И удивилась тому, что не удивилась.

– У тебя кровь.

– Да… Знаю…

Он вытер лоб дрожащей рукой. Прерывисто вздохнул, скривившись, словно усилие это причинило ему боль, на мгновение оперся на стену. И Пэт поняла, как много сил отнял у Эмира поединок. Глаза потухли, лоб, лицо, шея мокрые от пота, потемнел воротник рубашки… Из носа и ушей течет кровь…

– Куда ты вонзила кинжал?

– В спину.

– Глубоко?

– Не знаю… Не успела понять…

– Дура!

Пэт сделала шаг назад. Отступила, не спуская с Эмира глаз.

– Надеюсь, ему хватит. – Урзак тяжело подошел к краю колодца, озабоченно посмотрел вниз, в темноту, а затем, опомнившись, резко обернулся и настороженно оглядел темные углы площадки. Словно ожидая, что в каком-то из них вновь

появится Олово.

– Ты все сделала правильно, Петра, – негромко пробормотал Банум, делая шаг к девушке. – Никто, кроме тебя, не смог бы отправить Чудовище в могилу.

Взгляд Хасима не сулил ничего хорошего. Девушка похолодела. Отпрянула назад.

– Почему я?

– Кирилл мог бы убивать чужих богов – силы у него с избытком, – спокойно объяснил Урзак, надвигаясь на отступающую девушку. – Но он решил возродить Традицию. Представляешь? Возродить. – Банум скривился. – Чудовище, мечтающее заново отстроить Храм! Тупая тварь!

– Но почему я?

Пэт почувствовала, что позади нее – бездна. Волосы на голове зашевелились.

– А для кого еще строить Храм, девочка? Кому, как не Избранной, наполнять его божественным дыханием?

На мгновение она даже перестала бояться.

– Я – Избранная?

– Разумеется. Кого еще могло родить Чудовище?

– Родить? – Глаза Пэт расширились. От удивления. И от страха.

– Ты только что убила своего отца! – И торжествующий Урзак толкнул девушку в грудь.

– Нет!

Она ухитрилась не упасть, скорее соскользнуть. И потому сумела зацепиться пальцами за край бетонной ямы.

– Нет!

– Путь выбран, – громко произнес Урзак. – Тебе нет места в этом мире, мерзавка!

И наступил девушке на пальцы.

– Внешнее оцепление есть?

– Нет.

– Поддержка?

– Только ты и я. – Мишенька улыбнулся. – Мы и есть поддержка. Для тех, кто внутри.

Грег засопел.

Вопреки всем правилам Мишенька посадил вертолет в опасной близости от проводов и построек, ловко сманеврировав между ними – несмотря на заявление, он оказался неплохим пилотом. Машина стояла неподалеку от угрюмого технического здания муниципальной канализации, и теперь Щеглов проводил нехитрый инструктаж:

– Там внутри происходят некоторые события. Если они пойдут так, как всем бы хотелось, я получу сообщение, и мы улетим. Если же возникнут проблемы, из этой двери выйдет человек, которого мы должны ликвидировать любой ценой.

– Один человек? – удивился Слоновски.

– Один, – невозмутимо подтвердил Щеглов.

– И ты заставил меня напялить «пингвин»?

– Любой ценой, Грег, – негромко напомнил Мишенька. – Ты должен быть готов ко всему.

Слоновски недовольно засопел.

– И еще кое-что, – продолжил дознаватель. Он зашел Грегу за спину и прикрепил на титанпластовый кожух источника питания плоскую коробочку. – Не пытайся избавиться от моего подарка.

Слоновски почуял неладное.

– Что это?

– Заряд напалстера, – спокойно ответил Мишенька. – Я взорву его, если ты по каким-либо причинам не сможешь выполнить поставленную задачу.

Грег развернулся и бешено посмотрел на дознавателя. Щеглов спокойно выдержал пронзительный взгляд и вновь улыбнулся:

– Если тебя это утешит, мы погибнем вместе. Заряд выжжет шар диаметром пятьдесят метров, а я буду неподалеку.

– Почему?

– Любой ценой, Грег, – в третий раз произнес Мишенька. – Любой ценой.

– Я не удержусь! – крикнула Пэт. – Кирилл, я не удержусь!

Девушка не понимала, не могла представить, как он сумел схватить ее за руку, прервать смертельный полет в никуда, вырвать из состояния дикого ужаса, в котором пребывала падающая в колодец Пэт, подарить надежду на спасение.

На ее счастье, она летела практически вдоль бетонной стены.

На ее счастье, Кирилл, нырнувший в пропасть раньше, сумел вцепиться в решетку, перекрывавшую выходящее в колодец отверстие.

К тому моменту, когда мимо него полетела Пэт, Грязнов уже не висел, держась руками за решетку, а стоял, сумев подтянуться повыше и поставить на прутья ноги, и потому смог подхватить девушку свободной рукой. Но двоим здесь не поместиться, силы у Пэт заканчивались, а решетка, старая, ржавая, была закреплена надежно – не вырвешь. Не пролезешь внутрь. Да и как вырвать, если ты на ней…

– Кирилл, я падаю.

Ее рука стала влажной от пота, скользкой. Мышцы дрожали от напряжения, а душу пожирал страх.

– Кирилл!!

– Я помогу… Верь…

На правой руке Грязнова, той, которой он цеплялся за решетку, болтались черные четки. Они съехали почти до плеча, а потому Кириллу не пришлось прикладывать больших усилий, чтобы его губы оказались рядом с брелоком. Последовали несколько негромко произнесенных фраз, и с плеча Грязнова соскользнул, трепеща кожистыми крыльями, маленький, черный и очень злой дракон. Именно такой, каким рисуют это нереальное создание большинство художников: рогатая голова, длинная шея, покрытое чешуей тело и перепончатые крылья. Он завис рядом с девушкой, и одновременно раздался крик Грязнова:

– Хватайся!

За что? Размерами дракончик едва превосходил крупную мышь.

– Хватайся! Скорее!

Пэт увидела, что дракончик держит в лапах черную ленту, через мгновение поняла, что это ремень Грязнова, а еще через мгновение ухватилась за него свободной левой рукой.

– Обеими, – прохрипел Кирилл. – Отпусти меня.

Но подчиниться было страшно. Отпустить руку Кирилла, обменять живую хватку на маленькие крылья дракончика?

– Скорее! Это наш единственный шанс!

– Он меня не удержит!

– Верь мне!!

И Пэт решилась.

Собрав в кулак волю. Стиснув зубы. Испытав – на мгновение – приступ дикого страха.

Пэт отпустила руку Грязнова и ухватилась за второй конец ремня.

Сначала резкий рывок вниз, пронзительный вскрик, ужас… И тут же – громадное облегчение. Несмотря на размеры, дракончик оказался весьма силен, и работающие с бешеной частотой крылья уверенно потянули наверх и его, и девушку.

«Победил?»

«Проиграл?»

Урзак не был уверен ни в чем. Хотя нет. Он твердо знал, что проиграет, если прямо сейчас на него набросится отдохнувший во тьме Пес. Все остальное вызывало сомнения.

Погибло ли Чудовище? Скорее всего – да. Удар Петры, даже если не был смертельным, заблокировал сверхъестественные

способности Грязнова. А без них ему из колодца не выбраться.

Погибла ли девчонка? Скорее всего – да. Она не умела пользоваться спящей в ней силой. Она была обречена.

Плохо, что не было прямых доказательств смерти врагов. Следовало бы остаться у колодца, чуть отдохнуть и послушать, что происходит в темной пропасти. Следовало бы… Но Урзак не рискнул. Он искренне считал, что ему повезло: проклятый Пес оказался значительно сильнее, чем ожидалось, и встречаться с ним вновь у Банума не было никакого желания.

«Не сейчас. Чуть позже. Лишившись хозяина, ты начнешь быстро терять силы, тварь. Я найду тебя, и…»

А пока нужно как можно быстрее покинуть опасное место. Урзак торопливо, заплетающимся бегом, преодолел ведущий к выходу коридор, с трудом открыл тяжеленную металлическую дверь, вышел, сделал пару шагов, а потом, почувствовав чужую ауру, остановился и посмотрел направо.

Чудовище.

Железное.

«Пингвин!» – услужливо подсказала память.

И не было никаких сомнений в том, кого поджидал прячущийся за титанпластовой броней воин.

Ствол «ревуна» чуть шевельнулся и теперь был направлен прямо на Урзака.

Измученный Банум тяжело вздохнул и собрал в кулак последние силы.

Какое же все-таки счастье – чувствовать под ногами твердую поверхность. Не цепляться за соломинки рук или решеток, не размахивать в воздухе ногами, в тщетных попытках отыскать опору, а знать и ощущать под собой надежную твердь. Стоять, сидеть или, как сейчас, лежать на земле, отдыхая каждой клеточкой тела. И пусть роскошное платье испачкано и безнадежно испорчено, пусть правая рука оказалась в какой-то подозрительной луже – сил, чтобы отползти в сторону, у Пэт не было, – пусть. Главное – она жива. Она спаслась.

Какое счастье…

Послышавшееся справа шуршание все-таки заставило девушку открыть глаза и чуть повернуть голову. Слишком близко раздался звук.

– А, это ты…

Спасший Пэт дракончик царапал землю, пытаясь принять вертикальное положение.

– Ты куда собрался?

Девушка протянула к малышу руку, то ли хотела погладить,

выразить свою благодарность ласковым жестом, то ли поддержать, помочь зверьку подняться… Не удалось ни то, ни другое. Дракон стремительно вытянул шею в боевом выпаде, и Пэт едва успела отдернуть руку, испугавшись не столько движения, сколько ненависти, вспыхнувшей в желтых глазах твари. Если бы не реакция девушки, дракон бы наверняка укусил ее.

– За что?

Спросила обиженно, удивленно, а через секунду поняла – за что. Поняла, увидев, как подпрыгивает усталый дракончик, пытаясь взлететь. И не сводит глаз с черной бездны колодца.

В котором, истекая кровью, из последних сил цеплялся за спасительную решетку Грязнов.

«Он хочет вытащить Кирилла!»

Дракончику удалось взлететь, но его полет мог вызвать кривую усмешку у любого наблюдателя. Редкие взмахи крыльев с трудом поддерживали тело в воздухе, его явно вело вправо. И ремень дракон не держал в когтях, а намотал на лапы, поняв, что иначе не сможет удержать груз. Однако решимость его не покидала. Решимость обреченного. Решимость того, кто готов спасти или умереть. Еще один неуверенный взмах, и дракончик камнем рухнул вниз, в провал колодца. То ли спикировал, то ли не удержался…

«Он хочет вытащить Кирилла!»

И все встало на свои места.

Грязнов приказал дракону спасти Пэт, спасти дочь. Тварь не могла ослушаться, помогла девушке, но поняла, что потеряла слишком много сил и может не успеть на помощь хозяину. Этим и объяснялся ненавидящий взгляд дракона – он счел, что Пэт помешала ему выполнить долг.

Долг!

Точно найденное слово размашисто резануло Пэт, заставило вздрогнуть.

Долг!

Урзак говорил, что у Кирилла есть только рабы. Но разве станут невольники с такой яростью защищать злого господина? Рисковать жизнью? Подставляться под удары и ненавидеть тех, кто мешает им исполнить свой долг? По отношению к тому, кого любишь, кому веришь.

И Олово, и дракон готовы были умереть за Кирилла.

А Урзак искал того, кто убьет вместо него.

«А я ударила его в спину!»

«Я ударила в спину отца!»

«Он мой отец?»

Пэт решила пока не думать о словах Урзака, заставила себя не думать. Она ждала, чем закончится отчаянная попытка дракона, и холодела от страха, представляя, что именно из-за нее, из-за ее удара Грязнов потеряет силы и сорвется вниз.

«Ведь он истекает кровью!!»

И радостно закричала, увидев появившегося дракона, а следом – ободранную руку, вцепившуюся в край колодца.

Как он мог ошибиться?

Отвлекся? Проморгал? На мгновение потерял сознание? Или противник оказался слишком быстр?

Слоновски искренне недоумевал. Только что он ловил в перекрестье прицела врага: высокого плечистого мужчину в черном костюме, которого следовало уничтожить любой ценой. И вот перед ним стоит…

– Стреляй, Грег! – заорал Щеглов.

Он что, не видит?

– Стреляй!

– Ты сдурел? Это же шеф!

– Слоновски! – устало приказал вышедший из здания Кауфман. – Ко мне!

– Стреляй, придурок!

– Слоновски, приказываю немедленно арестовать Щеглова! Он предатель.

Кауфман сделал шаг вперед.

– Приказываю…

– Я взорву нас, Грег! Если ты позволишь ему приблизиться – взорву!

– Слоновски!

Урзак старался, очень старался, но он был слишком слаб, чтобы вытащить из головы Грега образы его родных. Чтобы предстать перед ним в облике тех, на кого Слоновски ни за что не нападет. И даже как следует наложить гипноз не смог. Вымотался.

И подвергшийся ментальной атаке Грег не смог забыть слова Мишеньки о грозящей его детям опасности.

И о висящей на спине бомбе.

И надавил на гашетку, расстреливая стоящего перед ним Кауфмана.

– Ты как? – едва слышно спросила Пэт.

– Нормально. – Сидящий на земле Грязнов пошарил вокруг, нащупал четки черного жемчуга и намотал их на левую руку. Затем повернулся и попросил: – Вытащи его.

Девушка закусила губу, подошла к Кириллу, чуть помедлила, но потом уверенно взялась за рукоять кинжала и выдернула клинок из спины.

– Спасибо.

К удивлению Пэт, кровь из раны не пошла.

И она удивилась тому, что опять может удивляться.

Грязнов же, с трудом поднявшись на ноги, подошел к одному из темных углов, наклонился, ухватился за что-то и, пятясь, вытащил из темноты Олово.

Пэт судорожно сглотнула:

– Он жив?

– Пока – да. Но надо торопиться.

Кирилл взвалил слугу на плечи и побрел к выходу.

– Не отставай!

Мишенька деактивировал взрыватель, отстегнул от спины Слоновски бомбу и небрежно бросил ее в салон вертолета. Достал пачку сигарет.

– Ты вроде не куришь, – заметил Грег.

– Сейчас можно. – Пальцы Щеглова слегка дрожали. – Будешь?

– Давай.

Слоновски, успевший снять шлем и перчатки, выглядел комично: из массивного «пингвина» растут кажущиеся такими тоненькими руки, торчит несообразная голова… Вот только смеяться мужчинам не хотелось.

Они закурили и некоторое время молча смотрели на горящее тело.

– Я ведь его пристрелил, – произнес Грег.

– Да, – подтвердил Мишенька. – Ты его пристрелил.

– Я вогнал в него четырнадцать снарядов, – продолжил Слоновски после короткой паузы. – Его должно было разорвать на куски, а он продолжал шевелиться.

Залитое из огнемета тело таяло густым черным дымом.

– Огонь все сделает, – пообещал Мишенька. – Больше эта сволочь не встанет. – Помолчал. – Его здорово измотали внизу. Он устал. И огонь все сделает. Конец.

И развернулся к открывшейся двери.

Первой появилась девушка в грязном бальном платье.

«Патриция Грязнова», – машинально отметил Грег. И тут же сообразил: «Петра Кронцл!!»

Девушка остановилась, придерживая дверь, и на улицу вышел Кирилл, неся на плечах слугу.

«Все семейство в сборе».

– В «Пирамидом»! – отрывисто приказал антиквар. – Очень быстро!

– Конечно, господин Грязнов!

Мишенька бросился к вертолету, а Грег поймал себя на мысли, что ничуть не удивлен таким поведением дознавателя.

Ну вот ни капельки не удивлен.

Его последним заданием на тот день было отвезти домой Патрицию. Почему он? Почему только ее? Слоновски не задавал вопросов, знал, что скоро ему все объяснят. Пришел в комнату, в которой, завернувшись в одеяло, сидела девушка, велел спуститься в гараж.

А сам задержался.

Кое-что Грег желал узнать немедленно.

Он отыскал Щеглова и коротко спросил:

– Ты бы взорвал?

В ответе не сомневался.

– Да.

А потому ударил Мишеньку еще до того, как тот закрыл рот. Ударил не очень сильно, но чувствительно. Ударил не потому, что хотел завязать драку, а потому что должен был ударить. Потому что сам хотел решать, когда, как и за что умереть.

Щеглов все понял. Потер скулу, на которой стремительно набухал синяк, и усмехнулся:

– Любой ценой, Грег, любой ценой.

Впервые Олово пришел в себя в вертолете. Раскрыл невидящие глаза, простонал что-то и вновь провалился в забытье.

Когда очнулся в следующий раз, то понял, что лежит на диване. Не на больничной койке в палате, а на обычном кожаном диване. Лежит, пачкая кровью дорогую обивку. Неподалеку, как раз в поле зрения Олово, находилось большое, в человеческий рост, зеркало в старинной бронзовой раме, возле которого стоял Кауфман.

Увидев, что раненый пришел в себя, Максимилиан усмехнулся и направился к дивану.

В голове Олово было ясно-ясно. И каждая деталька: пуговица на рубашке Кауфмана, бронзовые завитушки рамы, решетка вентиляции, горящие на настенном мониторе диоды, каждая мелочь – отчетливо. Олово понял, что умирает.

– Будет больно, – предупредил Макс и принялся стягивать перчатки.

– Я-а хочу покоя, – прошептал слуга.

– Покоя во тьме?

– Я-а хочу покоя.

– Раствориться в Вечном забвении?

– Я уста-ал. – Олово отвернулся. На его глазах блеснули слезы. – Я очень уста-ал, мастер. Я-а снова у черты. Вы помога-аете, но рискуете… Ва-м тяжело, мастер. Я-а тяну ва-ас за собой.

И приник взглядом к обнажившимся кистям Кауфмана.

– Вечное Забвение, Олово, – жестко напомнил Мертвый. – Ты ведь знаешь, что не просто умрешь – ты вернешься на алтарь. Пройдешь жертвоприношение до конца…

– Это мой Путь, – едва слышно прошептал Олово.

– Ты – последний из Гончих Псов, ты унесешь с собой всех братьев. Навсегда. Разве они заслужили этого?

Олово не ответил.

– Будет больно, – повторил Максимилиан и возложил руки на умирающего друга. – Будет очень больно, Пес.

Олово закричал.

Эпилог

– Удивительное дело, – с легкой улыбкой произнес генерал Кравцов. – Ты опять совершила подвиг.

– Служу России! – по-уставному рявкнула капитан Го.

– Эмира, – мягко сказал Кравцов. – Зачем так официально? Присаживайся.

Девушка кивнула и расположилась в кресле.

– Так-то лучше.

Кравцов взял со стола бумагу, пробежал взглядом по строчкам. Пробежал быстро, по диагонали, было видно, что он прекрасно помнит, что написано в письме, но специально держит паузу.

– Московский филиал выражает тебе благодарность за неоценимую помощь, которую ты оказала сотрудникам СБА во время покушения на директора… – Генерал пристально посмотрел на девушку: – Ты была ранена?

– Участвовала в задержании преступника.

– Как самочувствие?

– Сказали, что нужна неделя для реабилитации.

– Получишь, – пообещал Кравцов. – А пока объясни, как ты оказалась на Стрелке? Входной билет тебе не по карману. Да и платье твое я видел – богатое платье.

– Все устроил Банум, – ответила Эмира, глядя Кравцову в глаза. – Это он оплатил и билет, и платье, и драгоценности.

Генерал вновь улыбнулся. Помолчал, после чего с прежней мягкостью обронил:

– Странное имя… Кто это?

Капитану не потребовалось много времени, чтобы понять изменившиеся правила игры.

– Банум – мой любовник, господин генерал. Был моим любовником. К сожалению, его тоже ранили во время покушения, и врачи не успели…

– В таком случае не будем о нем говорить, – остановил девушку Кравцов. – Благодарю за службу, капитан.

– Служу России!

* * *

– В каждой Традиции есть люди, которым боги даруют больше сил, чем остальным. – Мамаша Даша с улыбкой посмотрела на сосредоточенных девушек. – Ты, Матильда, умеешь

чувствовать. Твои руки останавливают кровь и даже заживляют раны…

– Не заживляют, – покачала головой девушка, припомнив, как пыталась помочь Эмире. – Капитан Го умерла бы на моих чудесных руках, не подоспей врачи…

– Не требуй слишком многого сразу. Ты научишься. – Гадалка помолчала. – В одних Традициях нас называют шаманами, в других – колдунами, в третьих – святыми. Где-то почитают. Где-то преследуют. Но, несмотря на различия в названиях и положении, мы были всегда и будем до тех пор, пока существует само понятие – Традиция. Мы неотъемлемая часть ее. Несем ли мы добро или зло, довольство или мор, приносим в жертву зерно или кровь, мы – свидетельство того, что Традиция жива. Ее проявление.

– А что смогу я? – хрипло спросила Пэт. – Тоже исцелять?

Мамаша Даша внимательно посмотрела на девушку.

К облегчению гадалки, Пэт достаточно спокойно восприняла известие о том, что Иржи Кронцл не был ее родным отцом. Видимо, чувствовала в глубине души, что бездарный и бестолковый чех не был способен породить столь яркую личность. И единственный вопрос, который ее мучил, являлся:

«Почему Кирилл скрывал от Деда свое отцовство?»

«Грязнов значительно старше твоей матери, Пэт. Роман ни за что бы не одобрил союз. Признание положило бы конец дружбе…»

Так объяснил Кирилл. Так объяснила Мамаша Даша.

– А что смогу я?

– Порой среди нас рождаются Избранные. Те, которым позволено говорить с богами. Те, которые способны встать рядом с богами. И даже… стать богами. Урзак разорвал вечное колесо, не позволил замкнуться кругу, и нам предстоит потрудиться, чтобы выправить ситуацию. Нам предстоит возродить Традицию. И ты, Патриция, тот самый человек, которому по плечу это сделать.

Мамаша Даша положила ладонь на руку девушки, вздохнула. Теперь старуха окончательно поняла, что имел в виду Кирилл, говоря, что у него еще нет Петры. Всего несколько дней назад они были чужими. Жили рядом. Ели вместе. Но оставались на расстоянии. Теперь же девушка верила. Кириллу верила. В Кирилла верила. Стояла рядом с ним.

Грязнов поставил на карту все, рискнул всеми жизнями, за которые отвечал, рискнул – и выиграл.

– Я не слышу никаких голосов, – угрюмо произнесла Пэт. – Я не чувствую никакой сверхъестественной силы.

– Ничего удивительного, Патриция, – тихо ответила гадалка. – Ведь наши боги мертвы. – И после короткой паузы добавила: – В этом мире им не возродиться.

* * *

– Будем говорить только о том, о чем можно? – хмуро поинтересовался Илья.

– Нет, – усмехнулся Корнелиус. – Будем говорить обо всем.

– Нас слушают.

Ежов вздохнул, вытащил из кармана блестящую коробочку и продемонстрировал Дементьеву зеленый диод:

– Видишь?

В глазах молодого человека затеплилась надежда. Если не слушают – значит, все не так плохо. Значит, есть шанс, что Корнелиус поможет.

– Я – храмовник, – напомнил Ежов. – А Мертвый не ссорится с Мутабор.

– Ты меня вытащишь?

Корнелиус помрачнел:

– Не сразу.

Дементьев похолодел.

За несколько дней в «Пирамидоме», пообщавшись с дознавателями и общественным защитником, Илья понял, что Ежов – его единственная надежда. Только с помощью связей храмовника, а также связей Грязнова – «из-за которого, черт бы его побрал, я здесь оказался!» – можно выйти на свободу. И вот такой удар.

– Помоги мне, Корнелиус! – Дементьев был близок к истерике. – Помоги!!

– Мертвый закусил удила, – сочувственно произнес Ежов. – Его крепко прижали. После бунта на СБА повесили всех собак, и теперь безы зверствуют. Всем, кого берут, дают дикие сроки. Деньги, связи – все пошло к черту. Политика, Илья, хренова политика.

– Корнелиус, я… Вытащи меня!

– Я встречался с Кириллом, – сообщил храмовник. – Он чувствует свою вину и готов помочь. Но не сейчас.

– Я хочу на свободу!

– Ты можешь успокоиться?! Я не могу говорить с орущим сопляком! Взгляни на происходящее трезво!

Дементьев всхлипнул, вытер глаза рукавом.

– Извини.

– Ничего страшного. – Ежов помолчал. – Я тебя понимаю.

– Неужели?

– Сам когда-то… ладно, сейчас не об этом… – Корнелиус чуть подался вперед: – Короче. Тебе придется посидеть месяцев шесть-девять. Максимум – год. Потом мы тебя вытащим. Или договоримся с безами, или как-нибудь еще.

– Как это – «еще»?

– Сейчас ты должен подумать вот о чем… – Ежов сделал вид, что не услышал вопроса. – Если останешься в тюрьме «Пирамидома», тебя посадят к участникам бунта, а среди них полно уголовников, смекаешь?

– Не хочу, – затряс головой Илья.

– А если выберешь Африку, мы сможем устроить тебя к машинистам.

«Африка!» Кошмарный сон любого ломщика.

Но Дементьев не колебался ни секунды:

– Согласен!

* * *

– Увы, друзья, «План А» провалился, – произнес Холодов, медленно переводя взгляд со Старовича на Кауфмана. – Нам не удалось сохранить проект в тайне…

– Удалось, – буркнул Мертвый. – Слухи есть слухи, а фактами никто не располагает. Мы можем…

Президент «Науком» учительским жестом поднял вверх указательный палец, и Кауфман замолчал.

– Мы привлекли к себе ненужное внимание, – спокойно продолжил Холодов. – Да к тому же рассорились едва ли не со всеми потенциальными союзниками.

– Если у человека исчезли враги – значит, он умер!

– Макс! Хватит шутить! – не выдержал Старович. – У нас трудности!

– Временные неурядицы!

– Временными неурядицами можно было назвать проблемы с Фадеевым, – отрезал президент «Науком». – Сейчас же против нас спланировали атаку по всем фронтам разом, и отбились мы с большим трудом.

– Но ведь отбились!

– Нет, – покачал головой Холодов, – не отбились. Моратти снова избран президентом СБА, а это означает, что максимум через два месяца ты лишишься поста.

Кауфман угрюмо засопел и отвернулся.

– Моратти настроит против нас большинство корпораций, прижмет к стене и заставит подчиниться. Мы потеряем все. – Холодов помолчал. – Пока у нас есть время и есть возможность маневрировать, я голосую за переход к «Плану Б».

– Поддерживаю, – кивнул Старович. – Иначе нам не выкрутиться.

– Считаю решение преждевременным, – глухо обронил Кауфман.

– Когда нужно стоять насмерть, ты незаменим. – Холодов посмотрел на взъерошенного Макса и грустно улыбнулся. – Но сейчас на кону судьба всего проекта. И я пойду на компромисс.

В отличие от якобы всенародного волеизъявления, принятого в государствах, избрание президента главной силовой структуры Анклавов проходило в камерной обстановке. И весьма быстро. Обсуждение кандидатур, сколачивание партий и союзов, заключение договоренностей и получение гарантий – всем этим занимались не в кулуарах конференции, а заранее, и в Цюрих главы корпораций прибывали определившимися.

Смерть Макферсона, как и рассчитывал Моратти, оказалась ему на руку. Верхолазы, успевшие примкнуть к партии неудачливого шотландца, в большинстве своем перешли на сторону Ника, в том числе ключевые игроки – американцы, что привело к уверенной победе действующего президента еще в первом туре.

Моратти принимал поздравления, улыбался, раскланивался, но на душе у него было неспокойно: за три часа до назначенного на девять вечера торжественного приема русские приглашали верхолазов на закрытое и «необычайно важное» совещание.

Доступ в конференц-зал строго ограничили: только главы корпораций. Никаких «балалаек». Никаких сопровождающих лиц, секретарей, помощников или крупных акционеров – только свои, только подлинные лидеры Анклавов. И Моратти, чье только что подтвержденное положение ставило его в один ряд с верхолазами.

Заинтригованные гости не опаздывали, собрались вовремя, с нетерпением ожидая выступления Холодова, и, говоря откровенно, не были разочарованы.

– Я благодарен за то, что вы столь дружно откликнулись на мое приглашение. – Президент «Науком» уверенно оглядел коллег. – Не хочу, чтобы Ник опоздал на прием в свою честь… – По залу прокатился смешок. – Поэтому сразу перейду к делу. Запись, пожалуйста.

На развешанных по стенам мониторах появилось изображение стоящего в ангаре вертолета.

– Вы видите съемку одного из экспериментов, проходящих на полигоне «Науком». Двигатели вертолета модифицированы под новый источник энергии, разработанный не так давно в Анклаве Москва. Трубка, которую держит в руках техник, содержит аккумулированный заряд… Или что-то в этом роде. – Холодов улыбнулся: – Я не силен в технике.

На этот раз на шутку не среагировали – верхолазы были слишком увлечены записью.

– Такой, с позволения сказать, заправки, хватает боевому вертолету на тридцать часов полета.

Машина поднялась в воздух. Запись закончилась.

– Нефть и батареи Ллейтона – вчерашний день, – громко произнес президент «Науком». – Мы стоим на пороге новой эры.

Ошеломленные верхолазы молчали. Слухи о том, что русские совершили рывок, гуляли давно. Слухи побудили Романа Фадеева начать против москвичей биржевую войну, которую он проиграл. Тогда русские сумели убедить мир, что изобретения не существует. И вот – новый финт.

Опытный Холодов дал коллегам время прийти в себя, а затем осведомился:

– Возникает вопрос – что дальше?

– У тебя наверняка есть предложение, – проворчал Уилсон.

– Есть, – не стал скрывать Холодов.

– И сейчас ты начнешь выкручивать нам руки…

– Ошибаешься! – Президент «Науком» широко улыбнулся: – Суть моего предложения в том, чтобы использовать изобретение сообща. Проект необычайно сложен с технической стороны и требует колоссальных финансовых вложений. Реализовать его мы сможем только вместе, а значит, долю получит каждая корпорация.

– А как быть с государствами?

– Если мы выступим единым фронтом, им придется смириться.

Теперь предложение Холодова стало окончательно понятно: совершившие рывок Анклавы против всего остального мира. Как много лет назад.

В случае успеха власть корпораций, власть Анклавов станет незыблемой. Ведь открытие имеет не только прикладное значение. Это наверняка новая теория, разрабатывая которую, можно оторваться от государств на десятки, а то и на сотни лет. С другой стороны – как к подобной перспективе отнесутся политики, которые за последние несколько лет привыкли к

мысли, что Анклавы вот-вот вернутся под крыло государств?

– Единое планетарное правительство – миф! – Холодов прекрасно понимал ход мыслей верхолазов. – Все эти Лиги, Организации и Форумы ни к чему не привели. Любую страну в первую очередь волнуют национальные интересы, забота о своих гражданах. Китайцы, индусы, американцы, мусульмане – они слишком разобщены. Разные Традиции, разные приоритеты, и одна цель – быть первым, которая делает бессмысленной любую попытку договориться надолго. Мы вытащили общество после Нефтяного Голода. Мы не позволили разразиться ядерным войнам за остатки природных ресурсов. Мы совершили рывок! И именно мы – Анклавы – должны управлять планетой. А возможно – звездами!

– Он прав! – выкрикнул Хайт.

На американца покосились, в основном с пониманием. Речь Холодова завела верхолазов. Напомнила о славных страницах истории Анклавов, о времени, когда корпорации бросили вызов обществу и победили. Новые свершения обещали стать еще более величественными.

Даже у самых отъявленных скептиков загорелись глаза. И никто, даже скрежещущий зубами Моратти, не сомневался, что корпорации примут предложение русских.

* * *

Люди на Земле

давным-давно

Дождь лил всю неделю. Даже не дождь – ливень, потоки которого, казалось, задались целью смыть с земли все возможные грехи. Дороги, и без того не самые лучшие в королевстве, в первый же день превратились в направления, вычерченное грязью и лужами. Двигаться по ним, ежесекундно поскальзываясь на мокрой глине и съезжая ногами в вымоины, было попросту опасно: сломаешь ногу – кто поможет? И местные, и путешественники не рисковали отправляться в путь в такую стихию. Первые сидели по домам, вторые не покидали трактиры и постоялые дворы. Однако находились смельчаки…

Невысокого человека, упрямо тащившего старую, грубо сработанную повозку, стражники приметили издалека. Посмеялись меж собой над путником – лишиться в такую погоду лошади или

мула и врагу не пожелаешь, а когда повозка приблизилась, выругались, накинули плащи и вышли из будки. Проверять. Поговаривали, что в лесу, через который вилась эта дорога, стоял когда-то языческий храм. Народ уж и забыл о нем, но граф отчего-то помнил и строго-настрого приказывал досматривать всех, кто проходил через лес. Хоть в дождь. Хоть в снег.

– Что везешь?

– В город, – коротко и невпопад ответил невысокий. – На-адо.

– Зачем тебе в город, дубина? – старший презрительно посмотрел на измазанного в грязи человека. Про себя удивился: вроде хилый, с виду – соплей перешибешь, а повозку тянул, как заправский мул. А то и лучше – в такую погоду животина может и заупрямиться.

– Что в повозке? Везешь что? – увидел лежащего человека. – Кто это?

– Болеет. – Невысокий предпочитал односложные ответы. – Лечить на-адо.

– Заразный? – насторожился стражник.

– Горя-ачка.

– А откуда кровь?

– Медведь. Вчера на прива-але.

Завернутый в одеяло человек зашелся в кашле. На мгновение показалось лицо, ободранное, кое-как прикрытое тряпицами. Страшное лицо. И рука, что показалась из-под одеяла, в засохшей крови. Шрамы глубокие.

«Медведь? Может быть…»

Стражник неспешно оглядел повозку: потертый сундук, куча тряпья, кувшин пустой и… зеркало. Большое, выше человеческого роста, зеркало. Правда, мутное какое-то… старое. Зато бронзовая рама выглядела внушительно. Дорого выглядела.

– Что это? Откуда?

Путники были похожи на бродяг, но откуда у них зеркало? Украли?

– Мы торговцы, – ответил невысокий, переминаясь под проливным дождем. – Торгуем ста-арым вся-аким.

– Старьевщики?

Невысокий помолчал, обдумывая замечание стражника.

– Да-а. Торгуем ста-арым. Бродим. Ищем…

Словарь

АСА (Административный Совет Анклавов) – структура управления Анклавами, координационный совет, решения которого носят рекомендательный характер.

АССОЦИАЦИЯ (Всемирная Ассоциация Поставщиков Биоресурсов) – трансконтинентальная криминальная организация, специализирующаяся на работорговле, поставке оригинальных (не клонированных) органов для трансплантации и похищении людей.

АРАВИЯ – одна из территорий Анклава Москва, заселенная выходцами из стран Европы, Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки и Аравийского полуострова.

БАЛАЛАЙКА ***(сленг.)*** – чип беспроводного подключения к информационной сети, вставляемый во вживленный в голову разъем. Сленговое название объясняется треугольной формой устройства. Первые *Б.* управлялись голосом, а роль экрана выполняли специальные очки, подключаемые к *Б.* с помощью *психопривода* (см.). В настоящее время экран наносится на глаза, а помимо голосового управления предусмотрено вживление активных элементов в подушечки пальцев.

БАТАРЕЯ ЛЛЕЙТОНА – аккумулятор большой емкости, применяемый в качестве источника питания для двигателей *мобилей* (см.). Изобретение *Б.Л.* позволило в краткие сроки перевести наземный транспорт на электричество.

БЕЗ (*множ.: безы*) *(сленг.)* – сотрудник СБА.

БЛОХА *(сленг.)* – нелегальный пассажир, пытающийся попасть в Анклавы на *суперсобаке* (см.).

БОЛОТО *(сленг.)* – одна из территорий Анклава Москва.

БОЛЬШОЙ НЕФТЯНОЙ ГОЛОД – топливный кризис, разрушивший предыдущую версию мировой экономики. *БНГ* стал результатом непродуманной политики и неоправдавшихся надежд на открытие новых месторождений нефти. Постоянное увеличение объемов добычи и оказавшийся мыльным пузырем проект «Атлантические скважины» привели к тому, что ни одно государство мира не оказалось готовым к кризису. Мировую экономику лихорадило в течение пяти лет. Прошла череда локальных конфликтов, получивших название *Нефтяные войны* (см.), в ходе которых государства пытались установить контроль над последними разведанными месторождениями. В настоящее время потребности мировой экономики в перевозках удовлетворяются с помощью электричества (см. *батарея*

Ллейтона и *суперсобака*), основным поставщиком которого стали атомные станции. Добыча нефти осуществляется на Тихоокеанских глубоководных месторождениях и Полярных скважинах Русского Севера.

ВЕРХОЛАЗ ***(сленг.)***– *человек, обладающий высоким положением в обществе. Как правило, капер* (см.) высшего звена.

ВАГОН ***(сленг.)*** – общее обозначение клана байкеров.

ГАДЖЕТ ***(сленг.)*** – небольшое электронное устройство.

ГЕМОДИФИКАЦИЯ – операция по изменению человека с целью получения дополнительных, *передаваемых по наследству* свойств.

ГЕНАВР – человек, прошедший *гемодификацию* (см.).

ГЕТРАНСПЛАНТАЦИЯ – операция по трансплантации натуральных или специально разработанных органов. Используется для получения тех или иных качеств (улучшение зрения, слуха, вживление ядовитых желез, когтей и т. п.). Изменения *не передаются по наследству, Г.* влияет на чистоту генетической карты.

ГРАВЕР ***(сленг.)*** – специалист по производству электронного оборудования: наносхем, процессоров и т. д.

«ДРЕЛЬ» ***(сленг.)*** – пистолет-пулемет Р16-88 м разработки «Науком». Сленговое название получил благодаря высокому звуку, издаваемому при стрельбе очередями.

«ДЫРОДЕЛ» ***(сленг.)*** – пистолет крупного калибра. Пример: «Рудобой», производства «Науком».

ЕВРОДИН(европейский динар) – денежная единица Европейского Исламского Союза.

ЗАНЗИБАР – одна из территорий Анклава Москва, заселенная выходцами из Африки и Северной Америки.

ЗАПРЕТНЫЙ САД – особо охраняемая зона на территории Шанхайчик, место проживания и работы лидеров китайской диаспоры.

КАНТОРА ***(сленг.)*** – организованная преступная группировка.

КАНТОРЩИК ***(сленг.)*** – член организованной преступной группировки.

КАПЕР ***(сленг.)*** – сотрудник корпораций.

КОЛЫМА ***(сленг.)*** – одна из территорий Анклава Москва, на

которой размещены промышленные объекты корпораций.

КОНСОРЦИУМ(Консорциум Транснациональных Перевозчиков) – трансконтинентальная криминальная организация, специализирующаяся на контрабанде.

КОНСТРУКТОР ***(сленг.)*** – хирург (как правило, подпольный), специалист по трансплантации.

ЛОМЩИК ***(сленг.)*** – специалист по несанкционированному извлечению информации из компьютерных сетей.

МАШИНИСТ ***(сленг.)*** – специалист по работе с компьютерами и информационными сетями.

МОБИЛЬ – общее название электромобилей, работающих на *батареях Ллейтона* (см.). В силу невысоких тактико-технических данных (мощность двигателя, запас хода) *М.* рекомендуется использовать на дорогах с хорошим покрытием и не удаляться от станций подзарядки.

МОЛОТОК ***(сленг.)*** – ПС9399 «Молотов», станковый пулемет производства «Науком».

МУТАБОР —1. транснациональная корпорация, лидер в области генной инженерии и генной медицины; 2. одна из территорий Анклава Москва, занимаемая корпорацией Мутабор (см. также: *Храм Истинной Эволюции*).

НЕВЫНИМАЙКА ***(сленг.)*** – *балалайка* (см.), в обязательном порядке вживляемая гражданам некоторых государств.

НЕЙКЭммануэль Мария – автор романа «Числа праведности», считающегося библией *машинистов* (см.). В своих работах Нейк поднимает сложные вопросы жизни человека в современном обществе и выводит идеалы, к которым следует стремиться. Не рекомендуется к прочтению. Если вы обнаружите электронную или печатную копию романа «Числа праведности», немедленно сообщите об этом представителям власти. Спасибо за понимание.

НЕЙКИСТ – последователь учения, сложившегося под влиянием романа *Нейк* (см.) «Числа праведности».

НЕФТЯНЫЕ ВОЙНЫ – локальные конфликты, ставшие следствием *Большого Нефтяного Голода* (см.). Отличались особым ожесточением и широким применением биологического оружия.

ОКР – Объединенный Комитет Расследований, спецслужба РФ. Находится в прямом подчинении президента РФ.

ПИНГВИН ***(сленг.)*** – индивидуальный боевой комплекс (ИБК).

ПЛАСТИК ***(сленг.)*** – специалист в пластической хирургии.

ПОДНЕБЕСНИК ***(сленг.)*** – китаец.

ПОПЛАВОК ***(сленг.)*** – процессор, построенный по «плавающей» технологии Копперфильда – Найденова.

ПОЭТЕССА – см. *Нейк.*

ПРЯТКИ (*ед. число: прятка*)*(сленг.)* – *генавры* (см.), прошедшие операцию в *Мутабор* (см.).

ПСИХОПРИВОД – устройство подключения *балалайки* (см.) к компьютерным системам.

ПУШЕР ***(сленг.)*** – торговец наркотиками.

РАЛЛЕР ***(сленг.)*** – сверхбыстрый компьютер *ломщика* (см.). Не следует думать, что так можно называть любой мощный компактный компьютер. Настоящий *Р.* производится *граверами* (см.) вручную, по индивидуальному заказу, все его параметры, вплоть до формы корпуса и положения кнопок, подогнаны под конкретного человека. Не бывает двух одинаковых *Р.*! При этом даже в эпоху наноэлектроники размеры *Р.* достаточно велики (до десяти дюймов длиной), а весит средний *Р.* порядка пятисот граммов.

«РЕВУН» ***(сленг.)*** – тяжелый штурмовой комплекс (ТШК) 9899 разработки «Науком». Калибр снарядов 11.4 мм, стандартный боезапас 400 выстрелов, расширенный – 600 выстрелов. Подствольный гранатомет.

РУБЛЬ – денежная единица Российской Федерации.

РУКАВА – территории Анклава Москва, плохо приспособленные для жизни человека.

САМУРАЙ ***(сленг.)*** – выходец из Японии.

САРАНЧА ***(сленг.)*** – Индивидуальный Боевой Комплекс (ИБК).

САШИМИ – территория Анклава Москва, заселенная выходцами из Автономной Восточной Провинции КНР.

СБА(Служба Безопасности Анклавов) – охранная структура. *СБА* разбита на филиалы, во главе каждого из которых стоит директор. Общее руководство осуществляет президент *СБА* (должность выборная). Центральная штаб-квартира расположена в Анклаве Цюрих. *СБА* исполняет полицейские функции в Анклавах и обеспечивает безопасность корпораций. *СБА* выступает перед государствами гарантом соблюдения корпорациями Положения об Анклавах.

СИНДИН – синтетический динамический наркотик. По некоторым данным, *С.* был разработан *Мутабор* (см.) по специальному заказу *машинистов* (см.), поскольку при

определенных обстоятельствах позволяет необычайно глубоко погрузить сознание в виртуальную реальность.

СИТИ – одна из территорий Анклава Москва, занятая корпорациями.

СТРАТ *(сленг.)* – самолет межконтинентальных рейсов, в процессе полета выходящий за пределы атмосферы.

СУПЕРСОБАКА *(сленг.)* – суперскоростной экспресс на электромагнитной подушке. Основное средство международного транспорта.

ТРАНСЕР – человек (животное), прошедший *гетрансплантацию* (см.).

ТАБУРЕТКА *(сленг.)* – мопед на электродвигателе.

УНИВЕРСИТЕТ – одна из территорий Анклава Москва, занимаемая одноименным учебным заведением.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР – одна из территорий Анклава Москва, занимаемая представительствами государственных организаций России.

ХРАМ ИСТИННОЙ ЭВОЛЮЦИИ – 1. религиозное учение, исповедуемое *Мутабор* (см.); 2. второе название корпорации Мутабор.

ХРАМОВНИК *(сленг.)* – адепт *Храма Истинной Эволюции* (см.).

ЧЕРНОБУРКА *(сленг.)* – женщины-офицеры ОКР. Как правило, сироты и полукровки, отбираемые в детских домах и исправительных учреждениях. Неоднократно доказывали преданность президенту.

ЧЕРЕНОК *(сленг.)* – подросток.

ШАРИК *(сленг.)* – Центральный Транспортный Узел «Шереметьево», включающий в себя аэропорт, терминал скоростных поездов, четыре станции метро и складской комплекс.

ШАНХАЙЧИК – одна из территорий Анклава Москва, заселенная выходцами из Юго-Восточной Азии, преимущественно из Китая.

ЭЛЕКТРОЛАБА *(сленг.)* – рабочая лаборатория *гравера* (см.).

notes

Примечания

1

ЦСКА (аббр.) – Центральный спортивный клуб армии, спортивное общество Вооруженных сил Российской Федерации. Значения некоторых других слов и выражений (в том числе сленговых) вы можете узнать в словаре. (Прим. редактора).

2

Против здравого смысла (лат.).

3

В битве к победе ведет не большое число, а отвага (лат.).

4

Промедление опасно (лат.).

5

Юрий Батурин, член правительства РФ. В середине девяностых годов XX века он посетил околоземное пространство с неизвестной целью.

6

В битве к победе ведет не большое число, а отвага (лат.).

7

Всякое излишество вредит (лат.).

8

Случается в одно мгновение то, чего не случается за целый год (лат.).

9

Буриданов осел (лат.).

10

Никто не может знать все (лат.).

11

Никем не любим тот, кто сам никого не любит (лат.).

12

Боюсь данайцев, даже дары приносящих (лат.).

13

Деньги служат тебе, если умеешь ими пользоваться, если же не умеешь, властвуют над тобой (лат.).